

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

В.В. Знаков, З.И. Рябикина

ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

МОСКВА

СМЫСЛ

2017

УДК 159.923.2

ББК 88.3

3 712

Серия «Фундаментальная психология»

Рецензенты:

Леонтьев Дмитрий Алексеевич, доктор психологических наук,
профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва

Фоменко Галина Юрьевна, доктор психологических наук, профессор,
Кубанский государственный университет, Краснодар

Знаков В.В., Рябикина З.И.

3 712 Психология человеческого бытия. — М.: Смысл, 2017. — 416 с.

ISBN 978-5-89357-366-4

Книга посвящена человеческому бытию как организованной иерархии сплосбсов человеческого существования. В ней рассмотрены методологические, теоретические и эмпирические проблемы исследований в области психологии субъекта и психологии человеческого бытия, изложены теоретические и эмпирические основания субъектно-бытийного подхода к рассмотрению личности и личностный подход к рассмотрению бытия. Особое место занимает тема со-бытия личности с другим человеком, противоречий в пространствах со-бытийности.

Психологам, философам

УДК 159.923.2

ББК 88.3

ISBN 978-5-89357-366-4

© Знаков В.В., Рябикина З.И., 2017

© Издательство «Смысл», оформление, 2017

Оглавление

Введение	6
Глава 1. ОТ ПСИХОЛОГИИ СУБЪЕКТА К ПСИХОЛОГИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ	7
1.1. Мир человека и человеческое бытие	7
1.2. Психология субъекта — новая методология понимания человеческого бытия	14
1.3. Новый этап развития психологии субъекта.....	31
1.4. Конституирование человеком способа быть субъектом: абота о себе	46
1.5. Психология человеческого бытия: теоретические итоги первых пятнадцати лет исследований	53
1.6. Понимающее себя бытие	67
1.7. Понимание — центральная проблема психологии человеческого бытия	80
1.8. Ценности как проблема психологии человеческого бытия	84
1.9. Категория «опыт» в социогуманитарных науках	95
1.10. Экзистенциальный опыт субъекта.....	107
1.10.1. Три компонента экзистенциального опыта.....	116
1.10.2. Метасистемная организация экзистенциального опыта субъекта.....	121
1.10.3. Переживание как компонент экзистенциального опыта	125
1.10.4. Когнитивное и аффективное бессознательное в опыте.....	128
1.10.5. Свое и чужое в экзистенциальном опыте субъекта.....	136
1.11. Экзистенциальные события и критические ситуации человеческого бытия	155
1.12. Постижение как проблема психологии человеческого бытия	161
1.13. Непостижимое и тайна — проблемы психологии понимания экзистенциальной реальности	179

Глава 2. СУБЪЕКТНО-БЫТИЙНЫЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ЛИЧНОСТИ: СОДЕРЖАНИЕ И ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ	195
2.1. Проблема личности и «личностности» в современном мире.	195
2.2. Смысл жизни: интерпретация в контексте субъектно-бытийного подхода к пониманию структуры и динамики личности (соавтор Л.Н. Ожигова).	204
2.3. Личность как субъект формирования бытийных пространств.	224
2.4. Субъектно-бытийный подход к изучению противоречий, развивающих личность	238
2.5. Самоактуализация личности в общении: субъектно-бытийная интерпретация (соавтор Е.Г. Сомова).	256
2.6. Методологическое единство принципов личности и общения в исследованиях человека (соавтор Г.Г. Танасов)	264
2.7. Субъектно-бытийный подход к рассмотрению личности и личностный подход к рассмотрению бытия	277
2.7.1. Бытие – актуальная предметная область психологической науки	277
2.7.2. Категориальная диада «личность–бытие»	280
2.7.3. Категориальная диада «личность–субъект»	284
2.7.4. Содержание субъектно-бытийного подхода к личности	287
2.7.5. Теоретическая общность субъектно-бытийного подхода к личности с другими подходами	305
2.7.6. Развитие теоретических положений субъектно-бытийного подхода к личности и его эмпирическая конкретизация в исследованиях со-бытия	308
Глава 3. СУБЪЕКТНО-БЫТИЙНЫЙ ПОДХОД К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОБЛЕМ ЛИЧНОСТИ В РАЗЛИЧНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ ЕЕ БЫТИЯ И СО-БЫТИЯ	316
3.1. Субъектно-бытийный подход к личности как основание для интерпретации ее со-бытия	316
3.2. Личностная идентичность в супружеских отношениях (соавтор А.Р. Тиводар)	325

3.3. Личностная идентичность в изменяющемся социо-культурном пространстве человеческого бытия (социопсихологические эффекты украинского разлома) . . .	340
3.4. Изменения субъектной позиции личности в связи с нарастающей виртуализацией ее бытия (соавтор <i>Е.И. Богомолова</i>)	347
3.5. Конгруэнтность имиджа как фактор аутентичности бытия	362
3.6. Феномен делегированной субъектности (на примере оформления предметно-пространственной среды бытия личности)	373
Заключение	382
Литература	385

Введение

В течение последнего десятилетия творческое наследие А.В. Брушлинского, его идеи интенсивно и плодотворно развиваются в трудах его учеников и последователей. На основе психологии субъекта Е.А. Сергиенко сформулировала принципы системно-субъектного подхода, получившего эмпирическое обоснование в работах ее учеников (Сергиенко, 2011). Н.Е. Харламенкова анализирует идеи об активности и парадоксах развития субъекта (Харламенкова, 2010). Т.К. Мелешко обсуждает вклад в формирование психологии субъекта континуально-генетической теории А.В. Брушлинского, отражающей диалектику непрерывности психического развития (Мелешко, 2005). В Кубанском государственном университете психологи уже много лет проводят исследования с позиций субъектно-бытийного подхода к личности (Рябикина, 2008). В Смоленском государственном университете В.В. Селиванов с учениками изучают мышление в личностном развитии субъекта (Селиванов, 2003). В Санкт-Петербургском государственном университете Н.В. Гришина развивает ситуационный подход к человеку как субъекту жизни (Гришина, 2005). В Саратовском государственном университете Р.М. Шамионов проводит психологический анализ субъекта и личности в процессе социализации (Шамионов, 2009). В Южном федеральном университете В.А. Лабунская разрабатывает психологический портрет субъекта затрудненного общения (Лабунская, 2003).

В этой книге анализируются предварительные итоги и перспективы еще одного направления психологической науки, возникшего на основе психологии субъекта А.В. Брушлинского, — психологии человеческого бытия.

Введение и первая глава написаны В.В. Знаковым, вторая, третья главы и заключение — З.И. Рябикиной.

Глава 1.

ОТ ПСИХОЛОГИИ СУБЪЕКТА К ПСИХОЛОГИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

1.1. Мир человека и человеческое бытие

Сущность человеческого бытия невозможно описать без обращения к более широкому, чем конкретно-психологический, философскому контексту анализа этого понятия. Как известно, категория «бытие» принадлежит к основополагающим понятиям философии. Под бытием понимается сущее: то, что существует сейчас, существовало в прошлом и будет существовать в будущем. Несмотря на такой всеобъемлющий и, казалось бы, вневременный характер бытия, с гносеологической точки зрения в нем надлежит различать два главных периода — до и после возникновения человека и человечества. Такое различие принципиально важно, потому что человек являет собой новый уровень сущего в процессе его развития: при соотнесении с ним выявляются новые свойства в бытии всех прежних уровней.

Дело в том, что с появлением человека, «возникновением нового уровня сущего во всех нижележащих уровнях выявляются новые свойства. Здесь раскрывается значение, смысл, который приобретает бытие, выступая как “мир”, соотносительный с человеком как частью его, продуктом его развития. Поскольку есть человек, он становится не чем иным, как объективно существующей отправной точкой всей системы координат. Такой отправной точкой человеческого бытия становится в силу человеческой активности, в силу возможности изменения бытия, чем человеческое существование отличается от всякого другого» (Рубинштейн, 1997, с. 63).

Следовательно, появление в процессе развития человека приводит к тому, что предыдущие уровни бытия выступают в новом качестве, потому что включаются не только в природный, но и социальный мир. Введение Рубинштейном категории «мир» в контекст психологического анализа соотношения бытия и сознания стало важной вехой в развитии методологических оснований психологии. В самом общем виде «мир» — это понятие, «обозначающее сово-

купное человеческое сообщество, существующее на нашей планете» (Мудрик, 2010, с. 69). «Мир» как философско-психологическая категория может быть понят только сквозь призму высшего продукта развития бытия — человеческого бытия. Мир — это бытие, преобразованное человеком, включающее в себя человека и совокупность связанных с ним общественных и личных отношений. Человек является той частью бытия, которая осознает сущее, целостное бытие. Вследствие человеческой активности мир представляет собой бытие, которое изменяется действиями в нем субъекта. Сознание и деятельность, мысли и поступки оказываются не только средствами преобразования бытия, в мире людей они выражают подлинно человеческие способы существования. И одним из главных способов существования является специфика понимания мира субъектом. Человек, находящийся внутри бытия и обладающий психикой, сам творит свою жизнь в мире и понимает его.

Познающий и понимающий ситуации человеческого бытия субъект — это одновременно и уникальный человек, и универсальный представитель человеческого рода. Он потенциально воплощает в себе группу, содружество эмпирических субъектов. Человеческое бытие не тождественно жизни индивидуального субъекта. Это понятие скорее соответствует рубинштейновской категории «мир» как совокупности вещей и явлений, соотношенных с взаимодействующими людьми, в качестве организованной иерархии различных способов существования. Человеческое бытие представляет собой такое единичное (в частности, сознание и самопонимание общающихся людей), в котором потенциально представлено общее — весь мир, все человечество. Отсюда следует, что человеческое бытие может понимать себя. Понимающее себя бытие является диалектическим единством самопонимания взаимодействующих субъектов и группового понимания. Это понимание порождается в межсубъектном пространстве на стыке разных ценностно-смысловых позиций. Оно базируется на общей платформе принимаемых определенными группами людей норм, ценностей, смыслов.

Человеческое бытие осуществляется в многомерном мире, в котором есть разные уровни действительности, соотношенные со способами существования людей. Рубинштейн неоднократно обсуждал проблемы разных типов действительности и уровней бытия. Например, он писал: «Соответственно со становлением челове-

ка как высшей формы (уровня) бытия в новых качествах выступают и все нижележащие уровни или слои. Тем самым встает вопрос о человеческих предметах как особых модусах бытия» (Рубинштейн, 1997, с. 21).

Сегодня человеческие способы существования, проявляющиеся в различных модусах, продуктивно исследуются в психологии человеческого бытия. Способ существования является атрибутом, то есть неотъемлемым свойством человеческого бытия, а модус бытия — качество, характерное лишь для некоторых обстоятельств, в которых субъект сознательно делает свой жизненный выбор. В частности, в исследовании Г.Ю. Фоменко, изучавшей сотрудников силовых ведомств и спецподразделений, направляемых в командировки в районы служебно-боевого применения, а также больных с опасными для жизни соматическими заболеваниями, тщательно исследовано и убедительно обосновано существование двух модусов бытия — предельного и экстремального. Субъектам с предельным модусом бытия присуща ценностно-смысловая позиция, в основе которой находится система убеждений, определяющих значимость самореализации, отношение к экстремальным условиям как возможности саморазвития, стремление определить свое отношение к экзистенциальным вопросам бытия и смысла жизни. Для них характерны психологическая готовность к экстремальным нагрузкам, альтруистическая мотивация, мотивация самосохранения личностного уровня.

Субъектов с экстремальным модусом отличает потребность в возвращении к нормальному существованию, убежденность в том, что экстремальное бытийное пространство накладывает ограничение на их эмоциональные, волевые, когнитивные компоненты поведения и самореализации личности. Таким людям присущи стремление избегать экстремальных нагрузок, эгоцентрическая мотивация, мотивация самосохранения индивидуального уровня.

Представители двух модусов бытия по-разному осмысливают жизнь, встраивают свой опыт во временную последовательность, дающую ощущение непрерывности и смысла жизни. У людей с предельным модусом экстремальные условия воспринимаются как рабочая, повседневная реальность. Переосмысление ее составляющих способствует углублению самопонимания и личностному развитию. Это результат соединения актуализируемого прошлого опыта с его

переоткрытием, переживанием соотношения опыта с новой конкретной пространственной и временной ситуацией. Вторая группа воспринимает экстремальные условия как аномальные и испытывает состояние потери, утраты, отсутствие целостности в субъективной картине мира (Фоменко, 2006а).

Итак, *первая* особенность человеческого бытия состоит в том, что его нельзя рассматривать как индивидуальный жизненный путь, оно в большей степени соответствует рубинштейновскому «миру»: это такое единичное, в котором потенциально воплощено общечеловеческое. Человеческое бытие представляет собой совокупность психологических реальностей, возникающих внутри разных ситуаций в точках пересечения взаимодействий индивидуальных и групповых субъектов.

Вторая характеристика человеческого бытия следует из многомерности мира, наличия разных уровней действительности, соотношенных со способами существования людей. Например, С.Л. Рубинштейн неоднократно обсуждал проблемы разных типов действительности и уровней бытия. Наличие принципиально разных типов реальности и объективных ситуаций человеческого бытия порождает у ученых вопросы не только о неоднородности предметов психологических исследований, но и о «многоэтажности» (Кричевец, 2005) самой психологии.

В отечественной культуре бытие человека всегда описывалось в терминах не столько отражения приземленных обыденных обстоятельств жизни, сколько стремления к достижению правды, попыток найти действительность более высокого порядка — высшую духовную правду. Например, Л.Н. Толстой в 1886 г. в черновике предисловия к сборнику «Цветник» говорил о том, что нужно «не искать правды житейской, а правды духовной <...> В миру-то нет полной правды, и потому, чтобы выразить ее, надо описывать не то, что есть, а то, чего никто не видел, но все понимают» (Толстой, 1936, с. 13–14).

Третья характеристика человеческого бытия — его ценностно-смысловая экзистенциальная направленность. Человеку, как существу рефлексивному, присуща не только обращенность к основаниям своего бытия, но и стремление к оценке, ценностному взгляду на них. Бытие трансформируется, активно изменяется под влиянием ценностей. Основой ценностных предпочтений субъекта обычно

становятся не достоверные знания, а чувства и переживания. «Отношение к бытию всегда включает ценностное отношение и выражает субъективность. В отличие от знания, которое стремится к объективности и предельному соответствию внешней реальности, ценности есть отражение внутреннего мира субъекта, воплощение его переживания внешней реальности в составе внутреннего бытия. Ценности выступают синтетическим феноменом, включающим значимость, смысл и переживание. Компонентами ценности являются интенциональность (ориентированность и конструирование идеальных объектов), символ (бессознательно-архетипический элемент), понятие (рационально-логический элемент)» (Баева, 2003, с. 17).

Наиболее значимой для психологического исследования человеческого бытия как экзистенциального феномена является проблема смысла жизни. С точки зрения Рубинштейна, смысл жизни представляет собой такое ценностно-эмоциональное образование личности, которое проявляется не только в принятии одних ценностей и отрицании других. Эта составляющая внутреннего мира отражена в саморазвитии, самореализации личностных качеств субъекта, ищущего и находящего высший, «запредельный» смысл своего бытия.

Интересное теоретико-эмпирическое исследование взаимосвязи гендерной идентичности испытуемых и понимания ими смысла жизни и смерти было проведено Л.Н. Ожиговой. С позиций субъектно-бытийного подхода она рассматривает проблему субъектности. Субъектность понимается как творческая способность человека в преобразовании среды, как свобода создавать бытие, отражающее собственные смыслы и ценности жизни. При этом свобода определяется и как аспект субъектности, и как смысл и ценность жизни личности. В эмпирическом исследовании было обнаружено, что смысл жизни как вершинный смысловой регулятор личности связан с гендерной идентичностью, возрастом и профессиональной деятельностью. В понимании и изображении испытуемыми смысла жизни феминные черты связаны с большим объемом, метафоричностью и описанием временной динамики жизни. Маскулинные черты связаны с реалистичностью, конкретностью. Реалистичность и конкретность в изображении смысла жизни связаны с маскулиными чертами и у мужчин, и у женщин. В понимании смысла смер-

ти к зрелому возрасту усиливается более объемное, реалистичное и движущееся во времени осознание финала жизни. Феминные черты у женщин и мужчин связаны с символическим, метафорическим пониманием смысла смерти. В общем, в понимании смысла жизни и смерти в наибольшей степени представлены две позиции. Первая — оптимистический акцент на жизни, поиск бессмертия, отрицание смерти, утверждение жизненности, витальности или тела, или духа, отказ признавать конечность человеческого существования. Вторая позиция — экзистенциальный взгляд, то есть радость принятия жизни со всеми ее фазами и стадиями, принятие жизненного цикла и факта смерти (Ожигова, 2009).

Возвращаясь от эмпирического анализа к теоретическому, надо сказать, что современное постнеклассическое понимание мира человека характеризуется ростом рефлексии его ценностных и смысловых аспектов. Рефлексия научных типов рациональных рассуждений — это не осознание их, а преобразование. Преобразование проявляется в том, что субъект не только осознает типы знания и правила действий с ними, но и порождает их смысл. А в смысле потенциально содержится возможность его понять. Понимающий субъект не дистанцирован от изучаемого мира, а находится внутри него, погружен в природную и социальную действительность. Мир оказывается таким, каким субъект его видит, какие методы познания он применяет, какие вопросы ставит. Постнеклассическая психология человеческого бытия предполагает не только новые способы осмысления мира, но и рефлексии над основаниями рациональных типов познания. Как отмечает В.А. Лекторский, сегодня сама рациональность начинает пониматься по-другому. Только в простейших случаях рациональные рассуждения можно свести к действиям по фиксированным правилам, следование которым приводит к заранее намеченной цели. В более широком и глубоком смысле рациональность предполагает пересмотр, изменение и развитие самих правил (Лекторский, 2001).

Интересную линию исследования соотношения рационального и нерационального в рассуждениях человека о жизни предлагал В.Н. Дружинин. Эта линия состоит не столько в «вертикальной» плоскости анализа (сознание–бессознательное), сколько в «горизонтальной» — отношения субъекта с миром. Например, один жизненный сценарий («жизнь по правилам») заключается в рефлексии

тех преимуществ, экономии напрасных усилий и негативных эмоций, которые возникают в результате создания и принятия определенных правил поведения, от которых человек старается не отклоняться. Другой, в значительной степени противоречащий первому («жизнь начинается завтра»), строится на субъективной модели мира. Согласно ей, несовершенная здесь и сейчас жизнь рассматривается только как подготовка к «настоящей» жизни, в которой будет много хорошего. Выделенный В.Н. Дружининым почти десяток сценариев представляет собой не только продуктивную попытку научного анализа соотношения внешних и внутренних детерминант формирования возможных линий жизни человека. В сущности, в них выражаются неодинаковые типы рациональных рассуждений (Дружинин, 2000).

Итак, в современной психологии категория «человеческое бытие» неразрывно связана с понятием «мир человека». Исследования этих проблем уже находятся в фокусе внимания психологов. У меня нет сомнения в том, что вследствие актуальности этих проблем интерес к ним в ближайшие годы станет еще больше. И перспективные направления их исследования просматриваются уже сегодня. Одно из них — постановка вопроса о множественности или единичности жизненного мира субъекта (Кимберг, 2009). Учитывая множественность и неоднородность онтологии бытия, существование разных реальностей, вполне логичным становится предположение о том, что в них могут реализоваться неодинаковые закономерности организации мира человека. «В связи с тем, что мы рассматриваем мир и человека только совместно, этот вопрос начинает звучать так: имеет ли место один мир человека и один его субъект, или же жизнь человека может быть описана как его движение по многим мирам, в каждом из которых он выступает как особый субъект?» (Там же, с. 28). Субъектный или жизненный мир человека — это не просто ментальная репрезентация, а такая модель реальности, которая является регулятором психической активности и инструментом организации жизни. Модель определяет видение субъектом своей жизни и места в мире. Из модели логично вытекает идея множественности идентичностей человека. Она находит конкретное воплощение в том, что в разных условиях жизни человек актуализирует неодинаковые конфигурации личностных черт, ролей, умений и мотивов.

1.2. Психология субъекта — новая методология понимания человеческого бытия

В современной психологической науке все возрастающее значение придается изучению целостных проявлений психики человека как субъекта бытия. Человеческое бытие невозможно понимать абстрактно, то есть не будучи включенным в него. Поскольку человек сам является участником событий, социальных ситуаций, его бытие представляет собой субъектность, объективированную в процессах, явлениях, предметах человеческого мира. Субъект живет, понимая, осмысливая события и ситуации, ту среду, в которую он физически или мысленно включен.

Динамика формирования научных представлений о субъекте и бытии в психологии отражает их эволюцию в методологии науки. XX в. показал, что психология, как и другие науки, эволюционировала от классической парадигмы к неклассической, а затем — к постнеклассической (Степин, 2000).

Классическая парадигма воплощалась в идее постижения объективных законов природы, в пристальном внимании ученых к проблеме детерминизма и поиске причинно-следственных связей преимущественно естественнонаучными методами.

На *неклассическом* этапе на первый план выходит учет субъективного угла зрения наблюдателя. Ученые отчетливо осознали, что объекты и события, происходящие в мире, не могут быть определены независимо от контекста понимания того, кто их наблюдает. Понятия должны предшествовать наблюдениям, а не вытекать из них. Следовательно, понятия и научные теории являются следствием не наблюдения, а понимания. Язык теоретических терминов служит исследователю для того, чтобы определить, что следует принимать за данность (объективную реальность) в этом мире. В результате на неклассическом этапе развития науки было поставлено под сомнение положение о том, что научные теории могут точно и однозначно описывать происходящее в мире и существующее в нем (Gergen, Gergen, 1986).

Наконец, *постнеклассическое* понимание мира и человека в мире характеризовалось ростом рефлексии ученых над ценностными и смысловыми контекстами человеческого бытия. На этом этапе развития науки решающее значение приобретают те культурные

и ценностно-смысловые контексты, с которыми субъект соотносит познаваемую и понимаемую реальность. Иначе говоря, наряду с естественнонаучными методами познания все большее значение приобретают социогуманитарные.

Одна из причин пристального внимания ученых к социальному и культурному контекстам человеческого бытия заключается в том, что образцом для неклассической науки в определенной мере явилась теоретическая физика, а на становление постнеклассической наиболее существенное влияние оказывает культурология (Гусельцева, 2003). В последние годы в человекознании все чаще проявляется тенденция сочетания пространственных, энергетических, механических метафор с метафорами, ранее применявшимися исключительно в гуманитарных дисциплинах: игра, роли, ритуал, драма и т.п. Типичный тому пример — драматургический подход И. Гофмана, изучающего, как презентация субъекта себя другим людям, принятие на себя разных ролей в разнообразных ситуациях осуществляются в непрерывном процессе воспроизводства личного самосознания в социуме (Гофман, 2000).

Описанные выше три способа рациональных рассуждений в нашей науке интегрировались в той области психологического знания, которая получила название «психология субъекта». Эта область психологической науки стала закономерным воплощением, вершинным проявлением синтеза знаний, полученных на каждом из этапов ее развития. Важно обратить внимание на то, что названные парадигмы представляют собой не только исторические этапы человеческого познания, но и элементы целостной системы современного научного мышления. Следовательно, они могут не противоречиво, а, наоборот, системно сосуществовать в сознании, целостном научном мировоззрении конкретного ученого. Ярким примером такого ученого является А.В. Брушлинский.

В российской психологической науке категория субъекта сейчас играет системообразующую роль и привлекает внимание многих ученых. Неудивительно, что в течение последнего десятилетия проблема субъекта обсуждалась на конференциях, в статьях, монографиях, диссертациях, учебных пособиях (Брушлинский, 2003а–в; Личность и бытие..., 2008; Проблема субъекта..., 2000; Психология индивидуального..., 2002; Психология субъекта..., 2010; Селиванов, 2003; Субъект, личность..., 2005; Человек, субъект..., 2013).

Результаты научных исследований свидетельствуют о том, что в последние десять-пятнадцать лет, главным образом благодаря целенаправленным и даже, можно сказать, подвижническим усилиям А.В. Брушлинского, в отечественной психологии сформировалась новая область психологических исследований — психология субъекта. На первых этапах ее формирования различия в установках исследователей проявлялись прежде всего в интерпретации проблемы соотношения психологических характеристик субъекта и личности. Наиболее типичными и показательными в этом отношении оказались научные позиции А.В. Брушлинского (он придерживался в этом вопросе гносеологического подхода) и Л.И. Анцыферовой — сторонницы эпистемологической точки зрения на эту проблему.

Для гносеологического подхода важнейшей является категориальная оппозиция «субъект–объект»: в рамках этой парадигмы познавательные процессы анализируются с точки зрения отношения субъекта (в частности, ученого) к объекту познания (предмету исследования). В эпистемологическом подходе во главу угла ставится знание: его строение, структура, функционирование и развитие. При этом базовой является оппозиция «объект–знание». С эпистемологической точки зрения наука должна изучать объективные структуры знания, а не гносеологического субъекта, осуществляющего познание и нередко вносящего в его результаты искажения, ошибки и субъективизм.

И А.В. Брушлинский, и Л.И. Анцыферова, имея прекрасное философское образование (оба окончили философский факультет МГУ и начинали свою научную жизнь в Институте философии АН СССР), все же были подлинными, настоящими психологами. Вследствие этого я понимаю, что говорить о них как о «гносеологе» и «эпистемологе» можно только с большой долей условности, в метафорическом смысле. Однако для классификационной ясности описания индивидуальных особенностей их научных мировоззрений эти метафоры, безусловно, имеют эвристический смысл.

Гносеологический подход А.В. Брушлинского к анализу психических явлений объясняет, почему он так категорически не принимал идею эпистемолога К. Поппера о том, что объективное содержание мышления составляет так называемый третий мир. А.В. Брушлинский, основывавшийся на гносеологических представлениях С.Л. Рубинштейна и внесший бесценный вклад в фор-

мирование психологии субъекта как самостоятельной области психологической науки, писал: «Поппер справедливо отмечает, что его теория отчасти идет от Платона и потому закономерно развивает ее в контексте своей общей установки “эпистемология без познающего субъекта”. И здесь с этим нельзя не согласиться: при *таком* подходе к обсуждаемой проблеме “третий мир”, то есть научное знание как продукт, результат познавательной деятельности субъекта, уже не нуждается в последнем. И тогда уничтожение субъекта в “третьем мире” закономерно приводит к его изгнанию из теории познания» (Брушлинский, 1999, с. 40).

Л.И. Анцыферова уважала и ценила взгляды А.В. Брушлинского, но ее научная позиция была несколько иной. Она отмечает, что в 1990-х гг. в методологические основания нашей психологии был введен новый принцип — «субъектно-деятельностный подход», который в качестве одного из главных способов существования человека акцентировал значение его активности по преобразованию, совершенствованию окружающего мира и себя в мире. «По существу этот принцип вводит субъекта в динамическую систему деятельности. Но исчерпывает ли этот подход всю полноту личностного существования человека в мире, напряженность его душевной жизни, “своеобразные движения” внутреннего мира?» (Анцыферова, 2000, с. 32). Эпистемологическая направленность осуществляемого Людмилой Ивановной психологического анализа заключается именно в ее стремлении систематически описать многомерное пространство человеческой жизни и показать, что личность соразмерна не с субъектом или деятельностью, а с целостным индивидуальным пространством бытия человека и творимой им жизни.

Эпистемологичность анализа психологии человека для нее не случайна, а закономерна: такой подход опирается на труды великих предшественников. Например, генетическая эпистемология Ж. Пиаже направлена на анализ общей структуры научного знания внутри психологии и ее взаимоотношений с другими науками. Эпистемология Пиаже включает описание структур интеллекта, генетический анализ формирования физических понятий (скорость, длительность времени и др.), инвариантности знания об объекте, обратимости психических структур (Сергиенко, 2008). Следовательно, в отличие от С.Л. Рубинштейна и А.В. Брушлинского его работы основаны на глубоком детальном анализе психических структур,

а не процессов. В значительной мере это характеризует и научную позицию Л.И. Анцыферовой. Для нее центром, фокусом эпистемологического анализа психики является многомерное пространство жизни. По ее мнению, «субъектное начало человека значительно ограничивается особенностями душевной жизни. Определенное место в ней занимают неосознаваемые мотивы, жизненные планы, вытесненные воспоминания, которые, однако, регулируют поведение индивида независимо от его воли» (Анцыферова, 2000, с. 32). Особое место в ее работах занимает анализ созидания человеком себя, своего внутреннего мира, собственной душевной жизни. В созидании себя сознательное переплетается с бессознательным, ожидаемое с неожиданным («личность должна быть неожиданностью для себя, открытием»), интеллектуальное с личностным. Неудивительно, что в последнее десятилетие своей долгой жизни Людмила Ивановна работала не в области психологии субъекта, а начала изучать как бы сотканный из противоречивого сплава психологических качеств феномен мудрости.

Анализ развития современной психологии субъекта невозможен без обращения к одному из ключевых ее понятий — «духовности». Научные представления о содержании конструкта «духовность» можно и нужно существенно углубить и расширить, обратившись к трудам французского мыслителя П. Адо и психолога А.В. Брушлинского.

В системе рассуждений П. Адо духовные упражнения — это то, что объединяет интеллектуальные и нравственные усилия субъекта, вовлекающие в себя весь его ум и направленные на преобразование себя, своего образа жизни, жизненного выбора. «Слово “духовный” действительно позволяет понять, что эти упражнения являются творчеством не только мысли, но всей психики индивида; оно особенно раскрывает настоящий масштаб этих упражнений: благодаря им, индивид возвышается к жизни объективного Духа, то есть снова помещает себя в перспективу Всего (“увечковечить себя, себя превосходя”))» (Адо, 2005, с. 22). Экзистенциальные по своей сути духовные упражнения обладают для человека субъективной ценностью и являются составляющей такой новой ориентации в мире, которая требует самопреобразования, метаморфозы самого себя. Например, духовным упражнением является чтение: «Мы проводим нашу жизнь “читая”, но уже не умеем читать, то есть оста-

навливаться, освобождаться от наших забот, возвращаться к самим себе, оставлять в стороне поиски изысканности, утонченности, оригинальности, спокойно размышлять, вглядываться в глубины, чтобы позволить текстам говорить с нами» (*Там же*, с. 64). Духовные упражнения П. Адо рассматривает как практики, направленные на формирование души и полное изменение бытия. И самое главное: тексты, в частности античных философов, очень часто предназначены не только для информирования — они представляют собой духовные упражнения, которые автор практикует сам и помогает практиковать своему читателю. Человека только тогда можно назвать подлинным мыслителем, когда он не просто рассуждает, но и живет в соответствии со своей системой мысли.

Последнее положение, а также понимание духовности совпадает с психологией субъекта А.В. Брушлинского. В его «Избранных психологических трудах» (*Брушлинский, 2006*) понятие «духовность» употребляется более 60 раз. Так же как и П. Адо, он использует это понятие не в узком, например религиозном, смысле, а в широком, применимом к психологическому анализу гуманизма, тоталитаризма, нравственности и других макрокатегорий. Рассуждая метафорически, можно утверждать, что психология субъекта, безусловно, потенциально включает духовные упражнения, практики. Проявляю это, ссылаясь на различия между «субъектным» и «субъектно-деятельностным» психологическими подходами. Главное различие между ними — в методах психологических исследований. Как уже было сказано выше, психология субъекта в варианте А.В. Брушлинского стимулировала возникновение новых направлений психологической науки, одним из которых является психология человеческого бытия. В этой книге описаны результаты исследований понимания людьми моральных дилемм, образа врага, эвтаназии и других проблем. Главная методическая особенность этих исследований — отсутствие деятельностной составляющей. Это субъектный подход, а не субъектно-деятельностный. Применявшиеся в них методики позволяют психологу делать заключения лишь о результативной стороне понимания. Оно психологически вполне может включать личностные и иные особенности понимающего субъекта, но исключает те операции и действия, которые определили индивидуальную и типологическую специфику понимания.

Иначе понимал психологию субъекта А.В. Брушлинский, который, следуя за своим учителем, настаивал на ее субъектно-деятельностных основаниях. И сегодня понятно, почему это так: психология субъекта была для него не просто совокупностью научных знаний, она стала неотъемлемой частью его мировоззрения и, главное, поведения. Отсюда вытекает его интерес к макропроблемам социально-экономических преобразований Советского Союза и России в период перестройки и после него. И это был не голословный интерес: Андрей Владимирович обладал ярко выраженной гражданской позицией, которую он проявлял в особенно критических для российской науки ситуациях. Он был одним из немногих, кто в середине 90-х гг. решительно, преодолевая сопротивление чиновников от науки, выступал за выделение гуманитарных наук в самостоятельный фонд, то есть за отделение РГНФ от РФФИ. Учитывая междисциплинарную направленность и энциклопедические знания ученого, вполне естественно, что в новом фонде именно Андрей Владимирович курировал деятельность Экспертного совета по проблемам комплексного изучения человека, психологии и педагогики, в котором рассматриваются конкурсные проекты медиков, экологов, физиологов и представителей многих других специальностей. В зрелом возрасте Брушлинский совершал поступки, которые со всей очевидностью могли неблагоприятно отразиться на его карьере. По принципиальным соображениям в РАН он высказывал точку зрения, которая явно шла вразрез с мнением многих членов академии, в том числе и руководящих. Он был трезвым и современным человеком, совершающим поступки в реальном научном сообществе. Люди есть люди: некоторые через какое-то время на выборах в РАН подходили к нему и говорили, что голосовали за него, уважая его последовательность и принципиальность. Другие, к сожалению, и после смерти не могут простить его за нонконформизм и отстаивание личной точки зрения (к слову сказать, она выражала мнение десятков психологов, не имевших права голоса в РАН).

Таким образом, субъектно-деятельностный подход был для А.В. Брушлинского не абстрактной наукой, а такой духовной практикой, которую он воплощал в жизнь.

А.В. Брушлинский разработал целостный, оригинальный и сформированный вариант психологии субъекта. В его варианте

психологии субъекта фактически представлена история главных проблем российской психологической науки XX столетия, которые в течение почти полувека занятий научной деятельностью были в фокусе внимания Брушлинского. Это проблемы соотношения биологического и социального, сознательного и бессознательного, внешних причин и внутренних условий в детерминации психики. Психология человеческого бытия представляет собой то направление развития, ту сторону психологии субъекта, которая возникла с появлением постнеклассической парадигмы. Принципиальная новизна психологии субъекта заключается главным образом в четырех основных положениях.

1. В переходе от микросемантического к макроаналитическому методу познания психического.
2. В значительном расширении представлений о содержании активности как фактора детерминации психики
3. В целостном системном характере исследования динамического, структурного и регулятивного планов анализа психологии субъекта.
4. В различении господствовавшего до этого в отечественной психологии представления о получении нового знания о мире только в результате решения предметных задач и способа интерпретации того, что не имеет однозначного решения (Надо ли отменять в нашей стране мораторий на смертную казнь? Что такое «гуманизм»? и т.п.).

Цель данного раздела — показать, что психологию субъекта сегодня следует рассматривать как методологическую основу конкретных эмпирических исследований, в частности проблем понимания человеческого бытия.

Для реализации этой цели я обосную приведенное выше утверждение о четырех основных положениях психологии субъекта.

1. Отличительная особенность современной научной методологии заключается в стремлении ученых снять главное противоречие картезианской картины мира, в которой человек противопоставляется дискретным отдельным объектам, событиям и ситуациям реальной действительности. Противоречие устраняется путем признания неизбежного для любого научного познания мира (учитывающего взаимодействия субъекта с объектом) включения познающего в по-

знаваемое. С такой точки зрения объективная ситуация включает в себя воспринимающего, понимающего и оценивающего ее человека. «Воздействие любой “объективно” стимулирующей ситуации зависит от личностного и субъективного значения, придаваемого ей человеком. Чтобы успешно предсказать поведение определенного человека, мы должны уметь учитывать то, как он сам интерпретирует эту ситуацию, понимает ее как целое» (Росс, Нисбетт, 1999, с. 46).

Проблемы, на которые сегодня обращается наиболее пристальное внимание, непосредственно связаны с традиционной для психологии постановкой вопроса об основных единицах анализа психического. Объективные обстоятельства и методы, с помощью которых исследователи узнают что-то новое о человеческой психологии, существенно изменяют научные представления о «единицах психики». В разные исторические периоды единицами анализа психики выступали ощущение, рефлекс, действие, отношение, значение и т.п. Современный этап развития психологической науки дает основание считать, что в качестве единиц психики следует рассматривать более интегративные образования, основанные на трансформации структур индивидуального опыта человека. В этих условиях нет ничего удивительного в том, что именно Брушлинский стал одним из первых психологов, проявивших повышенный интерес к макроаналитическому методу познания психического. Приведу только две причины.

Во-первых, такой подход дал Андрею Владимировичу возможность под иным углом зрения (отличным от предыдущих исследований, например решения мыслительных задач методом микросемантического анализа) взглянуть на фундаментальные проблемы, занимавшие его в течение всей жизни.

Во-вторых, пристальное внимание Брушлинского к макроаналитическому методу познания психического вообще соответствует его научному онтогенезу. Вся его жизнь в науке и особенно последнее десятилетие творческой биографии характеризовались стремлением к изучению целостной, единой психики человека: сложных действий с объектами, нравственных поступков, гуманистической направленности личности и т.п. Эволюция научных взглядов ученого очевидна: с каждым годом для него все более значимыми и интересными становились закономерности формирования вершинных

проявлений человеческой психологии — духовности, нравственности, свободы, гуманизма.

2. По сравнению с «классическим» рубинштейновским вариантом субъектно-деятельностного подхода в психологии субъекта существенно расширены представления о содержании активности как фактора детерминации психики. «Активность» является одной из ключевых категорий категориального аппарата психологической науки. Понятие активности связывается с поиском и осмыслением тех характеристик психического, которые выходят за пределы адаптивной, приспособительной деятельности. Для психологии субъекта проблема активности является одной из главных, она оказывается тем камнем преткновения, с которым сталкиваются все участники дискуссий о специфике субъектных проявлений личности и индивидуальности. Интересный вариант разграничения активности личности и активности субъекта описан в работе Н.Е. Харламенковой. Она выделила четыре особенности активности человека как личности:

- 1) Форма активности. Активность личности выражается в определенной форме, которая называется деятельностью.
- 2) Характер влияния личности на деятельность, в результате которого последняя приобретает индивидуальный характер, но существенно не реорганизуется.
- 3) Объект влияния. Личность через свои социально-психологические особенности влияет на продукт (результат) деятельности.
- 4) Направленность и границы активности: развитие личности обусловлено развитием в деятельности, ее динамикой в процессе онтогенеза, обусловленного переходом от одного вида деятельности к другому, от одной стадии к другой (Харламенкова, 2010, с. 43–44).

По этой же схеме описана активность человека как субъекта деятельности:

- 1) Форма активности: деятельность субъекта выходит за пределы адаптивной, приспособительной активности и выражается в преобразующем влиянии, изменении этой деятельности, имеет творческий самодеятельный характер.
- 2) Характер влияния на деятельность: субъект оказывает реорганизующее влияние на деятельность, осуществляя ее ре-

- гуляцию за пределами актуально осуществляемой деятельности. Это — активность в собственном смысле этого слова.
- 3) Объект влияния: если личность влияет на результат деятельности, то субъект — и на ее результат, и на процесс.
 - 4) Направленность и границы активности: развитие субъекта определяется его функционированием в ходе жизни, которое не описывается в категориях стадий развития и не определяется фиксированными временными границами (*Там же*, с. 44–45).

Брушлинский рассматривал активность с системных позиций, тщательно анализируя разные ее формы и уровни в их взаимосвязях и взаимодействиях. Ученый внедрял в психологическое сообщество мысль о том, что и сознательная, и бессознательная активность на уровне психического как процесса являются способом формирования, развития и проявления человека как субъекта.

3. То, что к концу жизни для Андрея Владимировича основным предметом его научных размышлений стала именно описанная выше проблемная область, не удивительно: в психологии субъекта в сконцентрированном виде отражена тематика всех его предыдущих исследований. С методологической точки зрения можно утверждать, что он разрабатывал психологию субъекта как целостную и системную область психологического знания. На уровне конкретно-психологических исследований, представленных в разных публикациях Брушлинского, это проявлялось в осознанном выделении им структурного, динамического и регулятивного планов анализа психологии субъекта. При этом наибольшее внимание он уделял двум главным проблемам: критериям субъекта и разнообразию видов человеческой активности.

Динамический план анализа психологии субъекта. Человек не рождается субъектом, а становится им в процессе деятельности, общения и других видов активности. В этой связи научно значимым оказывается вопрос о критериях, в соответствии с которыми можно утверждать, что психолог исследует именно субъекта, а не индивида, индивидуальность и т.п. «Первый существенный критерий становления субъекта — это выделение ребенком в возрасте 1–2 лет в результате предшествующих сенсорных и практических контактов с реальностью наиболее значимых для него людей, предметов, событий и т.д. путем обозначения их простейшими значениями слов.

Следующий наиболее важный критерий — это выделение детьми в возрасте 6–9 лет на основе деятельности и общения *объектов* благодаря их обобщению в форме простейших **понятий** (числа и т.д.)» (Брушлинский, 2002, с. 12–13).

Брушлинский рассматривал проблему критериев прежде всего в динамическом плане. Он стремился раскрыть онтогенетические корни формирования субъекта в процессе проявления им разных видов активности — познания, действия, созерцания, индивидуального развития (как особого качества способа подлинно человеческого существования). Однако динамический план психологии субъекта не ограничивается только временной составляющей онтогенеза психики. Не менее важной оказывается конкретная динамика протекания психических процессов, реализации знаний, умений и т.п. в тех ситуациях, в которых человек проявляет себя как субъект. Вследствие этого, опираясь на логику рассуждений Андрея Владимировича и анализируемые им социальные и иные области проявлений человеческой субъектности, к названным выше следует добавить еще, по меньшей мере, два критерия.

Третьим критерием субъекта следует считать сформированность у человека способности осознавать совершаемые им поступки как свободные нравственные деяния, за которые он несет ответственность перед собой и обществом. Субъектом можно назвать только внутренне свободного человека, принимающего решения о способах своего взаимодействия с другими людьми прежде всего на основании сознательных нравственных убеждений. Говорить о человеке как субъекте можно только при таком понимании им собственного бытия, при котором он, осознавая объективность и сложность своих проблем, в то же время обладает ответственностью и силой для их решения.

Четвертый критерий — развитость навыков самопознания, самопонимания и рефлексии, что обеспечивает человеку взгляд на себя со стороны. В отличие от остального сущего человек всегда соотносен со своим бытием. Соотнесенность проявляется прежде всего в направленности познавательной, этической и эстетической активности взаимодействующих людей не только друг на друга, но и на себя. Именно рефлексивное отношение каждого из нас к себе наиболее рельефно выражает отношение к бытию. Способность к рефлексии, направленной на себя, — ключ к превращению человека в субъекта.

Субъект — это тот, кто обладает свободой выбора и принимает решения о совершении нравственных поступков, основываясь на результатах самопознания, самоанализа, самопонимания.

Структурный план анализа психологии субъекта. Другая сторона исследования психологических характеристик субъекта представляет собой структурный план анализа обсуждаемой проблемной области. В этом ракурсе в фокусе исследования психологов оказываются различные виды активности: деятельность, общение (Б.Ф. Ломов), созерцание (С.Л. Рубинштейн), преобразовательная активность человека, направленная на создание и изменение обстоятельств своей жизни и жизни других людей (Б.Г. Ананьев). Я согласен с В.А. Лабунской, которая считает, что «перечисленные выше характеристики субъекта наиболее органично соединены в определении, которое было дано А.В. Брушлинским. Свое определение субъекта он построил на основе анализа идей С.Л. Рубинштейна, Л.С. Выготского, Б.Г. Ананьева, А.Н. Леонтьева и других. Субъект трактуется как индивид, находящийся на соответствующем своему развитию уровне преобразовательной активности, целостности, автономности, свободы, деятельности, гармоничности и отличающийся своеобразной целенаправленностью и осознанностью. В данном определении необходимо подчеркнуть такое свойство субъекта, как «преобразовательная активность, соответствующая уровню развития индивида». Этот параметр субъекта позволяет любого человека квалифицировать в качестве субъекта, имеющего характерный для его уровня развития вид, качество, форму, способы, средства преобразовательной активности» (Лабунская, Менджеричкая, Бреус, 2001, с. 35).

В человеческом бытии разнообразные виды активности реализуются прежде всего в совокупности отношений человека к природе, себе и другим людям. Как полагает К.А. Абульханова, раскрывать психологическую природу субъекта надо через совокупность его отношений к миру. С этой позиции субъект — это специфический способ организации, качественной определенности сознания современной личности. Личность, выступая как субъект деятельности, сталкивается с противоречием своих желаний, потребностей и объективными препятствиями на пути их удовлетворения. Именно разрешая противоречия, личность приобретает новое качество отношений к миру, дающее психологу основание говорить о ней как о субъекте деятельности (Абульханова, 1997).

Андрей Владимирович, во-первых, не во всем соглашался с такой точкой зрения: «Субъект — это всеохватывающее, *наиболее широкое* понятие человека, обобщенно раскрывающее неразрывно развивающееся единство всех его качеств: природных, социальных, общественных, индивидуальных и т.д. Личность, — напротив, менее широкое и недостаточно целостное определение человеческого индивида» (Брушлинский, 2001, с. 17). Во-вторых, он не сводил активность субъекта исключительно к деятельности: проявление сознательной и бессознательной активности в поведении, формирование политической воли, рост духовности — все использовалось им в качестве аргументов для обоснования субъектной сущности людей.

В наши дни проблема соотношения субъекта и личности получила развитие в работах Е.А. Сергиенко. Сначала она проанализировала четыре основных варианта понимания соотношения субъекта и личности в российской психологии. Затем выдвинула гипотезу о соотношении частного и общего в проявлениях человека как субъекта и как личности с позиций системно-субъектного подхода. Согласно гипотезе (впоследствии доказанной эмпирически) личность является стержневой структурой субъекта, задающей общее направление самоорганизации и саморазвития. Личность задает направление психического развития, а субъект — его конкретную реализацию через координацию выбора целей и ресурсов индивидуальности человека. Личность является носителем содержания внутреннего мира человека, которое субъект реализует в конкретных жизненных условиях и обстоятельствах. Субъектность человека формируется и проявляется в процессе осуществления трех функций: когнитивной (понимание), регулятивной (контроль поведения) и коммуникативной (установление субъект-субъектных отношений). У личности когнитивная функция реализуется в осмыслении (порождение смыслов, личностных смыслов, ценностей, смысложизненных ориентаций). Регулятивная функция — в переживании, указывающем на отношение к событию или ситуации и приводящем к изменениям в Я-концепции. Коммуникативная функция личности проявляется в направленности на значимые аспекты реальности. «При таком решении функции субъекта и функции личности как две неразрывные стороны человеческой организации тесно переплетены. Только при условии наличия смыслов возможно понимание, только при переживании появляется возможность

смыслопорождения и изменения поведения, его контроля, только определенная направленность личности ведет к избирательности и определенному характеру коммуникативных взаимодействий. При этом на разных уровнях психического развития человека эти функции реализуются в соответствии с уровнем развития личности и субъекта» (Сергиенко, 2013, с. 10).

Регулятивный план анализа психологии субъекта. Регулятивная сторона исследований формирования и развития человека как субъекта неразрывно связана с проблемой детерминации психики. По Брушлинскому, в человеческой психике не только отражается действительность. Формируясь во взаимодействии субъекта с объектом, психика представляет собой высший уровень отражения действительности и потому высший тип регуляции всей жизни человека. Психика служит для регуляции деятельности, общения, созерцания и т.п. «На этих совсем разных уровнях взаимодействия человека с миром все психическое, отражая действительность, участвует в регуляции движений, действий и поступков. Психическое формируется и объективно проявляется в том, как оно осуществляет эту регуляторную функцию. Вот почему основным и всеобщим методом объективного психологического познания является изучение всех психических явлений через движения, действия и поступки, вообще через внешние проявления человека, которые этими психическими явлениями непрерывно регулируются. Таков вышеупомянутый методологический принцип единства сознания (вообще психики) и деятельности. В силу своей всеобщности он закономерно определяет любые, самые разнообразные методы и методики исследования во всех отраслях психологии: общей, социальной, индустриальной, управленческой и т.д.» (Брушлинский, 2000б, с. 7). На уровне конкретно-психологических исследований, например мышления, регулятивные аспекты психики Андрей Владимирович чаще всего обсуждал в связи с проблемой обратных связей. Не случайно целая глава его последней монографии называется «Субъект деятельности и обратная связь» (Брушлинский, 2003а).

4. Психологи (особенно когнитивные), ориентируясь на естественнонаучные образцы исследования, десятилетиями рассматривали объективное научное знание как результат решения познавательных задач. Однако на рубеже веков перед учеными остро встал вопрос об изменении предмета исследования — возникла

необходимость изучать макрофеномены и макрокатегории, никогда ранее не входившие в предметную область нашей науки. Обращение внимания на феномены, которые не имеют референтов в эмпирической реальности, — духовный потенциал личности (Ожиганова, 2013), психическую саморегуляцию (Моросанова, 2010), справедливость (Нартова-Бочавер, Астанина, 2014) и др. — потребовало от психологов перехода от микросемантического к макроаналитическому методу познания психического. И тогда А.В. Брушлинский, размышляя над основаниями психологии субъекта, сделал открытие, которое до сих пор практически никто не заметил: новое знание о проблемной ситуации может возникать не только как результат ее решения. Принципиальной новизной для субъекта обладают новые способы *интерпретации* того, что не имеет однозначного решения.

В эмпирической реальности мы имеем дело с предметными задачами, результатом решения которых является новое знание о мире. Обычно считается, что решение, например шахматных задач, возникает в результате перебора познающим субъектом множества альтернатив. Однако в ряде случаев при формальной возможности выбора реально, психологически он не совершается. Как показал А.В. Брушлинский, решая математические, физические и другие предметные задачи, в которых объективно возможны два или несколько способов решения, субъект никогда не начинает мыслительный поиск с выявления альтернатив и выбора одной из них. Для мыслящего субъекта альтернативы никогда не являются содержательно равноценными, равновероятными и требующими предпочтения только одной из них (Брушлинский, 2006). Если так обстоит дело с решением математических, физических и других четко определенных задач, то еще в большей степени подобные механизмы мышления реализуются при решении человеком нравственных задач, потенциально содержащих ситуации морального выбора. Исследования ясно показывают, что в ряде случаев моральные дилеммы вполне могут решаться без перебора вариантов, без выбора альтернатив. Однако выявление таких случаев в психологических исследованиях возможно только с помощью специальных, требующих больших временных затрат, процедур микросемантического анализа. Он применялся Брушлинским для исследования единичных случаев.

Обобщающий итог его исследований заключался в том, что даже если по каким-то причинам субъект сначала вынужден фиксировать внимание на отдельном объекте, то в процессе мышления «вычленивание» нового содержания происходит посредством расширения контекста, рассмотрения того, какое место он в нем занимает. Примером может служить то, в какой степени преступление обусловлено не только личностными чертами и мотивами преступника, но и обстоятельствами, в которых оно совершено. В 1990-х гг. А.В. Брушлинский изучал эту проблему на примере отношения россиян к смертной казни (*Там же*, с. 559–570). В этом и заключается познавательная деятельность: объект включается в новые связи и отношения, которые сами начинают влиять на него, наполняя познание новым содержанием.

Понимание-принятие или понимание-отвержение смертной казни — типичный новый для психологической науки макрофеномен, имеющий важное значение для психологии субъекта. При обращении психологов к анализу макрофеноменов, не содержащих явно выраженных альтернатив и не имеющих референтов в предметном мире, решающее значение приобретает способ их интерпретации. Анализируя решение нравственных задач, он писал: «Решением считался не какой-либо определенный ответ (как это принято в предметных задачах), а любой обоснованный и подробно обсужденный испытуемым способ решения» (*Там же*, с. 562).

Фактически это означает, что при переходе от микросемантического метода решения задач к макроаналитическому изменяются наши представления о соотношении мышления и понимания. В психологии мышления акцент делается на результате, получении мыслящим субъектом новых знаний о мире. В отличие от мышления понимание прямо не направлено на поиск нового, его главная функция — порождение смысла знания. Понимание всегда поливариативно, его полнота определяется степенью разнообразия вариантов интерпретации понимаемого. С позиции психологии понимания интерпретация — это конкретный, один из возможных способов понимания. В частности, способы решения нравственных задач, по А.В. Брушлинскому, есть не что иное, как различные интерпретации содержания понимаемой нравственной ситуации.

Следовательно, смещение внимания психологов с результата познания на его процесс способствует не только углублению науч-

ных знаний об известных феноменах, но и развитию новых взглядов на содержательное соотношение между разными областями психологической науки.

* * *

Итак, все сказанное выше убедительно свидетельствует о том, что психология субъекта представляет собой сформировавшуюся область психологического знания, обладающую довольно ясно очерченными контурами, проблемами, методами их решения и теоретико-методологическими основаниями. Психология субъекта не только основывается на фундаментальных традициях субъектно-деятельностного похода школы С.Л. Рубинштейна, но и сама порождает новые ветви этого богатого плодами древа познания (такие как психология человеческого бытия). Сегодня есть все основания утверждать, что психология субъекта уже обрела методологический статус: ее следует рассматривать в качестве методологической основы исследования проблем психологии человеческого бытия. Среди них центральное место занимает круг проблем, связанных с пониманием субъектом мира и себя в мире.

Проведенный анализ показал, что категория субъекта, исследованию которой так много усилий и таланта посвятил А.В. Брушлинский, действительно занимает особое место в современной психологии и играет в ней системообразующую роль. Благодаря ему, его ученикам и последователям психология субъекта в наше время представляет собой фундаментальную область психологической науки. В ее основании лежат не только убедительные теоретико-методологические доказательства, она имеет и вполне ощутимые эмпирические следствия. Единственное, в чем сегодня ощущается острая научная необходимость, — это творческое развитие психологии субъекта. И надежда на превращение необходимости в реальность есть.

1.3. Новый этап развития психологии субъекта

Изменения в мире человека. Как утверждал крупный теоретик менеджмента П. Друкер, в мире человека каждые 50 лет происходят необратимые общественные изменения (Друкер, 2015). Еще в 1980-х гг. человек, идущий по улице и разговаривающий, казалось

бы, сам с собой, воспринимался большинством из нас как странное отклонение от нормы. Тогда практически невозможно было предсказать существование мобильных телефонов, Интернета, всплеск терроризма и другие отличительные признаки нашего времени. Одна из главных причин произошедших изменений заключается в переформатировании классовой структуры общества. В конце позапрошлого века актуальным было марксистское деление людей на классы по их отношению к средствам производства. Рабочий класс хотя сам не обладал средствами производства, но с помощью машин преобразовывал природную и предметную среду. При этом машины направляли человека и сами показывали ему, что и как нужно делать. Например, с помощью снегоуборочной машины можно расчистить дорогу, но нельзя сделать самолет.

В современной социальной теории понятие «класс» отличается от марксистского: оно связывается уже не с владением средствами производства. Очевидно, что в мире, и в частности в нашей стране, сейчас так называемый традиционный машинный труд на заводах, фабриках и т.п. находится в кризисном, мало востребованном состоянии. Например, в середине 2016 г. это могли бы засвидетельствовать полтора миллиона российских безработных. Сегодня отнесение людей к конкретному классу определяется не по тому, владеют ли они орудиями труда, а по тому, какими жизненными шансами обладают. Шансы даются образованием, материальным положением семьи, способами получения дохода. В нашей стране к этому добавляется еще и наличие родственных и социальных связей. Экономисты называют современное общество «обществом знаний», построенным на сетевых информационных технологиях. В таких условиях так называемый креативный класс не только получает вознаграждение за свои знания, умения, навыки, но и сам является владельцем неотчуждаемых от него средств производства. В роли последних выступают те же знания, понимаемые в очень широком смысле — как потенциал интеллектуальной деятельности. В отличие от средств производства в марксистском понимании современные средства не могут указать представителям профессий, связанных с интеллектуальным трудом, *что и как* делать. Для таких работников характерно *самостоятельное* творческое применение своих знаний.

В современном информационно-сетевом обществе представления о средствах труда кардинально изменились. Раньше молоток,

телефон и тому подобные инструменты были явным продолжением органов чувств и частей тела человека. Вот как писал об этом Б.Г. Ананьев: «Известно, что благодаря материальному производству, особенно производству средств производства, общество вооружает человека самыми разнообразными техническими средствами, бесконечно “усиливающими” естественные органы человеческого тела, а подчас и создающими новые подвижные функциональные системы или “функциональные органы”, т.е. орудия в самом широком смысле слова. С помощью таких технических средств человек воздействует на окружающую природу, изменяет ее, а в процессе ее изменения преобразует и собственную природу» (Ананьев, 1969, с. 25).

Сегодня ученые говорят не об «усилении» (или продолжении) органов человеческого тела техническими устройствами, а о симбиозе, синтезе естественного и искусственного. В прошлом исследования искусственного интеллекта реализовывались на технической основе сопоставления мышления отдельного человека с возможностями машины. Опираясь на материалы международных научных конференций по искусственному интеллекту, можно утверждать, что целью исследований было копирование человеческого разума. Иначе говоря, искусственный интеллект строился на основе редукции и индивидуального, и коллективного к познающему индивиду.

В наше время Э. Файола и другие ученые говорят о становлении киберсознания и человеке дополненном. Возникает представление о формировании коллективного разума, сетевого интеллекта: в компьютерных системах с межсетевым взаимодействием человеческий интеллект становится одновременно распределенным и объединенным. В медицине давно уже используются приборы типа кардиостимуляторов, которые не позволяют однозначно ответить на вопрос: является ли ритм сердца больного естественным или искусственным? Нечто подобное теперь происходит со становлением киберсознания: в инновационном поле современного общества мы наблюдаем утверждение социально-разделенного сознания. Это означает слияние компьютерных технологий не только с разумом, но и с телами людей. Живым примером может служить канадец Роб Спенс, которому в глаз имплантировали видеокамеру, соединенную с передатчиком (Файола, Войскунский, Богачева, 2016). Приведу недавний случай взаимодействия компьютерной и обы-

денной реальностей: летом 2016 г. во всем мире стала популярной игра Pokemon Go. В ней действия частично происходят в реальном мире, то есть в местах, обладающих конкретными географическими координатами. И в этих местах якобы действительно присутствуют компьютерные вымышленные персонажи, которых ищут игроки.

Итак, если современные технологии считать средствами производства, то в сетевом обществе знаний они уже не «продолжают» человека, а сливаются с ним. Это происходит потому, что знания, распределенные между членами коммерческих организаций или научных сообществ, все равно остаются достоянием конкретных людей, входящих в эти структуры. И такой взгляд на средства труда отражает характерную особенность социокультурной реальности XXI в.

Новый этап развития психологии субъекта: современные направления исследований. Сегодня актуальным является ответ на вопрос: «Как изменения в мире человека сказываются на психологических исследованиях?» Обращая вопрос к психологии субъекта, я имею в виду следующие ключевые направления современных исследований.

Во-первых, это поиск и постановка проблем человекознания (из которого возникла психология субъекта) не из внутриспсихологического контекста, а из междисциплинарного в смысле Б.Г. Ананьева.

Во-вторых, концентрация исследователей на анализе тех процессов в психике субъекта, которые имеют приставку «мета»: метасознание, метапонимание, метарефлексия.

В-третьих, проявляющиеся в разных контекстах попытки современного переосмысления деятельностных оснований формирования и развития субъектных качеств человека.

Наконец, *в-четвертых*, осознание учеными необходимости перехода к новому этапу исследований психологии субъекта — не просто констатирующему его активный характер, но и направленному на раскрытие самосозидательной, самопорождающей, самотрансформирующей природы человеческой субъектности.

1. Междисциплинарный вектор постановки психологических проблем. Сегодня большинство психологических проблем в психологии субъекта уже нельзя изучать только с внутриспсихологических позиций (этот период мы прошли во второй половине прошлого века). Необходимость в новом осмыслении старых про-

блем обусловлена возникновением информационного общества, включающего сетевой характер организации знаний. Актуальность междисциплинарного подхода обусловлена необходимостью взглянуть на каждую проблему с разных точек зрения, задающих неодинаковость ее возможных интерпретаций. В наше время фундаментальные проблемы ставятся не внутри той или иной области науки, а на стыке, в междисциплинарном контексте, объединяющем ученых различных специальностей. В психологии субъекта это, в частности, отчетливо видно на примере переосмысления понятий «коллективный субъект» и «групповой субъект».

В XXI в. при осмыслении содержания названных категорий импульсом служит развитие уже не только психологии, как это было прежде, например в психологической теории коллектива А.В. Петровского. Источники современного переосмысления этих категорий надо искать во всем комплексе наук о человеке — от направленных преимущественно на анализ мозговых механизмов психической деятельности до исследования социальных проявлений психики.

В социальной нейронауке в конце XX в. были обнаружены зеркальные нейроны: они активируются не только при выполнении человеком целенаправленных действий, но и при наблюдении за тем, как такие же действия выполняет кто-то другой. Д. Риццолатти, открывший зеркальные нейроны, пишет: «Как только мы видим, как кто-то делает что-либо — отдельное действие или цепочку действий, — его движения незамедлительно приобретают для нас смысл, хочет он этого или нет. И, очевидно, верно и обратное: наши действия незамедлительно обретают смысл для тех, кто их видит. Зеркальная система и такая избирательность ответов составляющих ее нейронов способствуют созданию *общего пространства действий* (*shared space of actions*), внутри которого каждое действие и цепочка действий, принадлежат они “нам” или “другим”, мгновенно регистрируются и распознаются без необходимости какой-либо эксплицитной или намеренной “когнитивной операции”» (Риццолатти, Синигалья, 2012, с. 119).

Одним из перспективных технологических направлений в XXI в. является создание сетевого интеллекта (Войскунский, Игнатъев, 2013). В его основании лежат не только анализ Интернета как человеко-машинного виртуального взаимодействия, но и попытки изучения коллективного интеллекта. Так, в исследовании

А.У. Вули с соавторами выявлен фактор «с» (феномен коллективно-го интеллекта) — способность группы выполнять широкий класс задач. Он слабо зависит от индивидуальных интеллектуальных способностей членов коллектива (группы). Гораздо бóльшую роль играет социальная чувствительность (*sensitivity*), а также отсутствие в коллективе явно выраженного лидера, доминирующего в процессе групповой работы. При этом успешность решения самых разных групповых задач слабо коррелирует с величинами индивидуальных показателей интеллекта (*Woolley, Chabris, Pentland et al., 2010*).

Интересно, что вследствие групповых решений может возникнуть принадлежащее группе распределенное знание, которое отсутствует в индивидуальных тезаурусах. Д. Толлефсен приводит такой пример. Комиссия ООН по народонаселению, состоящая из 47 человек, выпускала отчет под названием «Карта развития народонаселения». Каждый член комиссии готовил свою тематическую часть доклада и самостоятельно собирал информацию. Затем технический сотрудник, не являющийся членом комиссии, составил коллективный документ. После этого доклад был роздан членам комиссии, которые обратили внимание на фразу: «Скорость возрастания доли латиноамериканского населения в США увеличивается». Никто из членов комиссии ее не писал, и она прямо не следовала ни из одного фрагмента доклада. Следовательно, никто не был конкретным автором этой информации. Это тот случай, когда не получается ни приписать знание группе, ни указать его надежный источник (*Tollefsen, 2007*).

В психологии и менеджменте изучаются психологические основания интерсубъективности и передачи людьми друг другу неявного личностного знания. Эта проблема активно исследуется применительно к самым различным социальным условиям профессиональной деятельности: науке (*Kekäle, 2011*), здравоохранению (*Kessel, Kratzer, Schultz, 2012*), службам занятости (*Kohansal, Alimoradi, Bohloul, 2013*), менеджменту (*Lauring, Selmer, 2012*). Типичным примером описания исследования, в котором изучались психологические основания желания или, наоборот, нежелания преподавателей делиться с коллегами личностным знанием, является недавняя статья Д. Юй и Р. Чжоу (*Yu, Zhou, 2015*). Знания в системе университетского преподавания классифицируются как явные и неявные. ИмPLICITное личностное знание занимает важное место

в системе ценностей конкурентоспособных преподавателей. Оно может содержать символы и выражения, понятные только самому носителю знания. Вместе с тем неявные знания являются неотъемлемой частью опыта преподавателя, его организаторских способностей, методов обучения, навыков. В преподавательской и научной деятельности накопленные одним человеком опыт и знания могут иметь ценность для других. В процессе принятия решений о необходимости поделиться собственными знаниями с другими преподаватели обычно взвешивают потенциальные риски (например, стать жертвой плагиата) и положительные эффекты для преподавания. И только тогда, когда они признают, что ценность совместного обладания выше, чем возможные риски, значимость разделенных знаний становится приоритетной.

Совместный характер неявного знания, направленного на выход за границы тезаурусов индивидуальных субъектов, в значительной степени определяет новое понимание психологической структуры коллективного субъекта. Вот как применительно к управлению знаниями в организациях описывают эту проблему И. Нонака и Н. Конно: «Долгие годы ученичества позволяют новичкам понять, как чувствуют и думают другие. Таким образом, в определенном смысле неявное знание может быть передано только в том случае, если индивид готов стать чем-то большим, включающим в себя неявное знание кого-то другого. Это большее, например, означает, что по отношению к нашим коллегам и клиентам мы испытываем скорее эмпатию, чем симпатию. В двух словах, выход за пределы личности составляет основу распространения индивидуального неявного знания» (Нонака, Конно, 2010, с. 279).

Эмпатия и симпатия в групповых процессах соотносятся в основном не с когнициями, а с коллективными переживаниями (Коллективные переживания..., 2015). Социальный характер категории переживания проявляется, в частности, в том, что в психологических исследованиях фокус анализа смещается с индивидуальных переживаний в область коллективного. «Отдельная личность проникнута не столько уникальными, сколько “типическими” (по Г.Г. Шпету) переживаниями, близкими всем представителям большой группы, культуры, социума. Таким образом, коллективный характер субъекта переживания утверждается пока еще не совсем на надиндивидуальном уровне, где субъектом выступала бы собствен-

но группа, но уже в отрицании исключительной природы переживания общественных явлений отдельным человеком. Один человек переживает то же, что и другие люди, и это делает переживание не индивидуальным, а социальным явлением» (Ширков, 2015, с. 199).

Важными составляющими переживаний являются коллективные эмоции. Они разделяются и осознаются всеми членами группы. К. фон Шеве, анализируя феномен коллективных эмоций, называет их «синхронным сближением аффективного реагирования». В межличностном общении, в одной и той же культуре (обладающей общими знаниями, нормами, ценностями), в способах идентификации субъекта с группой коллективные эмоции не просто проявляются как совокупность отдельных эмоций, а представляют собой уникальное «холистическое» качество социального коллектива (von Scheve, 2013).

Первоначальный этап развития психологии субъекта характеризовался закономерной направленностью ученых на определение явных вербализуемых признаков «коллективного субъекта». Именно в этом качестве аналитически были выделены присущие нескольким людям состояния предактивности, способность группы проявлять совместные формы активности, коллективная саморефлексия, групповая устойчивость, активность, удовлетворенность и т.п. (Журавлев, 2009).

Сегодня для преодоления исключительно рационалистического подхода к решению проблемы предлагаются различные варианты уровневой структуры психологической организации коллективного субъекта. Например, И.Т. Касавин пытается избежать редукции проблемы только к познающему индивиду. Он различает основные типы коллективности, в которых производится знание. Следуя этой логике, он описывает четыре уровня коллективного субъекта познания — трансцендентальный, укорененный, договорный и распределенный (Касавин, 2015).

Очевидно, что во всех современных вариантах интерпретации содержания категории «коллективный субъект» проявляется направленность на анализ неявного знания и невербализуемого опыта субъекта, это одна из главных характеристик исследований в области человекознания.

2. Метауровень исследования психики субъекта. Современная психология характеризуется повышенным интересом ученых к

психологическим процессам, имеющим приставку «мета»: метасознание, метапонимание, метакогнитивная компетентность и т.п. На уровне психики отдельного субъекта метапроцессы играют связующую роль в создании общего пространства психических действий.

Например, при понимании научного текста метакатегорией, отражающей целостное понимание, является «связность». За этим понятием скрывается представление о необходимости для понимания согласования не только предварительных знаний понимающего субъекта, но и его навыков понимания текста (*Best, Rowe, Ozuru, McNamara*, 2005). В «модели конструкции–интеграции» У. Кинча показано, как знание влияет на формирование понимания. В процессе понимания субъект получает новые знания, способные повлиять на последующее понимание. Эффективный «познавательно-понимательный» цикл заключается в том, что предварительные сведения всегда необходимы для возникновения понимания, которое, в свою очередь, порождает знание. У. Кинч полагает, что когда мы читаем, то опираемся на свои знания о мире и представления о том, о чем, по нашему мнению, идет речь в тексте. Конечная цель интеграции знаний, представлений и мнений — построить целостную ментальную репрезентацию описываемой ситуации (*Kintsch*, 2004).

Существенно меньшим, чем в ментальной репрезентации, количеством когнитивных составляющих психики характеризуется метасистемная организация экзистенциального опыта субъекта. В основании экзистенциального опыта оказывается специфическое понимание человеком не только мира, но и себя: я имею в виду метаперсональную самоинтерпретацию (*DeCicco, Stroink*, 2007), которая также представляет собой метасистемный уровень самопонимания. Метаперсональная самоинтерпретация распространяется за пределы индивидуально-личностного внутреннего мира и охватывает более широкие стороны человеческого бытия — осознание субъектом себя как частички космоса, человечества, жизни. В процессе метаперсональной самоинтерпретации человек понимает, что свою сущность можно понять, обратив взор не только внутрь себя, но и на психологические особенности других людей, общество и универсум. Метаперсональное порождается универсальным фокусом, таким взглядом на себя и мир, который включает всю природу и жизнь в Я-концепцию субъекта.

Реализация метаперсональной функции экзистенциального опыта основана на рефлексии понимающего субъекта над тем, что происходит в его внутреннем мире, как именно протекают процессы познания и понимания. Понимание всего, что для субъекта значимо, основано на метакогнитивной осведомленности, выходе за пределы конкретного содержания события или ситуации. Познание всегда включает в себя отношение, а экзистенциальный опыт связан с метакогнитивным опытом.

Знания или стратегии интеллектуальной деятельности в психологической науке считаются метакогнитивными, если они активно используются в качестве рефлексии и управления своими познавательными процессами. В метапознание включены не только сознательная, но и неосознаваемая познающим субъектом регуляции интеллектуальной деятельности. Метакогнитивный контроль поведения нередко осуществляется автоматически, неосознанно, а выбор стратегии принятия решения является во многом бессознательным метакогнитивным процессом (*Koriat, Levy-Sadot, 2000*).

Вопрос, на который должны дать ответ будущие исследования, состоит в выявлении роли неосознаемого экзистенциального опыта в сознательном метакогнитивном контроле поведения. Известно, что метапознание включает в себя убеждения второго порядка («Я знаю, что я знаю»). Они определенно не могут быть функцией исключительно сознания — здесь не обойтись без изучения мнений, бессознательных рефлексивных убеждений, установок. Учитывая это, следует признать, что экзистенциальный опыт субъекта имеет такое же важное метатеоретическое значение, как и ментальный.

Таким образом, метакогнитивные исследования обнаруживают направленность и на выявление когнитивной природы знаний, и на раскрытие экзистенциально-герменевтических оснований действий с ними.

3. Деятельностные основания формирования и развития субъектности человека. После А.Н. Леонтьева в отечественной психологии количество публикаций, в названии которых упоминается слово «деятельность», резко сократилось. Сегодня почти нет исследований, методологическим основанием которых действительно является теория деятельности, а методики учитывают ее единицы — мотивы, цели, действия, операции. Правда, со мной вряд ли

согласятся участники «Методологического семинара по проблемам деятельностного подхода в психологии», который регулярно проводится на факультете психологии МГУ. Однако важность новых взглядов на проблемы деятельности в современном междисциплинарном научном контексте для меня тоже очевидна. В частности, неожиданный ракурс возрождения интереса к деятельностным основаниям психики сегодня раскрывается при обращении к работам М. Фуко (2011) и П. Адо (2005). Главное в их трудах — не анализ внутренней сущности субъекта, а изучение тех дискурсов, практик, которые они называли духовными. Характер дискурса, практики, то есть, говоря психологическим языком, деятельности, определяет взгляд на изучаемое, специфику развития психики. В этом контексте важнейшую роль начинают играть способы преобразования субъекта, полагания себя. Примером такой практики является понимание произведений искусства. Процесс понимания-постижения «художественных произведений — это не только процесс восстановления, возобновления, возрождения смысла, это еще и постоянное творение самой способности понимания — *творение понимающего субъекта*. Своим произведением художник лишь открывает перспективу творческих актов смыслообразования. В цепи этих актов формируются и трансформируются смыслообразующие способности людей» (Порус, 2016, с. 94).

По Фуко, субъективность проявляется во внутренних условиях познающего мир человека, прежде всего в его опыте (Фуко, 2011). Сегодня уже ясно, что нужно не только анализировать развитие знания о человеке как субъекте, но и учитывать, какие дискурсивные практики конституируют матрицу возможного знания. Иными словами, как деятельность не только определяет практики, но и зависит от них. Неудивительно, что А.В. Брушлинский, развивая психологию субъекта и следуя за своим учителем С.Л. Рубинштейном, настаивал на ее субъектно-деятельностных основаниях (Брушлинский, 2003а). И сегодня понятно, почему это так: психология субъекта была для него не просто совокупностью научных знаний, она стала неотъемлемой частью его мировоззрения и, главное, поведения. Об этом свидетельствуют многие его поступки (см.: Знаков, 2016, с. 86–87). Субъектно-деятельностный подход был для А.В. Брушлинского не абстрактной наукой, а такой духовной практикой, которую он воплощал в жизнь.

Таким образом, современные исследования деятельности оснований психики должны включать направленность не только на анализ внутреннего мира человека, но и на изучение обстоятельств, способствующих порождению его субъектных качеств.

4. Развитие субъекта как самопорождение и самотрансформация его субъектных качеств. Российская психология субъекта прошла первый этап развития, который я бы назвал содержательно-структурным. Первый этап развития обсуждаемого научного направления по существу был телеологичным, он характеризовался направленностью психологов на получение знаний о раскрытии человеком своего Я (способностей, мотивов, интересов) и присвоении форм субъектности, лежащих в основе определенной профессиональной практики. Как это и закономерно для становления любого нового научного направления, на содержательно-структурном этапе психологами активно обсуждались определения субъекта, разные точки зрения на его понимание, критерии субъектности человека, соотношение категорий «субъект», «личность», «индивидуальность» и другие аспекты проблемы. Пристальный интерес ученых к структурным компонентам индивидуального и группового субъекта проявился, в частности, в том, что в качестве психологических особенностей коллективного субъекта выделялись наличие присущего нескольким людям состояния преактивности, способность группы проявлять совместные формы активности, коллективную саморефлексию и т.п. Разумеется, окончательных ответов на все обсуждавшиеся вопросы не найдено, но если ограничиться только их психологическим анализом, то есть опасность впасть в порочный замкнутый круг — необходимы новые перспективы и горизонты.

И такие перспективы есть. На первом, фактически познавательном, этапе психологам важно было получить достоверное знание о субъекте. На втором этапе главными становятся те условия, в которых реализуется самотрансформация субъекта, и приемы (например, духовные практики), с помощью которых она происходит.

Сегодня важно осознать, что в XXI в. психология субъекта вышла на новый этап развития, его можно назвать самосозидательным или самопорождающим. Сегодня происходит переосмысление категории «субъект»: от его понимания как самоидентификации, обнаружения в человеке активного начала — к самоконструированию,

поиску таких дискурсов и практик, в которых осуществляется раскрытие множественности вариантов динамики развития субъектности. Иначе говоря, можно сказать, что в рамках психологических исследований Я-концепции происходит смещение фокуса внимания ученых с определения Я как совокупности личностных качеств, обладающей «самосложностью» и «самопростотой» (*Rafaeli-Mor, Gotlib, Revelle, 1999*), на такие способы конструирования Я, в которых разные его интерпретации становятся конкретными методами формирования субъектности. Родоначальником переосмысления «субъекта» можно считать М. Фуко. Выдающийся французский мыслитель выделял два типа отношения человека к себе: определение того, чем он является на самом деле, обретение знания о своих сущностных чертах и создание такой формы субъектности, которой он до тех пор не обладал. Первое соответствует самопознанию, второе — заботе о себе (*Фуко, 2014*).

В наше время очевидным является смещение исследовательских акцентов с истин познания на конкретные обстоятельства, в которых формируются бытийные ценности и смыслы субъекта. Представления о созидающем себя субъекте изменились, и они отражают не только научные взгляды нескольких учеников и последователей А.В. Брушлинского. Идеи о становлении субъекта как его самопорождении и самотрансформации находят воплощение в понимании личности как успешного автопроекта (*Тульчинский, 2010*), идее о самопроектировании личности (*Чепелева, 2013*), в концепции культуропорождающего образования (*Корбут, 2004*). Преобразование сократовского тезиса «Познай самого себя» в призыв «Создай самого себя» (*Петрова, 2013*), конечно же, не отрицает эвристической ценности самопознания. Новый этап развития психологии субъекта нацелен на психологический анализ и познания, и такой нелегкой работы по изменению себя, которая отражена в кратком и емком высказывании: «Самое сложное для человека — познать и изменить себя» (*Критская, Мелешко, 2015, с. 19*). Для психологов это означает необходимость поиска и условий трансформации человеком самого себя, обстоятельств, оптимальных для самоизменения, и знаний о внутренних и внешних факторах, способствующих или препятствующих этому.

Сочетание эпистемологического и гносеологического подходов к проблеме дает психологам возможность исследовать две взаи-

мосвязанные стороны формирования субъектности человека. При одном, содержательном ракурсе рассмотрения проблемы субъекта, психологи фокусируют внимание на способах определения человеком своей идентичности посредством сознания и самопознания. Второй ракурс предполагает поиск динамического регулятивного влияния обстоятельств, социальных условий, дискурсивного поля на изменение субъектом отношения к себе посредством осознания своих границ, пределов. При этом главными оказываются субъектно-деятельностные основания работы над собой, готовности человека выйти за свои границы, преодолеть сложившиеся представления и стереотипы.

Более перспективным и соответствующим второму этапу пониманием субъекта мне представляется не телеологическое, а конструктивистское направление исследований. Оно основано на принципе заботы о себе, понимаемом не столько как самопознание, сколько как трансформация себя. Человек конструирующий, то есть заботящийся о себе, живет в неопределенном и даже хаотичном мире, в котором невозможно категорично, а не размыто определить себя. Вместе с тем направленность на самопреобразования соответствует многим направлениям современных психологических исследований — самодетерминации, изучению изменений в осознании собственной идентичности и др. В развитии второго этапа, не отрицающего, а включающего в себя и проблемы первого этапа, мне видится перспективное настоящее и будущее психологии субъекта.

В контексте изложенного выше очень значимым является следующий вопрос: в современной психологической литературе есть немало интересных и содержательных публикаций на обсуждаемую тему, тогда почему в качестве основателя психологии субъекта я называю А.В. Брушлинского, а, например, не К.А. Абульханову или какого-нибудь другого серьезного и всеми уважаемого ученого? Дело в том, что только А.В. Брушлинского в этой области психологического знания, используя метафору М. Фуко, можно назвать «основателем дискурсивности». Его заслуга не только в том, что он породил новые тексты по психологии субъекта (о критериях, структурных характеристиках и т.д.). Он создал нечто большее: возможности и правила рассуждений, указывающие на бесконечность дискурсов — допустимых направлений психологических исследований субъекта и правил образования научных текстов о нем.

В таком дискурсивном поле, с одной стороны, уже теряется первоначальная научная значимость личностной, авторской, субъектной отнесенности сказанного к А.В. Брушлинскому. Это происходит потому, что для профессионалов высказанные им идеи уже давно стали аксиомами и даже трюизмами. К примеру, в сотнях работ воспроизводится его определение субъекта как человека на высшем для него уровне активности, целостности (Брушлинский, 2003а). С другой стороны, дискурсивное поле, первоначальные границы которого были очерчены названным психологом, открывает для исследователей возможности создания чего-то, восходящего к психологии субъекта А.В. Брушлинского, но уже отличающегося от него (системно-субъектный и субъектно-бытийный походы, психология человеческого бытия и т.п.). Однако именно психология субъекта как заданное основателем дискурсивное поле является той системой координат, по отношению к которой определяется теоретическая и эмпирическая валидность новых направлений исследований.

Обобщенно говоря, можно утверждать, что А.В. Брушлинский пытался ответить на два главных для этой предметной области вопроса. Первый: каковы психологические характеристики человека как субъекта, чем они отличны от индивида, личности, индивидуальности? Второй вопрос об анализе самой дискурсивности (иначе ее можно назвать научной рациональностью): в соответствии с какими условиями и в каких формах субъект отражается в разных дискурсах? В ответе на первый вопрос проявилось гибкое сочетание гносеологического (динамический и регулятивный планы анализа психологии субъекта) и эпистемологического (структурный план) подходов. Ответ на второй вопрос неразрывно связан с научными представлениями о деятельностной природе человеческой психики: какие виды деятельности способствуют, а какие препятствуют проявлению и развитию субъектных качеств человека? Например, преднамеренно создаваемые развивающие и деструктивные трудности, которые изучает А.Н. Поддьяков, безусловно, следует рассматривать с субъектно-деятельностных позиций (Поддьяков, 2014).

Итак, то, что в XXI в. мир человека изменился, — утверждение очевидное и даже банальное. Для психологов важнее определить, в чем конкретно заключаются изменения и как они сказываются на формировании новых взглядов на классические научные проблемы.

Проведенный анализ показал, что изменение социальной структуры общества, превращение знаний в средства производства, сетевой характер организации структуры знаний породили оригинальные идеи, которые необходимо продуктивно использовать в психологии субъекта. К ним относятся осознание необходимости применения междисциплинарного, метакогнитивного и метасистемного подходов; переосмысление деятельностных оснований формирования и развития субъектных качеств человека. Однако ключевым является понимание научной неизбежности исследования самосозидательной, самопорождающей, самотрансформирующей природы человеческой субъектности. И анализировать субъекта и субъектность надо так, как выражено в мудром тезисе Л.И. Анцыферовой: «Изменить себя, не изменяя себе» (Анцыферова, 2006, с. 341). Другими словами, в изменчивом мире психологи должны изучать субъектную сущность человека, не утрачивая его внутреннего стержня, индивидуально-личностного своеобразия.

1.4. Конституирование человеком способа быть субъектом: забота о себе

Цель раздела — описать феномен «заботы о себе» как концентрированное выражение субъектности человека.

С Античности в европейской культуре сформировалось суждение о том, что заботиться, не терять себя человеку помогает образование: «Для античных мыслителей образование являлось заботливо организованным обретением себя» (Безрогов, Пичугина, 2014, с. 144). Обучаясь, заботящийся о себе человек становится субъектом, совершенствующим, творчески изменяющим себя таким образом, чтобы это способствовало и духовному росту окружающих его людей. Знаменательно, что в этом процессе понимание занимает главенствующее место (Бабушкина, 2002).

Забота о себе — это такое измерение жизни, в котором гармонично сочетаются внимание субъекта к себе, своему благополучию и аналогичный взгляд на других людей. Посредством других субъект узнает и понимает себя. В широком смысле слова забота о себе включает направленность субъекта на личностное развитие, не только увеличение культурных знаний о мире, но и стремление постичь смысл человеческого бытия. Достигается это путем работы

над собой, социальных практик, духовных упражнений. Забота о себе требует от человека способности осмыслить свои возможности и не ставить перед собой заведомо невыполнимые задачи. Попытки их решения могут не способствовать личностному росту, а, наоборот, привести к саморазрушительным последствиям. «Забота о себе предполагает глубокую трансформацию взгляда на мир и способа бытия в мире, и эта трансформация оказывается радикальной и трудной. Духовные упражнения и техники направлены на внутреннее изменение субъекта» (Борффо, 2015, с. 153–154).

Современная интерпретация феномена заботы о себе очень созвучна таким идеям самосозидания человеком своих субъектных качеств, которые указывают на поиск новых подходов к поиску психической активности субъекта в жизни и деятельности. Неудивительно, что эти идеи очень близки психологии субъекта. В заботе о себе умственные и физические усилия субъекта, связанные с самопониманием и самосовершенствованием, направлены на сокращение разрыва между тем, каким субъект является на самом деле, и тем, каким он себе себя представляет. Соответственно совершаемые поступки имеют для него смысл лишь в той мере, в которой они помогают лучше узнать себя. По Фуко, забота о себе оказывается альтернативным методом субъективации: субъект более не обязан открывать и осознавать истину о самом себе. Главное — придать смысл собственному существованию, делая его прекрасным с этической и эстетической точек зрения. По сути дела речь идет о смещении акцентов с познания на существование. А эта идея, безусловно, близка психологии человеческого бытия.

Стремление к внутренним изменениям, самосозиданию, трансформации себя проявляется в психологических исследованиях самопонимания. Как известно, процессы понимания человеком себя обычно «запускаются» внешними побудительными причинами (требованием написать автобиографию при приеме на работу, вопросом о том, почему вы именно таким образом относитесь к партнеру по общению, и т.п.). Так, для меня поводом для развертывания процесса самопонимания стала ситуация, в которой возник вопрос: хочу ли я прочесть книгу по психологии продаж?

В современном мире одной из причин переосмысления субъектом себя, трансформации самопонимания является миграция, смена страны проживания, столкновение человека с новыми культур-

ными и социально-психологическими реалиями. В этом отношении типичные результаты получены в психологическом исследовании, в котором участвовали китайки, продолжившие свое образование в американских университетах (*Qina, Lykesb, 2006*). Исследование показало, что самопонимание активно, динамично, текуче потому, что сама личность разнообразна и многогранна. В процессе культурной адаптации происходит повторное исследование и переосмысление ранее фрагментированных сторон своей личности. Переосмысление нужно для того, чтобы создать новое, расширенное Я, включенное в сеть отношений в чужой культуре. У некоторых испытуемых развивались критическое сознание и новый смысл личности, поскольку они объединяли болезненные потери, сопровождающие их отъезд из Китая, и новую социальную идентичность, возникающую после пересечения границы. Чем больше человек осознает необходимость трансформации, создания нового Я, тем органичнее он вписывается в новую социокультурную среду, в непростые новые человеческие отношения: «Многие люди, которые учились в Америке, рассказывали, что жизнь иностранного студента очень трудна и выживание дается нелегко. Что касается меня, то я думаю, что хотела испытать эти трудности. Их преодоление поможет мне подняться на иной уровень духовного развития» (*Ibid.*, р. 188). Результаты направленности субъекта на преодоление противоречий не заставляют себя ждать: «Я очень изменилась! Раньше, в Китае, я стереотипизировала людей, не задумываясь, делала быстрые выводы. Но теперь я более открыта для того, чтобы согласиться с новыми идеями, вещами, различными ценностями и поведением. Я имею в виду, что я стала непредубежденной к разнообразию вещей и людей в мире» (*Ibid.*, р. 192).

Большой вклад в психологический анализ обсуждаемого феномена внесла Г.В. Иванченко, которая проинтерпретировала различные варианты психологических ресурсов действенной заботы субъекта о себе. Она проделала большую работу, направленную на творческое развитие идей М. Фуко. У обоих ученых главный акцент был сделан на конституировании способа быть субъектом, анализе форм самоконструирования, прагматики отношения к себе (*Иванченко, 2009а; Фуко, 2007*).

У М. Фуко реализация метода «анализ через синтез» в социокультурном контексте нашла удачное воплощение именно в иссле-

дованиях феномена заботы о себе. У него описание этого феномена было направлено на конструирование целостной картины путем анализа частей. В концепции *epimeleia* (заботы о себе) он различал четыре аспекта (Фуко, 1991). Первый аспект: то, что можно назвать мировоззрением субъекта, — индивидуально-специфическая манера смотреть на мир, действовать, вступать в отношения с другими людьми. Забота о себе — это также отношение к самому себе, к другим, ко всему в человеческом мире. Второй аспект: забота о себе предполагает особую форму внимания, взгляда. Она подразумевает изменение направления взгляда, перенесение его с внешнего мира на внутренний, с других на самого себя. Забота о себе требует интроспекции: наблюдения субъекта за тем, что он думает и что происходит в его внутреннем мире. Третий аспект: определенный образ действий, осуществляемый субъектом по отношению к самому себе. Действия, посредством которых субъект проявляет заботу о себе, изменяют и преобразуют его. Эти действия представляют собой совокупность практических навыков, приобретаемых путем большого количества упражнений. В истории западной культуры, философии, морали и духовной жизни техники медитации, запоминания прошлого, изучения сознания имеют давнюю традицию, они как бы вплетены в социокультурный контекст. Наконец, четвертый аспект исследовательского внимания: понятие заботы о себе основано на совокупности нормативных предписаний, определяющих способ существования субъекта в обществе, его отношение к окружающему, определенные формы рефлексии (*Там же*, с. 285).

Творчество Г.В. Иванченко является наглядным проявлением значимости для анализа человеческого бытия целостного континуума «знание–опыт», потому что ее исследования направлены на изучение психологии субъекта, действующего во всех трех реальностях — эмпирической, социокультурной, экзистенциальной. В частности, как, условно говоря, направленный на взаимодействие человека с эмпирической реальностью можно рассматривать ее анализ принципа необходимого разнообразия в природе (*Иванченко, 1999а*), а также музыкальных ощущений и восприятия музыкальных звуков (*Иванченко, 2001*). Несколько иной взгляд на понимание и поведение людей в социокультурной реальности представлен в книгах о публичной риторике (*Иванченко, 1999б*), логосе любви (*Иванченко, 2007а*) и космосе любви (*Иванченко, 2009б*). Наконец,

отчетливо выраженный экзистенциальный характер имеют исследования феномена одиночества (Покровский, Иванченко, 2006) и историко-методологического и психологического анализа стремления человека к совершенству (Иванченко, 2007б). Ее размышления о самосовершенствовании и самореализации сыграли роль связующего звена, моста, ведущего к постановке проблемы заботы о себе.

С точки зрения современной психологии субъекта и психологии человеческого бытия именно последняя проблема — конституирования человеком способа быть субъектом — сегодня стала наиболее интегративной, обобщающей. И очевидно, что она была главным вопросом для обоих мыслителей — М. Фуко и Г.В. Иванченко (я бы добавил сюда и А.В. Брушлинского).

Психолог Галина Иванченко в обсуждаемой концепции сфокусировала свое исследовательское внимание в основном на психологических ресурсах действенной заботы субъекта о себе. Причем в поле ее пристального внимания был весь диапазон «рациональные знания – экзистенциальный опыт» — от факторов, способствующих формированию заботы, до тупиков, метапатологий, ведущих к утрате ценностных оснований человеческого бытия.

Начинается анализ с выбора субъектом совершенствующих состояний. Ситуации самосовершенствования субъекта изучаются с разных точек зрения. Одна — измерение умений и навыков доведения мастерства и исполнения до пределов возможного. Другое измерение образует степень добровольности переживания той или иной ситуации — от избегания до стремления субъекта попасть в нее. Третье измерение связано со степенью осознанности, осмысленности переживания и действий человека в той или иной ситуации, например одиночества.

Именно способность переносить одиночество как ресурс в заботе о себе становится следующим аспектом исследования проблемы. По мнению Г.В. Иванченко, «одиночество парадоксальным образом выступает и как ресурс развития, и как жизненно необходимое в определенных “дозах” состояние, и как непреодолимое испытание для тех, чьи силы подточены психологическими защитами от мира, аддикциями, неотрефлексированными личностными проблемами. Сама способность человека переносить одиночество служит индикатором его личностной зрелости, открытости, аутентичности, и индивид, изо всех сил старающийся не столкнуться с

одиноким, скорее всего также избегает и осознания других проблем» (Иванченко, 2009а, с. 86).

Еще один ресурс — любовь. По психологическому содержанию этот ресурс различен у мужчин и женщин. Мужчины чаще страдают от неспособности духовно сближаться с любимой, доверять ей. Женщинам труднее преодолеть неуверенность в себе, они нередко испытывают страх перед одиночеством, боятся, что их покинут. Преодоление неуверенности в себе — необходимое условие самореализации и самосовершенствования субъекта.

Важным конституирующим субъекта ресурсом является способность ставить цели. При анализе целеполагания психологу важно осознавать, что нередко альтернативы, из которых необходимо сделать выбор, не даны субъекту непосредственно. Они требуют такого осознания и формулирования, которое требует от субъекта выхода за пределы себя, предвидения возможных последствий. «Поэтому целеполагание тесно связано с ответственностью человека и с его свободой выбирать алгоритмы и пути решения задачи. Приходится выбирать и средства достижения целей» (Там же, с. 93).

Расширенным вариантом целеполагания являются жизненные планы и программы человека. Жизненные планы обращены в будущее, а критерием их оптимальности оказывается не только расширение границ возможного, но и усложнение и обогащение жизненного мира субъекта.

Г.В. Иванченко рассматривала заботу о себе прежде всего как самосовершенствование человека, описываемое четырьмя полярными характеристиками.

1. Непринужденность, органичность, естественность – насильственность самосовершенствования. Чем больше совершенствующийся человек учитывает свою индивидуальность, принимает во внимание присущие ему свойства, качества, задатки, таланты, тем ближе совершенствование к полюсу «непринужденности».
2. Тотальность – частичность самосовершенствования (широта изменений, производимых совершенствующимися процессами в субъекте — его двигательных навыках, ответственности и т.п.).
3. Внешняя–внутренняя направляемость процессов (и среди последних — направляемость потребностями нужды либо

потребностями роста). Г.В. Иванченко подчеркивает, что подлинно свободное самосовершенствование направляется не «потребностями нужды», а «потребностями роста» по А. Маслоу.

4. Осознанность–нерефлексивность процессов самосовершенствования. Человек может не осознавать или частично осознавать свои мотивы и психологические механизмы самосовершенствования: «С одной стороны, стремление к совершенству и самосовершенствованию может проявляться и без какой бы то ни было осознанности, с другой стороны, у взрослого человека почти всегда выстраивается целая система деятельностей, связанных с самосовершенствованием, с приближением “реального Я” к “идеальному Я”» (Там же, с. 108).

Таким образом, психологические ресурсы действенной заботы субъекта о себе исследованы глубоко и разносторонне. Это относится к анализу не только психологических характеристик субъекта, способствующих формированию этого феномена. Не менее тщательно были изучены препятствия на этом пути: потеря направления и ориентиров заботы о себе, утрата ценностной основы, фанатизм, экзистенциальное одиночество и др. Чем дальше автор продвигается в направлении анализа причин нарушения меры в заботе о себе, тем больше она вынуждена погружаться в такие глубины психики субъекта, которые никак не могут быть осознаны и отрефлексированы. Например, это происходит при сопоставлении верности субъекта себе и метапатологий. Метапатологии не нарушают связь человека с основой бытия, но непостоянство и ригидность — те два полюса, между которыми в особенности сложно сохранить меру. С одной стороны, сознательные рефлексивные усилия человека по обретению и удержанию этой меры мало что могут дать, если это просто «волевые усилия, не связанные с какой-то выходящей за пределы отдельного человеческого существования целью. Так, верность себе, если она не связана со служением делу или самоотдачей, легко и быстро вырождается в самоуверенность и самонадеянность, не критичность» (Там же, с. 259). С другой стороны, одного сознания мало: в истории психологии интроспекция никогда не приводила к решению крупных психологических проблем, например понимания. Причина в том, что эти проблемы надо

рассматривать не только в узком смысле, как познавательные процедуры субъекта, но и в широком экзистенциальном — как способ человеческого бытия. Такие проблемы мы понимаем не только по типу понимания-знания, но и по типу понимания-постижения. Несомненно, что психологическая природа «заботы о себе» такова же, и это явным образом следует из глубоких и интересных исследований М. Фуко и Г.В. Иванченко. Несомненно также и то, что забота о себе (которую, как по большому счету можно утверждать, до сих пор игнорируют большинство россиян применительно как к себе, так и к окружающим) является действенным ресурсом становления субъектности человека, конструирования себя. Разумеется, дальнейшие исследования этого феномена будут способствовать углублению научных представлений ученых о психологии субъекта и психологии человеческого бытия.

1.5. Психология человеческого бытия: теоретические итоги первых пятнадцати лет исследований

Психология человеческого бытия, научный фундамент которой заложили В. Франкл, С.Л. Рубинштейн и А.В. Брушлинский, сегодня является одной из перспективных и динамично развивающихся областей психологического знания. В конце XX в. ее контуры были явным образом обозначены посредством описания теоретических оснований, предмета, целей, методов. В наше время психология человеческого бытия продолжает интенсивно развиваться (Субъект, личность и психология..., 2005; Личность и бытие..., 2008). В этих условиях актуальной является необходимость углубления и расширения научных представлений о человеческом бытии. Понятийный аппарат психологии должен обогатиться и более ясными «психологическими» дефинициями человеческого бытия, и более точным определением предмета исследования.

Утверждая, что в конце XX в. созрели предпосылки для рассмотрения психологии человеческого бытия как самостоятельной области психологической науки, я отчетливо осознаю не только перспективность такого направления анализа многих психических феноменов (в частности, понимания), но и возможные возражения

и теоретиков, и практиков. Прочитав или услышав это утверждение, любой образованный психолог может выразить недоумение: психологическое направление исследований, имеющее дело с анализом коренных проблем человеческой жизни, уже существует — это экзистенциальная психология. Предметом экзистенциальной психологии являются такие глобальные вопросы, как проблемы жизни и смерти человека; свободы и детерминизма; выбора и ответственности; общения и одиночества; смысла и бессмысленности или даже абсурдности существования. В фокусе внимания психологов, исследующих закономерности психики человека с позиций психологии человеческого бытия, находятся фактически те же проблемы, однако *подходы к их решению* в двух названных направлениях психологической науки существенно различаются.

Между психологией человеческого бытия и экзистенциальной психологией есть принципиальные различия, и некоторые особенности последней не позволяют исследователю эффективно, научно корректно изучать психологические особенности понимания мира субъектом.

Во-первых, проблема, с которой обязательно сталкивается психолог, привыкший к теоретико-экспериментальному анализу проблемы понимания, заключается в том, что экзистенциалистская ориентация в разных областях, например консультировании, имеет глубоко интуитивный, а не эмпирический фундамент. Естественно, что это означает скорее схватывание феноменологической целостности изучаемых явлений, чем установление достоверности выявленных закономерностей и воспроизводимости обнаруженных фактов. Поскольку согласно экзистенциалистскому понятию существования, функции субъекта и объекта в бытии принципиально различны (объект «существует», а субъект «переживает»), то человек не познает объективный мир, а именно «переживает». Мало того, в соответствии с этим тезисом постулируется если не непознаваемость объекта, то уж во всяком случае несущественность познания мира, его малая значимость для самореализации человека. Это означает еще и акцент на сиюминутности — фокусировании внимания на тех эмоциях и чувствах, которые проявляются в данный момент. В экзистенциальной психотерапии это называется принципом «здесь и теперь». В результате получается, что человек пассивно отражает непознаваемые внешние стимулы, а не осущест-

вляет свою жизнь как активно познающий, действующий и преобразующий мир субъект.

Для психолога-исследователя изучение любого психологического явления связано с анализом его причинно-следственных связей, внутренних и внешних условий, которые обусловили его формирование и развитие. Как отмечает Е.А. Климов, «в любом случае понимание и объяснение явлений психики должно быть “связеобразным”, то есть опираться на раскрытие рассматриваемого явления в системе тех или иных характеризующих его реальных связей (более принято и благозвучно выражение “законосообразность” понимания, объяснения; его мы и будем придерживаться)» (Климов, 1998, с. 26).

В отличие от научно-познавательной традиции, с экзистенциальной точки зрения исследовать — прежде всего значит отодвинуть повседневные заботы и глубоко размышлять о своей экзистенциальной ситуации. Иначе говоря, думать не о том, каким образом мы стали такими, каковы мы есть, а о том, *что мы есть*. С позиций психологии человеческого бытия, психолог не может ограничиться узнаванием того, что есть, выявлением того, как субъект понимает, например смысл своей жизни. Напомню, что для Рубинштейна и Франкла главная категория — долженствование. Следовательно, задача психолога состоит не в констатирующем описании особенностей наличного бытия человека. Это еще и оценка реального бытия с позиций идеальных представлений о нем, то есть этических отношений, морального императива. Только таким способом можно понять психику человека не как данность, определенный временной срез, а как динамическое, процессуальное образование, имеющее свои причины и следствия.

Во-вторых, субъектно-деятельностные основания психологии человеческого бытия изначально построены на представлении о том, что развитие человеческой психики происходит в общении людей, диалоге субъекта с миром. В отличие от этого экзистенциальная психология по существу представляет собой психологию индивидуализма. Она изучает отдельного человека, противостоящего враждебному ему миру и остающегося один на один с неизбежными жизненными противоречиями — добром и злом, своими желаниями и социальными ограничениями, наконец, жизнью и смертью. Один из крупнейших современных психотерапевтов профессор

Стэнфордского университета И.Д. Ялом называет такой модус существования человека экзистенциальной изоляцией. Он пишет: «Индивиды часто бывают изолированы от других или от частей себя, но в основе этих отъединенностей лежит еще более глубокая изоляция, связанная с самим существованием, — изоляция, которая сохраняется при самом удовлетворительном общении с другими индивидами, при великолепном знании себя и интегрированности. Экзистенциальная изоляция связана с пропастью между собой и другими, через которую нет мостов. Она также обозначает еще более фундаментальную изоляцию — отделенность между индивидом и миром» (Ялом, 1999, с. 400).

Согласно экзистенциальному взгляду на мир, как бы ни был близок один человек другому, между ними все равно всегда остается непреодолимая пропасть, потому что каждый из нас в одиночестве приходит в мир и в одиночестве должен его покидать. Это порождает неизбежный конфликт между сознаваемой абсолютной изоляцией и потребностью в общении с людьми, защите и, в конечном счете, принадлежности к какой-то целостности. Экзистенциальный подход не отрицает важной роли интерсубъективных отношений в жизни человека, однако это отношения не взаимодействия и сотрудничества, а отстранения и отчуждения. Взгляд другого человека на субъекта превращает последнего в бездушный объект наблюдения, отчужденный как от самого себя, так и от всего окружающего мира. Особенно отчетливо установка на индивидуализм проявляется в центральной для экзистенциалистской теории проблеме свободы: например, в отношениях половой любви каждый из партнеров стремится завладеть свободой другого и превратить ее в вещь.

С позиций психологии человеческого бытия, к проблеме одиночества необходим дифференциальный подход. Он предполагает изучение психологических характеристик и выделение разных типов одиноких людей, а также поиски причинных связей между временным состоянием и длительным чувством одиночества. Эта проблема связана с индивидуально-психологическими особенностями восприятия человеком себя и своего окружения. Одиночество как мироощущение и переживание личности представляет собой многомерное, системное качество, которое нельзя понимать и оценивать упрощенно, то есть исключительно как проявление эк-

зистенциальной изоляции. Одиночество — объективное состояние и субъективное мироощущение — зависит от социально-ролевого статуса субъекта и его личностных качеств.

В исследовании Н.Е. Харламенковой по этим параметрам было выделено три типа личности. *Зависимый* тип характеризовался сочетанием низкой потребности в самоутверждении с завышенной самооценкой и суженной (за счет отвержения целей самореализации) системой ценностей. Для людей *доминирующего* типа характерны гиперпотребность в самоутверждении, завышенная самооценка и ориентация на ценности самореализации. *Самодостаточный* тип личности отличает конструктивный способ самоутверждения в сочетании с ориентацией на независимость, ценности общения с другими людьми и саморазвитие. Результаты экспериментов показали, что только зависимые и доминирующие личности переживают состояние одиночества в виде негативно окрашенного чувства отчужденности от людей. «При этом оказалось, что доминирующая личность с ярко выраженными агрессивными тенденциями, демонстрируя свою независимость от других людей, на самом деле нуждается в них гораздо в большей мере, чем зависимая личность» (Харламенкова, 1998, с. 90). В то же время для самодостаточного человека состояние одиночества ассоциируется с чувством свободы и независимости: «Самодостаточная личность, ориентированная на собственное понимание действительности, интерпретирует состояние одиночества как своеобразное благо, не испытывая обостренного чувства одиночества и отчужденности» (Там же, с. 91).

Следовательно, при дифференцированном психологическом подходе к проблеме оказывается, что экзистенциальную изоляцию нельзя рассматривать как универсальную характеристику бытия человека, непременно порождающую чувство одиночества. Многое зависит от того, какими психологическими свойствами обладает субъект, какое место он занимает в обществе и как оценивает свои отношения с другими людьми.

В-третьих, сторонникам психологии человеческого бытия присущ если не безграничный оптимизм, то во всяком случае трезвый и реальный взгляд на место и предназначение человека в системе мироздания. Такая мировоззренческая позиция отвергает представления о безусловной абсурдности и бессмысленности человеческого существования. Экзистенциальная психология во многом

унаследовала идеи философии экзистенциализма, в основе которой лежит пессимистический взгляд на человеческую природу. «Экзистенциальный человек» безуспешно пытается преодолеть «отвратительные», вызывающие тошноту (вспомним название одноименного романа Ж.-П. Сартра) проявления своей телесной, материальной оболочки. Одновременно он с ужасом сознает, что это ему не дано: растворение себя в потоке мелких чувств и желаний, обыденных ситуаций всегда будет препятствовать постижению высшего смысла бытия. Неудивительно, что неизбежным и малоутешительным выводом экзистенциализма являются мысли об универсальности смерти как единственной антитезы бытию, бессмысленности и даже абсурдности существования человека: небытие не уравновешивает бытие, а активно опровергает его.

В противоположность изложенному выше психология человеческого бытия исходно направлена на анализ существования субъекта в мире с позиций «Я и другой человек». В этом ракурсе фундаментальные проблемы человеческой жизни видны под иным углом зрения. В частности, конечная точка земного пути человека, смерть, предстает не как безусловная трагедия. Отношение к ней субъекта определяется в зависимости от рассмотрения им себя, своей активности в мире, возможностей взаимодействовать с другими людьми и оставить после себя что-то если не значительное, то по крайней мере субъективно ценное. Ведь смерть это не только трагический конец индивидуального существования: «Смерть есть также конец моих возможностей дать еще что-то людям, позаботиться о них. Она в силу этого превращает жизнь в обязанность, обязательство сделать это в меру моих возможностей, пока я могу это сделать. Таким образом, наличие смерти превращает жизнь в нечто серьезное, ответственное, в срочное обязательство, в обязательство, срок выполнения которого может истечь в любой момент. Это и есть закономерно серьезное отношение к жизни, которое в известной степени является этической нормой» (*Рубинштейн*, 1997, с. 82). Отсюда закономерный вывод: «Мое отношение к собственной смерти сейчас вообще не трагично. Оно могло бы стать трагичным в силу особой ситуации, при особых условиях — в момент, когда она обрывала бы какое-то важное дело, какой-то замысел» (*Там же*). Следовательно, этическое отношение субъекта к другим людям и себе коренным образом изменяет представление человека о трагическом финале бытия.

Как перечисленные, так и другие, не названные особенности экзистенциальной психологии и психологии человеческого бытия привели меня к выводу о большей перспективности изучения проблемы понимания с позиций последней. Это не означает отрицания возможности и в чем-то даже продуктивности экзистенциального взгляда на проблему. Просто таков мой личный научно-мировоззренческий и, если хотите, «экзистенциальный» выбор. И этот выбор прежде всего относится к исследованиям психики с позиций психологии человеческого бытия.

К основателям психологии человеческого бытия следует отнести прежде всего В. Франкла и С.Л. Рубинштейна. Несмотря на принадлежность к совершенно различным социальным мирам и научным школам, двое выдающихся ученых высказывали поразительно сходные суждения о психологии человека. Основой сходства являются прежде всего почти одинаковые представления о *должном* — таком морально-нравственном императиве, который регулирует поступки субъекта, его представления о подлинно человеческом отношении к себе и другим. Этическую категорию долженствования можно сравнить с компасом, не только помогающим человеку выбирать способы ориентации в житейских ситуациях, но и адекватно понимать их.

Сходство научных взглядов двух ученых проявилось и в трех группах проблем психологии человеческого бытия, которые неизменно оказывались в центре их внимания. Рубинштейн говорит о проблемах взаимодействия субъекта с объектом, человека с объективной действительностью; отношениях субъекта с другими людьми и его отношении к себе. Франкл интерпретирует эти проблемы в терминах ценностей — смысловых универсалий, обобщающих опыт человечества. Он описывает три класса ценностей, позволяющих сделать жизнь человека осмысленной: ценности труда (творчества), переживания и отношения (Франкл, 1990). Соответственно ученый описывает три типа смысла: «Хотя Франкл подчеркивает, что у каждого индивида есть смысл в жизни, которого никто другой не может воплотить, все же эти уникальные смыслы распадаются на три основные категории: (1) состоящие в том, что мы осуществляем или даем миру как свои творения; (2) состоящие в том, что мы берем у мира в форме встреч и опыта; (3) состоящие в нашей позиции по

отношению к страданию, по отношению к судьбе, которую мы не можем изменить» (Тихонравов, 1998, с. 498).

Главная проблема, занимающая обоих основоположников психологии человеческого бытия, — это проблема поиска и нахождения каждым человеком смысла жизни. По Франклу, «нахождение смысла — это вопрос не познания, а призвания. Не человек ставит вопрос о смысле своей жизни — жизнь ставит этот вопрос перед ним, и человеку приходится ежедневно и ежечасно отвечать на него — не словами, а действиями. Смысл не субъективен, человек не изобретает его, а находит в мире, в объективной действительности, именно поэтому он выступает для человека как императив, требующий своей реализации» (Франкл, 1990, с. 114). Для Рубинштейна смысл жизни представляет собой такое ценностно-эмоциональное образование личности, которое проявляется не только в принятии одних ценностей и отрицании других, но и в саморазвитии, самореализации личностных качеств субъекта, ищущего и находящего высший, «запредельный» смысл своего бытия. Франкл называет его сверхсмыслом, а Рубинштейн полагает, что «смысл человеческой жизни — быть источником света и тепла для других людей. Быть сознанием Вселенной и совестью человечества. Быть центром превращения стихийных сил в силы сознательные. Быть преобразователем жизни, выкорчевывать из нее всякую скверну и непрерывно совершенствовать жизнь» (Рубинштейн, 1997, с. 113).

Сегодня теоретическая и эмпирическая разработка психологии человеческого бытия осуществляется как формирование и развитие новой области психологического знания. В этой области психологической науки человеческое бытие рассматривается с точки зрения многомерности мира, наличия трех уровней действительности, соотносенных со способами существования людей. Структура психологии человеческого бытия определяется научными представлениями психологов, во-первых, о том, какую реальность (эмпирическую, социокультурную или экзистенциальную) в данный момент имеет в виду человек, оказавшийся объектом и субъектом психологического исследования. Во-вторых, какой домен социального знания (морального, конвенционального или персонального — Nucci, 1996; Smetana, 2006) наиболее целесообразно использовать для описания ответов и невербальных реакций испытуемого. В-третьих, в рамках какой традиции ис-

следования психики — когнитивной, герменевтической или экзистенциальной — осуществляется психологический анализ мыслей, переживаний, поступков людей. В-четвертых, каждой традиции соответствует определенный тип понимания психологом проблем, предмета, методов и результатов исследования — понимание-знание, понимание-интерпретация, понимание-постижение. Типы понимания выражают *способы освоения бытия* понимающим мир субъектом. Наконец, в-пятых, трем типам понимания соответствуют оценки истинности, правильности и правдивости высказываний людей в коммуникативных ситуациях.

Перечислю характерные особенности психологии человеческого бытия, которые, по моему мнению, сегодня позволяют назвать ее новой областью психологической науки.

Теоретические основания. Теоретические положения психологии человеческого бытия невозможно описать без обращения к более широкому, чем конкретно-психологический, — философскому контексту решаемых в ней проблем. В концепциях А.В. Брушлинского, С.Л. Рубинштейна, В. Франкла, из которых исходит названная область психологической науки, онтологические предпосылки исследования субъект-объектных отношений основываются на том, что мир, включающий других людей, анализируется как предпосылка подлинного существования субъекта. Человек должен быть взят внутри бытия, в своем специфическом отношении к нему, как субъект познания и действия, отношения и переживания, созерцания и постижения. Следовательно, человеческое бытие включает в себя реально существующего субъекта.

В психологии человеческого бытия одновременно реализуются, дополняя и обогащая друг друга, когнитивная и экзистенциальная исследовательские парадигмы. В современной науке сосуществование когнитивной и экзистенциальной парадигм отчетливо проявляется в том, что одни и те же психологические проблемы могут изучаться под разными углами зрения. Для меня показательным примером оказались собственные исследования понимания, в которых отчетливо наблюдался переход от анализа этого феномена с позиций психологии познания (Знаков, 1994) к его рассмотрению в контексте бытийного слоя сознания субъекта (Знаков, 2005а, 2007).

Предмет психологии человеческого бытия. Предметом исследования в этой области психологической науки являются не психи-

ческие процессы или свойства (познание, эмоции, переживания и т.п.), а смысловые образования, выражающие ценностное отношение субъекта к миру. Основной акцент здесь делается на анализе ценностных, аксиологических аспектов бытия человека. В мире человека объективно истинные описания и объяснения обязательно включают в себя аксиологические факторы: соотносимость получаемых знаний о мире не только со средствами познавательной деятельности, но и с ценностно окрашенными представлениями субъекта о должном. Психология человеческого бытия стала новым шагом в направлении расширения ценностно-смысловых контекстов, в которые включались классические проблемы так называемой вершинной психологии: смысла жизни, свободы, духовности, гуманизма. Вместе с тем в рамках этого направления изучаются и классические экзистенциальные проблемы: одиночества, осмысленности или абсурдности бытия, отношения субъекта к жизни и смерти — то есть то, «как человеческая судьба зависит от отношения человека к жизни и смерти» (Дружинин, 2000, с. 5). Наиболее общей проблемой психологии человеческого бытия, прямо или косвенно включающей все названные выше, является проблема понимания. Я имею в виду понимание субъектом мира и себя в мире.

Единицы анализа психического, их интегративный характер.

В рамках этой парадигмы психологами признается безусловная необходимость приоритетного изучения не отдельных составляющих психики (памяти, мышления, эмоций и т.п.), а целостных единиц. Такими единицами являются *события, ситуации*. Я имею в виду такие ситуации, в которые субъект попадает при взаимодействии с другими людьми и которые отражаются в его внутреннем мире. Рассматривая жизнь человека как череду событий и ситуаций, психология человеческого бытия не только расширительно трактует деятельностные основания детерминации психики, но и раскрывает новые источники формирования субъектности человека.

С этих позиций деятельность, направленная на достижение конкретной цели в определенный момент времени, имеет для психологического анализа более частное значение, чем *дело*, которому человек служит и которое считает смыслом своей жизни. Дело становится ценностно-целевым фактором, не только устремляющим жизнь субъекта в будущее, но и формирующим его способ видения мира, понимания окружающей действительности. «Дело — то, че-

му человек предан по жизни, то, что выше, больше него, длиннее, чем его жизнь. У дела есть продолжатели и предшественники. Оно имеет историю. Культурные проблемы решаются годами, десятилетиями, веками. У тех, кто включен в этот процесс, — общее дело, общий смысл. Жизнь, таким образом, становится воплощением этого смысла, способом утверждения своего видения мира, своего понимания добра, своей ценности» (Зарецкий, 2004, с. 39). Таким образом, целостная жизнь субъекта полнее и адекватнее описывается понятием «дело», чем категорией «деятельность».

Однако при рассмотрении единиц анализа психического с позиций психологии человеческого бытия категория «дело» по своему содержанию тоже нередко оказывается узкой, недостаточно полно выражающей движущие силы развития и формирования новых граней субъектности. По Брушлинскому, субъект всегда является активным творцом, преобразующим себя и окружающую действительность (Брушлинский, 2003а). Разумеется, человек живет в реальном мире, в котором все совершается по законам необходимости, в том числе биологической целесообразности. Осознание существования таких законов можно назвать горизонтальной, так сказать, приземленной плоскостью измерения человеческой жизни. Но подлинно человеческое в человеке, субъектное в субъекте определяется все-таки прежде всего вертикальным измерением. Я имею в виду ориентацию человека на идеалы, его устремление к высшим духовным ценностям, основанное на соединении интеллекта и нравственности. Одним из таких идеалов является творчество, контролируемое совестью.

В канун 200-летия А.С. Пушкина В.С. Непомнящий писал о поэте: «Автор помещает себя не в субъектную позицию (характерную для большинства литературных произведений, особенно лирического рода), а в то же *объектное пространство Творения*, где находятся его герои; “субъектность” же автора носит инструментальный характер — это “субъектность” орудия, находящегося в руках высшей творческой силы (всем известно религиозное отношение Пушкина к своему творческому дару как к чуду), высшей Правды» (Непомнящий, 1999, с. 99).

Приведенный пример не относится исключительно к нашему национальному гению и является не только историко-литературным. На мой взгляд, выраженная в нем глубокая мысль выходит далеко

за пределы литературной критики и позволяет читателю отвлечься от «запредельных» трансцендентных аспектов благоговения человека перед дарованными ему судьбой творческими возможностями. С позиций психологии человеческого бытия в нем можно и нужно усмотреть «обратное» влияние творческого начала и нравственных идеалов человека на формирование индивидуально-неповторимых субъектных качеств его личности.

В предельных случаях идеалы воплощаются в том, что человек считает своим *призванием*, путем, с которого он не сможет свернуть, даже если в минуту слабости сам этого захочет. Хрестоматийным выражением упорного следования призванию может служить фраза, приписываемая Мартину Лютеру: «На том стою и не могу иначе». (На самом деле, когда 18 апреля 1521 г. Лютер выступал перед рейхстагом в Вормсе в защиту своих религиозных взглядов, он закончил речь как обычно: «Да поможет мне Бог. Аминь». Но восторженным поклонникам Лютера этого показалось недостаточно, и впоследствии они добавили к речи знаменитую концовку. Впервые она появилась в трудах великого немецкого реформатора, изданных в Виттенберге между 1539 и 1558 г.)

Какое отношение «дело» или «призвание» имеют к единицам анализа психического? Самое непосредственное. В деле, которому субъект будет служить всегда, или в жизненном призвании ежедневно и, может быть, ежечасно проявляется его отношение к событиям и ситуациям, в которых он оказывается. В категориях «дело», «призвание» есть постоянная устремленность в будущее. Это означает, что избранный путь, линия жизни направляют поведение человека в конкретных обстоятельствах, кристаллизуя и шлифуя новые грани его субъектных качеств. Другими словами эту мысль выразил В.Н. Дружинин: «Принятие решения о варианте жизни является “точкой бифуркации”. После выбора обратного пути нет, и личность человека должна модифицироваться под влиянием нового образа жизни» (Дружинин, 2000, с. 64).

В целом же дело и призвание, во-первых, можно считать такими *целенаправленными структурами, в которых интегрируются единицы психического*. Во-вторых, как уже было сказано, дело и призвание всегда основаны на нравственности, неразрывно связаны с совестью и ориентацией на высшие духовные ценности. Вследствие этого обретение нового совокупного опыта, когда-то воплощенного

в конкретных событиях и ситуациях, означает *восхождение на новую ступень субъектности, качественное изменение субъекта*. Следовательно, дело или призвание, ставшие для человека смыслом жизни, осмысленной целью бытия, являются индикаторами индивидуальных характеристик субъектности человека.

Методы познания психической реальности. В психологии человеческого бытия используются традиционные методы психологического исследования: опросники, метод микросемантического анализа, методика определения гендерной идентичности и др. Главная цель выбора методик, подходящих для проведения конкретного исследования (например, изучения оптимизма), состоит в том, чтобы их набор давал психологу возможность делать выводы о сочетании *отражения* субъектом воспринимаемых фрагментов объективной действительности и *порождения, конструирования* им новых реальностей. Наиболее полно и точно такое сочетание выражено в *нарративном принципе*. Этот принцип является одним из основных методов психологии человеческого бытия, он позволяет объединить усилия психологов разных эмпирических и теоретических ориентаций.

Таковы, предельно кратко изложенные, теоретические основания, предмет и методы психологии человеческого бытия. Поскольку эта область психологической науки имеет непосредственное отношение к субъектно-деятельностному подходу, то необходимо проанализировать соотношение психологии субъекта и психологии человеческого бытия. Отмечу три основных момента.

1. Психология человеческого бытия является частью психологии субъекта и, следовательно, уже по содержанию и решаемым задачам. В постнеклассической психологии субъекта в сконцентрированном виде отражена тематика всех предыдущих исследований Брушлинского. К ним относятся: вопрос о наследственных предпосылках психического развития, соотношении биологического и социального в развитии личности; принцип детерминизма, соотношение внешних причин и внутренних условий в детерминации психики; проблема дискретности–недизъюнктивности и непрерывность организации психических процессов; проблема общественного–индивидуального в психике человека и культурно-историческая теория мышления; мышление как процесс и проблема деятельности; идущие от Рубинштейна исходные положения

субъектно-деятельностной теории и проблема субъекта в психологической науке; наконец, психология субъекта как целостная область психологического знания, психология созидания, ориентированная на анализ таких ценностей, как свобода, духовность, нравственность, гуманизм. Психология человеческого бытия имеет непосредственное отношение только к двум последним проблемам: она направлена на анализ смысловых и ценностных контекстов жизни субъекта, в которых формируются и проявляются его субъектные качества.

2. Психология человеческого бытия основана не на *субъектно-деятельностном*, а на *субъектном* подходе в психологии. Очевидно, что жизнь человека нельзя рассматривать только как непрерывную череду сменяющих друг друга деятельностей. Это означает признание того, что в формировании психики большую роль играют недейтельностные по своей природе феномены — общение, переживание, созерцание, постижение и др. Выход за пределы сиюминутного деяния, целенаправленная устремленность на реализацию своего призвания или дела, которому служишь, не только побуждают человека к связыванию воедино прошлого, настоящего и будущего своей жизни. Все это способствует развитию субъектности, формированию и реализации субъектных качеств человека, начиная с младенческого возраста и до старости.

3. Творческое развитие психологии субъекта А.В. Брушлинского сегодня привело психологов к осознанию того, что ее предмет неоднороден, он включает и субъекта деятельности, и субъекта развития, и субъекта жизни (Сергиенко, 2011). Психология человеческого бытия изучает преимущественно *субъекта развития* и *субъекта жизни*. Об этом свидетельствуют, в частности, уже проведенные исследования: понимания субъектом манипулятивного поведения; половых, гендерных и личностных различий в понимании испытуемыми разного возраста моральной дилеммы; понимания моральной допустимости аборт и эвтанази; половых и возрастных различий в когнитивных и экзистенциальных компонентах самопознания и самопонимания; понимания и переживания россиянами террористической угрозы. Как названные, так и другие исследования ориентированы на выявление не *процессуально-деятельностных*, а *результативных* составляющих понимания субъектом мира в разные периоды его жизни.

1.6. Понимающее себя бытие

Основная цель раздела — с позиций психологии человеческого бытия ответить на вопрос: может ли понимающее себя бытие рассматриваться не только как известная философская метафора, но и как реальный феномен самосознания? Иначе говоря, является ли понимающее себя бытие предметом психологического исследования? Сразу скажу, что я собираюсь положительно ответить на этот вопрос.

В XX в. понимание стало рассматриваться учеными и философами не только как познавательная процедура психики индивидуального субъекта, а гораздо шире. Понимание перестало трактоваться исключительно как интерпретация, осуществляемая субъектом. Оно стало связываться с экзистенцией, человеческим бытием и приобрело уже не гносеологический, а онтологический статус. Онтологизация представлена в философии М. Хайдеггера и Х.Г. Гадамера. Они начали описывать понимание как такое специфическое отношение к действительности, в котором люди выступают в качестве толкующего себя бытия, понимающего себя бытия.

Согласно западной экзистенциальной традиции, ясно выраженной М. Хайдеггером, человек — это субъект, для которого мир является совокупностью противостоящих ему объектов. Иначе говоря, реальных или мыслимых предметов, которыми субъект владеет и пользуется, которые отвергает или уничтожает. Позиция Хайдеггера выражает типичное для экзистенциальной философии различие «бытия» и «существования». По мнению экзистенциалистов, «бытие» относится к окружающему человека природному и социальному миру, а «существование» — к внутренней жизни, индивидуальному Я. Основной мотив различения у них заключается в том, чтобы подчеркнуть, что мир всегда стремится подавить индивидуальность, сделать ее частью общего безличного бытия. Естественным следствием противопоставления бытия и существования, противоречия между ними становится возникновение у человека чувства одиночества, тревоги, тоски, ощущения бессмысленности жизни. Неудивительно, что такие крупные представители экзистенциального анализа и логотерапии, как А. Лэнгле и В. Франкл, говорили об «экзистенциальном антагонизме» и «экзистенциальном вакууме» (Лэнгле, 2006; Франкл, 1990).

Принципиально иначе проблема соотношения бытия и существования решается в русской экзистенциальной традиции, в частности, в персоналистической философии Н.А. Бердяева. В ней устанавливается различие между личностью и индивидуумом. Индивидуум есть категория природная и социальная. Индивидуум является такой неделимой частью целого (рода или общества), вне которого он не может быть назван индивидуумом. Он характеризуется стремлением к эгоистическому самоутверждению. «Поэтому индивидуализм, производный от слова “индивидуум”, совсем не означает независимости по отношению к целому, к процессу космическому, биологическому и социальному, а означает лишь изоляцию подчиненной части и бессильное восстание ее против целого» (Бердяев, 2006, с. 38). По Бердяеву, человек есть микрокосм, универсум, но в качестве не индивидуума, а личности. Именно с личностью связана идея человека, его призвания в мире. Личность — это духовная категория, она характеризует свободу и независимость человека по отношению к природе, обществу, государству. Личности чуждо эгоистическое самоутверждение, напротив: «Персонализм не означает, подобно индивидуализму, эгоцентрической изоляции. Личность в человеке есть его независимость по отношению к материальному миру, который есть материал для работы духа» (Там же, с. 39).

Корни хайдеггеровского противоречия между бытием и существованием следует искать именно в индивидуалистической трактовке человека как существа хотя и социального, но эгоцентричного, направленного прежде всего на отстаивание своих интересов и удовлетворение собственных потребностей. Пути разрешения указанного противоречия, намеченные в персоналистической философии Бердяева, в нашей психологической науке нашли наиболее полное воплощение в субъектно-деятельностном подходе С.Л. Рубинштейна, психологии субъекта А.В. Брушлинского и таком современном варианте их развития, как психология человеческого бытия. В рамках названных концепций онтологические предпосылки исследования субъект-объектных отношений основываются на том, что мир, включающий других людей, анализируется как предпосылка подлинного существования субъекта.

Однако при анализе учеными понимающего себя бытия возникает *парадокс*. Он заключается в том, что в ситуациях человеческого

бытия люди иногда становятся объектами познания и отношения. При этом они нередко *утрачивают* свою субъектную сущность не только для других, но и для самих себя. В частности, из медицинской практики известно, что врачи довольно часто на основании знания эффективных способов лечения болезней обходятся с пациентами как с объектами, отводят им роль пассивных, беспомощных реципиентов своих знаний и умений. После применения лекарственных препаратов больные физически чувствуют себя лучше, становятся более энергичными и менее депрессивными. Однако в то же время некоторые из них ощущают себя надломленными или неполноценными вследствие внешнего вмешательства, поскольку нормальной жизни без лекарств не было. Следовательно, назначая объективно полезные процедуры, врачи игнорируют индивидуально-психологические особенности ценностно-смысловой сферы больных и даже препятствуют ощущению ими себя в качестве полноценных субъектов, творцов своей жизни.

Понимая ситуации человеческого бытия, субъект вынужден рефлексировать, направлять внимание на свой внутренний мир. При этом человек как субъект одновременно становится объектом, на который направлено его внимание. Неизбежным следствием этого оказывается самоотрицание: становясь объектом понимания, субъект оказывается недостижимым для сознания, бесконечным, неопределенным и потому теряющим свою субъектную сущность. Серьезной экзистенциальной проблемой оказывается включенность субъектов в ситуации, делающая практически невозможным четкое отделение их от себя. Неудивительно, что В. Франкл считал, что самопознание ведет к утрате субъектности. Важная причина утраты субъектности современным человеком кроется в отсутствии навыков самопознания и самопонимания. В современном обществе нежелание, неумение, боязнь многих людей познать и понять себя наблюдается не только в межличностных отношениях, но и на уровне массовых проявлений социальной активности. Например, за поступками многих «борцов за социальную справедливость», членов различных партий, обещающих народу лучшую жизнь, ясно видна их неспособность обратить внимание на самих себя, сосредоточиться на решении своих проблем.

Таким образом, современный человек становится проблематичным для самого себя, нередко он оказывается в положении, в

котором не знает, *что* он есть. Одновременно он осознаёт, что у него нет никаких способов это узнать. Для специалистов по психологии понимания такая точка зрения не является новой и неожиданной. В понимании большую роль играет осмысление, анализ знания, имеющего для субъекта проблемный характер. Проблемное знание отражает область тех неизвестных субъекту закономерностей, которые он не может раскрыть, опираясь только на прошлый опыт и достигнутый уровень способов действия. Проблемность в значительной мере оказывается следствием того, что, пытаясь понять внешний мир, ориентируясь на его ценности, субъект как бы *выходит за пределы себя*. В результате, он оказывается скрыт, потерян для самого себя, его заслоняет мир, его сложные проблемы. Неудивительно, что исследования показывают, что экзистенциально важное для субъекта жизни самопонимание закономерно включает моменты «потери себя».

Понятие «выхода за пределы себя», во-первых, соответствует методологии современного научного познания. Например, М.К. Мамардашвили полагал, что, для того чтобы быть самим собой, человек должен постоянно превосходить себя (*Мамардашвили, 1996*). Очень показательным в этом отношении оказывается акт понимания. Понимание — это и личностное изменение человека, и его «выход за свои пределы»: превосходство над собой, над тем Я, каким субъект был до понимания. Об этом очень точно сказал Ж.-П. Сартр: «Понять — значит измениться, превзойти самого себя...» (цит. по: *Соколов, 1995, с. 348*). Во-вторых, понятие «выхода за пределы себя» побуждает ученых перейти от психологического анализа самопонимания субъекта к изучению природы понимающего себя бытия. Такой переход невозможен без современного переосмысления классической проблемы «бытие и сознание».

В российской психологической науке распространенным является положение о смысловой организации сознания, в частности той его стороны, которая направлена на отражение, рефлекссию и порождение человеком себя. Я имею в виду самосознание. Например, по В.В. Столину единицей самосознания является конфликтный смысл Я (*Столин, 1983*). По В.П. Зинченко смыслы являются образующими рефлексивного и бытийного слоев сознания (*Зинченко, 1991б*). Однако как только психологи обращают внимание на смысл, они вольно или невольно переходят в плоскость исследова-

ния понимания. Понимание — это всегда смыслообразование, потому что неосмысленные знания о мире для субъекта мертвы.

В отечественной психологии сознание и самосознание человека долгое время рассматривались как производная от его деятельности и общественного бытия. Сегодня точка зрения на происхождение и природу этого феномена изменилась. В гуманитарных науках распространено утверждение о том, что интра- и интерсубъективность сознания и самосознания человека и группы не противостоят друг другу как две разные реальности. Как отмечал российский философ Ф.Т. Михайлов, индивидуальное и общественное сознание «одновременно, как нечто единое, нерасчлененное творятся и творчески воссоздаются обращениями людей друг к другу и к самим себе» (Самосознание: мое и наше..., 1997, с. 2). Сходную точку зрения высказывал В.П. Зинченко. Он говорил о том, что сознание «находится не столько в индивиде, сколько между индивидами. Конечно же, сознание — это свойство индивида, но в не меньшей, если не в большей мере оно есть свойство и характеристика меж- и надындивидуальных или трансперсональных отношений» (Зинченко, 1991б, с. 21).

Познающий и понимающий ситуации и события человеческого бытия субъект — это одновременно и уникальный человек, и универсальный представитель человеческого рода. Он потенциально воплощает в себе группу, содружество эмпирических субъектов. Характерная особенность человеческого бытия состоит в том, что его нельзя рассматривать как индивидуальный жизненный путь личности, оно в большей степени соответствует рубинштейновскому «миру»: это совокупность психологических реальностей, возникающих внутри разных ситуаций в точках пересечения взаимодействий индивидуальных и групповых субъектов. Человеческое бытие представляет собой такое единичное (в частности, индивидуально-психологические особенности общающихся людей), в котором потенциально представлено общее — весь мир, все человечество. Отсюда следует, что ключевое для психологии человеческого бытия понятие субъекта по объему и содержанию гораздо шире категории личности. «Субъект (в наиболее точном и полном смысле слова) — это человечество в целом. Оно представляет собой противоречивое неразрывное единство субъектов меньшего масштаба, то есть различных социальных групп, индивидов, взаимодействующих друг с

другом. В процессе взаимодействия с другими людьми — прежде всего в процессе общения — человеческий индивид формируется как субъект» (*Брушлинский*, 2006, с. 309). Формирование психики субъекта происходит в межсубъектном пространстве на стыке разных ценностно-смысловых позиций, на общей платформе принимаемых и отвергаемых определенными группами людей норм, ценностей, смыслов.

Современное переосмысление классической проблемы «бытие и сознание» эволюционирует от фокуса на наблюдаемом мире к фокусу на познающем субъекте, а затем и к фокусу на пространстве между субъектом, объектом и другими субъектами, то есть на интересубъектном мире. Положение о том, что сознание субъекта формируется не только «внутри» него, но и вовне, в пространстве человеческого бытия, нетрудно найти в работах С.Л. Рубинштейна, развивают его также и современные ученые. «Отношение другого “я” к моему “я” выступает как условие моего существования. Каждое “я”, поскольку оно есть и всеобщность “я”, есть коллективный субъект, содружество субъектов, “республика субъектов”, содружество личностей; это “я” есть на самом деле “мы”. Субъект науки — это человечество, субъект речи — это вместе с индивидом и народ (его язык)» (*Рубинштейн*, 1997, с. 68). У Рубинштейна взаимодействие субъекта и объекта реализуется во встречном движении: мира, который показывается субъекту, обнаруживается, «дает себя отражать», и целеустремленной направленности человека, овладевающего миром и преобразующего его. Порождающая творческая специфика ситуаций человеческого бытия, представленных во внутреннем мире субъекта, определяет то, как он видит и понимает не только события, факты, фрагменты жизни.

Развитие методологии современного научного познания привело к тому, что понимающее себя бытие уже воспринимается учеными не как метафора, а как такая же реальность, как коллективное познание. Устремленность субъекта (особенно группового) и объекта навстречу друг другу порождает между ними такое единство, в том числе чувственное и интеллектуальное, которое дает основание говорить о пространстве коллективного сознания и понимающем себя бытии как онтологически существующих данностях. Основания для такого утверждения можно найти в разных и даже очень отличающихся друг от друга областях психологии.

Во второй половине XX в. М.Г. Ярошевский считал, что научное творчество невозможно без представленности в жизни отдельного ученого надындивидуальных форм объективно и закономерно развивающегося знания. Надсознательное движение научной мысли осуществляется при незримом присутствии множества конкретных исследователей — союзников, противников, оппонентов и критиков. Вследствие этого надсознательное является по своей сути коллективно-надсознательным (Петровский, Ярошевский, 1998). Неразрывная связь индивидуального познания с групповым, понимание познания не только как процедуры разума конкретного субъекта, но и в качестве способа существования человека в мире и, в конечном счете, как понимающее себя бытие — все это результаты встречного движения субъекта и объекта. В этом контексте неудивительно, что с позиций современной социальной эпистемологии каждый человек в равной мере является индивидом, и коллективным субъектом. Такой ракурс научного анализа возникает на основе убеждения в том, что «нормальный человеческий индивид изначально и внутренне коллективен» (Касавин, 2015, с. 16).

Говоря о коллективном познании, необходимо отметить еще одно направление исследований — изучение интерсубъективных психологических механизмов понимания. Сегодня в различных областях психологии (социальной, кросскультурной, трансперсональной, психологии личности) развивается теоретическое и концептуальное представление о метаперсональной самоинтерпретации субъекта, определяемой как идентичность, выходящая за пределы индивидуального Я и охватывающая более широкие аспекты бытия, такие как человечество, жизнь, психика или космос. При метаперсональной самоинтерпретации субъект ощущает свою неразрывную связь со всем человечеством и осознает себя как часть природного и социального мира (DeCicco, Stroink, 2007). В отечественной науке широко известной стала мультисубъектная теория личности — направление в психологии, рассматривающее человека в многообразии субъектных форм его существования и развития. В рамках этой теории ключевую роль играет феномен отраженной субъектности. В общении любой человек обуславливает изменения значимых аспектов индивидуальности других людей, является субъектом преобразования поведения и сознания окру-

жающих через свою представленность в них. Мультисубъектная концепция персонализации выводит понятие личности за пределы индивидуального психологического облика конкретного субъекта, не просто связывая его с окружающей социальной действительностью, а пытаясь понять и описать психологию человека через психологические свойства взаимодействующих с ним людей (Петровский В.А., 2010).

Очевидно, что описанные выше новые, интересные и научно продуктивные направления психологических исследований ищут истоки формирования психики и субъектных качеств не только во внутреннем мире человека, но и в пространстве межсубъектных взаимодействий, на стыке разных ценностно-смысловых позиций общающихся людей.

К таким перспективным научным направлениям, содержательно тесно связанным с психологией человеческого бытия, относится и онтопсихология, занимающая центральное место в системе человекознания Б.Г. Ананьева. Оригинальные, интересные и продуктивные исследования в области онтопсихологии представлены в трудах Н.В. Гришиной и ее учеников. Она полагает, что предметом онтопсихологии должно быть исследование бытия человека. В онтопсихологии, так же как в психологии человеческого бытия, большое внимание уделяется анализу взаимоотношений внутреннего и внешнего мира субъекта, потому что она «ориентирована на изучение контекста реальных, практических отношений субъекта с миром, человек изучается в контексте бытия и жизненных отношений» (Гришина, 2010, с. 281). Стремление ученых выйти за пределы субъект-объектных взаимодействий проявляется, в частности, в том, что главным для онтопсихологии, по их мнению, должен быть концепт жизненного пространства, а общим методологическим основанием онтопсихологических исследований — ситуационный подход. «Сущность ситуационного подхода состоит в признании того, что человек не просто реагирует на ту или иную ситуацию, но “определяет” ее, одновременно “определяя” себя в этой ситуации, фактически создавая, “конструируя” тот социальный мир, в котором живет, и тем самым выступает как подлинный субъект “жизнетворчества”, творец своей жизни» (Там же, с. 288). Акцент на сочетании внутриличностного и межличностного контекста формирования психики субъекта здесь очевиден.

Таким образом, и для онтопсихологии, и для психологии человеческого бытия характерен интерес психологов к ситуациям и событиям как интегративным единицам бытия, становление которых происходит не только во внутреннем мире субъекта, но и в интересующем пространстве.

В психологической науке проблема понимающего себя бытия имеет еще одну сторону — социально-психологическую. Понимающее себя бытие как научная проблема заключается прежде всего в ответе на вопрос: кто понимает себя — один субъект или в этом случае можно говорить лишь о такой совокупности людей, которую в социальной психологии называют групповым субъектом? Многие современные психологи при анализе закономерностей порождения психического указывают на необходимость поиска различных психологических феноменов не только внутри ментального и экзистенциального опытов субъекта, но и в межсубъектном пространстве. К упомянутым феноменам относится и понимающее себя человеческое бытие.

По С.Л. Рубинштейну, бытие, рассматриваемое как объект, в частности предмет психологического познания, это всегда бытие, включающее субъекта. Человек является той частью бытия, которая осознает сущее, целостное бытие. Специфические способы существования человека проявляются в функционировании сознания и реализации действий (Рубинштейн, 1997). Познающий и понимающий ситуации человеческого бытия субъект — это одновременно и уникальный человек, и универсальный представитель человеческого рода, то есть субъект, воплощающий в себе группу, сообщество эмпирических субъектов. Человеческое бытие не тождественно жизни индивидуального субъекта. Это понятие скорее соответствует рубинштейновскому понятию мира как совокупности вещей и явлений, соотношенных с взаимодействующими людьми, как организованной иерархии различных способов существования. Человеческое бытие представляет собой такое единичное (в частности, индивидуально-психологические особенности общающихся людей), в котором потенциально представлено общее — весь мир, все человечество. Отсюда следует, что человеческое бытие может понимать себя. Понимающее себя бытие представляет собой диалектическое единство самопонимания взаимодействующих субъектов и группового понимания. Такое понимание порождается в межсубъект-

ном пространстве на стыке разных ценностно-смысловых позиций. Оно базируется на общей платформе принимаемых определенными группами людей норм, ценностей, смыслов.

Одним из перспективных направлений психологического анализа того, как человеческое бытие понимает себя, является соотношение *общего и индивидуального* в психике взаимодействующих субъектов, а также объединяющих их ценностно-смысловых оснований понимания ими разных проблем. Следовательно, лежащие в основе понимания знания и смыслы возникают как то, что может быть отнесено и к психике конкретных людей, и к интерсубъектным ценностям, нормам, смыслам. Вместе с тем понимающее себя бытие основано не только на общности знаний и группового самоанализа. Оно базируется также на самопонимании взаимодействующих субъектов, которые согласны в принятии или отвержении того, что и как, по их мнению, *должно* происходить в социальном мире.

Понимающее себя бытие основано на единстве общего и индивидуального. Без обращения понимающих ситуацию субъектов к своему внутреннему миру — знаниям, смыслам, ценностным ориентациям — невозможно формирование такого группового бытия, которое понимает себя на основе общих знаний, смыслов и ценностей. Последние неразрывно внутренне связаны с экзистенцией: для человека существовать — это не просто жить. Подлинно человеческое существование предполагает осознание *должного* и осуществление соответствующего ему проекта собственной жизни. На это указывали Рубинштейн и Франкл, заложившие основы психологии человеческого бытия.

Осмысление бытия, интерпретация понимающим субъектом конкретных жизненных ситуаций и событий, с одной стороны, побуждают его фокусировать внимание на фундаментальных *общих* основах человеческой жизни. При этом он, не утрачивая понимания своей уникальности, психологической неповторимости, одновременно осознает себя типичным представителем рода человеческого. С другой стороны, понимание и интерпретация невозможны без обращения субъекта к *индивидуальному*: исследованию своего личностного знания, установок, мировоззрения — вообще внутреннего мира.

С психологической точки зрения без анализа соотношения общего и частного невозможно осуществить различение феноменов

самопонимания индивидуального субъекта и понимающего себя бытия, отнесенного также и к групповому субъекту. Еще Н.А. Бердяев, развивая идеи персоналистической философии, говорил о том, что универсальность человека прямо пропорционально связана с его индивидуальностью: чем более субъект индивидуален, тем более он универсален. «Личное в человеке есть как раз то, что в нем не общее с другими, но в этом не общем заключена потенция универсального» (Бердяев, 2006, с. 23). Онтологически первичным является человек, а не общество, состоящее из людей. Следовательно, не человек часть общества, а наоборот.

Описание личности в экзистенциальном персонализме Бердяева удивительно напоминает современное определение субъекта (Брушлинский, 2003а). Содержательно совпадение названных категорий проявляется прежде всего во взглядах ученых на взаимодействие человека и мира, субъекта и объекта. По А.В. Брушлинскому, «субъект — это человек, люди на *высшем* (для каждого из них) уровне активности, целостности (системности), автономности и т.д. Следовательно, этот высший уровень всегда *индивидуализирован* относительно каждого конкретного человека или группы людей (с учетом их мотивации, способностей и т.д. в реальных исторических условиях). Субъекты — не обязательно герои, выдающиеся деятели и т.д. *Любой* человек не рождается, а становится субъектом» (Брушлинский, 2006, с. 525).

По Н.А. Бердяеву, личность невозможно познать, рассматривая ее как объект, наряду с другими объектами природного и социального мира. «Так познается человек частично, но не тайна человека, как личности, как экзистенциального центра мира. Личность познается лишь как субъект, в бесконечной субъективности, в которой скрыта тайна существования» (Бердяев, 2006, с. 23). Социализация вредит развитию личности, если она распространяется на глубину существования, на духовную жизнь человека. В этом случае социализация превращается в торжество социальной обыденности, тиранию обобщенного, нивелированного среднего над личностно-индивидуальным. «С экзистенциальной точки зрения общество есть часть личности, ее социальная сторона, как и космос есть часть личности, ее космическая сторона. Личность не объект среди объектов и не вещь среди вещей. Она субъект среди субъектов, и превращение ее в объект и вещь означает смерть» (Там же, с. 28). Однако, как

известно, в нашем отечестве массовое сознание, игнорируя духовную реальность, искажило глубокие мысли Бердяева. Превратив их в свою противоположность, оно установило приоритет группового, коллективного по отношению к индивидуальному.

В наше время сходные мысли высказывал Ф.Т. Михайлов. Он говорил о потребности каждого из нас в слиянии осознаваемого переживания своего бытия с внутренним миром других людей. В каждый момент бытия осознаваемая субъектом самость, собственное Я творится им как нечто уникально индивидуальное и в то же самое время — как всеобщезначимое. И только во всеобщей форме самосознание человека может стать индивидуальным и уникально субъективным — как для себя, так и для всех других (Самосознание: мое и наше..., 1997, с. 4).

Какое отношение универсальность и индивидуальность человека по Бердяеву, Брушлинскому и Михайлову имеют к понимающему себя бытию? Самое непосредственное. Дело в том, что в основании понимания бытием себя лежит самопонимание взаимодействующих субъектов. Они не только обращают мысленный взор на свой внутренний мир, но и осознают причастность к общим ценностям и смыслам. Человеческое в подлинном смысле слова бытие порождается встречным движением. Одно направление движения — это осознание субъектами воплощенности в себе интеллектуальных, духовных, этических, эстетических начал Человека с большой буквы. Другое — приобщенность к разделяемым группой нормам, ценностям, смыслам, которые способствуют общности понимания ситуаций человеческого бытия.

Понимание взаимодействующими субъектами себя, с одной стороны, основано на осознании *и* своей уникальности, *и* общечеловеческой сущности. С другой стороны, самопонимание не просто зависит от понимания человеком других. Оно порождает некую общность правил, принципов понимания участниками общения себя. Реализация этих правил образует межсубъектную основу не только самопонимания партнеров, но и понимания той ситуации, в которой они находятся. Иначе говоря, понимание себя и мира индивидуальными субъектами неразрывно связано с их пониманием групповым субъектом. Следовательно, понимающее себя бытие представляет собой диалектическое единство индивидуального и общего. В частности, оно основывается как на индивидуальной,

так и на групповой рефлексии. Неудивительно, что одним из наиболее актуальных направлений изучения понимающего себя бытия сегодня являются исследования самоанализа группового субъекта (Журавлев, 2009).

Что касается необходимости общности знаний и ценностей, обязательных для взаимопонимания, то она вытекает как из обобщенного мнемического условия понимания, так и из аксиологических оснований психологии человеческого бытия. Люди могут понять друг друга только в том случае, если у них сходный тезаурус знаний и примерно одинаковые ценностные ориентации. К сожалению, в современном мире множество противоположных примеров. В частности, именно из-за расхождения во взглядах большинству из нас трудно понять людей, которые из идейных соображений совершают теракты.

Традиции исследования общности существуют и в отечественной, и в западной психологии. Российские психологи описывают коллективную память как условие конструирования социальных представлений и взаимопонимания больших групп людей (Емельянова, 2006). Групповая рефлексивность изучается как социально-психологический феномен, выделяются факторы, определяющие способность группы к рефлексии, — личностные, межличностные, групповые, межгрупповые и организационные (Журавлев, Нестик, 2012). Западные ученые исследуют совместно разделяемый жизненный опыт. Они также утверждают, что персонификация коллективов и социальных групп, приписывание им психологических черт, присущих отдельным людям, в частности самопонимания, является нормальным явлением (Köhler, 2004). Результаты таких исследований, безусловно, положительно повлияют на развитие научных представлений о природе понимающего себя бытия.

Итак, человеческое бытие образуют индивидуальные и групповые субъекты, каждый из которых воплощает в себе и индивидуальные и общечеловеческие психологические черты. Неудивительно, что такое бытие, осуществляющееся в межсубъектном пространстве на стыке разных ценностно-смысловых позиций, может понимать себя. Понимание бытием себя основано на самопонимании взаимодействующих субъектов, групповом понимании и общих для общающихся людей нормах, ценностях, смыслах. Понимающий субъект включен в мир как неотъемлемая часть бытия. Не человек

понимает бытие, а бытие, включающее субъекта, познает и понимает себя. Никакого внешнего по отношению к людям бытия нет, мы сами являемся его частью. Никто не может сказать: сначала я пойму мир, а потом себя, или наоборот. Поскольку и то и другое являются составляющими бытия, последнее не включает понимание, а основано на нем. Без понимания как приобщения к смыслам и ценностям нет полноценного человеческого бытия.

1.7. Понимание — центральная проблема психологии человеческого бытия

Психология понимания в наше время является одним из перспективных и динамично развивающихся направлений современной психологической науки. Для человека как социального индивида потребность в понимании (природных явлений, поступков людей, отношений между государствами и т.п.) — это, безусловно, одна из главных психологических потребностей. В психологии познания понимание рассматривается как мыслительная процедура, которая по своей значимости для познающего окружающий мир субъекта сопоставима с процедурами объяснения, прогнозирования и др. Эта процедура направлена не на получение нового знания, а на смыслообразование, приписывание смысла знанию, полученному в процессе мыслительной деятельности. Посредством понимания субъект не только познает окружающий мир, но и выражает свое отношение к социальной действительности. Индивидуальная специфика понимания вносит весьма существенный вклад в формирование личностных способов мышления субъекта, осмысливающего моральные, правовые, политические, экономические ценности изменяющегося мира.

Для психолога, изучающего феномен понимания с позиций психологии познания, наиболее важными оказываются два аспекта проблемы. Во-первых, при исследовании понимания как психического процесса необходимо определить соотношение понимания с познанием, мышлением и знанием. В этом плане самое существенное для психологического анализа понимания — установить, как организованы знания субъекта и мыслительные действия, порождающие смысл понимаемого. Во-вторых, нужно выявить структуру личностных отношений субъекта, влияющих на форми-

рование понимания как компонента функционального механизма социального мышления.

Различные познавательные подходы к изучению понимания (семантический, лингвистический, коммуникативный и др.) внесли существенный вклад в раскрытие психологических механизмов этого феномена. Современные психологи немало знают об основных условиях его возникновения, различных формах, в которых оно проявляется, свойствах личности, детерминирующих специфику понимания, и т.п. Однако сегодня любому вдумчивому исследователю уже ясно, что проблему понимания следует рассматривать не только как познавательную, но гораздо шире — как способ бытия человека в мире и понимания им этого мира. Неудивительно, что сегодня многие ученые стали рассматривать понимание не только как познавательный, но и как экзистенциальный феномен. Экзистенциальный ракурс его рассмотрения предполагает изучение конкретных ситуаций бытия человека и целостного их понимания.

С одной стороны, обращение к экзистенциальным проблемам, необходимость понимать реальные жизненные ситуации вызваны практическими запросами, востребованностью психологов в современном российском обществе. Это отчетливо проявляется, например, в практике психологического консультирования. В частности, я имею в виду то направление, которое Ф.Е. Василюк называет понимающей психотерапией. С позиций данного направления, «в широком смысле психотерапевтическое понимание есть особая интенция, особая диалогическая установка, делающая понимание главной, самоценной и в известном отношении последней задачей терапевта. Воплощая эту установку, терапевт все делает для того, чтобы понять пациента и дать ему это понимание, а не старается понять для того, чтобы что-то сделать — повлиять, вылечить, исправить» (Василюк, 1996, с. 48). В понимающей психотерапии терапевт не проявляет активности, направленной на формирование понимания пациентом своих проблем. Сознательный отказ от воздействия в сочетании с полной обращенностью к пациенту, настроенностью на него направлен на создание возможности последнему самому понять и продуктивно преобразовать те жизненные проблемы, которые побудили человека обратиться к психологу.

С другой стороны, к концу XX в. многими учеными была осознана необходимость рассматривать понимание в более широком

научном контексте, чем его описание как феномена осмысленного отражения разных сторон явлений, событий, ситуаций. Х.Г. Гадамер, П. Рикер и др. стали интерпретировать понимание как содержательно более объемную категорию, чем познание, и уж тем более — индивидуальное мышление. Понимание, с их точки зрения, представляет собой универсальную способность человека, реализующуюся в его бытие в мире. В наши дни такая методологическая позиция приобрела устойчивые очертания. В ее основание были положены размышления крупнейших мыслителей XX столетия — философов, психологов, историков и др. В психологии эта позиция связана прежде всего с развитием субъектного подхода и формированием психологии человеческого бытия как относительно самостоятельной области психологической науки.

С этой позиции одной из важных проблем психологии человеческого бытия является понимание субъектом смысла жизни. По Франклу, «нахождение смысла — это вопрос не познания, а призвания. Не человек ставит вопрос о смысле своей жизни — жизнь ставит этот вопрос перед ним, и человеку приходится ежедневно и ежечасно отвечать на него — не словами, а действиями. Смысл не субъективен, человек не изобретает его, а находит в мире, в объективной действительности, именно поэтому он выступает для человека как императив, требующий своей реализации» (Франкл, 1990, с. 114). Для Рубинштейна смысл жизни представляет собой такое ценностно-эмоциональное образование личности, которое проявляется не только в принятии одних ценностей и отрицании других, но и в саморазвитии, самореализации личностных качеств субъекта, ищущего и находящего высший, «запредельный» смысл своего бытия. Франкл называет его сверхсмыслом, а Рубинштейн полагает, что «смысл человеческой жизни — быть источником света и тепла для других людей. Быть сознанием Вселенной и совестью человечества. Быть центром превращения стихийных сил в силы сознательные. Быть преобразователем жизни, выкорчевывать из нее всякую скверну и непрерывно совершенствовать жизнь» (Рубинштейн, 1997, с. 113).

В соответствии с названием этого раздела я не собираюсь анализировать всю совокупность проблем, относящихся к психологии человеческого бытия. Ее цель более конкретна — рассмотреть толь-

ко то, что связано с психологической спецификой понимания мира субъектом. Основные вопросы, которые необходимо обсудить, так или иначе связаны с интерпретацией понимания мира как поиска и порождения человеком разнообразных смыслов, которые делают для него этот мир осмысленным, а свое существование в нем оправданным.

Центральная проблема с точки зрения субъектного подхода — взаимодействие субъекта и объекта как определяющий фактор формирования понимания. Иначе говоря, это проблема объективных и субъективных условий понимания. Как показывают психологические исследования общения и взаимопонимания людей, смысловой анализ и понимание коммуникативной ситуации зависят от личностного и субъективного значения, которое она имеет для человека. Для того чтобы понимать, что происходит, психолог должен суметь определить то, как коммуниканты сами интерпретируют эту ситуацию, понимают ее как целое. Это очень непростая задача, и прежде всего потому, что люди часто не осознают, что их партнеры могут совершенно по-другому понимать ту же ситуацию. Вследствие этого они склонны быть чересчур уверенными в своем предсказании их поведения.

Положение осложняется еще тем, что субъекты общения нередко заблуждаются и относительно себя, своих возможных реакций на то или иное изменение ситуации. На это обратили внимание американские психологи Л. Росс и Р. Нисбетт: «Люди могут проявлять излишнюю уверенность и в предсказании своего собственного поведения, если его контекст необычен или неопределен. Мы утверждаем, что люди способны прогнозировать поведение с обоснованной уверенностью лишь тогда, когда их собственная интерпретация безусловно точна и одновременно вполне совпадает с интерпретацией, имеющейся у человека, чье поведение рассматривается» (Росс, Нисбетт, 1999, с. 49). Из этого следует важный для психологии понимания вывод о расхождении между субъективной уверенностью в правильности рефлексивного понимания партнеров и объективной реальностью процессов, происходящих в коммуникативной ситуации. Иначе говоря, «люди склонны проявлять гораздо большую субъективную уверенность в предсказании реакций друг друга, чем это можно позволить исходя из объективной оценки точности этих предсказаний» (Там же, с. 158).

Таким образом, субъективная интерпретация коммуникативной ситуации ее участниками оказывается не менее важной составляющей понимания, чем объективные обстоятельства, в которых происходит общение. При этом необходимо учитывать, что неадекватность интерпретации, избыточная уверенность в предсказании социального поведения может быть обусловлена двумя главными причинами. «*Во-первых*, для того чтобы предсказать, какова будет реакция того или иного человека на определенную ситуацию (даже если речь идет о хорошо известном нам человеке, которого мы наблюдали ранее во многих разнообразных ситуациях), как правило, необходимо знать или правильно догадываться о ее деталях, в особенности о тех ее свойствах, которые определяют относительную привлекательность возможных альтернативных реакций. *Во-вторых*, помимо знания о подобных объективных особенностях ситуации, необходимо учитывать личную точку зрения того человека, чьи действия мы предсказываем» (Там же, с. 160).

Итак, исследование понимания субъектом мира с позиций психологии человеческого бытия открывает перед нами новые горизонты и интересные перспективы психологического анализа этого феномена.

1.8. Ценности как проблема психологии человеческого бытия

В последние годы проблема ценностей оказалась на периферии интересов психологов: индикатором этого является почти полное отсутствие индивидуальных и коллективных монографий, посвященных ее психологическому анализу. Редкие исключения (Журавлева, 2006; Карпушина, Капцов, 2009) мало изменяют общую картину, но существенно расширяют проблемное поле. В фокус внимания психологов сегодня попали новые социально-психологические феномены, такие как ценностные представления о бедном и богатом человеке (Дробышева, 2013). Тем временем произошло радикальное изменение методологии как естественнонаучного, так и социогуманитарного познания, в соответствии с которой субъектный взгляд на познаваемый мир и ценностные пристрастия ученого оказываются неизбежной составляющей объективного научного знания.

Постнеклассическое (В.С. Степин) понимание мира и человека в мире характеризовалось ростом рефлексии ученых над ценностными и смысловыми контекстами человеческого бытия. В психологии следствием этого стало формирование таких областей психологической науки, как психология субъекта и развивающаяся на ее основе психология человеческого бытия. Почему мне представляется важным акцентировать внимание читателей на том, что без обращения к феномену человеческой субъектности сегодня невозможны психологические исследования ценностей, ценностных установок, ориентаций и т.д.? Ответ на этот вопрос связан с научной рефлексией, по крайней мере, двух теоретических контекстов.

Во-первых, формирование осознаваемых человеком ценностей происходит под влиянием не только внешних факторов, например социальной среды, но и внутренних условий развития психики. Фокус на анализе внутреннего мира человека — характерная особенность того варианта субъектно-деятельностного подхода, основателем которого был С.Л. Рубинштейн и который творчески развивал его ученик А.В. Брушлинский. С этой позиции ценности как предмет психологического исследования являются тем, что определяет субъективную значимость для человека принципов, норм, идей, природы, объектов окружающей среды. Например, для многих современных ученых компьютер это не просто инструмент, средство научной работы: в их жизни его субъективная значимость определяется не только реальной ценой и осознанием полезности. Ценность компьютера (иногда превращающегося в своеобразного «члена семьи») как средства выражения своих мыслей, общения с коллегами — это неотъемлемая часть внутреннего мира субъекта. Однако и ценности общественного сознания (христианские десять заповедей или «кодекс строителя коммунизма»), и так называемые предметные ценности (море, горы, солнечный день, автомобиль и др.) никогда не являются простым отражением того, что объективно существует. Приобретение предметами и явлениями статуса ценностей требует от субъекта внутренней работы по их усвоению, субъективному принятию или отвержению. Если использовать терминологию отечественной психологии XX в., то следует сказать, что ценности возникают в результате не только отражения субъектом мира, но и такой адаптивной деятельности, которая включает его преобразование. Даже если предметные ценности обсуждают-

ся только в соответствии с канонами классической науки, можно утверждать, что любой человек открывает их для себя так же, как геолог отыскивает новый минерал в горной породе.

Осознание и распространение в конце прошлого столетия неклассического и постнеклассического типов рациональных научных рассуждений сделало очевидным для психологов (особенно придерживающихся принципов субъектно-деятельностного подхода) тот факт, что ценности возникают в результате преобразовательной деятельности. Вместе с тем изменились и общие представления о сущности познания, что повлекло за собой пересмотр взглядов на психологические механизмы формирования ценностей. В классической науке, ориентированной на идеалы познания, требующие устранения из его результатов любых проявлений субъективности ученого, объективным знанием считалось обнаружение ранее сокрытого (как в экспериментах Ж. Пиаже ребенок находил конфету в закрытой коробочке). Истина — это суждение о том, что действительно существует и что можно проверить опытным путем. Общим итогом классической науки стал вывод, что если ученые еще что-то не открыли, не узнали, то главная причина этого заключается в недостаточном развитии научного арсенала: технических средств, знаний, интеллекта, наконец.

На неклассическом этапе развития науки перед учеными встал вопрос: как должен измениться познающий субъект, какие действия выполнить, чтобы стать способным познать истину? И исторически более ранние духовные практики, направленные на очищение взора, «затуманенного страстями», и психология деятельности неизбежно столкнулись с необходимостью анализа ценностных предпочтений и личностных смыслов познающего субъекта. И тогда, уже на постнеклассическом этапе развития научного познания, ученым стало ясно, что от «чистого» познания необходимо переходить к исследованию *существования* субъекта. Субъект познает мир избирательно, руководствуясь своими ценностными предпочтениями, оценкой возможных потерь и приобретений. Следовательно, познавая, действуя, человек преобразует не только мир, но и себя. Он выходит за свои пределы, становится отличным от себя прошлого. Это и награда за новое знание, обогащающее внутренний мир субъекта, и его цена. Вместе с тем это свидетельство возникновения ценностей бытия, изменяющих экзистенциальную сущность субъекта, при-

обретения им новых субъектных качеств. Ценности являются не столько когнитивными компонентами психики субъекта, сколько экзистенциальными, связанными с ментальным, а шире — с духовным опытом.

Итак, первый общенаучный контекст исследований психологии ценностей характеризуется тем, что познавательные действия (умственные и практические) приводят к изменению самого познающего субъекта, формированию его ценностной системы, имеющей не столько познавательно-гносологический, сколько экзистенциально-онтологический характер. Познание и возникновение ценностей невозможны без изменения субъекта: преобразование себя открывает ему другой взгляд на мир, в котором значимы иные, чем ранее, ценности. В свою очередь, ценности оказывают на человека обратное воздействие: они не только озаряют его внутренний мир новым светом, но и придают завершенность самому субъекту (понятно, что не окончательную, а временную, предполагающую дальнейшее развитие).

Во-вторых, на постнеклассическом этапе научного познания психологам стало ясно, что пристальное внимание к внутреннему миру субъекта не имеет ничего общего с субъективизмом, который противопоставляется познанию внешнего социального мира. Проблема формулируется иначе: психологический анализ ценностей субъекта в значительной мере является ключом к познанию ценностей общественного сознания. Познавая себя, субъект познает мир, а любое понимание основано на самопонимании. Эти утверждения базируются на том очевидном факте, что человек является главной, конституирующей частью человеческого мира. В каждом из нас есть не только индивидуальное, но и универсальное, общечеловеческое. В экзистенциальной персоналистической философии Н.А. Бердяева эта мысль представлена в суждении о том, что космос, человечество, общество находятся в личности, а не наоборот: человек есть микрокосм, универсум. Соответственно, одним из важнейших положений психологии субъекта А.В. Брушлинского является утверждение, что в самом полном и широком смысле слова субъект — это человечество в целом. В этот контекст хорошо вписываются исследования психологии ценностей — как того, что имеет отношение к личностным смыслам, ценностно-смысловым позициям субъекта и т.п. Именно психологические исследования оказываются на перед-

нем крае социогуманитарного познания: они дают возможность этикам, социологам, историкам и представителям других специальностей полнее и глубже понять специфику ценностных представлений и ориентаций людей, живших в разные исторические эпохи и живущих сегодня в различных регионах и странах. С этой позиции можно утверждать, что рефлексия ценностных оснований психологической науки, базовая в этой области исследований, важна не только для психологов, но и для ученых других специальностей (и не только для ученых).

Генезис и природа общечеловеческих и индивидуальных ценностей являются фундаментальной проблемой гуманитарного познания. Ею занимаются философы, социологи, этики, культурологи и ученые других специальностей. Ценности существуют в трех формах, отражающих различные группы явлений общественного и индивидуального сознания: «1) общественные идеалы — выработанные общественным сознанием и присутствующие в нем обобщенные представления о совершенстве в различных сферах общественной жизни, 2) предметное воплощение этих идеалов в деяниях или произведениях конкретных людей и 3) мотивационные структуры личности (“модели должного”), побуждающие ее к предметному воплощению в своем поведении и деятельности общественных ценностных идеалов» (Леонтьев Д.А., 1996, с. 37). Все три формы ценностей находятся в фокусе внимания психологов, являются предметом научно-психологического анализа.

Междисциплинарная проблема ценностей занимает особое место в психологии человеческого бытия. Одним из главных характерных признаков человеческого бытия является его ценностность — избирательная ориентация субъекта на одни ценности и отвержение других. Неудивительно, что предметом исследования в психологии человеческого бытия являются не психические процессы или свойства (познание, эмоции, переживания и т.п.), а смысловые образования, выражающие ценностное отношение субъекта к миру. Основной акцент здесь делается на анализе ценностных, аксиологических аспектов бытия человека. В мире человека объективно истинные описания и объяснения обязательно включают аксиологические факторы: соотносительность получаемых знаний о мире не только со средствами познавательной деятельности, но и с ценностно окрашенными представлениями субъекта о *должном*.

Наиболее общей проблемой психологии человеческого бытия является проблема понимания субъектом мира и себя в мире. Психологи, разделяющие теоретические положения психологии человеческого бытия, больше, чем представители других направлений, придают значение роли ценностных характеристик знания в формировании понимания.

Это оказалось закономерным результатом осознания того, что индивидуальная специфика понимания определяется не столько истинностью понимаемого знания, сколько его субъективной ценностью. Понимаемое всегда соотносится субъектом со своими представлениями о должном, ценностно-нормативными конструктами: то, с какими нормами и ценностями соотносится предмет понимания, определяет его психологическую специфику. Неудивительно, что в современной науке первостепенное значение приобрели аксиологические, ценностные стороны познания: понимание субъектом мира зависит не столько от его угла зрения на мир, сколько от субъективной значимости, ценности того, что он пытается понять.

Как только ученые осознали то, что понимание можно рассматривать не как познавательную процедуру, а как способ бытия человека в мире, на передний план психологического анализа выдвинулись наиболее значимые для субъекта смыслы и ценности. Неудивительно, что специалисты по психологии понимания вместо понятия «смысловая позиция» стали использовать термин «ценностно-смысловая позиция» участников диалога. Аксиологические, ценностные стороны познания на постнеклассическом этапе науки приобрели первостепенное значение, потому что понимание субъектом мира зависит не только от его угла зрения на мир, но от «ценностной нагруженности» его взгляда. Такая позиция имеет глубокие корни в отечественной психологии, особенно в школе С.Л. Рубинштейна. Как известно, в работе «Человек и мир» он убедительно показал связь ценностей и смыслов со значимостью для жизни человека других людей, их ценностью для субъекта, важностью для осмысления им бытия (Рубинштейн, 1997). В более широком научном и культурном контексте «эта позиция близка идеям многих древних философов, а также экзистенциальному и гуманистическому направлениям, большое внимание уделяющим уникальности и самоценности человеческой личности, роли высших бытийных ценностей в существовании и развитии личности, экзистенциальному

поиску ценностей и смыслов человеческого бытия (Рюмина, 2004, с. 40–41).

Из сказанного следует, что для психологии человеческого бытия, в частности, важно исследование ценностей и ценностных ориентаций людей. Я обосную это утверждение на примере только двух из названных проблем психологии человеческого бытия — гуманизма и духовных ценностей.

Мы живем в такое время, когда в российском общественном сознании происходит формирование новых ценностей и переосмысление старых. Субъективно ценности переживаются людьми как идеалы — ориентиры желательного состояния дел. Сегодня, особенно у молодежи, наблюдается рост интереса к получению знаний, умений и навыков, способствующих росту материального благосостояния человека и общества. Вместе с тем люди задумываются и над тем, какое место в их жизни занимают гуманистические ценности. В образовании статус гуманистических приобретают ценности, реализованные в профессиональной деятельности и общении педагога с учеником, направленные на его развитие, становление как личности, образование и воспитание (Кулюткин, Бездухов, 2002).

Под гуманизмом обычно понимается признание наивысшей ценности человека, его права на свободное развитие, проявление своих потребностей и способностей, утверждение блага человека как критерия оценки общественных отношений (Брушлинский, 2000а). Ценностный подход в образовании связан с выявлением и формированием системы ценностей человека, фактически представляющих собой совокупность осознанных смыслов его жизни, и ценностных ориентаций — направленности субъекта на реализацию ценностей. Ценностные ориентации ученика направлены на сферу мировоззренческого осмысления бытия, на понимание своего отношения к окружающей действительности и на взаимоотношения с людьми. С точки зрения этого подхода предметом изучения педагогики и педагогической психологии является ценностно-смысловая сфера личности ученика, и в первую очередь индивидуальные способы понимания бытия, интерпретации смыслов жизни. Ценностный подход направлен на анализ понимания смыслов, развитие способностей учащихся к такому осмыслению получаемых знаний, которое включает осознание его гуманистической ценно-

сти. Следовательно, понимание как компонент гуманистического мышления позволяет ценностно опосредствовать познавательную деятельность. Сущность гуманистического мышления заключается в ценностном осмыслении бытия, его понимании (Кулюткин, Бездухов, 2002).

В современной психологии проблема формирования гуманистического мышления неразрывно связана с анализом того, какое место в жизни людей занимают моральные и идеальные ценности, в том числе духовные. В наши дни проблема духовности привлекает не только богословов, историков, культурологов, философов, обсуждающих ее в основном в контексте анализа религиозных и историко-культурных корней российского и западного самосознания. Не меньший интерес она представляет и для психологии, особенно психологии понимания, в которой чрезвычайно актуален вопрос о выявлении психологической сущности духовного Я понимающего мир субъекта.

Сегодня мы смотрим на проблему духовности и духовных ценностей уже не так, как двадцать-тридцать лет назад, — под другим углом зрения. Для современного ученого она не сводится к прямому и грубому противопоставлению духа и материи. Его внимание сфокусировано на раскрытии отношений реальности и идеала, позволяющем, не впадая в идеализм, на конкретно-психологическом уровне проиллюстрировать рубинштейновское положение о том, что нет объекта без субъекта. (Как известно, по С.Л. Рубинштейну, объект, в отличие от раздражителя, выделяется только субъектом, возникает в результате его познавательной активности и существует лишь для него — *Рубинштейн*, 1973.) На методологическом и философском уровне обсуждения проблемы признается, что природу духовности и духовных ценностей нельзя раскрыть на основе «противоположения субъекта и объекта» (*Бердяев*, 1996, с. 142). В этом новом ракурсе проблема привлекает внимание многих российских психологов.

Духовные ценности в значительной степени представляют собой результат формирования нравственного сознания, моральных норм, идеалов и т.д., а процессуальные составляющие формирования духовного Я понимающего мир субъекта проявляются прежде всего в духовных состояниях. Думаю, что к теоретическому обоснованию психологической природы духовных состояний ближе всего

подошли в рамках психологии бытия С.Л. Рубинштейн и А. Маслоу. Последний изучал пиковые переживания — моменты экстаза, моменты восторга, счастливого потрясения, великие мгновения творчества. Фактически такие моменты являются не чем иным, как духовными состояниями, благодаря которым происходит самоактуализация субъекта, самореализация, развитие лучших качеств его личности. В такие моменты человек понимает окружающее во всей полноте его целостности: он воспринимает и понимает не только материальные, но и идеальные стороны бытия (Маслоу, 1997).

Условно говоря, духовные состояния противостоят материальной природе человека и мира: к вершинам духовного бытия субъект поднимается в редкие моменты интеллектуальных озарений и разрешения нравственно трудных этических конфликтов. Способы разрешения противоречий, конфликтов, будучи мерой проявления активности, самореализации, интегративности конкретных свойств личности, определяют те индивидуально-неповторимые качества человека, в которых он выражает себя именно как субъект — деятельности, общения, созерцания и т.п. В такие моменты в его личностном знании, индивидуальном опыте саморазвития появляется нечто большее, чем «приземленный» образ, модель внешних событий: возникает их внутренний смысл — психологическая основа формирования духовной сущности того, что стало предметом интеллектуальной и нравственной рефлексии субъекта.

В психологии анализ духовных состояний неразрывно связан с поисками корней духовности в нерелефлируемых глубинах бессознательного Я человека. По мнению В. Франкла, «человеческая духовность не просто неосознанна, а неизбежно бессознательна. Действительно, дух оказывается нерелефлирующим сам себя, так как его ослепляет любое самонаблюдение, пытающееся схватить его в его зарождении, в его источнике» (Франкл, 1990, с. 99).

От Фрейда и Юнга к современным психологам перешло представление о том, что «психическая жизнь по большей части бессознательна, охватывает сознание со всех сторон» (Юнг, 1991, с. 116). Естественно, что важным направлением поиска корней духовности являются попытки анализа взаимодействия вершин самосознания субъекта и глубинных слоев его психики (личностного бессознательного и архетипов коллективного бессознательного). Неудивительно, что в качестве одного из эмпирических методов постижения

духовности предлагается диалог человека с сокровенными глубинами своей души, устремляющий его к добру, совершенствованию и способствующий тому, чтобы в земных созданиях услышать голос вечности (Флоренская, 1996).

Естественно, что такие, безусловно, значимые аспекты духовности и духовных ценностей не могли не заинтересовать христианских психологов и теологов. Главным образом это проявляется в развитии религиозного учения о трансцендентном Я, «внутреннем человеке». Как и те психологи, которые ведут поиски духовности в нерелексируемых глубинах бессознательного Я, теологи подчеркивают важную роль в порождении духовности направленности сознания верующего в глубины собственного Я, обращение к «внутреннему человеку» (Архиепископ Лука, 1997). И психологи, и теологи нацелены на исследование эволюции внутренней жизни человека. Исходной точкой научного анализа оказываются глубины бессознательного, в которых еще нет ни субъекта, ни объекта, нет различия между Я и не-Я, а есть лишь бесформенная общность психической жизни. Затем через выделение содержания предметного сознания из душевной жизни происходит восхождение к высшему духовному состоянию. В нем противостояние субъекта и объекта, Я и не-Я, внутреннего и внешнего бытия уже видоизменяется. И субъект начинает осознавать свое духовное Я как возвышение и над противоположностью между субъектом и объектом, и над противоположностью между разными субъектами.

В психологических исследованиях духовность нередко рассматривается как принцип саморазвития и самореализации человека, обращения к высшим ценностным инстанциям конструирования личности. Развитие и самореализация духовного Я субъекта начинаются тогда, когда он осознает необходимость определения для себя того, как он конкретно должен понимать общечеловеческие духовные ценности — истину, добро, красоту. Появление у человека хотя бы приблизительного осознанного представления о последних свидетельствует не только о признании субъективной значимости духовных ценностей (соответственно интеллектуальных, этических и эстетических), но и о психологической готовности к их усвоению и формированию.

Мотивационной основой психологической готовности являются духовные влечения субъекта. Духовными влечениями К. Яс-

перс называл «стремление к постижению определенного состояния бытия и к посвящению себя этому состоянию, проявляющемуся в ценностях — религиозных, эстетических, этических или относящихся к воззрениям субъекта на истину, — переживаемых как абсолютные» (Ясперс, 1997, с. 389). Духовные влечения отражают сложную психическую реальность, существование фундаментального переживания, «проистекающего из преданности человека духовным ценностям; это инстинктивная тоска по ним, когда их не хватает, и ни с чем не сравнимое наслаждение от ее удовлетворения» (Там же).

Важнейший момент формирования и развития духовных ценностей в нравственно-рефлексивном сознании познающего и понимающего мир субъекта — появление у него чувства «внутренней, личностной свободы» (Балл, 1997, с. 7), «свободы как духовного состояния, самоощущения человека» (Ксенофонов, 1991, с. 48–49). Развитие духовности как самореализации личности невозможно без чувства свободы. Ведь «духовность — это способность переводить универсум внешнего бытия во внутреннюю вселенную личности на этической основе, способность создавать тот внутренний мир, благодаря которому реализуется себестождественность человека, его свободы от жесткой зависимости перед постоянно меняющимися ситуациями» (Крымский, 1992, с. 23). Духовное состояние личностной свободы возникает у человека при осознании им наличия внешних возможностей выбора и сформированной внутренней готовности осуществить этот выбор. Однако этого недостаточно: мы практически никогда не совершаем поступков на основе механического перебора альтернатив. Мы включаем их в контекст личностного знания и смыслообразования, создаем новые смысловые отношения, то есть творчески преобразуем и понимаем ситуацию выбора. В этом и заключается суть личностной свободы (Балл, 1997). В диалогическом общении она проявляется в «альтернативном мышлении» собеседников: в осознании каждым из них, что возможны и допустимы принципиально различные интерпретации одних и тех же высказываний.

Итак, ценности несомненно являются одной из наиболее значимых проблем психологии человеческого бытия, и их исследование — одно из перспективных направлений развития этой новой области психологической науки.

1.9. Категория «опыт» в социогуманитарных науках

В наше время в психологии происходит становление нового этапа познания, на котором во многих исследованиях ключевую роль играет анализ не сознания, познания и знания, а интегративного феномена опыта — индивидуального и надличностного. Опыт отражает онтогенез каждого из нас, и потому он оказывает формирующее влияние на становление человеческой субъектности. Как говорит Ф. Анкерсмит, повторное открытие опыта — это повторное открытие субъекта, и наоборот. Одно влечет за собой другое (Анкерсмит, 2007). Опыт становится основой предварительного понимания ситуаций человеческого бытия. Он не подменяет собой достоверного знания, но в отличие от знания опыт не требует проверки на истинность. Неудивительно, что в психологии человеческого бытия категория «опыт» рассматривается как краеугольный камень субъектного подхода.

Большинство сущностей и явлений, с которыми имеют дело психологи, таковы, что их описания не могут быть референциальными, прямо отнесенными к психическим образованиям. Например, что считать референтом духовности или здоровья? Никто не сомневается, что в онтологическом смысле названные феномены существуют. Вместе с тем научные дискуссии о них ведутся на естественном языке, на котором можно сформулировать множество теорий. Научные теории — это не референты, а репрезентации, они не непосредственно соотносятся с исследуемыми феноменами, а как бы замещают их в сознании ученых. Однако репрезентации включают не только отражение реальности, но и правила ее познания и языкового описания. При этом оказывается, что «из-за доверия к языку наш опыт претерпевает систематические изменения, и мир раскалывается на две части: на ту часть, которую мы видим и воспринимаем, принуждаемые языком, и на ту непостижимую реальность как таковую, которая опережает и превосходит мир, данный нам в языке и через язык» (Анкерсмит, 2007).

В самом общем виде в науке опытом называются сохранившиеся в нашей памяти осмысленные и пережитые ситуации познания и общения, включающие возможные способы действий в них. С точки зрения современной философии «опыт — знание, которое непо-

средственно дано сознанию субъекта и сопровождается чувством прямого контакта с познаваемой реальностью — будь это реальность внешних субъекту предметов и ситуаций (восприятие) или же реальность состояний самого сознания (представления, воспоминания, переживания и т.д.). Большинство философов сближали опыт с чувственным знанием» (*Лекторский*, 2001, с. 158). Согласно «Критике чистого разума» И. Канта, опыт есть главный продукт нашего ума. Ф. Бэкон говорил, что в науке опыт является ответами природы на вопросы, которые мы ей задаем. В философии опыт считается основой всего непонятного знания о действительности.

В соответствии с антропологическим принципом опыт сегодня рассматривается как сложный сплав знаний, переживаний, ценностей, смыслов. Интегративная сущность опыта, описанная с удивительной категориальной ясностью, представлена в эмпирической антропологии М. Фуко. С его точки зрения, совокупность опыта образуют три элемента — формы возможного знания, нормативные основания поведения и вероятные способы существования возможных субъектов. Он писал: «А под “мыслью” я понимал исследование того, что можно назвать средоточиями опыта, где одно сходится с другим: во-первых, формы возможного знания; во-вторых, нормативные основания поведения индивидов; и наконец, вероятные способы существования возможных субъектов. Эти три элемента — формы возможного знания, нормативные основания поведения и вероятные способы существования возможных субъектов — эти три вещи или, скорее, сочетание этих трех вещей, я полагаю, можно назвать “средоточием опыта”» (*Фуко*, 2011, с. 15). «Средоточие опыта» М. Фуко иллюстрировал на примере исследования безумия как опыта нашей культуры. Он пытался постичь безумие, во-первых, как матрицу разнородных знаний: медицинских, специфически психиатрических, психологических, социологических и т.п. Во-вторых, безумие в той мере, в какой оно выступает как совокупность норм, позволяющих определять феномен девиации в обществе, сумасшествие. «Наконец, в-третьих, исследовать безумие в той мере, в какой опыт безумия определяет складывание определенного способа быть нормальным субъектом, в противоположность и по отношению к субъекту безумному» (*Там же*).

В современной науке «слово “опыт” превышает его понятие и выходит за пределы возможности языковых средств его выражения.

Оно подчеркивает нечто абсолютно уникальное, что нельзя выразить в слове, — индивидуальный опыт или опыт группы. Для понимания опыта нельзя придумать конвенции: только сам субъект опыта знает, что он получил. Например, невозможно сделать сексуальный опыт одного человека хоть как-то понятным другому, так же как и мужчине нельзя выразить опыт женщины» (Кукарцева, 2010, с. 17).

Опыт объединяет в себе декларативные и процедурные знания, знание «что» и знание «как». Не все события и ситуации нашей жизни память сохраняет как опыт — нужна еще внутренняя умственная работа. «Опыт — это не то, что происходит с человеком; это то, что делает человек с тем, что с ним происходит» (Huxley, 1932, р. 5). По моему мнению, это высказывание характеризует не экзистенциальный, а жизненный опыт. Действительно, любой человек каждый день узнает что-то новое, происходят какие-то события, он оказывается включенным во множество социальных ситуаций. Все они не могут сохраниться в нашей памяти: жизненный опыт — это только переработанные, осмысленные знания и впечатления. Иначе говоря, это то, над чем мы сознательно подумали, сделали выводы и решили, что это имеет для нас субъективную ценность и личностный смысл.

В наше время в социогуманитарном познании одной из очень заметных и значимых проблем является определение характеристик понимания исторического опыта. Содержание понятия «исторический опыт» рассматривается историками во взаимосвязи с такими базовыми понятиями исторической науки, как «историческая реальность» и «историческая истина». Понятие «исторический опыт» отражает «процесс творческой работы историка по воссозданию и представлению прошлого, то есть — непрерывный (превосходящий и отрицающий себя) опыт познания и самопознания в процессе осуществления задач, составляющих содержание труда исследователя (постижение истории “ради нее самой”, “во благо общества”, для извлечения “уроков истории” и пр.). Использование понятия “исторический опыт” в этом значении предполагает его связь с проблемами “исторического понимания” и (или) “объяснения” и, в конечном счете, с эпистемологией как таковой» (Зверева, 1999, с. 20).

В целом в современном историческом познании преобладает конструктивистская тенденция: не имеет смысла говорить об ис-

тинности суждений, описывающих «объективную действительность», надо строить репрезентации и нарративные конструкции прошлого (аналогия с представлениями физиков о квантовом мире здесь очевидна). Репрезентации всегда избирательны: они предлагают читателям исторических текстов увидеть мир с определенной точки зрения и упорядочить его так, как видит историк. Репрезентации невозможно свести к свойствам самого мира и сказать, истинно или ложно пишется история. Просто в репрезентации одна совокупность истинных суждений предпочитается другой, и это дело когнитивных и ценностных предпочтений ученого. Благодаря репрезентациям люди способны организовывать знание о мире и могут ориентироваться в нем. Это не означает, что репрезентация создает реальность, но в определенном смысле она является заместителем реальности: историческая действительность открывает субъекту некоторые свои стороны только тогда, когда он приступает к чтению исторических трудов (*Анкерсмит, 2014*).

Примерно таким же образом обстоит дело с использованием понятия «исторический нарратив». Прошлое само по себе не имеет никакой структуры, и только исторический нарратив упорядочивает, структурирует его. Нарративы не могут быть ни истинными, ни ложными. «Но исторический нарратив всякий раз выступает также и в качестве заместителя исторического прошлого. Поэтому, сопоставляя различные исторические нарративы, выражающие нарративную субстанцию, мы тем самым всякий раз сопоставляем различные варианты замены самого исторического прошлого» (*Демин, 2008, с. 6*).

Таким образом, историческое познание неотделимо от понимания и опыта познающего мир субъекта.

Проблема понимания исторического опыта важна не только для методологов истории, но и для психологов. Доказательством этого стали исследования А.В. Брушлинского. Одна из наиболее значимых тенденций формирования и развития психологии субъекта А.В. Брушлинского — стремление как основателя этого научного направления, так и его последователей при исследовании психологии человека не ограничиваться когнитивными схемами рассуждений и ориентироваться на анализ только познавательных ситуаций. Недостаточность когнитивного анализа, направленного на получение достоверных знаний о психике, неизбежность выхода за его

пределы стала очевидной, когда Андрей Владимирович обратился к анализу проблем, до этого редко привлекавших внимание психологов, — тоталитаризма, свободы, гуманизма, духовности. Одной из таких проблем является проблема представленности в психике субъекта (и индивидуального, и группового) исторического опыта. А.В. Брушлинский категорически возражал против того, «что усвоение исторического опыта есть (главный, единственный и т.д.) механизм психического развития человека» (Брушлинский, 2003а, с. 60). Возражения аргументировались, во-первых, тем, что развитие нельзя сводить к пассивному процессу усвоения, рассматриваемому в одном направлении — от общества к индивиду, что было типичным для тоталитарного периода развития нашей страны. «Во-вторых, при этом недооценивается или даже отрицается собственно психологический аспект проблемы. Если усвоение само по себе есть механизм психического развития или психологический механизм последнего, вообще “стержень” психики, то, следовательно, оно уже не нуждается в психологических механизмах, внутренних условиях своего осуществления. Здесь внешние (педагогические и другие) причины действуют прямо и непосредственно, а не через внутренние условия и, значит, в итоге не через “усваивающего” субъекта. Они проходят через него как через пустоту — под давлением извне, со стороны общества. Возникает реальная опасность того, что психика отождествляется с усвоением и вытесняется, подменяется им, то есть становится просто излишней. Верно, конечно, что психика всегда неразрывно связана с усвоением, но неверно, что они тождественны» (Там же).

Как следует из цикла исследований А.В. Брушлинского о соотношении осознаваемого и неосознаваемого в мышлении, конкретная постановка проблемы внутренних условий формирования и развития исторического опыта требует ответа на главный вопрос: «А что такое внутренние условия и всегда ли субъект может их осознать и вербализовать?» Результаты исследований позволяют отрицательно ответить на вторую часть вопроса. Вместе с тем современная наука, в частности психология и история, свидетельствует о том, что внутренними условиями существования исторического опыта в психике субъекта оказывается не только *познание* прошлого. «Исторический опыт» — это категория, содержание которой не может исчерпываться знанием. Научный анализ исторического

опыта требует от ученых перехода от гносеологического анализа познания субъектом мира к онтологическому исследованию его существования в мире. В этом контексте в качестве внутренних условий следует рассматривать такие явно полностью не осознаваемые феномены, как оправдание, совладание, преодоление и принятие индивидуальным и групповым субъектом прошлого — либо собственного, либо своей страны. (В соответствии с тематикой этой монографии необходимо заметить, что принятие не обязательно возникает на основе понимания, оно может происходить и без него. Это явным образом отражено в анекдоте: «Женская логика — как лицензионное соглашение: ничего не понятно, но вынужден соглашаться».)

В фильме Т. Абуладзе «Покаяние» применительно к сталинскому режиму, а в статье Г. Бёме «Смысл и противосмысл» (Bohme, 1994) на примере осмысления исторического опыта фашистской Германии убедительно показано, как людям трудно принять прошлое как свое собственное. С позиций психологии человеческого бытия, совладание с тягостным прошлым — необходимое условие порождения субъектом горизонта смысла собственного бытия, жизни в современном мире. Интуитивно отвергаемые, неусвоенные части прошлого — такие как сталинские репрессии или история Третьего рейха — сначала интегрируются с событиями, происходившими в иное время и в других странах, получают объяснение и даже приводят к оправданию: эти события — только история. Следующий шаг в переосмыслении обществом прошлого обычно заключается уже не в дебатах, вскрывающих разногласия в суждениях о фактах, а в диалогических размышлениях об их моральных и политических последствиях.

В Германии сознательные попытки ассимилировать в историю развития морального самосознания нации факт национал-социализма с его жестокостью способствовали отказу людей от бремени прошлого. Такие попытки создали возможность для возвращения немцев к нормальной жизни, осознанию непрерывности истории, неразрывной связи прошлого с настоящим. В конечном счете это привело к возрождению чувства собственного достоинства нации (Bohme, 1994). «Вторая мировая война вошла в жизнь и сознание миллионов людей во всем мире и будет оставаться их частью еще долгие годы, однако никакой народ не несет такого мо-

рального бремени, как немцы. Послевоенная история привнесла в немецкий язык выражение “*Bewaltigung der Vergangenheit*”, не имеющее аналогов, означающее “преодоление прошлого”. Это попытка на протяжении вот уже 70 лет постичь смысл, уроки и последствия катастрофы, унесшей беспрецедентное количество жизней» (Хришкевич, 2015, с. 10). В наше время преодоление прошлого в немецком национальном самосознании проявляется, например, в ответах на вопрос из социологического опроса: «Чем, по вашему мнению, было окончание войны: поражением или освобождением?» Подавляющее большинство жителей ФРГ выбирают второй вариант. Именно так, по принципу «из песни слова не выкинешь», преодоление помогает пониманию людьми прошлого своей страны, в частности поступков своих предков. Эту мысль удачно сформулировал историк И.Н. Неманов: «Так что же, понять — это значит простить? — спросите вы. Нет, понять — это значит преодолеть!» (цит. по: Бочкарева, 2007, с. 108).

Итак, оправдание, совладание, принятие и преодоление оказываются внутренними условиями психического развития субъекта, пытающегося интегрировать прошлое с настоящим для того, чтобы достойно и осмысленно жить в современном мире.

Внутренние условия — неотъемлемая часть онтологии существования субъекта в мире. Само формирование субъектности в онтогенезе невозможно без обращения человека внутрь себя, потому что познание, созерцание, оценка и т.д. объективной действительности неразрывно связаны с самопознанием, самосозерцанием, самооценкой. Неудивительно, что «по мере взросления человека в его жизни все большее место занимают саморазвитие, самовоспитание, самоформирование и соответственно больший удельный вес принадлежит внутренним условиям как основанию развития, через которые всегда только и действуют все внешние причины, влияния и т.д. Например, воспитание духовности невозможно без самовоспитания» (Брушлинский, 2003а, с. 58).

По А.В. Брушлинскому, экспликация, постепенное осознание внутренних условий — это процесс изменения, динамики становления и развития самого субъекта. Иначе, но удивительно созвучно, эту проблему ставит и решает М. Фуко в «Герменевтике субъекта». Он считает, что истинное знание недоступно такому субъекту, каков он есть. Истина не дается субъекту простым актом познания:

для ее достижения недостаточно гносеологического анализа, необходимо учитывать и онтологию существования субъекта, его экзистенциальные изменения во времени. Иначе говоря, для этой цели субъект должен измениться, преобразоваться, стать отличным от самого себя. М. Фуко, как и А.В. Брушлинский, утверждает, что «в любом случае условия доступа субъекта к истине определяются именно внутри самого познания» (Фуко, 2007, с. 30).

Действия, направленные на самоизменение, поиски, практику, опыт, Фуко называет духовностью. Напомню, что А.В. Брушлинский тоже называл духовностью реализующиеся в человеческой жизни цели, устремления и смыслы (например, идею социальной справедливости). Он подчеркивал, что духовное — «это не **над**психическое, а различные качества *психического* как важнейшего атрибута субъекта» (Брушлинский, 2003а, с. 50).

Таким образом, и психология субъекта, и герменевтика субъекта дают основания для заключения о том, что для познания, понимания, переживания, созерцания мира человеку недостаточно *наблюдения*, нужно *участие*. А реальная жизнь познающего и понимающего мир субъекта, его «участное существование» проявляется в том, что, даже описывая факты, он высказывает пристрастные ценностные суждения.

На неклассическом этапе развития науки перед учеными, в частности перед А.В. Брушлинским и М. Фуко, встал вопрос: как должен измениться познающий субъект, какие действия выполнить, чтобы стать способным познать истину? И исторически более ранние духовные практики, направленные на очищение зрения, «затуманенного страстями», и психология деятельности неизбежно столкнулись с необходимостью анализа ценностных предпочтений и личностных смыслов познающего субъекта. И тогда, уже на постнеклассическом этапе развития научного познания, ученым стало ясно, что от «чистого» познания необходимо переходить к исследованию *существования* субъекта. Субъект познает мир избирательно, руководствуясь своими ценностными предпочтениями, оценкой возможных потерь и приобретений. Следовательно, познавая, действуя, человек преобразует не только мир, но и себя. Он выходит за свои пределы, становится отличным от себя прошлого. Это и награда за новое знание, обогащающее внутренний мир субъекта, и его цена. Вместе с тем это свидетельство возникновения ценностей бытия, изменяющих

экзистенциальную сущность субъекта, приобретения им новых субъектных качеств. Ценности являются не столько когнитивными компонентами психики субъекта, сколько экзистенциальными, связанными с ментальным, а шире — духовным опытом.

Таким образом, познавательные (и не только) умственные и практические действия приводят к изменению самого познающего субъекта, формированию его ценностной системы. Она имеет не столько познавательно-гносологический, сколько экзистенциально-онтологический характер. Познание и понимание, основанные на ценностных суждениях, невозможны без изменения субъекта: преобразование себя открывает ему другой взгляд на мир, в котором значимы иные, чем ранее, ценности. В свою очередь, ценности оказывают на человека обратное воздействие: они не только озаряют его внутренний мир новым светом, но и придают завершенность самому субъекту (понятно, что не окончательную, а временную, предполагающую дальнейшее развитие). А в психологических основаниях ценностей лежат не столько осознанные достоверные знания, сколько опыт субъекта.

В истории психологии сначала произошел сдвиг от когнитивизма с его идеей истинности знания к конструктивистской психологии, представители которой фактически отказались от истинности и провозгласили доминирующую роль языка — не только описывающего мир, но и определяющего познавательные схемы субъекта. Поскольку языковые конструкции всегда многозначны, то вряд ли уместно говорить об истинности выраженных языковым способом теорий (*Gergen, 1985*). Сейчас мы становимся свидетелями и участниками следующего шага в развитии методологии социогуманитарных наук, в том числе психологии: происходит сдвиг от языка к опыту. При этом основной проблемой становится не то, как нам удастся репрезентировать реальность, а то, каким образом мы приобретаем опыт реальности (*Анкерсмит, 2007*). Если в научном знании ключевую роль играет истинность, то для опыта она фактически не важна, значимы его субъективная ценность и личностный смысл.

В наше время обращение многих психологов к категории опыта происходит не случайно. С одной стороны, интерес к этому феномену органично вытекает из описанных выше психологических исследований двойственности мышления, функционирование которого

происходит при опоре как на достоверные знания, так и на интуитивный опыт. С другой стороны, такой поворот в научном мировоззрении ученых соответствует методологическим тенденциям развития современного социогуманитарного познания.

В психологической литературе обсуждается множество различных видов опыта — субъектный (Александров, Александрова, 2007), жизненный (Колтачников, 2015), психологический опыт личности (Воробьева, Снегирева, 1990), ментальный (Холодная, 2002), мнемический (Еременко, 2007) и др. Как это ни парадоксально, но наиболее широкой по содержанию и смыслу на сегодняшний день является категория субъективного опыта. Это недвусмысленно следует из работ Ю.И. Александрова, посвященных системному анализу опыта индивида как структуры, образованной разноуровневыми системами — от нейрональной до социокультурной. Формирование «субъективного опыта, — системогенез, который происходит в культуре, оказывается как культуро-, так и одновременно генетически детерминированным — зависящим от детерминированных генетически индивидуальных характеристик специализирующихся нейронов. Зависящим от культуры оказывается не только формирование у индивидов сложных концепций (таких, например, как представление об умном человеке, целомудрии или бережливости — см. ниже), но и опыт, опосредствующий “простое” поведение, обычно рассматриваемое как “врожденное”, “генетически жестко фиксированное”» (Александров, Александрова, 2007, с. 8).

Если ориентироваться на внешний по отношению к субъекту критерий деятельности, то правомерно говорить о вариантах профессионального опыта. В частности, И.А. Кибальченко на примере педагогической деятельности осуществлен глубокий и интересный анализ учебно-познавательного опыта учащихся (Кибальченко, 2010).

Если же иметь в виду внутренний субъектный опыт, то по аналогии с рубинштейновским «Бытием и сознанием» его можно соотносить с бытием и познанием. Умственный ментальный опыт реализуется прежде всего в познании, экзистенциальный — преимущественно в бытии. Ментальный опыт лежит в основании познавательного отношения человека к миру. Экзистенциальный опыт субъекта формируется в процессе проживания приобретенного знания о мире в человеческом бытии. В экзистенциальном опыте

сконцентрировано не познавательное, а личностное ценностно-смысловое отношение субъекта к миру.

Понятие индивидуального ментального (умственного) опыта, в котором инвариантно воспроизводятся объективные закономерности отображаемого фрагмента реального мира, тщательно и детально проработано в исследованиях М.А. Холодной. Она пишет: «Итак, **ментальный опыт** — это система наличных психических образований и иницилируемых ими психических состояний, лежащих в основе познавательного отношения человека к миру и обуславливающих конкретные свойства его интеллектуальной деятельности. Ментальный опыт, судя по имеющимся данным, представлен в трех основных формах, таких как ментальные структуры, ментальное пространство и ментальные репрезентации» (Холодная, 2002, с. 106). Замечу, что поскольку индивидуальный ментальный (умственный) опыт рассматривается М.А. Холодной как носитель свойств интеллекта, то вполне естественно, что он изучается преимущественно в контексте анализа разных уровней познавательного отражения.

Однако жизнь человека не исчерпывается только познанием, большую роль в ней играют общение, переживания, созерцание, постижение. Для описания этих феноменов человеческого бытия недостаточно привлечения категории ментального опыта — необходим психологический анализ экзистенциального опыта. Такой опыт оказывается важным и необходимым вследствие ограниченности научных знаний, с помощью которых невозможно точно описать многие сферы жизни людей. Во многих профессиональных контекстах и ситуациях, например в медицинской этике, мы можем только постичь возникающие проблемы. У специалистов нет достоверных знаний и осознанных мнений, на основании которых можно разрешить неизбежный конфликт моральных ценностей. Например, обязательно ли должен быть прооперирован каждый умирающий от рака пациент? Всегда ли следует говорить ему правду? Обязательно ли для медперсонала до конца бороться за жизнь больных, умирающих от старческого слабоумия?

Главная проблема при этом заключается в отделении фактов от мнений. Конфликт фактов и оценочных суждений побуждает людей к принятию интуитивных, а иногда и иррациональных решений, апеллирующих скорее к совести, чем к достоверным медицинским

знаниям. Совесть вообще является психологическим образованием, интегрирующим знания субъекта, его побуждения и моральные представления. В этом контексте уместно вспомнить Л. Толстого, в частности его статью «Не могу молчать». Когнитивная картина повторяющихся в Российской империи смертных казней построена у него по тезаурусному принципу семантических и ассоциативных связей, которые практически невозможно четко сформулировать, вербально описать. Этические представления о справедливости, связанные с сильной мотивацией, направленностью на ее достижение, побуждают писателя высказывать свое глубокое убеждение в недопустимости убийства одним человеком другого. И он высказывает его, не рассуждая о негативных последствиях для собственной жизни, которые может вызвать такое публичное проявление гражданской позиции. Очевидно, что такие суждения основаны не на осознанном достоверном знании, а на опыте.

Почему понятие опыта имеет большое значение для психологии человеческого бытия и психологии понимания? Ответ на этот вопрос в неявном виде содержится в исследованиях А.В. Брушлинского: все, что относится к опыту, должно рассматриваться в континууме между субъектом и миром. Он ясно осознавал важность и значимость опыта для развития современной науки, это видно на примере его размышлений об историческом опыте. Применительно к истории чрезвычайно трудно сказать, где заканчивается субъект и где начинается объект, и наоборот. Между ними всегда существует определенная континуальность (именно она неизменно оказывалась в фокусе внимания А.В. Брушлинского), и потому очень трудно определить, что чему конкретно принадлежит: где заканчивается наше прошлое и где начинается настоящее, в котором мы живем. Прошлое и будущее связывает опыт историка: «Без сомнения, опыт есть парадигматический обитатель этого пространства между субъектом и объектом. Опыт придает субъекту способность приращивать знание об объекте» (*Анкерсмит*, 2009, с. 10). Обратной стороной континуальности является так называемая трансгрессия: где тот водораздел, граница, на которой встречаются субъект и объект? Естественно, что эти вопросы очень волновали Андрея Владимировича.

Итак, оправдание, принятие и преодоление оказываются внутренними условиями психического развития субъекта, пытающегося

ся интегрировать прошлое с настоящим для того, чтобы достойно и осмысленно жить в современном мире. С позиций психологии человеческого бытия очевидно, что названные феномены формируются на основе не только когнитивных схем, ментального опыта. Поскольку они возникают и проявляются в ситуациях человеческого бытия, то очевидно, что они имеют непосредственное отношение также к экзистенциальному опыту субъекта. Применительно к психологии субъекта это означает необходимость сочетания гносеологического и онтологического анализа проблемы. Внутренние условия — неотъемлемая часть онтологии существования человека в мире и становления его субъектных качеств. Вместе с тем не вызывает сомнения тот факт, что внутренние условия представляют собой такой сплав ментального и экзистенциального опыта, на основе которого происходит не только понимание субъектом мира, но и метакогнитивная регуляция его поведения. В субъектном подходе внутренние условия процессуальны: они формируются и проявляются в процессе изменения, динамики становления и развития самого субъекта. Следовательно, аксиомой является и то, что сам субъект изменяется в процессе развития.

1.10. Экзистенциальный опыт субъекта

В современной науке уже трудно найти ученого, убежденного в том, что опыт представляет собой исключительно «способ познания действительности, основанный на ее непосредственном, чувственном практическом освоении» (Краткий психологический словарь, 1998, с. 237). В соответствии с антропологическим принципом опыт рассматривается как сложный сплав знаний, переживаний, ценностей, смыслов. В частности, «в экзистенциальной философии опыт понимается как глубинное знание, которое рождается в корне экзистенции в процессе переживаний и действий, составляющих духовное бытие личности, решение ею коренных вопросов существования: отношения к смерти, причастности миру, преодоления одиночества» (Калюжная, 2009, с. 165).

В психологии смещение фокуса внимания с анализа знаний на изучение опыта возникло в результате осознания учеными многомерности мира человека, принципиальной неодинаковости ситуа-

ций человеческого бытия. Стало ясно, что многие сферы нашей жизни таковы, что бессмысленно оценивать истинность их описания — нужно ориентироваться на правильность или правдивость. Опыт оказывается важным и необходимым вследствие ограниченности научных и обыденных знаний, не обладающих потенциальной способностью содержательного определения многих сфер жизни людей. Опыт является основополагающей категорией смыслового пространства «жизненного мира как формы бытия человека» (Петренко, 2009).

В наше время в психологической науке все возрастающее значение придается изучению целостных проявлений психики человека как субъекта бытия. С позиции психологии человеческого бытия научный анализ психики субъекта не может иметь только когнитивную направленность, проявляющуюся в поиске объективных достоверных знаний о человеке. Предметом исследования в этой области психологической науки являются не единичные психические процессы или свойства, а целостные смысловые образования, выражающие ценностное отношение субъекта к миру. Основной акцент здесь делается на анализе ценностных, аксиологических аспектов бытия человека, имеющих для него не только конкретно-ситуативный, но и более общий экзистенциальный смысл.

Большинство современных психологов используют понятие «экзистенция» как синоним «бытия». В частности, В. Франкл использовал термин «экзистенциальный» для реализации трех целей. Во-первых, с целью описания специфики человеческого бытия; во-вторых, для характеристики смысла существования человека; в-третьих, для обозначения стремления к нахождению смысла своего существования, то есть воли к смыслу (Франкл, 1990). Очевидно, что экзистенциальные проблемы субъект не может решать, опираясь исключительно на знания, рациональный когнитивный опыт. Такие проблемы имеют для каждого человека не столько конкретное ситуативное значение, сколько более продолжительное, имеющее отношение к экзистенциальному постижению смысла жизни. Следовательно, когнитивная направленность психологического анализа подобных проблем должна сочетаться с экзистенциальной. Экзистенциальный план исследования психической реальности отражается в направленности ученых на исследование вариантов порождения *опыта*, имеющего смысл для субъекта.

В экзистенциальном опыте сконцентрировано общее знание субъекта о человеческой природе, фундаментальной прагматике жизни. Такой опыт является важной составляющей экзистенциального интеллекта, который известный американский психолог Г. Гарднер называет «интеллектом больших вопросов» (*Gardner, 2004*). Этот вид интеллекта проявляется в способности человека размышлять о фундаментальных проблемах бытия — жизни, смерти, о существовании в целом (*Gardner, 1998*). Между тем экзистенциальный опыт — это то, что нельзя выразить в категориях ни сознания, ни бессознательного. Он представляет собой сплав языка как формы общественного сознания и невербализуемой субъективности, иначе говоря, унифицированного общего в человеке и его трудно выразимой словами индивидуальности. Характерная особенность экзистенциального опыта заключается в том, что в общении с его помощью субъект понимает пределы своих возможностей. Субъективно они осознаются как границы, к которым можно только приблизиться в собственном психическом развитии. Вместе с тем зрелые формы понимания себя проявляются также в том, что, осознавая пределы саморазвития, субъект не может их объяснить, а тем более выйти за них и эмоционально пережить. Несмотря на это, экзистенциальный опыт человека потенциально содержит в себе не только декларативные, но и такие процедурные знания, которые способствуют реализации изменений, невозможности оставаться прежним, стремлению выйти за свои пределы и превзойти себя прежнего. В этом — залог психического развития субъекта и субъектности.

Категория экзистенциального опыта может быть полезной не только при решении проблем психологии человеческого бытия, но и анализе целых областей психологической науки. Наиболее типичной в этом смысле является онтопсихология. Ее контуры были намечены в трудах Б.Г. Ананьева и получили продуктивное развитие в трудах Н.В. Гришиной (*Гришина, 2005*). Лонгитюдные исследования, проводимые Гришиной и ее учениками в рамках онтопсихологии, свидетельствуют о том, что у студентов, для которых субъективно значимыми являются события экзистенциально-духовного характера (переживание одиночества, первый опыт личной свободы, проживание нового опыта), впоследствии наблюдаются особенно сильные изменения в динамике показателей ценностей и смысловых ориентаций. «В частности, у студентов, отмечавших в

своем опыте проживание событий экзистенциального характера, наблюдался существенный рост потребности в профессиональной и социальной компетентности, в автономности и независимости и др.; значительно увеличились показатели, связанные с ценностью уважения и принятием традиций. Зафиксированные изменения отражают тенденцию “взросления”, процесса становления зрелой личности, на которые экзистенциальный опыт субъективных переживаний событий жизни оказал сильное влияние. Полученные данные подтверждают, что именно субъективное переживание жизненного опыта является источником личностных изменений» (Гришина, 2007, с. 86). Не менее научно значимы результаты исследования образа своего детства у взрослых людей. В нем показано, что опыт детства подвергается переоценке, переосмыслению со стороны взрослого человека. При этом наибольшей значимостью с точки зрения взаимосвязей с субъективными составляющими образа детства обладает показатель осмысленности жизни. Никакие другие особенности актуальной жизненной ситуации взрослого человека (в том числе субъективная успешность или объективное благополучие) или его персональные особенности не имеют такого влияния на восприятие и оценку своего детства и его обстоятельств во взрослом возрасте, как то, насколько в целом осмысленно человек относится к собственной жизни. Этот факт Гришина интерпретирует «как свидетельство того, что развитая способность человека к осмыслению своей жизни как целостного процесса собственного существования и развития заставляет переосмысливать, переоценивать опыт своего детства, ощущать его связь с последующей жизнью и воспринимать как часть общего экзистенциального опыта» (Там же).

С необходимостью анализа экзистенциального опыта психологи сталкиваются во многих исследованиях, например при изучении феномена надежды. Надежда — общечеловеческая ценность и даже, можно сказать, метаценность человеческого бытия. Она имеет в жизни человека не только конкретный индивидуальный смысл, но и более широкое социально-психологическое и экзистенциальное значение. Надежда как интегральный психологический феномен включает в себя три компонента: эмоционально-оценочный (психическое состояние ожидания), когнитивный (антиципация жизненных событий) и мотивационно-поведенческий (планиро-

вание, стремление к достижению цели). Главная экзистенциальная функция надежды заключается в конструировании, поддержании и восстановлении гармоничной, упорядоченной и непротиворечивой картины мира (Мансурова, 2008).

Еще один феномен, изучение которого невозможно без психологического анализа экзистенциального опыта субъекта, — одиночество. Изучение одиночества является одной из важных задач психологии человеческого бытия. Эмпирические исследования обнаруживают как возрастные (Неумоева, 2005), так и половые различия в переживании одиночества. «Одиночество женщин связано с тоской по конкретному человеку, отсутствием любимого человека, в то время как одиночество мужчин связано с ощущением собственной ненужности. Мужчины, более чем женщины, склонны рассматривать одиночество как возможность поразмышлять над собой, своей жизнью, отношениями с другими людьми <...> Женщины и мужчины испытывают различную палитру чувств. В состоянии одиночества женщинам свойственны меланхолия, депрессия, ощущение собственной непривлекательности, чувство незащищенности. Мужчины в состоянии одиночества переживают скуку, более нетерпимы к себе, чем женщины, острее переживают сочувствие себе. Для мужчин характерно пассивное пребывание в состоянии одиночества. Женщины, испытывая более разнообразные чувства в состоянии одиночества, более изобретательны в нахождении занятий и способов преодоления одиночества, чем мужчины, и предпочитают активные действия» (Мухиярова, 2006, с. 16). С позиции психологии человеческого бытия ясно, что выявленные половые различия имеют для людей не временный ситуативный характер, а экзистенциальный смысл, относящийся к обобщенной оценке мира и себя в мире: «Переживание одиночества женщинами приводит к утрате веры в позитивность человеческой природы и ожиданий принятия и уважения к своей личности от окружающих людей. Одиночество мужчин связано с неудовлетворенностью самореализацией, процессом жизни, наличием в ней целей и усиливает внутренние конфликты мужчин, снижая их способность к установлению эмоционально-глубоких контактов с другими людьми» (Там же, с. 16–170).

Экзистенциальный опыт явным образом проявляется в исследованиях автобиографической памяти субъекта, особенно в реали-

зации ее экзистенциальных функций (Нуркова, 2009). Они связаны с осознанным построением человеком своей личности, конструированием истории жизни. Экзистенциальные функции автобиографической памяти реализуются в процессе ответов субъектом на «метаперсональные вопросы» о своей жизни («чтобы соотносить себя с окружающим миром, видеть свое место в нем», «чтобы ориентироваться в течении своей жизни», «чтобы лучше понять, кто я есть», «чтобы не забыть, кем я являюсь и кем могу стать», «чтобы оценить свое развитие»). Экзистенциальные функции автобиографической памяти включают формирование самоидентичности, осознание уникальности своей жизни, самопознание посредством автобиографического анализа, определение смысла жизни, самоопределение в координатах истории и культуры, осознание временной протяженности (историчности) личности, экзистенциальную интеграцию личности (Там же).

В психологии понимания категория «экзистенциальный опыт» играет значимую роль при интерпретации событий и феноменов, которые нельзя понять на основе исключительно рационального знания. Наиболее типичными в этом отношении являются критические, пограничные ситуации человеческого бытия. «Экзистенциальный опыт проблематизирует фундаментальные жизненные ценности и ими же упорядочивается. В повседневных ситуациях эти ценности используются, в пограничных конституируются <...> Пограничные ситуации приводят к конституированию жизненных ценностей, так как включают рефлекссию как способ упорядочения опыта» (Касавина, 2014, с. 54).

Для психологической науки принципиально важно различение *жизненного* и *экзистенциального* опыта субъекта. Человеческое бытие наполнено событиями, отсутствие событий — признак биологической смерти или психологического умирания. Во-первых, в нашей жизни случаются события, в контексте которых воспроизводится предельный опыт. И.Т. Касавин называет их «одноразовыми событиями»: собственное рождение, свадьба, рождение ребенка, начало профессиональной деятельности, потеря родителей, выход на пенсию, смерть супруга или ребенка и т.п. «Эта уникальность события подчеркивает непреодолимость разрыва между прошлым и будущим, реальным и нереальным» (Касавин, 1999, с. 397). Во-вторых, в повседневной жизни мы встречаемся с друзьями, сослуживцами

и незнакомыми людьми; работаем, уезжаем в командировки и отпуск; узнаем о событиях в стране и мире и т.п. Эти обычные события и ситуации человеческого бытия пополняют и расширяют багаж жизненного опыта. Однако знания и воспоминания далеко не обо всех из них оказываются включенными в экзистенциальный опыт субъекта.

Экзистенциальный и жизненный виды опыта следует различать, по меньшей мере, по *трем* критериям: 1) наличие или отсутствие в структуре опыта метасистемной организации; 2) ориентация на «субъективный» способ определения самого значимого, ценного для субъекта и на «объективный» выход за *содержательные* пределы ситуации, абстрагирование от ее конкретных обстоятельств, обобщение; 3) оценка субъектом событий и ситуаций человеческого бытия либо как привычных, либо как критических, резко отличающихся от повседневных. Рассмотрим эти критерии подробнее.

1. Экзистенциальный опыт по отношению к жизненному является *метасистемным*, это «опыт второго порядка». Экзистенциальные события представляют собой такие осмысленные, понятые, оцененные субъектом факты и явления человеческого бытия, к которым он не может остаться равнодушным. Неудивительно, что экзистенциальными для субъекта становятся далеко *не все* повседневные события и ситуации, которые он помнит. Экзистенциальные — только события, оказавшие на человека сильное влияние, в процессе осмысления и понимания которых *изменился его внутренний мир*. Экзистенциальный опыт субъекта — это и есть совокупность «смыслов неких уникальных жизненных событий и обстоятельств, случившихся с человеком и раскрывших свои значения только ему» (Сапогова, 2013).

В экзистенциальном опыте субъекта как интегративном психическом образовании, включающем знания, ценности, смыслы и др., важную роль играют рефлексия и переживания. Основанием определения события как экзистенциального для человека становится формирование его эмоционального и познавательного отношения к этому фрагменту повседневного бытия, переживания всего, что с ним связано. Вместе с тем отнесение события к экзистенциальному опыту возможно только с точки зрения уже осуществленного понимания, рефлексии, сопоставления с другими событиями и ситуа-

циями. Следовательно, стержневыми составляющими экзистенциального опыта являются рефлексия и переживание.

Очевидно, что некоторые события приобретают для нас экзистенциальное значение лишь после осмысления, оценки, понимания того, что сначала могло показаться малозначимым и не имеющим непосредственного отношения к нашей жизни. И только рефлексия, сопоставление, умозаключения позволяют осознать не сиюминутный характер, а непреходящий экзистенциальный смысл произошедшего. Например, победа подростка в школьных спортивных соревнованиях может послужить толчком к размышлениям о роли спорта в жизни человека и возможности в будущем стать великим спортсменом.

2. Индивидуально-личностный способ отнесения субъектом события к разряду экзистенциальных определяется целостным пониманием ситуации, в которой оно происходит. Понимание ситуации включает переживания и смыслы, имеющие для человека позитивную или негативную ценность. Событие, в частности встреча с крупным ученым, может произвести на кого-то неизгладимое впечатление и стать значимым компонентом экзистенциального опыта. Для других знакомство с этим человеком — хотя и интересный, но все-таки рядовой жизненный эпизод. Например, для меня судьбоносное значение имело научное и личное общение с Б.Г. Ананьевым, А.В. Брушлинским, О.К. Тихомировым, а многие из моих коллег и друзей прежде всего вспоминают и называют другие фамилии — В.В. Давыдова, А.Н. Леонтьева, Б.Ф. Ломова. И это нормально с точки зрения психологии понимания, основанной на представлениях об индивидуальных различиях структур личностного знания, с которыми соотносится понимаемое событие или ситуация.

Однако экзистенциальность события определяется не только субъективно-личностными факторами. Экзистенциальное — это всегда выходящее за пределы внутреннего мира субъекта и оцениваемое с системных позиций: я и другие, я и человечество, человек и жизнь, бытие и небытие и т.п. Понимание события как экзистенциального основано на абстрагировании от конкретных эмпирических обстоятельств ситуации, включающем его содержание в духовный мир субъекта, способствующем осознанию его непреходящей жизненной ценности. Понимание всего, что для субъекта значимо, основано на метакогнитивной осведомленности, выходе за пределы

конкретного содержания события (ситуации). Такой выход требует от субъекта не только соотнесения понимаемого события с личностным знанием, но и включения его в более широкий контекст человеческого бытия.

3. Большую вероятность превращения в экзистенциальные имеют критические события, выходящие за пределы жизненного опыта человека. Естественно, что такие события (неизлечимая болезнь, утрата близких, страх смерти у летчиков-испытателей или обычных людей, которые оказались на месте теракта или техногенной катастрофы) эмоционально очень нагружены и имеют большие шансы повлиять на внутренний мир субъекта. Однако то, станет ли событие критическим и экзистенциальным для субъекта, определяется не только перечисленными выше объективными факторами: важную роль играет соотношение объективных жизненных обстоятельств и субъективного восприятия и понимания их как простых, обыденных или сложных, труднопреодолимых. Такое соотношение детально проанализировано в типологии жизненных миров и кризисных ситуаций, разработанной Ф.Е. Василюком. На ее основе проблему классификации событий как критических или обыденных можно сформулировать в категориях соотношений *легкого* или *трудного* внешнего мира и *простого* или *сложного* внутреннего мира людей (Василюк, 1995).

* * *

Ниже будут проанализированы известные из научной литературы пять признаков экзистенциального опыта.

Во-первых, экзистенциальный опыт субъекта состоит из трех главных компонентов — *тезаурусного*, *интенционального* и *этического*.

Во-вторых, с позиций психологии человеческого бытия принципиально важным является различие обыденного, повседневного и экзистенциального видов опыта субъекта. Экзистенциальный опыт по отношению к обыденному является *метасистемным*.

В-третьих, экзистенциальный опыт включает в себя не только отражение и порождение социокультурных ситуаций, но и *переживание*. В исследованиях понимания знание соотносится главным образом с предметно-содержательными характеристиками событий и ситуаций. Опыт шире, он является порождением не только по-

знавательных структур, но и ценностно-смысловых образований личности, неразрывно связанных с эмоциональными трудно вербализуемыми переживаниями.

В-четвертых, экзистенциальный опыт включает в себя когнитивные и аффективные *бессознательные* компоненты.

Наконец, в-пятых, экзистенциальный опыт состоит из опыта не только *своего*, но и *чужого*. В этом аспекте в исследованиях восприятия и понимания других людей и культур анализ опыта осуществляется в направлении различения своего, чужого (пока не своего, но потенциально способного стать таким) и чуждого, не приемлемого субъектом ни при каких обстоятельствах (Луков, Луков, 2008, 2013; Шефер, Скарабис, Шлёдер, 2004).

1.10.1. Три компонента экзистенциального опыта

Цель раздела — проанализировать содержательные составляющие экзистенциального опыта и кратко описать психологические феномены, в формировании и развитии которых он имеет существенное значение.

Характерная особенность экзистенциального опыта заключается в том, что с его помощью субъект понимает пределы своих возможностей. Субъективно они осознаются как границы, к которым можно только приблизиться в собственном психическом развитии. Вместе с тем зрелые формы понимания себя проявляются также в том, что, осознавая пределы саморазвития, субъект не может их объяснить, а тем более выйти за них и эмоционально пережить. Несмотря на это экзистенциальный опыт человека потенциально содержит в себе не только декларативные, но и такие процедурные знания, которые способствуют реализации изменений, невозможности оставаться прежним, стремлению выйти за свои пределы и превзойти себя прежнего. В этом — залог психического развития субъекта и субъектности.

Сложную, но чрезвычайно значимую проблему для современных психологов представляет ответ на вопрос о содержательной структуре экзистенциального опыта. На основании анализа научной литературы можно прийти к выводу, что он состоит, по меньшей мере, из трех составляющих.

Первым компонентом экзистенциального опыта является неявное знание, которое не может легко быть передано другим. Психологам давно и хорошо известны понятия «скрытого знания», «молчаливого знания», «имплицитного знания». Все они характеризуют принципиальную невозможность вербализации всего того, что мы знаем. Например, М. Полани говорил о том, что «вследствие молчаливого характера нашего знания мы никогда не можем высказать все, что знаем, точно так же, как по причине молчаливого характера значения мы никогда не можем в полной мере знать всего того, что имплицировано нашими высказываниями» (Полани, 1985, с. 140). Неявное знание в основном не эксплицировано, не вербализовано, оно включает навыки и умения, которые нам присущи, однако не осознаваемы.

С таким знанием психологи имеют дело в самых разных сферах научного исследования и практической деятельности. В частности, в понимающей психотерапии психолог во время сеанса получает знание о пациенте, «но это знание особое и по способу получения, и по своему виду. Терапевт не должен быть проникающим, проникающим в жизненный мир клиента, чтобы силою своего ума или исследовательской техники добыть знание о нем. Нужное для дела психотерапии знание он не добывает, а, скорее, обретает, получает в дар. Знание это особого рода — его можно назвать “откровенным” знанием: жизненный мир пациента открывается навстречу терапевту и тем самым открывает себя и для самого пациента» (Василюк, 2008, с. 29). Такое знание возникает в результате не сознательных целенаправленных ментальных операций и действий, а такого личностно-экзистенциального акта, который подтверждает самоценное бытие другого человека.

Важными составляющими структуры личностного знания являются *убеждения*. Убеждения как элементы экзистенциального опыта имеют отношение не только к конкретным жизненным ситуациям, но и к мировоззренческой личностно-смысловой позиции субъекта. Она проявляется в том, как он понимает фундаментальные проблемы человеческого бытия: смысл жизни и смерти, любовь, дружбу, одиночество, оптимизм и т.д. Убеждения субъекта приобретают особое значение там, где факты и идеи четко не расчлены и потому возникают трудности в понимании того, что есть в действительности и что должно быть в соответствии с социальными норма-

ми или просто здравым смыслом. Немало примеров таких ситуаций можно найти в средневековых исторических документах, которые по замыслу писавших их монахов должны выражать высшую истину, а не просто фиксировать случайные факты. «В стремлении восстановить право в его первоизданной чистоте люди средневековья руководствовались представлением об идеальном праве, о том, каким оно должно быть в соответствии с их идеями справедливости» (Гуревич, 2007, с. 147). В частности, «исправляя при переписывании текст дарственной грамоты, монах исходил из убеждения (курсив мой. — В.З.), что земля, о которой идет речь в этом документе, не могла не быть подарена святому месту — монастырю, ибо было бы несправедливо и, значит, невозможно, чтобы ею обладал нечестивый мирянин. Это был в его глазах не подлог, а торжество справедливости над неправдой» (Там же).

В современной психологии убеждения являются предметом серьезного научного анализа. Р.П. Абельсон перечисляет несколько признаков, по которым убеждения отличаются от достоверных (обоснованных, доказательных) знаний. Убеждения включают аффективные и оценочные компоненты; они эпизодичны, связаны с индивидуальным опытом субъекта; разные убеждения могут характеризоваться неодинаковой степенью уверенности; убеждения нередко основаны на представлениях об «альтернативных мирах», например представлениях о социальной справедливости при социализме и капитализме (Abelson, 1979). На всех уровнях субъективной системы убеждений происходит приписывание каждому из них той или иной ценности. В познании и общении ценностям обычно придается позитивное или негативное значение. «Позитивной ценностью будет тогда, когда познающий или кто-то, с кем он себя отождествляет, оказываются тем или иным образом ассоциированы с благоприятным результатом либо когда противник или антипатичный деятель ассоциируются с крайне негативным результатом, чуть ли не с полным и безоговорочным уничтожением. Ценность негативна тогда, когда познающий или кто-то, с кем он себя отождествляет, ассоциируются с негативным результатом либо когда противник или антипатичный деятель ассоциируются с позитивным результатом» (Абельсон, 1987, с. 374).

Наряду с оценочными убеждениями, в структуру неявного личностного знания входят *мнения*. Как отмечает Т.А. ван Дейк,

мнения — это категории, используемые в общении для обозначения субъективных убеждений об объектах, событиях, ситуациях. Естественно, что люди могут иметь одинаковые или неодинаковые мнения об одном и том же. Мнения могут быть социальными, соотношенными с общими для больших или малых групп ценностями и нормами («Предателей нужно наказывать»). Мнения также могут быть индивидуальными, основанными на личных предпочтениях («Мне нравится это яблоко»). Однако и те и другие отличаются от достоверных знаний. Для знаний мы ожидаем согласования с социальными нормами и критериями истины, а мнения вполне могут быть личными и неправильными (с точки зрения носителей противоположного мнения).

Когда люди начинают видеть общее в некоторых мнениях, то такие организованные кластеры превращаются в *отношения*. Отношения представляют собой совокупности мнений, вовлеченных в сложную систему социальных взаимодействий. У нас есть отношение к социальным группам, например бизнесменам или учителям, проблемам (ядерной энергии и др.), но не к яблокам или другим объектам, которые не вовлечены в сложную систему мнений и социальных взаимодействий (*van Dijk*, 1982).

Следовательно, первый компонент экзистенциального опыта, неявное знание, характеризуется недостаточной доказательностью, осознанностью и вербализованностью. Такое знание является частью тезауруса, общей системы знаний субъекта о мире. Тезаурус строится по принципу семантических отношений: смысловой близости, отнесенности знаний к одному семантическому классу, кластеру (вспомним мнения и отношения). Смысл какого-либо знания для субъекта возникает не путем определения понятий, описывающих ту или иную предметную область, а посредством выявления его концептуальных и ассоциативных связей с другими, уже осмысленными ранее знаниями. Опираясь на вышесказанное, первый компонент экзистенциального опыта я условно назову тезаурусным.

Второй компонент экзистенциального опыта — интенциональный. В психике субъекта он представлен интенциональными структурами, определяющими направленность и избирательность индивидуальной психической активности. М.А. Холодная считает, что «интеллектуальные интенции — это особые субъективные состояния (состояния направленности ума), которые по своим механиз-

мам являются продуктом эволюции индивидуального ментального опыта, а по форме выражения — неопределенно переживаемыми и в то же время чрезвычайно устойчивыми чувствованиями» (*Холодная*, 2002, с. 134).

Наконец, **третий** компонент экзистенциального опыта — этический. Понятие «этика» имеет два основных значения. 1. Учение о морали, ее развитии, принципах, нормах и роли в обществе. 2. Совокупность норм поведения, характеризующих нравственное сознание представителей разных общественных и профессиональных групп (например, «этический кодекс психолога»). Этические представления и нормы поведения включены в нравственное сознание субъекта. Они отражают как прошлый опыт общения с людьми, так и возможные алгоритмы поведения в будущих ситуациях межличностного взаимодействия. Описывая третий компонент экзистенциального опыта, я буду иметь в виду второе значение понятия.

Общность взглядов на моральное долженствование объединяла основателей психологии человеческого бытия — С.Л. Рубинштейна и В. Франкла. С их точки зрения, представления о должном у субъекта воплощаются в морально-нравственном императиве, регулирующем его понимание сути подлинно человеческого отношения к себе и другим. Этическую категорию долженствования можно сравнить с компасом, помогающим человеку не только выбирать способы ориентации в житейских ситуациях, но и адекватно понимать их. Вместе с тем необходимо подчеркнуть принципиальную невозможность полного осознания морально должного. Далеко не все моральные правила и нормы осознаваемы. Более того, некоторые из них, по мнению М. Хаузера и других ученых, являются врожденными. Хаузер развивает научные представления, согласно которым во многих случаях основания моральных решений являются неосознанными, интуитивными (*Хаузер*, 2008).

Осознание учеными принципиальной невозможности выявления рациональных оснований многих моральных проблем — характерная черта современной медицинской этики. Некоторые из этих проблем возникают вследствие трудности, а иногда и невозможности различения клинических фактов и ценностных суждений. «Врач должен уметь точно различать, что относится к области фактов, а что — к области ценностей. Быть экспертом в клиниче-

ских проблемах — не то же самое, что быть экспертом в моральных вопросах. Например, совсем не очевидно, что каждый умирающий от рака пациент обязательно **должен** быть прооперирован. Совсем не очевидно, что всегда **следует** говорить ему правду. Не однозначно и то, что каждый пациент с почечной недостаточностью **должен** получить почку для пересадки. Каждое такое решение предполагает выбор между несколькими моральными ценностями. Может быть, в некоторых ситуациях лучше из моральных соображений дать пациенту умереть, чем “героически” бороться за продолжение его жизни (и страданий). Так, отнюдь не вопросы медицинской “технологии”, но прежде всего моральные проблемы лежат в основе решений о прекращении реанимации пациентов, умирающих, например, от старческого слабоумия. Врач должен всегда скрупулезно взвесить, что для данного конкретного пациента является наибольшим благом, одновременно принимая во внимание благо других пациентов, доверенных его опеке» (Шаварский, 2006, с. 87). Конфликт фактов и оценочных суждений побуждает врачей к принятию интуитивных, а иногда и иррациональных решений, апеллирующих скорее к совести, чем к достоверным медицинским знаниям.

Итак, экзистенциальный опыт субъекта состоит по крайней мере из трех компонентов — *тезаурусного, интенционального и этического*.

1.10.2. Метасистемная организация экзистенциального опыта субъекта

В психологическом исследовании экзистенциальный и жизненный опыт нужно рассматривать как единую систему, причем «систему со встроенным метасистемным уровнем» (Карпов, 2004). В содержании системы экзистенциальный опыт «одновременно является и ее собственным уровнем, и уровнем, выходящим за ее пределы (метауровнем), то есть в определенном смысле — локализованным вне ее» (Карпов, 2011, с. 181). Системный и метасистемный уровни опыта не могут существовать один без другого. С одной стороны, основанием определения события как экзистенциального для человека становится формирование его эмоционального и познавательного отношения к этому фрагменту повседневного бытия,

переживания всего, что с ним связано. С другой стороны, отнесение события к экзистенциальному опыту возможно только с точки зрения уже осуществленного понимания, рефлексии, сопоставления с другими событиями и ситуациями.

В основании понимания экзистенциального опыта оказывается специфическое понимание человеком не только мира, но и себя: я имею в виду метаперсональную самоинтерпретацию (*DeCicco, Stroink, 2007*), которая также представляет собой метасистемный уровень самопонимания. Метаперсональная самоинтерпретация распространяется за пределы индивидуально-личностного, внутреннего мира и охватывает более широкие стороны человеческого бытия — осознание субъектом себя как частички космоса, человечества, жизни. В процессе метаперсональной самоинтерпретации человек понимает, что свою сущность можно понять, обратив взор не только внутрь себя, но и на психологические особенности других людей, общество и универсум. Метаперсональное порождается универсальным фокусом, таким взглядом на себя и мир, который включает всю природу и жизнь в Я-концепцию субъекта.

Реализация и метасистемной, и метаперсональной функций экзистенциального опыта основана на рефлексии понимающего субъекта над тем, что происходит в его внутреннем мире, как именно протекают процессы познания и понимания. Понимание всего, что для субъекта значимо, основано на метакогнитивной осведомленности, выходе за пределы конкретного содержания события или ситуации. Познание всегда включает в себя отношение, а экзистенциальный опыт связан с метакогнитивным опытом.

Знания или стратегии интеллектуальной деятельности в психологической науке считаются метакогнитивными, если они активно используются в качестве рефлексии и управления своими познавательными процессами. В частности, характерной «особенностью метакогнитивного опыта является его способность как предшествовать, так и следовать за когнитивной деятельностью. Процессы метапознания регулируют функционирование когнитивных процессов и в то же время зависят от них. Также заметим, что, поскольку когнитивные и метакогнитивные стратегии тесно переплетаются и зависят друг от друга, любая попытка исследовать один без признания другого не обеспечила бы адекватную картину» (*Пошехонова, 2012, с. 135*).

М.А. Холодная анализирует метакогнитивный опыт как ментальные структуры, дающие познающему субъекту возможность осуществлять непроизвольную и произвольную регуляцию интеллектуальной деятельности. Ее понимание метакогнитивного опыта не противоречит концепции метапознания Дж. Флейвелла (*Flavell, 1979*), а развивает ее. Содержательное расширение концепции заключается во включении в метапознание не только сознательной, но и неосознаваемой познающим субъектом регуляции интеллектуальной деятельности (*Холодная, 2002*). Это соответствует данным современных психологических исследований: метакогнитивный контроль поведения нередко осуществляется автоматически, неосознанно, а выбор стратегии принятия решения является во многом бессознательным метакогнитивным процессом (*Koriat, Levy-Sadot, 2000*).

В концепции Дж. Флейвелла метапознание состоит из метакогнитивных знаний и метакогнитивного опыта.

Метакогнитивные знания бывают трех типов — знания личностных переменных, переменных задания и переменных стратегии. Первые включают знания человека о своих когнитивных процессах и более общие знания о том, как человек приобретает и перерабатывает информацию. Второй тип знания — о природе задания и о требованиях к обработке информации. Третий тип состоит из знаний о стратегиях и о том, в каких обстоятельствах они подходят для использования таких стратегий.

Метакогнитивный опыт — это любые познавательные или эмоциональные реакции, которые относятся к интеллектуальным процессам. Например, внезапно возникшее чувство, что вы не понимаете, что произнес сейчас другой человек. Именно метакогнитивным опытом вызвано чувство замешательства и удивления от внезапного осознания расхождения между тем, что вы поняли, и тем, что сказал партнер. Метакогнитивный опыт может относиться к любому времени до, после или во время акта познания: вы можете чувствовать, что предрасположены к неудаче в том, что еще только предстоит, или сделали что-то очень хорошо в прошлом. Опыт обеспечивает возможности для возникновения мыслей и чувств о ваших собственных взглядах, способствующих контролированию протекания познавательных процессов.

Метапознавательный опыт лучше всего описывать как метакогнитивные знания, которые запомнились субъекту. Если он, борясь с некоторой трудной задачей, внезапно вспоминает другую подобную проблему, которая была решена определенным способом, то этот способ можно применить для решения актуальной задачи.

Метапознавательное знание и метапознавательный опыт составляют частично пересекающиеся множества: какой-то опыт имеет такое же содержание, как у знания, а другой — нет. В свою очередь некоторое знание может осознаваться, в то время как другое никогда не станет осознанным.

Метапознавательный опыт может активировать стратегии, управляемые двумя типами целей — познавательными или метапознавательными. Например, вы ощущаете (метапознавательный опыт), что еще не знаете, что, выучив конкретную главу в учебнике, достаточно хорошо сдадите завтрашний экзамен. Вы прочитываете ее еще раз (познавательная стратегия, нацеленная на прямую познавательную цель улучшения ваших знаний). Затем вы задаетесь вопросом (метапознавательный опыт): «Достаточно ли хорошо я понимаю материал, чтобы сдать экзамен?» Вы читаете текст снова, задавая себе вопросы и отмечая, как хорошо вы в состоянии ответить на них (метапознавательная стратегия, направленная на метапознавательную цель оценки своего знания и создания таким способом нового метапознавательного опыта). Следовательно, метакогнитивный опыт формируется во взаимодействии с метакогнитивным знанием (Flavell, 1979).

Итак, интегративный метасистемный и метакогнитивный характер экзистенциального опыта вряд ли у кого-нибудь может вызывать сомнение. Вопрос, на который должны дать ответ будущие исследования, состоит в выявлении роли неосознаваемого экзистенциального опыта в сознательном метакогнитивном контроле поведения. Известно, что метапознание включает в себя убеждения второго порядка («Я знаю, что я знаю»), которые определенно не могут быть функцией исключительно сознания — здесь не обойтись без изучения мнений, бессознательных рефлексивных убеждений, установок. Учитывая это, следует признать, что экзистенциальный опыт субъекта имеет такое же важное метатеоретическое значение, как и ментальный.

1.10.3. Переживание как компонент экзистенциального опыта

Переживание неразрывно связано с познанием. Например, А. Швейцер в книге «Культура и этика» говорил о том, что всякое истинное познание переходит в переживание. Субъект не познает сущность явлений, но постигает их по аналогии с волей к жизни, заложенной в нем. Следовательно, знание о мире становится переживанием мира. «Познание, ставшее переживанием, не превращает меня по отношению к миру в чисто познающий субъект, но возбуждает во мне ощущение внутренней связи с ним. Оно наполняет меня чувством благоговения перед таинственной волей к жизни, проявляющейся во всем» (Швейцер, 1993, с. 476). Как следует из работ Б.М. Теплова по психологии музыкальных способностей, существуют такие воплощенные в переживании способности, которые порождаются не просто вовлеченностью человека в практику воздействия на внешние предметы, отображаемые в их субъективных образах. В процессе переживания человек как представитель духовной культуры, взаимодействуя с ее объективными смыслами и ценностями, обретает богатство своей собственной психической жизни (Теплов, 1961). «Понятие о переживании давно прижилось в психологии в различных смысловых вариантах. Во всех случаях с ним сочетался признак непосредственной испытываемости субъектом, укорененности в его внутреннем мире» (Ярошевский, 1997, с. 68).

Переживания — непрменный атрибут интенциональной направленности субъекта во всех ситуациях человеческой жизни. Современные исследования показывают, что переживание является опосредствующим звеном во взаимоотношениях психических состояний и процессов (Фахрутдинова, 2008). Психический феномен переживания в психологии человеческого бытия является одним из центральных. Это естественно, потому что «переживание представляет собой “точку пересечения” (“точку соприкосновения”) внутреннего и внешнего мира. Оно являет собой основу, на которой человек формирует свою жизнь и преодолевает все возможные препятствия в мире конкретных условий, возможностей и требований. Поэтому правильный подход к переживанию — это важное условие для экзистенции: для индивидуально формируемой, диалогически открытой жизни в “мире”» (Лэнгле, 2007, с. 48–49). В переживании

как динамической единице сознания, его субъективной составляющей (Фахрутдинова, 2008) проявляется мировоззренческая ценностно-смысловая направленность жизни человека. Переживания обусловлены различными объективными для разных людей обстоятельствами (как говорится в пословице: «У одних щи пустые, у других жемчуг мелкий») и индивидуальным отношением к ним, личностной смысловой оценкой.

Переживания, так же как психические состояния, регулируются личностными и операциональными смыслами. Смысловая регуляция психических состояний проявляется прежде всего в избирательности: актуализации неодинаковых ценностно-смысловых образований личности для позитивного и негативного оценивания разных ситуаций человеческого бытия. «Степень актуализации отдельных смысловых структур в тех или иных ситуациях бытия, их сочетание и взаимоотношения в смысловой системе в процессе опосредствования ситуационных влияний находит отражение в разнообразии состояний. Смысловые структуры, образующие динамические смысловые системы, обуславливают возникновение и изменение психических состояний разного качества, модальности, знака, интенсивности, длительности и др.» (Прохоров, 2009, с. 54). Следовательно, интенциональные субъективные состояния непосредственно зависят от ценностно-смысловых образований, истоки которых следует искать в глубинах мотивационно-побудительной сферы формирования и развития психики. Иначе говоря, там же, где формируется экзистенциальный опыт субъекта.

Психологический анализ феномена переживания занимает важное место в психологии человеческого бытия. Это следует, в частности, из цикла исследований Т.Л. Крюковой. В них предпринята успешная попытка реализации комплексного подхода к изучению переживания человеком трудных ситуаций и совладания с ними, основанная на методологии субъектно-деятельностного подхода. Анализ переживания субъектом сложных жизненных ситуаций проливает свет на такие важные психологические механизмы совладающего поведения, как, например, внутренние и внешние ресурсы совладания (Крюкова, 2004).

Переживания особенно важны при совладании с критическими жизненными ситуациями. Применительно к ним возможна реализация двух психологических механизмов — контаминации и завер-

шенности, решения проблемы. Один путь развития переживаний обусловлен механизмом контаминации: хорошее, позитивное событие или состояние постепенно становится плохим, негативным. Положительное психическое состояние замещается негативным, которое начинает преобладать, разрушать или разъедать результаты предыдущей позитивности. Вот пример из статьи американских психологов: «Я всегда жил в Нью-Йорке, и эти башни присутствовали во мне с самого начала сознательной жизни. Еще ребенком я видел, как их строили. Их потеря для меня, как потеря ребенка для отца или матери. Мне также кажется, что в тот день наша страна утратила какое-то чувство невинности. Теперь я каждый день просыпаюсь с мыслью, что снова может случиться что-нибудь страшное» (*Adler, Poulin, 2009, p. 915*). У этого человека теплое отношение к разрушенным башням-близнецам и упоминание о «невинности» страны до терактов перемежается с ощущением потери и страха. Другой путь формирования переживаний неразрывно связан с когнитивными механизмами принятия завершеного решения: «Это был странный день. Обычно я не смотрю новости по телевизору, но в то утро я говорила с мужем по телефону и включила телевизор. Я всегда и везде чувствовала себя в безопасности, но с тех пор как произошла атака, я все-таки по-прежнему неколебимо доверяю нашим службам государственной безопасности» (*Ibid.*). В этом случае женщина, описывая ситуацию с включением новостной телевизионной программы как случайное стечение обстоятельств, указывает на то, что в итоге она реагирует осознанно, разрешая проблему.

Переживания, даже эмоционально негативные, нужны человеку: они способствуют личностному росту и формированию экзистенциального опыта. Отсутствие переживаний порождает феномен «отчуждения своего опыта», когда отдельные прожитые эпизоды не становятся событиями жизни. Еще в начале 1990-х гг. Е.О. Смирнова и А.Е. Лагутина исследовали его на материале осознания своего опыта детьми из семей и из детского дома. Один из их экспериментов относился к игре, в которой дети дарили друг другу подарки. У семейных детей узнавание внешних предметных характеристик игры порождало воспоминания о своих действиях и переживаниях. Узнавание было связано с их внутренней, субъективной жизнью. Они всегда рассказывали от первого лица о своих действиях и переживаниях, например: «Я подарил утенка Павлику,

он ему не понравился, тогда я ему дал своего волка, и он обрадовался». Воспитанники детского дома обычно рассказывали об игре не от первого лица, а в безличной форме или во множественном числе: «Нужно взять игрушку и отнести кому-нибудь», «В коробочку клали и давали детям». Как показали дополнительные вопросы взрослого, они вообще не помнили, кому и что подарили сами и что подарили им. Главным в их воспоминаниях были правила игры, которые объяснял взрослый и которые они старательно соблюдали (Смирнова, Лагутина, 1991). Очевидно, что у детей из семей воспоминания об игре имеют шанс стать экзистенциальным опытом, а у их сверстников из детского дома — нет.

1.10.4. Когнитивное и аффективное бессознательное в опыте

В современной психологии большое внимание уделяется анализу проблем, которые нельзя понять на основе только рационального знания, когнитивного и ментального опыта. Именно к таким проблемам относятся моральные дилеммы.

Цель раздела — проанализировать роль когнитивного и аффективного бессознательного в понимании людьми моральных дилемм. Я обосную, что в понимании важную роль играют не только осознанные рациональные знания субъекта, но также бессознательное и житейские понятия. Акцент будет сделан на исследовании когнитивного и аффективного бессознательного — непонятных иррациональных компонентов понимания. Доказывается, что существуют такие сферы человеческого бытия, которые вообще не приемлют рационального познания. В подобных сферах есть коренное противоречие между рациональным знанием, объяснением и глубинными эмоциями, переживаниями. Глубинные установки и предубеждения не опираются на разумные суждения, и потому их невозможно разрушить обычной логикой. Главный вопрос, на который сделана попытка дать ответ, заключается в следующем: почему при узнавании факта сожжения Корана или поступка девушек из группы «Пусси Райот» не только осознанные рациональные объяснения, но и бессознательные компоненты поведенческих реакций людей, говорящих на разных языках и проживающих в разных странах, оказываются очень похожими? Объяснение этого феномена в

разделе развивается в трех направлениях. Во-первых, приводятся данные о том, что многие моральные и религиозные решения субъект принимает автоматически, интуитивно, бессознательно. Во-вторых, из исследований Ж. Пиаже следует, что некоторые операциональные схемы действий могут противоречить идеям, которые субъект сознательно уже сформулировал. Эти идеи занимают более высокое место, чем схемы действия, и блокируют их интеграцию в сознательное мышление. В-третьих, со ссылкой на результаты психофизиологических исследований обосновывается существование в сознании фильтров, актуализирующихся при соотнесении древних и недавно сформированных культурных феноменов с менее и более дифференцированными мозговыми системами.

В психологической литературе и новейшей истории описано немало событий и ситуаций, понимание которых невозможно без актуализации экзистенциального опыта субъекта. Одним из трех основных компонентов такого опыта является этический, имеющий непосредственное отношение к морали и нравственности. Сегодня человечество живет в условиях серьезных конфликтов между религиозными ценностями (в частности, христианскими и мусульманскими), в значительной мере основанными на принципиально различных моральных представлениях людей. Анализ конфликтов позволяет утверждать, что существуют такие сферы человеческого бытия, которые вообще не приемлют рационального познания. В подобных сферах есть коренное противоречие между рациональным знанием, объяснением — и глубинными эмоциями, переживаниями.

Напомню, что в XXI в., пожалуй, все началось в 2005 г. с карикатур на пророка Мухаммеда, сделанных датским художником. Эти карикатуры вызвали бурное возмущение мусульман во всем мире. Министерства иностранных дел одиннадцати исламских государств потребовали от датского правительства извинений за публикацию. Некоторые из них, не получив извинений, в знак протеста закрыли свои посольства в Дании. За дипломатическими протестами последовал бойкот датских товаров. В марте 2011 г. в американском штате Флорида пастор-евангелист публично сжег экземпляр Корана. Он и его соратники провели импровизированный суд над Кораном. Посовещавшись несколько минут, они признали книгу виновной в многочисленных преступлениях и приговорили ее к воображаемой смертной казни. Эта акция вызвала переживания, возмущение

и протесты мусульман во всем мире (в частности, в Афганистане были жертвы). Наконец, хорошо известный россиянам случай: 21 февраля 2012 г. прошла акция феминистской группы «Pussy Riot» в столичном храме Христа Спасителя. Девушки, одетые в маски и карнавальные костюмы, устроили импровизированный концерт, исполнив песню «Богородица, Путина прогони». Вскоре они были выдворены из храма.

Все эти события вызвали негативные эмоции у миллионов людей и породили острые дискуссии в СМИ. Во многих дискуссиях приводились разумные, рациональные объяснения причин описанных выше поступков. Например, такие. В сентябре 2012 г. по всему миру, в том числе по Франции, прокатилась новая волна выступлений сторонников ислама против создателей фильма «Невинность мусульман». Реакцией на эти выступления стала публикация в одном из французских сатирических журналов новых карикатур на пророка Мухаммеда. Французский премьер-министр Жан-Марк Эйро сказал, что не считает их опасными, потому что французы живут в стране, где защищается право на выражение собственного мнения. В частности, гарантируется свобода проявления себя в таком жанре изобразительного искусства, как карикатура. Ранее президент США Б. Обама объяснил, что оскорбительное для мусульман видео не удалили из Интернета из-за американской конституции, защищающей право на свободу слова. В противоположность этому президент Афганистана Х. Карзай, выступая в ООН, призвал западные страны бороться с исламофобией. Он заявил о недопустимости попыток оправдать оскорбление религиозных чувств свободой слова. Он сказал: «Такие акты никогда не могут быть оправданы свободой слова <...> В той же степени они не могут послужить поводом для протестов, которые используются для разжигания насилия и хаоса с ужасными потерями невинных жизней». Но ни один из этих аргументов не успокоил мусульман и не остановил беспорядков на почве межрелигиозной вражды.

Факты таковы, что во всех этих случаях участники массовых возмущений как с самого начала не слушали рациональных доводов, а основывались на плохо осознаваемых, невербализуемых аргументах и обращались к экзистенциальным переживаниям, так и по-прежнему продолжают это делать. Из этого я делаю вывод, который очевиден, но трудно научно доказуем. Вывод такой: в нашей

жизни есть экзистенциальные сферы бытия, в которые вообще не следует погружаться даже с самыми благими намерениями. Описанные протестные настроения и переживания не соприкасаются с разумом. Глубинные установки и предубеждения невозможно преодолеть обоснованными доводами: они не опираются на разумные суждения, и потому их невозможно разрушить обычной логикой. В частности, с этой позиции, к обсуждаемой проблеме не имеет прямого отношения вопрос о юридической ответственности за содеянное девушек из группы «Pussy Riot»: какими бы ни были мотивы их поступка, они в любом случае оскорбили бы религиозные чувства православных верующих.

Фундаментальный вопрос, на который должна ответить психологическая наука, заключается в следующем: почему не только осознанные рациональные объяснения, но и бессознательные компоненты поведенческих реакций людей, говорящих на разных языках и проживающих в разных странах, оказываются очень похожими?

Приведу четыре аргумента, которые целесообразно использовать при анализе понимания моральных дилемм в экзистенциальных сферах человеческого бытия, подобных описанным выше.

1. Религиозное и моральное сознание. В психике миллионов людей религиозные понятия неразрывно связаны с моральными. В частности, «для многих в Соединенных Штатах моральные нарушения равнозначны нарушениям религиозных норм, действиям, которые попирают слово Господа» (Хаузер, 2008, с. 32). Особенно отчетливо внутреннее психологическое родство религиозных и моральных представлений проявляется в дискуссиях о допустимости/недопустимости прерывания жизни (аборты, эвтаназия, единичные и массовые убийства и т.п.). Между тем в науке уже есть немало данных о том, что очень многие моральные решения субъект принимает автоматически, интуитивно, бессознательно (Waldmann, 2006; и др.). «Экспериментальные данные показывают, что индивиды оценивают события с моральной точки зрения “автоматически” (Moll, Zahn, de Oliveira-Souza et al., 2005, p. 803), выбирают поведение в соответствии с моральными нормами, не вербализуя их и не формулируя каких-либо обоснований (Hauser, 2006)» (Александров, Александрова, 2009, с. 178).

Большой вклад в психологическое обоснование этой точки зрения внес М. Хаузер. Он выступает против рационалистов, счи-

тающих, что моральное решение является следствием рассудочного выбора. Хаузер полагает, что господствующее представление о нравственном решении как результате рассудочного выбора ведет к ошибкам в сфере политики, права и образования (Хаузер, 2008, с. 33). В защиту правомерности своей позиции он приводит данные проводимого по его программе масштабного кросс-культурного исследования. Результаты свидетельствуют о том, что люди разных стран, национальностей, вероисповеданий, сталкиваясь с моральными дилеммами, не имеющими однозначного решения, интуитивно делают сходный выбор (*Там же*).

Однако, выясняя причины одинаковости понимания одних и тех же событий и ситуаций миллионами людей, необходимо анализировать не только сходство религиозного и морального сознания. Сознание религиозных людей имеет и специфические особенности, отличные от мировоззрения атеистов. Эти различия обнаруживаются, в частности, в исследованиях имплицитных представлений российских студентов. Верующим студенты приписывают межличностные и духовные добродетели (способность прощать, чувство благодарности, доброта, скромность), а атеистам — когнитивные и связанные с деятельностью положительные психологические характеристики — лидерство, гибкость мышления, любопытство, креативность, интерес к учению (Кошелева, Осин, 2012). По данным М. Фридмана, убежденные американские верующие отличаются от атеистов меньшей когнитивной сложностью и критичностью в размышлениях об экзистенциальных проблемах, связанных с верой (например, о смерти любимого человека или моральной допустимости аборта). Однако различия в сложности рассуждений о других проблемах (например, об охране окружающей среды) отсутствуют (Friedman, 2008).

В этом контексте требует проверки гипотеза, с помощью которой можно было бы объяснить интуитивный, иррациональный, аналитически не расчлененный характер понимания субъектом других людей. Это гипотеза о преимущественно холистическом, а не аналитическом характере религиозного мышления и мировоззрения. В первом случае континуальность рассматривается как принципиальное свойство мира, нередко наблюдается пренебрежительное отношение к формальной логике и более выражена терпимость к противоречиям. Во втором — преобладает аналитическое мышле-

ние, мир представляется дискретным, состоящим из обособленных объектов. Соответственно характеристики объектов объясняются принадлежностью к определенным категориям (Nisbett, Peng, Choi, Norenzayan, 2001). Гипотеза о холистичности религиозного мышления частично подтвердилась в интересном исследовании М.Е. Пирс (Pierce, 2007), но пока этого явно недостаточно.

2. Аффективное и когнитивное бессознательное. Анализируя причины удивительного сходства понимания событий и поведенческих реакций людей в экзистенциальной реальности, нельзя не упомянуть о «коллективном бессознательном» К.Г. Юнга. Однако, к сожалению, из-за метафоричности и невозможности научного доказательства существования этого феномена я как академический психолог вынужден отказаться от обсуждения этой категории.

Несомненно, более научно обоснованными являются представления Ж. Пиаже о существовании аффективного бессознательного и когнитивного бессознательного (Пиаже, 1996). За почти полвека с тех пор, как Пиаже сформулировал эти идеи, в современной науке появилось множество исследований, направленных преимущественно на психологический анализ содержания и функциональных механизмов когнитивного бессознательного. «На сегодняшний день под общим понятием когнитивного бессознательного объединяются практически все психологические феномены, которые так или иначе могут свидетельствовать о возможности неосознаваемой переработки информации. Среди явлений, относимых к сфере когнитивного бессознательного, можно назвать имплицитное научение, имплицитную память, подпороговое восприятие, прайминг-эффекты, автоматичность, экспертное знание, установку, интуитивные компоненты мыслительной деятельности» (Аллахвердов, Воскресенская, Науменко, 2008, с. 10).

Что касается Пиаже, то он пишет о том, что обычно субъект не знает, ни откуда приходят его чувства, ни почему. Человек также не осознает структур или функций внутренних механизмов, направляющих его мышление, — ему ясны лишь результаты. Именно эти внутренние механизмы Пиаже называет когнитивным бессознательным. основополагающими понятиями для объяснения структуры и функций когнитивного бессознательного в концепции Пиаже являются «сенсомоторные схемы» и «операциональные схемы». Он пишет: «Следовательно, проблема может быть сформулирова-

на следующим образом: почему некоторые сенсомоторные схемы становятся осознанными (то есть принимают репрезентативную, в частности вербальную, форму), в то время как другие остаются бессознательными? Причина этого лежит, по-видимому, в том, что некоторые схемы действий противоречат идеям, которые субъект сознательно уже сформулировал. Эти идеи занимают более высокое место, чем схемы действия, и, таким образом, блокируют их интеграцию в сознательное мышление. Ситуацию можно сравнить с аффективным вытеснением: когда чувство или побуждение противоречит эмоции или тенденции более высокого порядка (например, идущей от Суперэго), они устраняются сознательным или бессознательным вытеснением. Таким образом, в познании можно наблюдать механизм, аналогичный бессознательному вытеснению» (Пиаже, 1996, с. 128). По его мнению, осознание — это следствие реконструкции на высшем — сознательном — уровне элементов, которые до этого уже были организованы иным образом на низшем — бессознательном уровне.

3. Фильтры в сознании. Мысль о том, что идеи «высшего» уровня могут служить фильтром, препятствием на пути осознания некоторых событий, ситуаций, поведенческих схем действий, получила продуктивное развитие в современных исследованиях формирования субъективного опыта в культуре (Александров, Александрова, 2009). Психофизиолог Ю.И. Александров изучает соотношение мозговых систем на нейронном уровне и культурных влияний как факторов формирования опыта. При этом общая системно-эволюционная закономерность состоит в переходе от менее дифференцированных к более дифференцированным формам. Новые дифференцированные системы сосуществуют с ранее возникшими менее дифференцированными. С этой позиции мораль сопоставляется с древними рано сформированными элементами мозговых систем, существующих в культуре. Более новыми, дифференцированными являются законодательные нормы и правила. «Из такого представления логически следует, что низкодифференцированные системы общи для разных людей, эпох и ситуаций: масса самых разнообразных единиц на протяжении всего развития культуры имеет основанием ограниченное число общих низкодифференцированных систем. Они должны быть общими не только для разных эпох, для разных степеней дифференциации культуры, но и для разных

культур» (Там же, с. 211). Пока мораль как недифференцированная и, условно говоря, общечеловеческая система выступает в роли внутреннего регулятора поведения, она бесконфликтно существует в психике множества людей и не требует осознания, вербализации. Однако при попытке вербального оформления невербализуемых моральных правил поведения во внешние нормы «они начинают быть соотносимыми с высокодифференцированными системами, приобретая статус внешних законов со всеми вытекающими из этого статуса последствиями. Например, отношение к ним как к правилам, которые могут быть нарушены при возможности избежать наказания, купить безнаказанность за деньги (индальгенция), наличие ситуативной зависимости и пр. Коротко говоря, в такой форме они теряют статус категорического императива» (Там же, с. 215). Ясно, что малодифференцированные моральные представления противоречат необходимости осознания и принятия моральных норм и образцов. Это становится одним из психологических механизмов общего для множества людей такого интуитивного понимания-постижения событий в экзистенциальной реальности, которое нельзя превратить в понимание-знание или понимание-интерпретацию.

4. Коллективное надсознательное. Необходимо ответить на вопрос: почему на сожжение Корана или поступок участниц группы «Pussy Riot» у тысяч или даже миллионов людей возникают очень похожие реакции? Подобные реакции всегда имеют интерсубъективный характер, потому что являются поведенческим проявлением имплицитного интерсубъективного содержания экзистенциального опыта людей. Сегодня, исследуя сознание и бессознательное, психологи ищут истоки их формирования не только во внутреннем мире человека, но и в пространстве межсубъектных взаимодействий, на стыке разных ценностно-смысловых позиций общающихся людей. Отличительная особенность современной научной методологии заключается в стремлении ученых снять главное противоречие картезианской картины мира, в которой субъект противопоставлен объектам, событиям и ситуациям реальной действительности, а опыт и сознание одного человека — коллективному опыту и общественному сознанию. Противоречие снимается путем признания невозможности описания сознания и опыта конкретного человека только как составляющих его внутреннего мира. Вот как об этом

пишет Т.Д. Марцинковская: «Однако если личностный опыт еще может быть получен человеком в собственной индивидуальной деятельности (хотя и трудно представить таковую — совсем без со-действия, интеракции с другими), то появление надличностных феноменов сознания невозможно без общения с другими» (Марцинковская, 2007, с. 37).

Итак, в психологии уже имеется немало доказательств неосознанности и интерсубъектности экзистенциального опыта, лежащего в основе понимания субъектом событий, происходящих в экзистенциальной реальности. Сложные для понимания экзистенциальные моральные дилеммы никогда не смогут пониматься людьми только на основе достоверного верифицируемого научного знания. Такие дилеммы в принципе не имеют однозначного решения. Понимая их, разные люди обращаются к принципиально различным компонентам своего тезауруса, неявного знания и актуализуют индивидуально-личностное аффективное бессознательное, когнитивное бессознательное, а также коллективно-надсознательное. Проведенный анализ также подтверждает то, что юнговское коллективное бессознательное для современной науки оказалось просто ничего не объясняющей красивой метафорой. Коллективного бессознательного как такой формы неосознаваемой психической деятельности, которая является продуктом наследуемых структур мозга и едина для больших групп людей общества в целом, не существует. Люди в разное время и в различных частях света ведут себя сходным способом не потому, что у них какое-то особое коллективное сознание и бессознательное, а потому, что они *люди*. Это значит, что их мозг и психика имеют много общего: операциональные схемы, моральные суждения, фильтры в сознании, бессознательное и надсознательное. Очевидно, что дальнейшее изучение названных феноменов значимо и перспективно как для психологии понимания, так и для психологии человеческого бытия.

1.10.5. Свое и чужое в экзистенциальном опыте субъекта

Обозначенная в заголовке проблема в современном мире является чрезвычайно острой и актуальной. В этой связи я раскрою ее содержание, проанализировав характерную для современного

мира тенденцию конфликтного противостояния христианских и мусульманских ценностей, а также психологические исследования формирования образа врага. Три описываемых ниже эмпирических исследования, проведенных в семи городах России, объединены общей темой «Образ врага как психологическое основание понимания россиянами мусульманских террористов». В одном изучались представления о мировоззрении и человеческих качествах мусульманских террористов у испытуемых, принадлежащих к разным этнорелигиозным группам. Второе исследование было направлено на анализ отношения к мусульманам у людей, различающихся по личностным характеристикам. В третьем анализировались территориальные различия в отношении к мусульманам и к стратегии государства в борьбе с терроризмом.

Современный мир стремительно меняется: взрывы народного недовольства в Египте, Сирии, Ливии и других странах, «оранжевая» и другие революции, кампания «Оккупируй Уолл-стрит», финансовые потрясения в Европе. В этих условиях образ врага вновь стал одной из значимых составляющих массового сознания, а при попытках его конкретизации многие люди все чаще указывают на мусульман. В наши дни проблема противостояния и якобы несовместимости христианских и мусульманских ценностей переместилась из культурной плоскости в политическую и социально-психологическую, в которых главным становятся со-бытие людей и их толерантное отношение друг к другу. Как научные исследования, так и политические тенденции развития современного мира обнаруживают явное неблагополучие в этой сфере.

В США в 2005 г. были опубликованы результаты исследования установок американских христиан по отношению к проживающим в этой стране мусульманам, которое обнаружило наличие неявного, выявляемого только с помощью «Теста имплицитных ассоциаций» (*Greenwald, McGhee, Schwartz, 1998*), предубеждения христиан по отношению к мусульманам. Чем хуже христиане относятся к мусульманам, тем в большей степени у них проявляются антиарабский расизм, авторитаризм правого толка и религиозный фундаментализм (*Rowatt, Franklin, Cotton, 2005*). Сходные тенденции развития интолерантности наблюдаются в Европе. 18 октября 2010 г. канцлер Германии А. Меркель сделала заявление, ставшее мировой сенсацией. Обращаясь к участникам конференции христианско-

демократической молодежи, глава германского правительства объявила об «абсолютном крахе» политики мультикультурализма. Это произошло после выхода в свет книги главы Бундесбанка Т. Саррацина «Германия самоликвидируется. Как мы ставим на карту нашу страну» (Sarrazin, 2010). В ней автор открыто говорит об угрозах для Германии, которые несут мигранты-мусульмане. В феврале 2011 г. президент Франции Н. Саркози также признал провал политики мультикультурализма, которая была направлена на сохранение и развитие культурных и религиозных различий во французском обществе.

Однако за неудачу в построении многонационального и многоконфессионального государства ответственны не только мусульмане, но и христиане. По результатам опроса, проводившегося в 2006 г., 98% немцев связывают ислам с террором и насилием, 83% характеризуют мусульман как религиозных фанатиков, 61% немцев сомневаются в том, что ислам может сосуществовать в мире с христианством, и только 6% высказывают по отношению к исламу симпатию (Pötzl, 2008, S. 11). Вместе с тем фатальными для интеграции общества являются такие речи, как, например, произнесенная в Кёльне перед двадцатью тысячами восторженных слушателей — эмигрантов из Турции турецким премьер-министром Р.Т. Эрдоганом: «Никто не может ожидать от вас, что вы ассимилируетесь. Ассимиляция — преступление против гуманности» (цит. по: *Ibid.*). Не лучше, чем в Европе, с преодолением атмосферы вражды дело обстоит и в исламском мире. В 2011 г. ученые из Стамбульского университета провели исследование среди молодежи с целью определить уровень радикальных и экстремистских взглядов. Было опрошено более 1,5 тыс. молодых людей из разных городов Турции в возрасте от 17 до 25 лет. Результаты опроса показали, что около 60% опрошенных не хотели бы видеть своими соседями евреев и более 52% — христиан.

Усиление исламского фактора в общественно-политической жизни, нередко сопровождающееся проявлениями экстремизма, наблюдается во многих регионах мира. Типичный пример — серия террористических атак в Нигерии, направленных против прихожан, которые выходили из храмов после праздничной службы. 25 декабря 2011 г. в разных городах страны были взорваны пять христианских церквей, где проходили рождественские богослужения. Ответствен-

ность за теракты взяла на себя радикальная исламистская группировка «Боко Харам». Название этого политического объединения в расширительном смысле можно перевести как «запрет западного (не мусульманского) образа жизни». Оно добивается введения шариата на всей территории самой многонаселенной (почти 150 млн человек) страны Африки.

Процессы возрождения ислама наблюдаются и в России. У нас в стране это проявляется, в частности, в том, что «здесь окрепло исламистское фундаменталистское движение, основанное на принципах салафийи (направления, выступающего с призывом ориентироваться на образ жизни и веру ранней мусульманской общины и квалифицирующего как порицаемое заблуждение все нововведения), ориентирующее на политическую борьбу, захват власти, построение исламского государства на всем Северном Кавказе» (*Буттаева*, 2011, с. 3–4). Неудивительно, что многих известных общественных деятелей и ученых беспокоит то, что негативной стороной исламизации во многих регионах современного мира оказывается такое смещение в представлениях об общечеловеческих ценностях, на основании которого становятся допустимыми теракты и другие проявления массового насилия. Например, В.Ф. Петренко пишет: «В наших послылках мы исходим из того, что террористические акты 11 сентября идеологически являются патогенной мутацией ислама, который как одна из мировых религий содержит в своей основе некие общечеловеческие ценности, и как мутация могут произойти и в рамках иного религиозного или квазирелигиозного сознания» (*Петренко*, 2010, с. 258).

В психологической науке более общим контекстом по отношению к решению проблем конфликтного противостояния христианских и мусульманских ценностей является анализ внешних и внутренних психических условий формирования образа врага. Последнее как политическая и социально-психологическая проблема очень актуально для нашей страны. В современной России дихотомическое деление людей по признакам «мы–они», «свои–чужие», «друзья–враги», к сожалению, стало повседневной реальностью. Все политики и общественные деятели на словах стремятся к всеобщему благоденствию и справедливому социальному устройству. Однако, не зная основ общественной психологии, нередко они выбирают средства достижения этих целей, способствующие нарастанию со-

циальной вражды, разжиганию межнациональной и межконфессиональной розни. Примером может служить главный лозунг «За русских!» одной из парламентских партий.

Сегодня дискурс публичных обсуждений включает множество высказываний, в которых упоминаются названия политических партий, движений, религиозных конфессий, явно неудачные с точки зрения провозглашаемой их сторонниками направленности на объединение российского общества: «Наши», «Общенациональный народный фронт», «Народное ополчение», «Мусульманский терроризм» и т.п. Участие больших групп молодежи в движении «Наши» основано на социальном представлении о существовании «ненаших». Выражение «мусульманский терроризм», политически некорректное и неверное по существу, разделяет мусульман (в 2003 г. В.В. Путин сказал, что в России их живет около 20 млн) и россиян, исповедующих другие религии, а также атеистов. В мирное время в невоюющей стране странно слышать об ополчении — военном формировании, создающемся во время войны и предназначенном для пополнения действующей армии. Назвав новое политическое движение «Общенациональным народным фронтом», его создатели наверняка имели в виду одно из переносных значений слова: «Фронт — объединение общественных сил для действий в каком-нибудь направлении» (Ожегов, 1988, с. 701). Между тем большинство основных словарных значений этого понятия указывают на место, район военных действий, разделяющих воюющих *противников*.

Можно предположить, что в нашей стране с ее богатой военной историей у людей, далеких от политики, актуализируется прежде всего прямое значение слова «фронт», связанное с войной и противостоянием. Предварительное эмпирическое подтверждение этого мнения можно получить путем элементарных опросов. Например, летом 2011 г. я попросил 50 человек из семи городов назвать три слова, ассоциирующихся со словом «фронт». Из 150 ассоциаций 127 были связаны с противостоянием в социальном и природном мире: «борьба», «враги», «смерть», «грозовой», и только в 23 случаях были названы «общественное объединение», «народный», «коррупция», «Рот Фронт». Очевидно, что у этих 50 человек значимо преобладают ассоциации, связанные с основными значениями обсуждаемого понятия ($p < 0,001$). Следовательно, использование лексики, подобной приведенной выше, явным, а еще в большей степени — неявным,

неосознаваемым образом способствует не объединению, а, наоборот, разъединению людей по различным основаниям.

Все сказанное выше о дихотомиях можно было бы считать недоразумением, если бы названные дискурсивные оппозиции не порождали конфликты в сознании многих россиян. А поскольку сознание неразрывно связано с действием, то конфликтные представления, существующие у больших социальных групп, нередко проявляются в поступках, направленных против тех, кого они не только внутренне не принимают, но и на поведенческом уровне отвергают. Достаточно вспомнить беспорядки в карельском городе Кондопога в сентябре 2006 г., 11 декабря 2010 г. на Манежной площади в Москве, нападение на участников пикетов движения «Наши» со стороны защитников Б. Немцова рядом со следственным изолятором, в котором его содержали в январе 2011 г.

Основная задача заключалась в том, чтобы выяснить, связывается ли в обыденном сознании россиян образ врага с человеком, исповедующим ислам, и причисляют ли они граждан нашей страны, совершающих теракты, к мусульманским террористам.

Для реализации этой цели было проведено три исследования.

Этнорелигиозная принадлежность испытуемых и их представления о террористах

В научной литературе распространенным является суждение об этнорелигиозной природе терроризма: большинство терактов совершают исламские радикальные фундаменталисты и, следовательно, мусульманское религиозное мировоззрение якобы является одним из источников, питательной средой для взращивания террористов. В этой связи цель *первого* этапа исследования заключалась в определении того, согласны ли с этим суждением россияне. В нем приняли участие 661 житель Москвы, Самары, Саранска и Краснодарского края (Сочи, Майкоп, Краснодар) — 423 женщины и 238 мужчин в возрасте от 17 до 85 лет ($M=27,7$ года, $SD=12,1$).

Методика. Испытуемые анонимно отвечали на пять вопросов. Первый относился к мнению участника исследования о том, представители какой этнорелигиозной группы чаще других совершают теракты на территории нашей страны. Выбор осуществлялся из официально признанных в России девяти конфессий: христиане-православные; христиане-католики; христиане-протестанты; по-

волжские мусульмане (татары, башкиры и др.); северокавказские мусульмане (чеченцы, дагестанцы, ингуши и др.); среднеазиатские мусульмане (таджики, узбеки и др.); «внешние» мусульмане (постоянно проживающие в России арабы, турки, курды и др.); иудеи (приверженцы еврейских религиозных и культурных традиций); буддисты и неверующие, атеисты.

Затем по шестибальной шкале (от «полностью согласен» до «совершенно не согласен») испытуемые указывали степень своего согласия/несогласия с тремя следующими утверждениями:

«Люди из этой этнорелигиозной группы составляют значительную часть населения России, они имеют такое же право на свою религиозную веру (в том числе на исполнение религиозных обрядов в предназначенных для этого культовых зданиях и сооружениях), как и я»;

«Не террорист, а любой другой представитель этой этнорелигиозной группы вполне может быть хорошим добрым человеком»;

«Люди из этой этнорелигиозной группы могут быть моими друзьями».

В завершение следовал вопрос об этнорелигиозной самоидентификации: «Укажите, к какой из перечисленных выше групп вы относите себя».

Статистическая обработка данных осуществлялась методом χ^2 и с помощью непараметрического критерия Манна–Уитни.

Результаты. Из 661 человек 545 считают, что теракты чаще всего совершают северокавказские мусульмане ($p < 0,001$). Значение статистического критерия χ^2 с вероятностью ошибки 0,1% позволяет утверждать, что это — не случайное, а закономерное мнение данной выборки испытуемых. В исследовании приняли участие 90 человек, отнесших себя к северокавказским мусульманам, 67 из них тоже разделяют мнение о том, что именно мусульмане с Северного Кавказа чаще всего совершают теракты, и оно неслучайно ($p < 0,001$).

Две наиболее многочисленные части выборки составили православные христиане (443 чел.) и северокавказские мусульмане (90 испытуемых). Чем различаются ответы двух указанных групп? Христиане скорее не согласны, а мусульмане скорее согласны с правом террористов на свою религиозную веру ($p < 0,001$). Христиане в меньшей степени, но все-таки согласны, что мусульманин может быть хорошим человеком ($p < 0,004$).

Однако если проанализировать результаты всей выборки, то становится ясно, что в целом испытуемые проявили религиозную терпимость: 458 из них согласны с правом террористов на религиозную веру и только 203 не согласны ($p < 0,001$). Сравнение 458 согласных и 203 несогласных показывает, что согласные в большей степени верят в возможность доброты народа, к которому принадлежат террористы ($p < 0,001$). Несогласные, в отличие от согласных, не хотят иметь друзей из этой этнорелигиозной группы ($p < 0,001$). Итак, во-первых, нет сомнений в том, что в сознании значительной части россиян теракты ассоциируются с мусульманским терроризмом. Во-вторых, мировоззренческое принятие или отвержение северокавказских мусульман как потенциальных террористов распространяется на всю эту этнорелигиозную группу: на специфику понимания ее отдельных представителей как хороших добрых людей и потенциальных друзей испытуемых.

Отношение к мусульманам и личностные характеристики испытуемых

Цель *второго* этапа исследования заключалась в определении личностных особенностей людей, более и менее позитивно относящихся к мусульманам. В нем приняли участие 153 жителя Москвы, Самары и Орла (91 женщина и 62 мужчины) в возрасте от 17 до 58 лет ($M=30,4$ года, $SD=12,9$).

Методика. Сначала испытуемые анонимно заполняли опросники: «Тест жизнестойкости» в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой; «Личностный дифференциал» (Е.Ф. Бажин, А.М. Эткинд); «Шкала тревоги смерти DAS» Д. Темплера в адаптации Т.А. Гавриловой (с точки зрения литературных норм русского языка правильнее было бы перевести название данного опросника как «Шкала страха смерти»). Затем по шестибалльной шкале (от «полностью согласен» до «совершенно не согласен») испытуемые отвечали на 12 вопросов. Они касались четырех предметных областей: представлений испытуемых о личностных и социально-демографических характеристиках террористов, оценки вероятности стать жертвой теракта, отношения к методам проведения контртеррористических операций, отношения к мусульманам. Здесь проанализируем только ответ на ключевой вопрос из последней группы: «Русским людям

трудно так же хорошо относиться к мусульманам, как к православным христианам».

Результаты. Основная задача состояла в выявлении личностных различий между испытуемыми, согласными с тем, что к мусульманам трудно относиться так же, как к православным, и не согласными с этим. Первая группа (84 человека) не отличается от второй (69 испытуемых) по полу, но немного младше: $M=27,9$ года и $M=33,5$ года, $p<0,03$. По критерию χ^2 различия между числом членов в группах статистически не значимы. Значит, нельзя утверждать, что в выборке преобладают «согласные» или «несогласные». Однако различаются ли они по личностным характеристикам?

У согласных с трудностью принятия мусульман выше самооценка своих нравственных качеств по шкале *оценка* из методики «Личностный дифференциал» ($p<0,00$) и волевых качеств (*сила*: $p<0,002$). Вместе с тем по «Шкале DAS» у них выше показатели осознания быстротечности времени жизни ($p<0,007$) и озабоченности болью и стрессом ($p<0,01$). У них также ниже общий показатель жизнестойкости из методики «Тест жизнестойкости» ($p<0,05$) и оценки по шкале этого опросника *вовлеченность* ($p<0,03$).

Следовательно, мировоззренческое убеждение в трудности формирования хорошего отношения к мусульманам связано с психологическими особенностями личности человека. У тех, кто согласен с утверждением, более высокая самооценка, сочетающаяся с осознанием быстротечности жизни, неизбежно приближающей субъекта к смерти, и озабоченностью физической болью и стрессом, которые могут возникнуть при смертельных заболеваниях. Люди, лучше относящиеся к мусульманам, характеризуются большей жизнестойкостью, препятствующей возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях (за счет стойкого совладания со стрессами и восприятия неприятных событий как менее значимых). Им присуща убежденность в том, что вовлеченность в происходящее дает максимальный шанс найти нечто стоящее и интересное для себя.

Связь личностных качеств испытуемых с существующими в их сознании образами мусульманских террористов соответствует результатам проведенных ранее исследований понимания и переживания россиянами террористической угрозы. Макиавеллисты в меньшей степени, чем немакиавеллисты, переживают возможность

стать жертвой теракта. Они понимают теракты прежде всего как способы решения задач, достижения определенных целей террористами и теми, кто за ними стоит: «Попытка решить свои проблемы за чужой счет». Испытуемые с высоким уровнем контроля ситуации по Шкале базисных убеждений понимают теракты как средство достижения политических, религиозных и других целей психически неуравновешенными людьми, которые не видят иных способов решения проблем: «Теракты совершают люди, которые боятся (и потому бьют из-за спины), но не знают других методов».

Таким образом, исследование религиозных, конфессиональных предпочтений людей в контексте понимания террористической угрозы, безусловно, должно включать психологические компоненты.

Территориальные различия в отношении к мусульманским террористам

На *третьем* этапе исследования анализировались различия в отношении россиян, проживающих в разных регионах страны, к стратегии государства в борьбе с терроризмом. Цель третьего этапа — сравнить результаты жителей Казани с данными, полученными в Москве и Саранске. Больше половины жителей Казани составляют татары (Ванюхина, Григорьева, 2011): можно предположить, что процент мусульман среди них выше, чем в двух других городах. На этом этапе в исследовании приняли участие 391 житель Москвы, Саранска и Казани (242 женщины и 149 мужчин) в возрасте от 17 до 74 лет ($M=25,3$ года, $SD=11,4$).

Методика. Испытуемые отвечали на те же 12 вопросов, что и на втором этапе. Анализировались ответы испытуемых из разных городов по блоку отношения к методам проведения контртеррористических операций. Этот блок включал три вопроса: «По вопросу переговоров с террористами российское правительство, в отличие от западных стран, занимает очень жесткую позицию: мы никогда не будем вести переговоров, с террористами нужно не договариваться, а уничтожать их. Вы согласны с такой точкой зрения?»; «Теракты, осуществленные на территории Российской Федерации, стали возможными в основном вследствие неэффективной работы правоохранительных органов»; «Государство должно бороться с

террористами правовыми методами: не уничтожать их, а арестовывать и судить. Например, если боевики засели в окруженном правоохранительными органами доме, то не расстреливать и разрушать дом, а предпринять длительную осаду (пока у них не закончатся продукты)».

Результаты. Казанцы не согласны с тем, что террористов нужно уничтожать, а не договариваться с ними; саранцы, наоборот, считают переговоры ненужными ($p < 0,01$). Москвичи присоединяются к мнению саранцев и также отличаются от жителей Казани ($p < 0,001$). Ни одна из групп испытуемых не согласна с тем, что с террористами следует бороться исключительно правовыми методами. Однако москвичи и саранцы более категоричны в своем несогласии, чем казанцы ($p < 0,02$). С неэффективностью работы правоохранительных органов согласны все испытуемые, значимых различий между ними нет.

Итак, по мнению многих россиян, главная задача нашего государства состоит в том, чтобы уничтожить террористов, а не арестовывать и судить их. Мне с таким мнением согласиться трудно, все-таки цивилизованное государство отличается от банды ориентацией на законы, а не на эмоции и инстинкт самосохранения. Подводя итог анализу территориальных различий, можно сказать, что жители Казани, среди которых предположительно больше мусульман, считают, что с мусульманскими террористами необходимо вести переговоры. Они в меньшей степени, чем москвичи и саранцы, убеждены в невозможности борьбы с террористами исключительно правовыми методами. Вероятно, дело здесь не в оправдании людей, совершающих теракты, а в лучшем понимании мотивов их поведения. Можно предположить, что жители Казани, знающие исламский мир, его социокультурные традиции лучше, чем москвичи и саранцы, осознают то, что террористов следует понимать как людей с иными, отличными от их собственных мировоззрением и поведением.

Общее обсуждение. В XX в. понимание и принятие другого стало чуть ли не главной проблемой современного мира. Неудивительно, что изучением национальных, социальных, психологических закономерностей принятия и отвержения людьми «экзистенциального Другого» активно занимаются ученые самых разных специальностей, в том числе психологи. Другой, утверждающий свой субъект-

ный статус путем противопоставления себя окружающим (членом коллектива, представителям власти и т.п.), — это, как правило, человек с драматической судьбой. «Утверждая себя через оппозицию “Я” и “Не-Я”, этот субъект рассматривает весь мир как тотальное “Не-Я”, являясь в свою очередь вечным Другим по отношению к коллективному субъекту. Такой Другой — личность, не вписывающаяся в общество, противопоставляющая себя общепринятой системе норм и творящая свой собственный универсум по своим собственным правилам, — всегда был основой многочисленных репрезентаций. В основе противопоставления такой необычной личности культуре большинства лежит оппозиция “Мы” и “Я”, коллективная или групповая идентификация в противовес индивиду, который находит в себе смелость остаться за пределами сообщества» (Шапинская, 2009, с. 49).

В наше время ярким, привлекающим всеобщее внимание примером «экзистенциального Другого» является выдающийся российский математик Г. Перельман, первым доказавший гипотезу Пуанкаре. В 1996 г. он был удостоен премии Европейского математического общества для молодых математиков, но отказался ее получать. В 2006 г. он отказался от медали Филдса, в 2010 г. — от премии в размере миллиона долларов за решение одной из семи проблем тысячелетия. Перельман не проявляет интереса к научной карьере, живет в одной квартире с матерью, ведет замкнутый образ жизни, игнорирует прессу. Не поддающаяся рациональному объяснению неординарность мышления и выходящая за рамки повседневного опыта «инаковость» поведения выдающегося ученого привлекли к нему повышенное внимание СМИ и многих обывателей. Недавно М. Гессен была предпринята интересная и весьма правдоподобная попытка описания личности и объяснения мотивов поступков Г. Перельмана (Гессен, 2011). Однако ее книга только подтвердила очевидное: имея дело с «экзистенциальным Другим», невозможно достичь понимания, основанного на знании. В результате исследователю приходится довольствоваться во многом интуитивным постижением.

Еще более отчетливо отвержение другого человека выражено тогда, когда понимающий субъект считает его чужим. В нашем исследовании подавляющее большинство испытуемых были убеждены в том, что теракты чаще всего совершают жители Северного Кав-

каза, исповедующие ислам. В США аналогичный результат получен в работе Дж. Парк с соавторами: наиболее значимым атрибутом, понятием, ассоциирующимся с арабами-мусульманами, является терроризм. Это неудивительно, потому что в XXI в. для американцев оценка возможной террористической угрозы стала одним из приоритетов личной и национальной безопасности (*Park, Felix, Lee, 2007*).

В этом контексте сегодня очень значимым является научный анализ двух психологических и социокультурных проблем — закономерностей формирования образа чужого, в частности врага, и идентификации, умения посмотреть на мир глазами другого, поставить себя на его место. Я попытаюсь обосновать ту точку зрения, что две названные проблемы тесно связаны между собой, научный анализ одной невозможен без углубленного изучения другой.

Проблемы стары, как мир: греки противопоставляли себя варварам, христиане — язычникам, Запад — Востоку. В основании этих и других оппозиций лежит «негативная идентичность»: стремление не понять своеобразие, инаковость другого, а интерпретировать его как искаженное свое. Еще Геродот, описывая греко-персидские войны, использовал по отношению к персам набор негативных штампов: они корыстны, коварны, порочны, малокультурны; если они побеждали, то лишь благодаря своей несметной численности, греки же побеждали мужеством и воинской выучкой. В наше время широкую известность приобрела книга Э. Саида об ориентализме как западной модели отношения к другим культурам (*Саид, 2006*). Ее основной тезис заключается в том, что западные исследования изобилуют стереотипами об инаковости и отсталости Востока, особенно исламского мира. В то же время они лишают его идентичности и суверенности (*Там же*). В такой интерпретации весь восточный мир в значительной степени понимается как искаженный, неправильный, недоразвитый западный.

Однако негативная проекция вместо идентификации и стремления постигать психологию других не только способствует порождению образов врагов, но и мешает самопониманию западных людей. Это обусловлено тем, «что «не-Я», чужое, все равно останется конструкцией нашего Я, поскольку мы будем выделять в нем именно то, что так или иначе переключается с нашим «Я». То есть наш «Я-образ» уже заложен в саму модель чужого. Из этого вытекает

четвертый принцип (ксенологии. — В.З.): образ чужого в той или иной культуре (равно как и для той или иной личности) может служить важным показателем уровня ее собственного развития: скажи мне, какой твой чужой, и я скажу тебе, какой ты! Ибо образ чужого может быть инструментом как самоутверждения (чаще всего), так и самопонимания, самооценки, самокритики и даже самосовершенствования! Иными словами, образ чужого сделан из “материала заказчика” — “Я-образа”, его страхов, ожиданий, комплексов, ревности, любви, ненависти, чувства справедливости и т.п.» (Лысенко, 2009, с. 62–63). Однако в современном мире чужой превратился в потенциального нарушителя культурной безопасности (Романова, Хлыщева, Якушенков, Топчиев, 2013), особенно если он — террорист. Между тем уже давно научно доказано, что враждебность субъекта по отношению к чужому, нередко проявляющаяся в криминальном и девиантном поведении, в конечном счете негативно влияет на формирование когнитивной и аффективной сферы его собственной личности (Ениколопов, 2007).

Из культурологических исследований также известно, что «отличие, инаковость — неотъемлемая часть нашего собственного существования, и иногда они становятся прямым условием нашей идентичности и образуют своего рода онтологическое единство. «“Чужой” нередко является частью нас самих» (Шулакевич, 2008, с. 112). Для того чтобы быть собой и понимать свой экзистенциальный опыт, мы должны осознавать неизбежность и закономерность необходимости обращения к опыту других, потому что наш опыт в значительной степени является его превращенной формой. Тем не менее распространенная в современном мире конфликтная практика межконфессиональных отношений, проявляющаяся в «мусульманском» терроризме, обнаруживает, что у представителей и христианского, и исламского мира вместо идентификации и стремления постигать психологию друг друга нередко наблюдается негативная проекция, способствующая порождению образа врага и мешающая самопониманию.

В современной науке заметное место занимают исследования проблем формирования представлений о чужом человеке и образе врага (Альперович, 2010; Тулинова, 2005; Цепцов, 2007; Hess-Lüttich, 2009; Oppenheimer, 2010; Post, 2005b). В российской психологии ценностно-смысловая и возрастная динамика различения своего и

чужого представлена в исследованиях самоактуализации личности в процессе общения с другим (Рябкина, Сомова, 2001), идентификации другого человека в качестве врага или друга (Тулинова, 2005), трансформации социально-психологических характеристик представлений о друге и враге (Альперович, 2010). В социальной психологии показано, что в общении идентификация другого человека в качестве врага осуществляется на основе комплекса межличностных отношений. Образ врага имеет устойчивое ядро и периферию, которые незначительно различаются по своим психологическим качествам у мужчин и женщин (Лабунская, 2013).

Одним из социально значимых эмпирических контекстов изучения названных проблем является психологический анализ буллинга (Fitzpatrick, Cotter, Bernfeld et al., 2011), частным проявлением которого является «школьная травля». Исследовавшие этот феномен В.С. Собкин и О.С. Маркина отмечают, что «высказывания всех участников буллинг-поведения указывают на проблему “инаковости”: “новенькие”, “глупые”, “наивные и доверчивые”, “интриганы” и “выделяющиеся из толпы” дети становятся жертвами преследования. Они воспринимаются членами группы как “чужие”, инакомыслящие, отвергающие свою групповую идентичность и получают клеймо “чуждого элемента общества»» (Собкин, Маркина, 2009, с. 51).

Теоретическое обоснование различения своего, чужого (пока не своего, но могущего стать таким) и чуждого, не приемлемого субъектом ни при каких обстоятельствах, ясно и понятно представлено в тезаурусной концепции организации субъектного знания (Луков, Луков, 2008, 2013) и в модели восприятия чужого Б. Шефера и Б. Шлёдера (Шефер, Скарабис, Шлёдер, 2004). В названной модели понятие чужого (человека) характеризуется посредством соотношения трех переменных — знания, опыта и идентичности (как неизвестного, неиспытанного и «не своего»).

Чужое как неизвестное. В этом случае под чужим понимается все в другом, что человеку неизвестно, к чему он безразличен либо испытывает опасение или даже антипатию. Отсутствие знаний компенсируется стереотипами: в процессе понимания людьми критических ситуаций человеческого бытия социальные стереотипы нередко формируются по принципу «у страха глаза велики». Например, в наших предыдущих исследованиях контекстом, семантическим

фоном понимания были стереотипные, не соответствующие действительности представления о террористах как необразованных, психически неуравновешенных агрессивных фанатиках, для которых чужая жизнь ничего не стоит. Без преувеличения можно сказать, что 99% испытуемых понимают психологию террористов так: «ожесточенные, затаившие обиду психически больные люди»; «не любящие свой народ, бедные умом, безнравственные, бесчувственные, потерянные, озлобленные, запрограммированные на смерть»; «религиозные фанатики, не способные контролировать свои действия из-за психологического или иного воздействия на их волю, им плевать на человеческие жизни в угоду денег»; «люди, которые ненавидят весь мир»; «самоубийцы, не задумывающиеся о других людях, о чужих жизнях, потерявшие веру в добро и мир на земле». Однако такой психологический портрет террориста совершенно не соответствует многочисленным научным данным. Согласно исследованиям, у исполнителей терактов нет высокого уровня психопатологии (Moghaddam, 2005), они религиозны, вежливы, серьезны, спокойны, целеустремленны, отчужденны и немногословны (Grimland, Apter, Kerkhof, 2006). Такой портрет весьма отличается от стереотипа импульсивного жестокого мусульманского террориста. Тем не менее большинство наших испытуемых склонны искать причины терактов прежде всего в психологическом облике и целях организаторов и исполнителей взрывов (в частности, в московском метро).

Чужое как неиспытанное. «Явления, о которых у человека имеются знания, но которые им не освоены, тоже могут восприниматься как чужие <...> В этом случае свойства и формы поведения постороннего объекта известны, однако в конкретных условиях они не испытаны и не пережиты» (Шефер, Скарабис, Шлёдер, 2004, с. 24). В наших исследованиях эта форма понимания чужого проявлялась в таком знании о мусульманских террористах, которое недостаточно осмыслено людьми. Жители Самары, Орла и других городов не имели конкретного опыта понимания и переживания терактов, поэтому такие знания не стали частью их экзистенциального опыта. Благодаря приобретению нового знания и его переживанию чужое может либо стать своим либо окончательно превратиться в чуждое, «не свое», несовместимое с ценностями субъекта.

Чужое как «не свое». Не свое, чуждое — это то, что противоречит ценностям, нормам, принципам и жизненным ориентациям

субъекта. «Не свое» в обсуждаемой модели определяется как такое несоответствие главным особенностям человека, восприятие которого связано с отрицательной эмоциональной валентностью, а свое — с положительной.

«Особая проблематика восприятия чужого возникает в результате определенной констелляции трех переменных — неизвестного, освоенного и отношения к “своему”. Чужое в более специфическом и узком смысле как просто неизвестное и неиспытанное означает, что данное положение вещей пока воспринимается как “свое”, но процесс познания еще не продвинулся настолько далеко, чтобы “другой” был бы провозглашен “своим”. Это состояние обозначается как угроза идентичности, связанная с противоречивыми чувствами» (*Там же*, с. 29).

Исследование, проведенное нами на взрослых испытуемых, показало, что в основе понимания террориста лежит образ врага — чужого, который скорее внушает страх и актуализирует мысли о собственной смертности, чем побуждает к рациональному осмыслению проблем, связанных с террором. В представлениях о враге центральное место занимают эгоистичность, агрессивность и подозрительность. «Чем интенсивнее выражен комплекс отношений (враждебности, доминирования, агрессивности, подозрительности, эгоистичности), тем выше уровень маскулинизации врага и тем ниже оценка характеристик его внешнего облика» (*Тулинова*, 2005, с. 8).

Контрастными по отношению к российским являются данные, полученные Л. Оппенгеймером на голландских детях и подростках 7–13 лет. В его исследовании показано, что образ врага у старших детей отличается от образа у младших большей когнитивной сложностью. Старшие приписывают больше положительных качеств врагу, что может быть связано с развитием способности поставить себя на место другого. На вопрос о том, есть ли различия между врагом и самим респондентом, во всех возрастных группах большинство детей отвечали утвердительно. Однако с возрастом дети становятся все менее уверены в различии: если у семилеток таких детей 96%, то среди тринадцатилетних сохраняют уверенность уже только 59% (*Oppenheimer*, 2010). Эти данные говорят о возрастной динамике развития когнитивной сложности межличностного понимания и идентификации, способности взглянуть на мир глазами другого (даже если он враг).

Наше исследование показало, что понимание террористической угрозы и отношение к террористам у жителей разных регионов страны неодинаково: точку зрения, близкую к суждениям голландских детей, способны высказать не все испытуемые, а только те, кто ближе к мусульманской среде. Чем в большей степени человек погружен в мусульманские культурные традиции, больше знает о них, тем реалистичнее его понимание причин терактов и природы исламского терроризма. Различия в понимании одних и тех же событий представителями мусульманской культуры и других российских культурных традиций, в том числе ориентированных на западное мировоззрение, следует искать в неодинаковости способов осмысления мира, придании разного значения когнитивному осознанию и иррационально-чувственному переживанию. Одни и те же события представители мусульманской культуры и других российских культурных традиций понимают по-разному. Различия следуют из неодинаковости способов осмысления мира, придания разного значения когнитивному осознанию и иррационально-чувственному переживанию (Кирабаев, 2002). Важную роль в понимании терроризма и террористической угрозы играют принципиально различные типы человеческого бытия, порождающие неодинаковый опыт и знания людей. Например, чем в большей степени американские студенты-христиане знакомы с исламскими духовными текстами, тем меньше они согласны с тем, что их сограждане-мусульмане склонны с пренебрежением относиться к христианству и готовы осквернять его святыни (Abu Raiya, Pargament, Mahoney, Trevino, 2008).

Работы западных психологов, проводящих исследования с позиций идентификации, попыток взглянуть на проблему изнутри, глазами самих террористов, выявляют совсем иной, отличный от европейского, взгляд на проблему (Мохаддам, 2011; Post, 2005a). Как выяснил Дж.М. Пост, который интервьюировал исламистов, осужденных за совершение терактов, большинство из них отнюдь не являются психически неуравновешенными одиночками. Напротив, они жили в условиях поддержки общины и уважения со стороны входящих в нее людей. Семьям террористов, которые были ранены, взяты в плен или убиты, оказывалась значительная экономическая помощь. Участники вооруженных атак считались героями. Юноша, принадлежавший к движению Хамас или Фатх, считался выше по

статусу, чем его сверстник, не принадлежащий к какой-либо группировке (Post, 2005a).

В последнее время в Европе камнем преткновения во взаимном непонимании мусульман и христиан стал вопрос о женских платках, закрывающих лицо. В нем особенно отчетливо видна тенденция христиан принимать решение о недопустимости ношения женщинами таких элементов одежды в публичных местах преимущественно на основании проекции, а не идентификации. Например, после 11 сентября 2001 г. авторы статей в журнале «Шпигель» стали значительно более критически относиться к платку как символу исламской интолерантности, фундаментализма, терроризма, политического ограничения, притеснения женщин, как препятствию на пути интеграции мусульман в Германии (Hess-Lüttich, 2009). Иначе говоря, кусок ткани превратился в явный признак врага. Многие европейские политические деятели говорили, что такая одежда унижает достоинство женщин, ограничивает их свободу, нарушает права человека. Однако мусульманки (Ф. Лудин и др.) утверждают, что, наоборот, предписания, касающиеся того, что можно носить, а что нет, — это и есть ограничение свободы и унижение достоинства (Ibid.). В Бельгии одна из клиенток адвоката И. Вутерс, мать четырех детей, требует аннулировать закон, запрещающий закрывать лицо в публичных местах. Она аргументирует это тем, что никто ее не принуждал носить паранджу, и она не понимает, почему ее нужно снять. По ее мнению, она больше не может быть свободной женщиной, выходящей из дома, например в магазины, так как стала узницей этого закона.

С одной стороны, аргументы представителей власти выглядят вполне убедительно: по правилам общественной безопасности абсолютно неприемлемо, когда кто-то выходит на улицу, замаскировав лицо так, что невозможно установить личность. С другой стороны, видно, что некоторые европейцы и американцы отличаются незнанием восточных культурных традиций и искренним «ориенталистским» (Cauid, 2006) убеждением в том, что только их понимание достоинства и прав человека является истиной в последней инстанции. С психологической точки зрения, это проекция без каких-либо попыток идентификации. Очевидно, что на таких основаниях можно сформировать образ врага, но нельзя прийти к взаимопониманию и согласию с другими.

Итак, понимание чужого, инакомыслящего как врага — общечеловеческая, и в частности общепсихологическая, проблема. В контексте понимания террористической угрозы важную роль играют психологические исследования религиозных, конфессиональных, личностных предпочтений людей. Такие исследования обязательно должны включать анализ самопознания и самопонимания, потому что ответы на вопросы о том, чем я отличаюсь от чужого, могут препятствовать отрицанию и негативной идентификации людей с иным, отличным от нашего образом мышления. Значительный вклад в понимание личности и мотивов поведения мусульманских террористов вносят и знания об обычаях и нормах поведения в мусульманской социокультурной среде, исламском мире.

Проведенные исследования ставят перед психологами множество вопросов, и главный из них — зачем вообще нужно изучать, как люди понимают мировоззрение и личность террористов? Ответ на него простой: без знаний об общих и территориально специфических особенностях понимания невозможно разработать эффективные программы профилактики терроризма и экстремизма. И задача здесь заключается в том, чтобы от понимания террориста как чуждого перейти к пониманию его как чужого, «экзистенциального Другого» (Шапинская, 2009). Понять — не значит принять. Однако если не увидеть в террористе субъекта, хотя и с чуждым, неприемлемым для нас мировоззрением, но обладающим именно человеческими чертами, то нельзя надеяться на продуктивное и эффективно-действенное понимание современной ситуации терроризма.

Таким образом, представления о своем и чужом во внутреннем мире, экзистенциальном опыте субъекта, общающегося с другими людьми, несомненно, сказываются на понимании им их психологического облика.

1.11. Экзистенциальные события и критические ситуации человеческого бытия

Человеческое бытие наполнено событиями, отсутствие событий — признак биологической смерти или психологического умирания. Событие в самом общем виде можно определить как «локальное структурирование бытия в сжатые промежутки времени — в данный момент, здесь и сейчас <...> Событие — не просто место,

занимаемое в течении бытия, а совершение самого бытия, его фрагмент или эпизод» (Барабаничиков, 2002, с. 13). «Событие — плод стечения обстоятельств, когда возможное становится фактом бытия. В этом смысле оно неповторимо и необратимо. Выполнив свое назначение или роль, событие переходит в инобытие: преобразуется и существует в латентной форме — прошлого в настоящем» (Там же, с. 14).

В психологии человеческого бытия события и ситуации рассматриваются как интегративные единицы. Одна их отличительная особенность заключается в смысловой насыщенности и ценностной значимости для субъекта. Другая характеристика событий и ситуаций как единиц анализа в психологии человеческого бытия связана с невозможностью их описания с помощью логически непротиворечивого и вербально выражаемого знания. Поступок или происшествие становятся для человека субъективно значимым событием только в результате осмысления, освоения его на основе экзистенциального опыта. Естественно, что психологически событие формируется где-то на границе достоверного осознаваемого вербализованного знания и экзистенциального опыта субъекта.

Применительно к построению автобиографического нарратива эта особенность события точно подмечена Е.Е. Сапоговой: «Событие может рассматриваться как когнитивный конструктор, играющий роль посредника, “медиума” между опытом и языком, но строго не принадлежащий ни к опыту, ни к языку. Одновременно событие есть и герменевтический инструмент для преобразования недифференцированного континуума “сырых” данных опыта или воображения в вербальные структуры (в том числе метафоры), которые человек использует для того, чтобы говорить об опыте в своих повествованиях и таким образом его осмысливать, упорядочивать и транслировать. Авторизованное таким образом событие демонстрирует меру “присвоения” конкретным субъектом реально случившегося (жизненного опыта). Без этой нарративной, герменевтической активности субъекта, насыщающей события смыслами, трансформирующей значения в персональные смыслы, биографический текст был бы не чем иным, как перечнем застывших бинарных оппозиций (Ю.М. Лотман), и тогда о жизни нельзя было бы поведать по-человечески, т.е. превращая действия во взаимодействия» (Сапогова, 2005, с. 69).

В психологии человеческого бытия события и ситуации изучаются как неразрывно связанные друг с другом интегративные единицы опыта человека. Как отмечает М.М. Кашапов, ситуация приобретает событийное значение в случае, если она воспринимается как значимая и эмоционально переживаемая человеком. Событийность следует понимать как одну из важнейших характеристик совместной жизни людей в обществе, их со-бытия. Событийность характеризуется насыщенностью эмоционально окрашенными переживаниями и открытиями, значимыми для конкретной личности. М.М. Кашапов (2012, с. 93–94) выделяет пять параметров событийности ситуации: содержательный («что это такое?»), структурный («из чего состоит?»), динамический («как изменяется?»), временной («когда начинается и завершается?»), функциональный («для чего служит?»).

Итак, целостный континуум событий и ситуаций — предмет исследования в психологии человеческого бытия. Ученые, работающие в этой области психологической науки (Н.В. Гришина, В.А. Лабунская, А.О. Прохоров, З.И. Рябикина, Е.А. Сергиенко и др.), исследуют классические проблемы так называемой вершинной психологии: смысла жизни, надежды, пиковых переживаний и т.п. Вместе с тем в фокусе их внимания находятся классические экзистенциальные проблемы: одиночества, осмысленности или абсурдности бытия, отношения субъекта к жизни и смерти.

Мы живем в мире, в котором психологические исследования критических изменяющих жизнь событий приобретают большое не только научное, но и практическое значение. Критические события в жизни каждого из нас имеют очень значимый субъективный смысл. Событие можно назвать критическим, если оно характеризуется следующими признаками (Перре, Лайрейтер, Бауманн, 2002). 1. Оно всегда локализовано во времени и пространстве. 2. Оно внезапно и коренным образом изменяет привычное течение жизни и потому требует от человека принятия решений о качественной реорганизации его бытия. 3. Произошедшие изменения сопровождаются стойкими аффективными реакциями, а не только кратковременными эмоциями. Критические изменяющие жизнь события называются нормативными, если их можно предсказать (поступление в школу) и они почти всегда наступают у всех членов определенного культурного сообщества. «Соответственно ненормативные критические

изменяющие жизнь события отличаются внезапностью и непредсказуемостью, например, неожиданная смерть кого-то из близких» (Там же, с. 362).

Трудность и неоднозначность понимания людьми ненормативных критических событий проявляется во многих сферах человеческого бытия, в которых присутствует конфликт фактов и оценочных суждений. Главная проблема состоит в том, что очень часто факты и мнения невозможно четко дифференцировать, точно определить то и другое. Примерами ненормативных критических событий изобилует медицинская этика: пересадка органов, реанимация пациентов, умирающих от старческого слабоумия, и т.п.

Особое и, пожалуй, центральное место в психологии человеческого бытия имеют события, возникающие в критические периоды жизни субъекта, то есть тогда, когда происходит разрыв привычного существования. Это бывает при опасной болезни, утрате близких, страхе смерти у летчиков-испытателей или обычных людей, которые оказались на месте теракта или техногенной катастрофы. Научно значимыми в этом контексте являются исследования понимания разными категориями людей моральной допустимости эвтаназии (Harvath, Miller, Smith et al., 2006), рациональных и эмоциональных оснований выбора у женщин, принимающих экзистенциально трудное решение об искусственном прерывании беременности (Grimes, Creinin, 2004; Modi, 2002), самопонимания хирургов, выполнивших неудачную операцию (Gerber, 1990), и т.п.

Ситуация — также целостная интегративная единица человеческого бытия. Любая ситуация не дается человеку извне, в ней объекты не существуют отдельно от наблюдателя. Безусловно, люди и, например, море существуют. Однако ситуация «человек, смотрящий на море» возникает только в опыте субъекта, наблюдающего, понимающего, переживающего мысли и чувства, возникающие у него при встрече с морем. Ситуация приобретает психологическое содержание в результате того, как человек ее воспринимает, категоризирует, понимает и, соответственно, как себя в ней ведет.

Исследования в области психологии субъекта и психологии человеческого бытия побуждают психологов заново переосмысливать содержательное наполнение и типы социальных ситуаций: «Разработка категории субъекта и субъектно-деятельностного подхода в психологии, позволяющая продуктивно обсуждать фундамен-

тальную проблему соотношения человека и окружающего его мира, представляет новые возможности для осмысления сущности понятия “ситуации” с точки зрения преобразовательной активности самого человека. Субъектный уровень бытия человека, являющийся системообразующим фактором его целостной организации, проявляется в процессе активной интерпретации им социального мира, конкретных ситуаций взаимодействия, а также в деятельностном взаимоотношении с миром, преобразующем как окружение, так и его самого» (Улько, 2005, с. 294).

В научной психологии такая интерпретация категории «ситуация» соответствует методологическим рассуждениям о том, что «предмет и метод не отделены друг от друга; предмет не существует до того, как он начинает изучаться» (Корнилова, Смирнов, 2006, с. 42). Интересная и продуктивная попытка рассмотрения соотношения термина «жизненная ситуация» со смежными понятиями была предпринята Е.Ю. Коржовой. Она отмечает, что всякая социальная ситуация, например конфликтная, является жизненной, так как она включена в контекст жизненного пути, человек непосредственно «соприкасается» с ней. Однако жизненная ситуация не всегда бывает социальной, если рассматривать последнюю в узком смысле — как ситуацию общения; в широком смысле они тождественны. Любая критическая ситуация является жизненной, но не всякая жизненная ситуация — критической, потому что в жизни человека есть и эмоционально положительно окрашенные ситуации. Жизненная ситуация, в которой человек видит противоречие, выделяется им как проблемная, но не все жизненные ситуации проблемны (Коржова, 2006). Таким образом, обсуждаемое понятие оказывается многозначным, в частности, вследствие того, что «жизненная ситуация» обогащается смыслами смежных с ней категорий.

Не менее неоднозначно обстоит дело с определением трудности жизненной ситуации. Согласно психологии человеческого бытия трудная ситуация это не субъект и внешние обстоятельства жизни, воздействующие на него, а человек, находящийся внутри ситуации и оценивающий, интерпретирующий, понимающий ее как трудную для себя. Будет ли ситуация понята как трудная, зависит, во-первых, от индивидуальной специфики ее субъективного отражения в сознании субъекта и, во-вторых, от его личностных качеств (тревожность, стрессоустойчивость и т.д.). Ситуация понимается

субъектом как трудная, если она обладает для него такими признаками, как значимость, неподконтрольность, неопределенность, малая прогнозируемость, динамичность, стрессогенность, а также недостаточное соответствие собственных ресурсов требованиям ситуации (Битюцкая, 2007).

Вместе с тем следует признать, что для осмысления субъектом серьезных экзистенциальных проблем ему не обязательно оказываться в критических ситуациях. Обычно человек живет такой привычной жизнью, в которой он иногда невольно оказывается не субъектом, а объектом действий и решений со стороны других людей. (Например, предельным, но, к сожалению, весьма распространенным в нашей стране случаем является жизнь женщины с мужем-алкоголиком, которая ради сохранения семьи терпит унижения и побои. В семейной обстановке такие женщины утрачивают способность к выражению своего Я, подчиняются любым прихотям мужа, под воздействием алкоголя теряющего контроль за поведением.) Однако в особые «часы ясности» человек склонен задумываться о своей жизни. Перед ним встают вопросы: «Зачем жить?» и «Как жить?». Отвечая на них, он должен обратиться к собственным внутренним ценностям, иначе он не сможет стать свободным, ответственным и самостоятельным субъектом. Как известно, вопросы о смысле жизни возникают у каждого человека еще в подростковом возрасте, а отвечает он на них в течение всей жизни, вплоть до глубокой старости.

Критические события и трудные жизненные ситуации являются основным предметом исследования в психологии совладающего поведения, которая в последние годы интенсивно развивается в отечественной психологической науке. Без преувеличения можно сказать, что это происходит главным образом благодаря усилиям костромских психологов — Т.Л. Крюковой (Крюкова, 2004) и ее учеников (Куфтяк, 2011; Сапоровская, 2013; Хазова, 2014). В их исследованиях предпринята продуктивная попытка реализации комплексного подхода к изучению переживания человеком трудных ситуаций и совладания с ними. Проведенный анализ переживания субъектом трудных жизненных ситуаций привел к получению научно значимых результатов о психологических механизмах совладающего поведения (в частности, внутренних и внешних ресурсах совладания), а также к интеграции представлений о закономерных

тенденциях развития сложного и многомерного феномена совладания. В этих исследованиях феномен совладающего поведения проанализирован с позиций психологии субъекта (Брушлинский, 2003а, 2006). При этом внимание исследователей фокусировалось на том, как субъект осуществляет выбор стратегий и стилей совладающего поведения. Под выбором определенного поведения субъектом в данном случае имеется в виду то, как человек — источник собственной активности и самоорганизации, — взаимодействуя с трудной ситуацией, осознанно выбирает один из нескольких альтернативных вариантов поведения. В этом контексте особую значимость приобретает определение и описание признаков трудной жизненной ситуации. Очевидно, что феномен трудной жизненной ситуации, являющийся предметом изучения и в психологии человеческого бытия, и в неразрывно связанной с ней психологии совладающего поведения, потребует от психологов еще немало усилий, направленных на его тщательное исследование и более глубокий психологический анализ.

1.12. Постигание как проблема психологии человеческого бытия

В наше время в социогуманитарном познании интенсивно развивается экзистенциальный подход. Он возник как ответ на кризисные социальные и психологические проблемы современного общества. В основании этого подхода содержится констатация того, что «развитие современной цивилизации — в определенном смысле — обостряет фундаментальные проблемы человеческого существования. Фактическим предметом экзистенциальной психологии становится изучение взаимоотношений человека с миром его жизни, а ее центральная проблема часто формулируется как смысл жизни, факторы утраты смысла, а также условия и механизмы его восстановления» (Гришина, 2008, с. 17). Сегодня экзистенциальные вопросы человеческого существования воспринимаются учеными как вызов, вследствие чего в фокусе внимания экзистенциально ориентированных психологов оказываются экзистенциальные проблемы человека. Они универсальны, имеют фундаментальный характер, ставят перед человеком задачу выбора, однако не могут рассматриваться как дихотомические дизъюнктивные дилеммы (Гришина, 2011).

В экзистенциальном подходе предметом исследования является человеческое бытие. Специфика собственно психологического исследования бытия заключается в его понимании и описании через психологию человека как субъекта бытия. Неудивительно, что экзистенциальная психология тесно связана с психологией человеческого бытия. В настоящее время теоретические и эмпирические основания психологии человеческого бытия уже основательно исследованы. Описаны пять компонентов структуры этой области психологической науки и ее основные методы — парадигматический, нарративный и тезаурусный способы понимания событий и ситуаций. Выявлена важная роль экзистенциального опыта субъекта, описана его структура и метасистемная организация. Приведены результаты исследований понимания субъектом критических событий человеческого бытия (Знаков, 2013). Обосновано, что одним из главных феноменов психологии человеческого бытия является понимание (Знаков, 2000).

Цель раздела заключается в том, чтобы с позиций психологии человеческого бытия проанализировать содержание нового для российской психологии феномена — постижения.

Феномен постижения, если его рассматривать не в религиозном, а в научном значении, так же объективен, как достоверное знание. На это указывает М. Полани. Он пишет: «Постижение не является ни произвольным актом, ни пассивным опытом; оно — ответственный акт, претендующий на всеобщность. Такого рода знание на самом деле объективно, поскольку позволяет установить контакт со скрытой реальностью; контакт, определяемый как условие предвидения неопределенной области неизвестных (и, возможно, до сей поры непредставимых) подлинных сущностей» (Полани, 1985, с. 19).

В основе экзистенциальной точки зрения на постижение лежит неоднократно высказываемая многими мыслителями мысль о трудности постижения и даже неуловимости истины для разума. Главная причина интеллектуальной непостижимости истины заключается не только в ее неисчерпаемости и бесконечности, но и в несказанности. Истина оказывается гораздо больше, выше, масштабнее всего, что можно поименовать, высказать словами. Неудивительно, что неосознаваемость истины скрывает от познающего субъекта свернутое, неявно выраженное знание о ней.

Принципиальная невозможность полного осознания познаваемого мира и себя в мире хорошо известна не только психологам. Как свидетельствует история науки, она проявлялась, например, в «ученом незнании», характеризовавшем гениев (вспомним Ньютона, который сравнивал себя с мальчиком, перебирающим камешки на берегу океана познания). Вследствие этого решения, принимаемые людьми в трудных жизненных ситуациях (предпочтение своих эгоистических интересов в ущерб долгу или уже данным обещаниям, моральные сомнения в необходимости обнародования неприглядного поступка друга, согласие на операцию при тяжелом онкологическом заболевании и т.п.), основаны как на разуме, рациональных рассуждениях, так и на интуитивном внепонятийном постижении.

Понятие «постижение», с одной стороны, по объему и содержанию является более широким, чем категории «познание» и «интерпретация», а с другой — значительно более размытым, трудно уловимым и поддающимся вербальному объяснению. Основная причина этого в том, что феномен постижения является неотъемлемой частью человеческого бытия, экзистенции, не поддающейся рефлексивному анализу. Еще С. Кьеркегор противопоставлял свое мировоззрение картезианской уверенности в том, что бытие пронизуемо для мышления и, следовательно, может быть описано в понятиях. Он утверждал, что экзистенция есть то, что всегда ускользает от рационального понимания. По Гегелю, постижение направлено на выявление такого истинного бытия людей и природных объектов, которое скрывается за чувственным восприятием. Необходимость в нем возникает при невозможности уяснения сути, объективной сущности предметов и явлений такими, какие они есть.

Человек может понимать или не понимать и сложные, и простые объекты. Однако если предмет психологического анализа сложен, как, к примеру, самообман, то следует говорить о таком его понимании, в основе которого лежит постижение. Например, неудивительно, что фундаментальный исторический труд британского историка, культуролога, социолога и философа А.Дж. Тойнби в русском переводе называется «Постижение истории» (Тойнби, 2004). На английском языке труд А.Дж. Тойнби называется «A Study of History». Буквальный перевод звучит как «Изучение истории» или «Исследование истории». «Но с первых же страниц становится ясно,

что о каком-либо изучении, основанном на детальном анализе, или об исследовании в привычном смысле можно говорить лишь весьма относительно. Мысли, концепции, определения, факты, страны и народы, прошлое и будущее сливаются в сложнейший узор, скорее указывающий на присутствие тайны, чем придающий четкость и последовательность изложению событий прошлого <...> Однако чем больше читатель углубляется в него, тем сильнее его охватывает чувство, что в данном случае речь идет не столько о рациональном познании, сколько о постижении, сочетающем логическое осмысление, интуицию и даже прозрение» (Уколова, 2004, с. 8). Постигание в сочинении А.Дж. Тойнби интегрирует его интерпретативную схему анализа исторических фактов, воплощенную в тезаурусном способе понимания цивилизаций. Причем присущая историку тяга к универсализму указывает на показательное для него преобладание синтеза над анализом.

Теперь для расширения контекста применения категории «постижение» обращусь к другой области научного познания. И.А. Бескова, доказывая ограниченную применимость компьютерных метафор для понимания природы естественного интеллекта, обсуждает феномен интегрального постижения. Она говорит о существовании единого целостного пространства человеческой экзистенции, реализующемся в каждом познающем субъекте. По отношению к такому пространству применима метафора «жизнь как познание». Она пишет: «На мой взгляд, специфика достигаемого в познавательном акте результата (имеется в виду глубина проникновения в существо воспринимаемого) напрямую зависит от того, осуществлялось ли взаимодействие с объектом интереса на интегрально-телесном или “умственном” уровне. Иными словами, от того, какой уровень взаимодействия с привлекавшей внимание человека ситуацией был достигнут: состоялось ли понимание, так сказать, всем существом человека или же это было осмысление “на уровне головы”? Первое я назову *интегральным постижением*, второе — *рассудочным пониманием*» (Бескова, 2014, с. 175). В творческих процессах, требующих от субъекта проявления интуиции, озарения и т.п., в понимании и осмыслении предмета участвуют не только познавательные процессы, но, по сути, все существо человека. Подлинное творчество характеризуется готовностью и способностью субъекта снять разграничительные барьеры между ним и объектом постижения, как

бы стать последним, убрать границы, разделяющие человека и мир. «И поскольку в акте интегрального постижения происходит снятие барьера инаковости по отношению к воспринимаемому, состояние человека может оказаться весьма дисгармоничным, а в какие-то моменты (например, до достижения озарения) и труднопереносимым» (Там же, с. 178).

Одной из заметных тенденций современных философских исследований является традиция постижения бытия человека как особого рода онтологического измерения, которое обнаруживает, вскрывает недостаточность, ограниченность в использовании рациональных методов познания. В рамках этой традиции подчеркивается, что такие методы элиминируют онтологическую специфику индивидуального уровня проявления антропологической системы бытийствования. На теоретическом уровне постановка и решение этой задачи обращает философов к исследованию проблемы постижения онтологической многомерности человеческого бытия (Думинская, 2014). Проблема целостного постижения человека анализируется также сквозь призму системно-синергетического способа ее осмысления. Синергетический подход позволяет исследовать общие законы саморазвития сложно организованных систем. Он открывает возможность конституирования антропологического измерения в его бытийной целостности на основе одной объяснительной парадигмы (Тельнова, 2002).

В социогуманитарных науках постижение бытия человеком рассматривается как система, в которой отдельные типы сознания и знания анализируются в качестве формы развивающейся духовной культуры. Согласно С.А. Хмелевской и Н.И. Яблоковой, «постижение бытия осуществляется в определенных устойчивых формах (философия, наука, религия и пр.), которые образуют *постижение-систему*» (Хмелевская, Яблокова, 2013, с. 74). В социокультурном контексте постижение — это «культурно-историческое получение знания, в котором различные типы сознания и знания (обыденное, мифологическое, религиозное, эстетическое, научное, философское) предстают как формы единой, органически развивающейся духовной культуры» (Там же).

В психологии постижение трактуется в более узком значении. Психологи фокусируют внимание в основном на двух сторонах постижения.

Одна плоскость анализа — это соотношение осознаваемого и неосознаваемого, в котором именно бессознательные компоненты определяют успешность или неудачу в понимании-постижении субъектом событий и ситуаций человеческого бытия.

Другой план исследования — сознательный отказ психолога от оценки истинности или ложности знаний о событиях и ситуациях, используемых понимающим субъектом в процессах постижения. Главное как для субъекта, так и для психолога заключается в определении ценностных составляющих знаний. Постигаемое всегда нам не безразлично, оно имеет определенную субъективную ценность.

Итак, в психологии постижение трактуется в более узком, чем в социогуманитарных науках, значении.

Во-первых, постижение представляет собой такой тип понимания, который направлен не на простое, а на сложное: явления и объекты мира, требующие для своего понимания незаурядных усилий. «Употребление прилагательного “постижимый” возможно только в том случае, когда речь идет о глубоком понимании сути характеризуемого объекта, о проникновении в его основные, наиболее существенные свойства. Такое понимание может быть достигнуто в результате серьезных творческих усилий, глубокой интуиции, озарения, божественного откровения. Для него недостаточно готовых знаний или чужих объяснений» (Богуславская, 1997, с. 259–260).

В современном дискурсе употребление прилагательного «постижимый» возможно только тогда, когда речь идет о глубоком понимании сути характеризуемого объекта, о проникновении в его основные, наиболее существенные свойства. Например, в 2001 г. для миллионов людей со всего мира очевидным, когнитивно понятным, но экзистенциально непостижимым, почти «апокалиптическим» событием стала неоднократно повторявшаяся по телевизору картина крушения манхэттенских небоскребов-близнецов.

В научном диалоге, особенно в гуманитарном познании, необходимость в постижении нередко обусловлена отсутствием общепринятых понятий, вследствие чего дискутирующие друг с другом ученые описывают одни и те же феномены и явления разными терминами. Неудивительно, что при этом они испытывают трудности в отчетливом понимании точки зрения собеседника. Приведу типичный пример из одного из самых серьезных и уважаемых в российском психологическом сообществе журналов: «Вероятно, мне

не дано постигнуть тонкости терминологической эквилибристики, когда выстраиваются разные модели (“внешняя” и “внутренняя”), использующие одинаковые термины, которые оказываются наделены различным содержанием» (Фёдоров, 2014, с. 84).

В этом случае предмет обсуждения обладает скрытым, неявным содержанием, которое при включении в личностное знание субъектов общения может приводить к порождению ими неисчерпаемого множества смыслов анализируемой в диалоге проблемы. Такие смыслы недоступны для рационального познания: их можно только постигать. Однако в научной литературе есть и противоположные примеры, указывающие на достаточность для уяснения сути научной позиции партнера понимания-знания или понимания-интерпретации (Знаков, 2014) предмета обсуждения, из чего следует избыточность и ненужность его понимания-постижения. Например: «Прекрасная статья Л.А. Марковой порождает так много вопросов, что в качестве комментария к ней можно было бы написать текст раза в три больше, чем ее собственный. К счастью, Маркова обладает способностью очень ясного изложения своих идей и рассуждений. Поэтому с ней приятно спорить — не нужно тратить сил на извлечение мысли из путаницы слов и можно прямо противопоставлять ее утверждениям свои критические замечания» (Никифоров, 2009, с. 56).

Во-вторых, постижение — это такое *схватывание* целого, части которого мы по тем или иным причинам не можем познать и детально описать. Например, директор атомной электростанции ни при каких обстоятельствах не может знать о всех процессах, происходящих в данный момент в ядерном реакторе, мэр мегаполиса — о состоянии всех коммуникаций в городе, работники спецслужб — о всех готовящихся терактах. Необходимость в постижении возникает тогда, когда невозможно познание, когда у нас нет возможности описать понимаемое с помощью логически обоснованных знаний. И если это схватывание, основанное на понимании-объединении целого из частей, то оно должно отражать превалирование в мышлении понимающего субъекта холистичности над аналитичностью (Nisbett, Peng, Choi, Norenzayan, 2001). Постижение направлено на преодоление схематичности знания проблемы, устремленность к ее целостному охвату. Когда понимающий субъект не может найти подходящего для понима-

ния фрейма в своей памяти, внутри себя, то он стремится выйти за свои пределы, осознаваемые границы своего Я. Подобный выход, связанный с экзистенциальным самопониманием, неизбежно влечет такое изменение, саморазвитие самого субъекта, которое по концептуальному содержанию в значительной степени совпадает с феноменом «заботы о себе» (Фуко, 2007).

Таким образом, важнейшим психологическим компонентом постижения является холистическое понимание-объединение частей понимаемого события или ситуации в целостную картину. Феномен постижения является неотъемлемой частью человеческого бытия, экзистенции, не поддающейся рефлексивному анализу: постижение своего истинного Я никогда не может без остатка быть сведено к осознаваемому логически обоснованному знанию. В процессах постижения знание замещается опытом, основанным на интуиции, переживаниях и чувствах.

В-третьих, успешность постижения связана с осознанием человеком того, что он живет в таком мире, где существует много событий и ситуаций, которые ему никогда не удастся отчетливо осознать и детально описать. Осознание должно сопровождаться установкой, психологической готовностью эффективно действовать в условиях *неопределенности*. Именно поэтому необходимость не в познании, а в постижении обычно возникает в маловероятных ситуациях, которые трудно прогнозировать. Например, несмотря на знание поговорки «От тюрьмы и от сумы не зарекайся», обычному человеку очень трудно представить невероятный и потому непостижимый набор обстоятельств, совпадение которых создаст ситуацию, при которой он окажется в тюрьме. Постигать такую действительность можно, только понимая и признавая объективный характер ее неопределенности, препятствующей полному осознанию и объяснению.

Как отмечает Л.И. Анцыферова, которая сама, несомненно, была мудрым человеком, понимание и признание неопределенности человека и мира — один из ключевых признаков мудрости. При этом под неопределенностью она имела в виду относительную индетерминированность и непредсказуемость жизни, порождающей экзистенциальные проблемы, которые не имеют простых однозначных решений и принципиально не могут быть решены только на основе имеющихся у субъекта знаний, умений и навыков. Мудрый человек

хорошо понимает присущую жизни неопределенность и обладает совокупностью эффективных стратегий управления ею (Анцыферова, 2004). И, судя по результатам психологических исследований (Леонтьев Д.А., 2011; Baltes, Kunzmann, 2003; Sternberg, 2003; и др.), постижение — удел не просто умных, а мудрых людей.

Современная психология неопределенности является одним из очень важных ресурсов выявления психологической природы постижения. В этой области психологических исследований процессы принятия субъектом неопределенности многих событий и ситуаций мира человека рассматриваются как фокусирующие его активность — от уровней самосознания личности до глубинной мотивации. Процессы принятия неопределенности играют значимую роль в структурировании взаимодействий переменных интеллектуального и личностного потенциала человека. В частности, в трудных жизненных ситуациях в предпочтении человеком тех или иных стилей и стратегий совладания его интеллектуально-личностный потенциал представлен в единстве процессов когнитивного оценивания, переживания и выбора путей решения возникающих проблем (Корнилова, Чумакова, Корнилов, Новикова, 2010).

В-четвертых, существуют научные основания для утверждения, что в процессах постижения субъектом мира (в частности, себя и других людей) больший «удельный вес» имеют не знание, познание и самопознание, а опыт, понимание и *самопонимание*. Без самопонимания постижение невозможно. На это указывает Л.И. Анцыферова, подчеркивающая особую роль феномена постижения субъектом своего внутреннего мира и психического других людей. Именно в постижении, а не в достоверном знании она ищет ключ к решению проблемы мудрости: «Постановка проблемы постижения, интуитивного чувствования человеком архитектоники своего внутреннего смыслового мира, переживаемого как истинно присущего ему, означает переход от чисто когнитивного понимания мудрости к личностно ориентированному. Мудрость предполагает поиск и нахождение субъектом своего призвания, своего истинного Я» (Анцыферова, 2005, с. 6).

Постижение основано на мотивации преобразования себя, самопонимании субъекта, приводящих к соприкосновению его внутреннего мира с чем-то иным, внешним по отношению к нему. Постигание возникает и развивается вследствие взаимодействия

внутриличностной, межличностной и метаперсональной самоинтерпретации (*DeCicco, Stroink, 2007*). Постигая что-либо, человек одновременно и углубляется в себя, и выходит за свои пределы. Такой выход требует от субъекта не только соотнесения понимаемых событий и ситуаций с личностным знанием, но и включения их в более широкий контекст человеческого бытия. Метаперсональная самоинтерпретация представляет собой метасистемный уровень самопонимания. Она направлена на выход за пределы индивидуально-личностного, внутреннего мира и охватывает более широкие стороны человеческого бытия — осознание субъектом себя как частицы человечества, жизни, космоса. Метаперсональный Я-конструкт определяется как чувство идентичности, простирающееся дальше индивидуального или межличностного и охватывающее более широкие аспекты человечества, жизни, психики или космоса (*Mara, DeCicco, Stroink, 2010*). В процессе метаперсональной самоинтерпретации субъект осознает, что человеческую сущность можно постичь, обратив взор не только внутрь себя, но и на психологические особенности других людей, общество и универсум. Метаперсональное порождается универсальным фокусом: таким взглядом на себя и мир, который включает всю природу и жизнь в Я-концепцию субъекта (*DeCicco, Stroink, 2007*).

В-пятых, в каждом человеке есть что-то не выразимое в знании, не поддающееся познанию, а представленное только в жизненном и экзистенциальном *опыте*. Это «что-то» — потаенная основа бытия, его глубинные основания (*Касавина, 2014; Кузьмина, 2014*). Согласно М. Полани, это скрытая реальность, область неизвестных и непредставимых подлинных сущностей (*Полани, 1985*). Неудивительно, что во многих жизненных и экзистенциальных ситуациях неразумно и неправильно надеяться на полное и якобы абсолютно точное понимание фактов, событий, людей. Мудрые люди отличаются от других именно ясным осознанием недостаточности понимания-знания или понимания-интерпретации, они изначально принимают как данность необходимость понимания-постижения партнеров по коммуникации. Мудрец знает, что человек — это такое духовное существо, потаенные глубины которого не дано узнать не только другим, но и ему самому. И вследствие непостижимости партнеров субъекты общения вынуждены удовлетворяться пониманием-постижением.

Человеческое бытие по объему и содержанию шире познания, и потому даже о себе современный человек не может знать все — самые глубокие мыслители никогда не смогут понять себя. Это очень точно сформулировал М.Н. Эпштейн, характеризуя Г.В. Иванченко: «Она не знала самой себя, она была много больше того, что понимала о себе; эту аристократическую черту нельзя подделать, — врожденный переизбыток бытия над знанием в существе, которое посвятило жизнь самопознанию себя и человечества» (Эпштейн, 2014, с. 4). Мы можем понять таких уникальных людей только по типу понимания-постижения. Это понимание процессуально, динамично и основано не на знании, а на опыте.

В-шестых, постижение неразрывно связано с *обыденным знанием* человека, живущего в современном мире. Любому профессиональному психологу известны результаты исследований Л.С. Выготского о житейских и научных понятиях. Ребенок, овладевший житейскими понятиями, обращает внимание лишь на отраженные в них эмпирические связи, то есть отношения между предметами. Он еще не способен определить понятие другими словами и установить сложные логические отношения, описать целостную понятийную структуру. В отличие от житейских научные понятия встроены в систему знаний, связаны с другими терминами в иерархической системе логических отношений, в которой представлено множество других понятий разного уровня обобщенности.

Однако неправильно было бы считать житейские понятия только более ранней ступенью онтогенетического развития человека: они играют важную роль во многих ситуациях и обстоятельствах жизни взрослых людей. Сегодня, когда ученые ясно осознали многомерность мира человека и соответственно «многоэтажность психологии» (Кричевец, 2005), на соотношение житейских и научных понятий необходимо посмотреть с иной точки зрения. Множественность и неоднородность ситуаций человеческого бытия закономерно порождает вопрос: может быть, неразумно стремиться описывать и объяснять абсолютно все события и ситуации с помощью достоверного научного знания? Утвердительный ответ на него очевиден, потому что в психологических исследованиях только небольшую часть суждений мы можем соотносить с критериями истины. В остальных случаях, если стремиться быть научно корректным, при интерпретации результатов исследований нужно

говорить не об истинности, а о правильности или правдивости суждений о людях, событиях, ситуациях. Решения моральных дилемм, конфликтов, спорных политических вопросов чаще основываются на чувствах, переживаниях, социальных представлениях, на опыте людей, чем на достоверных научных знаниях. Как можно определить, правильно ли поступило правительство Израиля, обменявшее в конце 2011 г. военнопленного капрала Г. Шалита на 1027 палестинцев, отбывавших наказание в израильских тюрьмах за совершение террористических актов и другие преступления против мирных жителей? Это решение не может быть объяснено никакими логическими рассуждениями, потому что оно основано на повседневном знании и экзистенциальном опыте людей, долгие годы живущих в условиях арабо-израильского конфликта.

Аналогично я не могу постичь мотивы и логику рассуждений французских карикатуристов из журнала «Шарли Эбдо», использовавших в сентябре 2015 г. образ трехлетнего сирийского мальчика, утонувшего вместе с братом и матерью при попытке приплыть в Европу, для высмеивания отношения европейских христиан к мусульманам. Однако то, что это именно *логика*, не вызывает никаких сомнений. Как известно, этот журнал «прославился» на весь мир карикатурами на пророка Мухаммеда. За этим последовали трагические события с расстрелом журналистов, работающих в «Шарли Эбдо». После этого оставшиеся в живых сотрудники издания снова опубликовали аналогичные карикатуры. Трагическая точка была поставлена в серии чудовищных терактов в Париже 13 ноября 2015 г. Все это свидетельствует о гипертрофированном рационализме мышления французских журналистов. Их логически обоснованные аргументы в пользу защиты слова, в том числе свободы рисовать карикатуры на любые темы, отражают представления о существовании «человека рационального» и игнорировании «человека экзистенциального». Иначе говоря, аргументы обращены к сознанию людей, его вербально выражаемому содержанию. Такие аргументы построены на основе пренебрежения когнитивным и аффективным бессознательным, присущим всем людям независимо от расы и национальности. В новейшей истории человечества проявления такого бессознательного в массовом поведении учат разумных людей тому, что все-таки есть запретные темы. В частности, к ним относятся религиозные: какими бы логически оправданными соображениями

мы ни руководствовались, всегда есть шанс, что невольно будут оскорблены чувства верующих. Однако пока все свидетельствует о том, что кровавые уроки людьми в западной цивилизации усвоены очень плохо.

Следовательно, психологам как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях исследования давно известно, что далеко не все события и ситуации можно объяснить рационально, с помощью логических рассуждений.

Как известно еще со времен работы А. Шюца «Чужак», знание человека, думающего и действующего в мире своей повседневной жизни, несвязно, оно обладает лишь частичной ясностью и не свободно от противоречий. Обычно человек довольствуется тем, что в его распоряжении есть исправно функционирующая телефонная служба, но не задается вопросом о том, как работает телефонный аппарат. Он покупает в магазине товар, не зная, как тот изготовлен, и расплачивается деньгами, имея самое смутное представление о том, что такое деньги. А. Шюц пишет: «В повседневной жизни человек лишь частично — и осмелимся даже сказать: избирательно — заинтересован в ясности своего знания, то есть полном понимании связей между элементами своего мира и тех общих принципов, которые этими связями управляют <...> Более того, он вообще не стремится к истине и не требует определенности. Все, что ему нужно, — это информация о вероятности и понимание тех шансов и рисков, которые привносятся наличной ситуацией в будущий результат его действий» (Шюц, 2004, с. 536).

Помимо характеристик, указанных выше, обыденное знание включает осознание непонимания, то есть понимание того, что некоторые виды человеческого опыта выходят за пределы обыденной реальности, которую нетрудно понять. Показательный пример — воспоминания людей, переживших клиническую смерть (Моуди, 2008). При анализе таких ситуаций человеческого бытия мы вынуждены анализировать феномен постижения, основанный на экзистенциальном опыте субъекта. Очевидно, что понимание некоторых событий и ситуаций происходит при опоре не на достоверное, допускающее эмпирическую проверку знание, а на личностное. Структура последнего в значительной степени основана на неосознаваемом невербализуемом знании, которое можно только постигать.

Постижение основано на экзистенциальном опыте индивидуального или группового субъекта. Доказательства этого можно найти в психологических исследованиях, например, женских автобиографий. Характерной особенностью женской автобиографии является апелляция к личному экзистенциальному опыту прежде всего как гендерному опыту группы. Как утверждает Ш. Фелман в известной книге «Чего хочет женщина? Чтение и половые различия», в основе такого опыта находятся представления о травме, подавлении, репрессии в культуре (Felman, 1993). Женщина не может писать собственную историю потому, что она *не знает* ее, так как нельзя «знать» травму: ее можно только *переживать* и понимать по типу понимания-постижения.

На невозможность когнитивного познания травмы, ее отнесенность к постижению очень точно указывает Е. Трубина: «Событие травматично не столько потому, что оно ужасно, сколько потому, что оно непостижимо, потому, что оно бросает вызов пониманию, встряхивает и разрушает базисные допущения о мире, особенно самые хрупкие из них, согласно которым мир осмыслен, Я — позитивно, а другим можно доверять и сочувствовать. Травма остается в культуре знаком невозможности полного знания, концентрируя в себе истину события, ускользающую от опосредования и ассимиляции коллективным или индивидуальным мировоззрением» (Трубина, 2009, с. 906). Неудивительно, что в автобиографии внутренний приватный мир женского Я сознательно или бессознательно противопоставляется автором биографии миру общепризнанных фактов. Вследствие этого вместо временной нарративной последовательности реализуется эмоциональная последовательность событий. В результате внешняя событийность якобы очевидных объективных фактов подменяется женской внутренней аффектированной автобиографией (Жребкина, 2007).

Типичным и очень характерным в этом отношении является телеинтервью З. Царнаевой, матери двух братьев, совершивших теракты во время марафона в Бостоне в апреле 2013 г. Уже после обнародования неопровержимых доказательств того, что взрывы осуществили Тамерлан и Джохар Царнаевы, она сказала: «Я уверена на сто процентов, что их подставили, оба моих сына невиновны». И ее трудно заподозрить во лжи, женщина искренне верила в то, что говорила.

Наконец, *в-седьмых*, некоторые психологи анализируют постижение главным образом как *интуитивное чувствование* (Анциферова, 2005). При этом они подчеркивают, что в процессах постижения главное как для понимающего мир субъекта, так и для исследующего его психологию ученого заключается в определении не истинностных, а аксиологических, ценностных составляющих знаний. Постигаемое всегда человеку не безразлично, оно имеет для него определенную субъективную ценность. И именно в аксиологической направленности постижения проявляется его внутренняя нерасторжимая связь с феноменом созерцания.

Научные представления о сущности созерцания в XX в. претерпели значительные трансформации. Эволюция понятия «созерцание» развивалась в нескольких направлениях, соответствующих изменениям научного понимания содержания этого феномена.

Исторически первой была трактовка созерцания как чувственной ступени познания, способа освоения действительности, проявляющегося в непосредственном отношении сознания к предмету. Применительно к психологической науке это означало *противопоставление действия и недеяния*: активности субъекта, реализующейся, прежде всего, в деятельности, и пассивной созерцательности. По мнению С.Л. Рубинштейна, такая интерпретация созерцания была в корне неверной и тормозящей развитие психологии сознания и других ее областей. По этому поводу он писал: «Преодоление пассивной созерцательности, господствовавшей до сих пор в психологии сознания, составляет одну из важнейших и актуальнейших задач нашей психологии <...> Человек — не пассивное созерцательное существо, а существо деятельное, и изучать его поэтому нужно в свойственной ему активности» (Рубинштейн, 2000, с. 435).

Между прочим, интересные попытки преодоления противопоставления деятельного сознания и пассивного созерцания были предприняты еще в *древнеиндийской философии*. В ней два упомянутых психологических по своей сути феномена соотносятся по уровневому принципу «низшее–высшее»: «Жизнь деятельная в противоположность созерцательной в ведической философии понимается как более примитивная форма существования: “деятельность есть проявление низшей силы, спокойствие — высшей”. Состояния спокойствия человек может достигнуть лишь на ступени созерцания.

Однако наиболее существенное противоположение состоит здесь не в том, что деятельная жизнь противопоставляется “бездеятельной”. Созерцание *не бездеятельно*, напротив, оно есть состояние *наиболее концентрированного внимания*, внимания переходящего в чувство гармоничного слияния с объектом созерцания, полного растворения себя в нем и, наконец, нахождения блаженства *высшего духовного напряжения*, в момент которого личность и объект созерцания взаимно перетекают друг в друга. Достигнуть этого возможно лишь в состоянии наивысшего сосредоточения всех духовных сил и ценной длительных и упорных попыток обретения такого состояния» (Алексеев, 2013, с. 112).

Наконец, еще более широко формулировал вопрос митрополит Антоний Сурожский. Он говорил, что созерцание не следует понимать ни как некую деятельность, ни как некое преходящее состояние. Оно должно проникнуть все естество человека, быть единственным содержанием всего его бытия (Антоний Сурожский, 1953, с. 138).

Таким образом, первое направление изучения созерцания развивалось по линии «активность–пассивность», *наличия деятельности или ее отсутствия*.

Началом второго направления анализа стала работа М. Шелера «Сущность и формы симпатии». В рамках этого направления подчеркивается *интенциональная* природа созерцания как составляющей внутреннего мира субъекта, в котором отражаются также и внешние обстоятельства его жизни. Созерцание есть такое направление актов действия, в соответствии с которым мы можем осуществлять действия в отношении нас самих и других. «Направление действия» устремлено не только во внутренний мир, оно охватывает и регулирует как Я, так и переживания других людей (Scheler, 1923, S. 288). По существу, с этой позиции созерцание выступает в роли точки схождения внутреннего (переживаний, состояний и т.п.) и внешнего (обстоятельств, объектов и т.п.). Анализируя психологическую природу созерцания, на это указывает Г.В. Акопов: «Инверсируя от внешнего к внутреннему и наоборот, созерцание может охватывать своим “вниманием” самые разнообразные предметы, объекты, явления, сущности, процессы, состояния и т.д., создавая и разрушая типологии, классификации, соединения, разъединения, целое и составные части, композиции и деконструкции» (Акопов, 2011, с. 38).

В третьем направлении созерцание соотносится с личностным знанием, включающим отношения, переживания и субъективные оценки. Психологическим основанием созерцания является не отражение, а скорее отношение: суть этого феномена заключается не в усмотрении чего-то, что находится перед субъектом и может быть наблюдаемо, а в созерцании через переживание. Созерцательное знание по С.Л. Франку — немое, молчаливое, несказанное — очень напоминает то, что в современной науке после М. Полани ученые называют личностным знанием. Созерцательное обладание реальностью означает знание непостижимого, в созерцании реальность, по существу, усматривается, открывается субъекту как непостижимое: «Так как всякое суждение и определение здесь по существу невозможно и неуместно, то знание непостижимого есть, как таковое, неведение; но так как нам открывается при этом с очевидностью само непостижимое, то это неведение есть именно ведающее, умудренное неведение» (Франк, 2007, с. 171). Осознание собственного незнания, умудренное неведение, указывающее границы, пределы познания, приобретает для понимающего мир субъекта ценностный характер. Следовательно, в созерцании как усмотрении непостижимого в явном осознаваемом или в неявном бессознательном виде представлено ценностное отношение субъекта к миру, регулирующее процессы решения им познавательных и экзистенциальных проблем.

Наконец, в четвертом направлении исследования созерцания, представленном в основном в книге С.Л. Рубинштейна «Человек и мир», суть этого феномена сводится к такому ценностному непрагматическому отношению субъекта к объективной действительности, которое позволяет ему не столько успешно познавать мир, сколько определить свое место в жизни. «Величие человека, его активность проявляются не только в деянии, но и в созерцании, в умении постичь и правильно отнестись ко Вселенной, к миру, к бытию» (Рубинштейн, 1997, с. 73). Созерцательность понимается как иной, отличный от познания и действия способ отношения к миру, восприятия, осознания мира человеком. С.Л. Рубинштейн различает созерцание и деятельность. При этом он трактует созерцание не как феноменологическую непосредственность, пассивность чувственного восприятия, а как выражающее сущность самого субъекта ценностное отношение к бытию. Главная характе-

ристика созерцания как одной из функций сознания состоит в его «заинтересованности» в раскрытии истины, в раскрытии реально-го положения дел.

«Введением категории “созерцание”, приравненной по своему рангу к познанию и деятельности, Рубинштейн фактически разрешает противоречие, выводит из тупика, в который привело стремление экзистенциализма противопоставить познанию мира его “принятие”, акцентировать не столько логические структуры познания, сколько способность личности к размышлению. Но тупик возник в связи с низведением категории “принятия”, “размышления” к индивидуальному уровню, уровню личности. Несомненно, что между этими категориями есть существенное различие. Рубинштейн также учитывает это различие, для чего и вводит отличающуюся от познания категорию “созерцания”. Но ранг “созерцания” Рубинштейн поднимает до уровня способности философски определенного, а не эмпирического субъекта. Здесь созерцание приближается по своему значению к дильтеевскому “пониманию” или герменевтической интерпретации. Если познание раскрывает “логику”, сущность объекта, то созерцание выражает способность субъекта “верно отнестись к миру”, то есть определить “логику” своего к нему отношения. В этом смысле познать мир еще не значит разумно определить свое место в нем» (Абульханова-Славская, Славская, 1997, с. 125).

Таким образом, в созерцании как составляющей постижения выражается неосознаваемое ценностное отношение субъекта к эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальностям человеческого бытия, включающим себя и других людей и регулирующим процессы решения познавательных и экзистенциальных проблем.

* * *

Итак, постижение является сложным и многокомпонентным психологическим феноменом. Оно реализуется только в сложных для познающего субъекта ситуациях, характеризующихся большой степенью неопределенности. Обычно такие экзистенциальные ситуации не выразимы в знании и, следовательно, не поддаются познанию. Они представлены только в экзистенциальном опыте человека. Постигание является психическим процессом схватывания целого, в котором значимую роль играют самопонимание, интуитивное чув-

ствование и созерцание понимающего мир субъекта. В жизни любого человека число значимых для него экзистенциальных событий и ситуаций очень велико, и потому психологические исследования феномена постижения, безусловно, нужно продолжать.

1.13. Непостижимое и тайна — проблемы психологии понимания экзистенциальной реальности

Один современный писатель сказал: «Нет ничего более непостижимого для человека, чем он сам» (П. Коэльо). Однако еще два века назад Вольтер более широко ставил вопрос: «Я признаю, что человек непостижим, но столь же непостижима и вся остальная природа, и в человеке не больше очевидных противоречий, чем во всем остальном». Наконец, великий А. Эйнштейн переместил взгляд с результата на сам процесс постижения. Он говорил: «Самое непостижимое в этом мире — это то, что он постижим».

Отношение к «непостижимому» в имплицитном виде проходит по всей истории философской мысли. Проявленность, постановка этой проблемы — заслуга русской философии (см.: Ткачев, 2009). Для психологов сегодня уже совершенно очевидно, что экзистенциальный опыт как компонент человеческого бытия включает и объективно непостижимые для субъекта области. Внепонятийное, иррациональное, бессознательное и надсознательное знание о мире можно характеризовать или как «непостижимое в себе», или как «непостижимое для нас» (Франк, 2007).

Непостижимое в себе возникает как отражение объективных характеристик самого бытия. Человеческое бытие всегда есть нечто большее и иное, чем все мыслимое и тем более описываемое в понятиях.

Во-первых, потому, что в любой момент времени бытие уже *потенциально содержит* то, чем оно станет в будущем. Иначе говоря, любая реальность человеческого бытия является *возможностью* и того, чем она станет, но пока еще не есть. В начале XX в. об этом неоднократно писал С.Л. Франк (2007). Сегодня, через сто лет, проблема возможного бытия актуальна в контексте рассуждений физиков, философов, психологов о том, существует ли объективная действительность (Менский, 2011; Петренко, Сунрун, 2013; Карпенко,

2015). Человек открывает для себя реальность в виде многообразия возможностей. Неудивительно, что даже знаменитое высказывание Декарта «Мыслю, следовательно, существую» уточняется и звучит иначе: «Существовать — значит мыслить возможное» (Карпенко, 2015, с. 66).

В этом ракурсе размышления о возможном актуальны по отношению не только к эмпирической реальности, но и к социокультурной. Что такое мнение, которое мы высказываем, общаясь с другими людьми? Это наше убеждение, основанное на гипотезе, одном из возможных вариантов развития событий (летом 2015 г. многие политики по-разному высказывались по поводу того, выплатит ли Франция компенсацию России за непоставленные вертолетоносцы типа «Мистраль»). Любое мнение становится осмысленным только тогда, когда оно сопоставляется с другими мнениями, которые дают ответы на вопросы о том, как иначе могли происходить события в конкретном фрагменте мира человека. Значимость мнения субъекта всегда определяется соотношением с мнениями его собеседников и оппонентов. В диалоге смысловая наполненность событий оказывается тем выше, чем с бóльшим числом возможностей их развития они сопоставляются. В психологии понимания это соответствует полноте понимания, прямо зависящей от количества интерпретаций, включенности понимаемого в разные контексты. И это относится не только к тому, что может быть, но и к тому, что безусловно существует сейчас или было в прошлом. Парадоксально, но наше понимание исторических фактов, прошлых событий определяется сегодняшним их осмыслением. Никогда нельзя предсказать, какие возможные варианты развития событий откроются ученому в процессе исследования или политику в пылу дискуссионных страстей (летом 2015 г. из речей президента П.А. Порошенко мы узнали, что «украинцы и россияне — не братские народы с общей историей, Россия враг Украины»). Если отбросить политическую шелуху, то такой взгляд не только на чужую, но и на собственную историю присущ многим народам. Вспомним высказывание, которое нередко звучит иронически, но тем не менее потенциально содержит в себе глубокий смысл: «Россия — страна с непредсказуемым прошлым». Его пояснением может служить такое суждение: «Даже прошлое, которое, несомненно, было тем, чем оно было, и то невольно впускает эту модальность возможного в свой завершённый мир, поскольку

каждый факт по мере его удаления от нас превращается в гипотезу, открывает простор для интерпретаций, для многочисленных “что было бы, если бы”. Мы начинаем гадать о том, что раньше знали. Вчерашний факт превращается в сегодняшнюю гипотезу» (*Эпштейн*, 2004, с. 115).

Бытие человека как осознание собственных возможностей, условно говоря, осуществляется по крайней мере в двух основных направлениях. Я мыслю, но осознаю реальные возможности и ограничения своего физического тела: я могу пройти пешком 10 км, но вряд ли смогу пробежать марафонскую дистанцию (42 км 195 м). Вместе с тем я мыслю и в своем творческом мышлении свободен, например, осознаю множество возможных вариантов написания этого текста.

Во-вторых, бытие, условно говоря, больше мышления потому, что в человеческом бытии немало событий и ситуаций, количество сведений о которых явно превышает возможности оперативной памяти и мышления познающего мир субъекта. В контексте психологии человеческого бытия, основанием которой является психология субъекта, уместно заметить, что «непостижимое в себе» С.Л. Франка как скрытое, недостижимое, лишь искомое субъектом явным образом перекликается с искомым, неизвестным в процессе мышления, которое, по А.В. Брушлинскому, изначально никогда не совпадает с заданным требованием задачи (*Брушлинский*, 2006).

Непостижимость для человека многих событий и ситуаций определяется невозможностью определения их причин или последствий. Приведенные выше примеры с мэром мегаполиса, директором АЭС, руководителями спецслужб подтверждают очевидное: существуют такие сложные многомерные ситуации, в которых люди никогда не смогут узнать все *причины* их последующего изменения. Иначе говоря, причины непознаваемы. В науке применительно к эмпирической реальности давно известно, что нельзя одновременно точно определить координаты и импульс элементарных частиц: чем точнее измеряется одна характеристика, тем менее точно можно измерить другую. Причем это не связано с несовершенством методов измерения или измерительных приборов, а является следствием объективных свойств микрообъектов, их двойственной корпускулярно-волновой природы. Эта закономерность отражена в «принципе неопределенности» В. Гейзенберга.

Вместе с тем в мире человека случаются события, причины которых искать не только безрезультатно, но и бесполезно: они произошли «не из-за прошлого, а для будущего». Сегодня во всем мире происходят теракты в местах больших скоплений людей. И пострадавшему бесполезно спрашивать: «Почему я, за что мне это?» Ни за что: он стал жертвой не потому, что до этого поступал, вел себя неправильно. Террористы его даже не знали и о нем не думали. Цели террористов всегда устремлены в будущее, их задача — запугать и заставить выполнить свои требования не пострадавшего, а совсем других людей. Другими словами, целью является не наказание, а предупреждение.

Этот пример не уникален для мира человека и истории человечества. М.Н. Эпштейн иллюстрирует эту мысль библейским сюжетом из Евангелия от Луки о восемнадцати жителях Галилеи, на которых упала Силоамская башня. Речь идет об откровении Иисуса Христа о беспричинности, но небесполезности несчастных случаев и роковых происшествий. В ответ на жалобы людей «Иисус сказал им на это: думаете ли вы, что эти Галилеяне были грешнее всех Галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете» (Лк. 13:2–3). М.Н. Эпштейн пишет: «Парадокс этого рассуждения в том, что погибшие погибли не из-за своей вины — они не были греховнее тех, что остались жить; но те, что остались жить, могут погибнуть уже по своей вине, потому что перед их глазами есть пример тех, кто погиб, не успев раскаяться. Получается, что гибель людей и связана, и не связана с их виной, причем это относится к одному и тому же событию, такому характерно-случайному “происшествию”, как падение Силоамской башни» (Эпштейн, 2004, с. 556).

Из сказанного следует, что непостижимость определяется неразрывной связью прошлого и будущего не только индивидуальной жизни, но и целостного человеческого бытия, понимающего или не способного понять себя.

Таким образом, непостижимость мира человека — это один из атрибутов человеческого бытия. А вот непостижимое для нас оказывается закономерным следствием человеческой психологии.

Одна причина непостижимости некоторых событий и ситуаций заключается в принципиальной невозможности их понимания и объяснения в терминах рациональных когнитивных схем. Изучая

психику человека, особенно применительно к социокультурной и экзистенциальной реальностям, психологи имеют дело не столько с достоверными знаниями, сколько с ценностями и смыслами. Последние уходят своими корнями в потребностно-мотивационную сферу и глубины бессознательного. И получается, что подлинно научное психологическое исследование начинается с осознания ученым ограниченности и потому непродуктивности многих привычных когнитивных схем и шаблонов для изучения внутреннего мира человека. В какой-то момент психолог становится способным честно сказать: «Я знаю, что этого не знаю и вряд ли когда-нибудь смогу узнать». Это значит, что он достиг ведающего, умудренного неведения, о котором говорил еще Н. Кузанский (*Кузанский*, 2000). Иначе говоря, психолог осознал непостижимость предмета своего исследования.

Другая причина непостижимости некоторых событий и ситуаций человеческого бытия связана с нередко возникающими у современного человека трудностями определения онтологии социального мира. Такие трудности неизбежны при нарушении наших ожиданий, порождающих невозможность совместить очевидное с, казалось бы, невероятным. Иногда происходящее настолько расходится с привычным для субъекта течением бытия, что его почти невозможно признать реальностью. Очень показательный пример есть в книге В.А. Шкуратова о событиях 11 сентября 2001 г. Собеседник журналиста «рассказал о впечатлениях своего знакомого. Тот ехал из нью-йоркского аэропорта и смотрел на горящие небоскребы. Он видел пожар, но не мог признать его за реальность. Это был вымысел. Признать подлинность зрелища оказалось крайне трудно. В этих отрывочных впечатлениях просматриваются контуры смещенной онтологии, в которой реальность и вымысел поменялись местами. В спорах между сторонниками социального конструкционизма и доктрины отражения, похоже, наступает решающий перелом. Картина перед глазами человека фиктивна (сконструирована) и в то же время перцептивно реальна. Она вынесена за пределы той условной рамочности, которая позволяла воспринимать ее в качестве «как бы реальности», и помещена туда, где раньше находилась реальность без «как бы»» (*Шкуратов*, 2002, с. 22).

Итак, я хочу уточнить: непостижимость не означает принципиальной невозможности понимания. Непостижимость человеком

некоторых событий и ситуаций возникает вследствие трудностей концептуализации. Другими словами, объединения в целостную схему, структуру осознаваемых и неосознаваемых, но все-таки интуитивно понятных категориальных знаний о понимаемом. Ведь понимание — это всегда соотнесение нового с известным, включение предмета понимания в структуру личностного знания понимающего субъекта. Например, в общении принципиальная невозможность полного понимания собеседниками друг друга, в частности, означает осознание ими того, что человек — это такое духовное существо, потаенные глубины которого не дано узнать не только другим, но и ему самому.

Научное психологическое доказательство существования непостижимого не имеет ничего общего с мистицизмом и религиозной верой (хотя я убежден, что умные и образованные богословы могут рассмотреть другие стороны и обнаружить новые грани этой проблемы). Новизна этого исследования заключается главным образом во введении в научный психологический лексикон нового понятия — непостижимого. Дальнейшие психологические исследования непостижимости как трудности концептуализации, объединения понимающим субъектом осознаваемых и неосознаваемых знаний о понимаемом мире в холистическую категориальную структуру — перспективное направление развития не только психологии понимания, но и психологии человеческого бытия.

В философии, антропологии, психологии распространенным является мнение о том, что любой человек — это тайна, загадка, без разгадывания которой его невозможно понять. Само понятие тайны указывает на отсутствие однозначных знаний о человеке. Экзистенциальная сфера нашей жизни обычно строится на отсутствии достоверных знаний или хотя бы согласованных мнений. Мудрый психолог Л.И. Анцыферова писала: «Главное же, что должен понять человек, выстраивающий свою жизнь в этой действительности, это то, что миру свойственно неожиданное и невероятное, мир полон тайны» (Анцыферова, 2004, с. 22). Следствие объективной таинственности мира состоит в том, что важной частью экзистенциального опыта субъекта является не только непостижимое, но и тайна. По существу, осознание «непостижимого для нас» (Франк, 2007) означает признание того, что некоторые стороны экзистенциального опыта хотя и реальны, но непостижимы и даже таинственны.

Некоторые компоненты психики человека непостижимы и таинственны не вследствие слабости наших познавательных способностей, разума и рассудка, а потому, что их невозможно представить в понятном знании.

Познавательная тайна как загадка, секрет. Что такое тайна как научный психологический, а не мистический и фантастический феномен? Обычно тайна определяется только в познавательном ключе: как нечто неразгаданное, еще не познанное или как скрываемое от других, известное не всем, секрет (Ожегов, 1988, с. 642). Иначе говоря, как загадка или секрет, для разгадки которых у понимающего мир субъекта нет необходимых знаний, умений и навыков. Для разгадки секрета необходима мыслительная деятельность субъекта, побуждаемая познавательной мотивацией. Типичным примером когнитивного секрета является юридическое понятие государственной тайны. Примерами проблем, загадок, которые нужно разгадывать, изобилует наука. Одной из самых актуальных для человечества проблем сегодня является глобальное потепление: действительно ли это не миф, а если так, то каковы его причины? В этом случае ученые, условно говоря, противостоят природе, и потому уместно говорить о том, что в начале XXI в. человечество столкнулось с проблемой глобального потепления.

Содержательно познавательная тайна раскрывается в описаниях событий, хотя и иррациональных, но реальных. Я имею в виду то, что есть, бывает, но необъяснимо. Познавательная тайна — это то, что объективно существует, но недоступно пониманию и объяснению субъекта (по крайней мере, до тех пор, пока не откроются какие-нибудь новые обстоятельства). В русской классической литературе это отражено в таком жанре (группе произведений, объединенных совокупностью формальных и содержательных свойств), как «таинственные повести» (Лазарева, 2005; Сенькина, 2008).

В российской психологии тайна исследована в интересной работе А.А. Пузыря, который проиллюстрировал два ее вида на примере анализа Л.С. Выготским трагедии о Гамлете (Пузырей, 2005). Первый вид тайны (которую я называю познавательной) раскрывается указанием на попытки читателя, читающего пьесу У. Шекспира, выявить сокрытое в тексте, то есть разгадать загадку, понять, в чем секрет. Аналогично можно сказать, что детективный роман всегда содержит загадку, имеющую известную писателю разгадку.

В этом случае чтение субъекта направлено на выявление авторского замысла: того, что ранее было для него секретным, загадочным, но перестает быть таковым в результате интерпретации. Разгаданная загадка прекращает существование в качестве чего-то непонятного, загадочного, недоступного сознанию. Понимание упраздняет загадку, потому что интерпретация как бы замещает исходный текст, встает на его место (*Там же*, с. 308).

Загадка соответствует тому, что в психологии мышления называется задачей, проблемой. Различие между проблемой и тайной очень отчетливо понимал и выражал французский экзистенциалист Г. Марсель: «Действительно, кажется, что фундаментальное различие между проблемой и тайной состоит в том, что с проблемой я сталкиваюсь, я обнаруживаю ее перед собой, но я могу ее охватить и разрешить; а тайна есть нечто, во что я сам вовлечен, следовательно, она мыслится лишь как сфера, в которой теряется смысл различия между “во мне” и “передо мной” и его изначальная значимость» (*Марсель*, 1994, с. 99).

Вполне удовлетворительное определение познавательной тайны можно дать, опираясь на данные современной психологии мышления, в которой различаются проблемная ситуация и задача (загадка). А.В. Брушлинский писал: «Необходимо различать *проблемную ситуацию* и *задачу*. **Проблемная ситуация** — это довольно смутное, еще не очень ясное и мало осознанное впечатление, как бы сигнализирующее “что-то не так”, “что-то не то”. Например, летчик начинает замечать, что с мотором происходит нечто непонятное, однако он пока не уяснил, что именно происходит, в какой части мотора, по какой причине, и тем более летчик еще не знает, какие действия надо предпринять, чтобы избежать возможной опасности. В такого рода проблемных ситуациях и берет свое начало процесс мышления. Он начинается с анализа самой этой проблемной ситуации. В результате ее анализа возникает, формулируется **задача**, **проблема** в собственном смысле слова. Возникновение задачи — в отличие от проблемной ситуации — означает, что теперь удалось хотя бы предварительно и приблизительно расчленить данное (известное) и неизвестное (искомое). Это расчленение выступает в словесной формулировке задачи» (*Брушлинский*, 1998а, с. 444–445).

Следовательно, с позиций психологии мышления, познавательная тайна — это такая проблемная ситуация, которую субъект не

может преобразовать в задачу. Столкнувшись с чем-то непонятным и неразрешимым, на каком-то этапе осмысления проблемы человек понимает, что у него нет необходимых знаний, умений, навыков, и потому сознательно отказывается от ее решения.

Различение и описание признаков двух видов тайн в значительной мере является категориально-классификационным: в психологии людей они представляют собой скорее некоторый континуум, чем два дизъюнктивных полюса. В реальной жизни познание неотделимо от отношений и соблюдения норм морали. Например, в уголовном праве одним из оснований негативной оценки обществом действий по разглашению тайны является моральная ответственность за нарушение этических норм, в соответствии с которыми разглашение чужих тайн считается безнравственным поступком. «Тайна предполагает не просто информацию, а ее определенное состояние, правовой режим. Мы скрываем информацию потому, что она неблагоприятным для нас образом может повлиять на мотивацию поступков, на поведение и мнение других субъектов. Защищая те или иные сведения, мы прежде всего защищаем самих себя, свои собственные интересы. Вне этих интересов тайны не существует» (Селезнёва, 2013, с. 97). При этом тайна как правовое явление рассматривается как запрещение доступа к информации, разглашение или иное использование которой может повлечь возникновение ущерба.

Экзистенциальная тайна. В человеческом бытии есть немало тайн, в которые люди непосредственно вовлечены и которые следует рассматривать только в контексте экзистенциальных ситуаций. В такие ситуации субъект включен так, что для психолога чрезвычайно трудно дифференцировать его внутренний мир и внешние обстоятельства, в которых он находится. И здесь речь идет уже о другом, содержательно более глубоком виде тайны. В его основании лежит не познавательное стремление к решению задачи, а, наоборот, осознанный человеком отказ от разгадывания, принятие ее как субъективной ценности. Это такие тайны, которые не внутри нас, а те, в которые мы вовлечены как субъекты человеческого бытия. На существование таких очень значимых в жизни любого человека тайн обращал внимание А. Мень: «Загадка — вещь принципиально разрешимая. Если лохнесского ящера поймают или по-настоящему сфотографируют, — конец загадке, она разгадана: вот плезиозавр,

который умудрился дожить до наших дней <...> Но есть вещи, которые являются тайной. Это о них говорил Гёте, что одним рассудком постичь эту вещь до конца нельзя, к этому требуются еще вживание, чувства, интуиция, озарение. Творчество поэта — тайна! Творчество художника, музыканта — тайна! <...> Сколько бы мы ни раскладывали на составные элементы <...> впечатление, которое мы получаем от картины или симфонии, от нас всегда ускользнет что-то главное. Так вот, тайна — это то, что никогда не может быть полностью исчерпано только рассудочным, аналитическим путем познания. А загадка — только то, что еще не раскрыто, что пока не познано» (Мень, 2013, с. 62–63). В более обобщенном философском смысле на принципиальную неразрешимость тайны и ее отличие от загадки указывает А.Ф. Лосев: «Тайна не есть просто отсутствие, небытие. Она также не есть и то, что может быть раскрыто или разрешено. Тайна, которая может быть раскрыта, вовсе не есть тайна, а только наше временное недомыслие, более или менее случайная загадка и незнание ввиду тех или иных обстоятельств. Тайна есть *то, что по самому существу своему никогда не может быть раскрыто. Но она может являться. Явление тайны не есть уничтожение и разрешение тайны, но есть только такое ее состояние, когда она ясно ощутима, представима, мыслима и сообщима — притом сообщима именно как тайна же*» (Лосев, 2016, с. 230).

Экзистенциальная тайна является атрибутом и опыта субъекта, и ситуации, в которую он попадает. Приобщение к таким тайнам позволяет субъекту включиться в какой-то иной, условно говоря, более глубокий и одновременно более возвышенный уровень бытия. Экзистенциальные тайны более значительны, чем неразгаданные загадки внешних событий жизни. Осознание психологом тайны как экзистенциальной ценности означает признание существования иных, неочевидных и более сложных для научного анализа планов бытия. Существование таких тайн ясно осознавал французский экзистенциалист Г. Марсель: «Есть высшие реальности, которые становятся более ясными и определенными лишь благодаря своей причастности тайне. Здесь нет ничего похожего на банальный агностицизм, согласно которому, наоборот, тот факт, что объект познаваем или нет, ничего в нем не меняет. Именно в этом и заключается различие между тайной и невежеством. Тайнственно лишь то, что есть потребность не раскрывать» (Марсель, 2005, с. 281).

А.А. Пузырей, продолжая анализировать работу Л.С. Выготского, отмечает, что тайна внутренне присуща трагедии о Гамлете. Тайна «утверждается при этом не только как исходная, отправная точка понимания трагедии, но также и как последняя, предельная его точка, и далее — как неустранимый пониманием — бытийный — феномен» (Пузырей, 2005, с. 305). Для читателя или зрителя задача понимания состоит не в том, чтобы разоблачать таинственное, неясный и туманный для субъекта контекст понимаемого. Здесь присутствует стремление понять тайну «не как то, что извне скрывает и заслоняет понимаемое, но, напротив, как то, что является внутренне самому понимаемому присущим...» (Там же, с. 311). На это же указывает и сам Л.С. Выготский: «Не разгадать эту загадку — была цель этих строк, не раскрыть тайну Гамлета, а принять тайну как тайну, ощутить, почувствовать ее. И если загадочность и непостижимость произведения только усилились в этой интерпретации его, то это не прежняя, начальная его загадочность и непонятность, проистекавшие от внешней темноты трагедии и стоявшие помехой на пути к художественному ее восприятию, — а новое, глубокое, глубинное ощущение тайны, создавшееся в результате восприятия этой пьесы» (Выготский, 1987, с. 288). В этом случае «интерпретация» — не замещает собой «интерпретируемое», не заступает его место, не «упраздняет» его, делая его существование впредь уже избыточным, «излишним»; она — не «вместо него», но «вместе с ним»; интерпретация есть только «продолжение», «расширение», «углубление» понимаемого, читаемого текста; но все же она есть всегда только его «часть», его — исходного, читаемого, понимаемого текста — «орган», позволяющий ему «сказаться» — полнее, точнее, членораздельнее» (Пузырей, 2005, с. 314–315). Очевидно, что индивидуальная специфика понимания таинственности как неустранимой составляющей бытия зависит от внутреннего мира реципиента и его активности, направленной на порождение собственного смысла понимаемого. При этом углубление, расширение, полнота интерпретации достигаются за счет объединения содержания текста с личностным знанием понимающего субъекта.

В человеческом бытии есть немало тайн, в которые люди непосредственно вовлечены и которые следует рассматривать только в контексте экзистенциальных ситуаций. Для всех нас тайной является не только дата собственной смерти, но и то, что с нами будет

после нее. Люди не могут предсказывать время смерти, они лишь по-разному *оценивают*, относятся к этому событию. Для одних это безусловная трагедия, неприятные мысли о которой они стараются отодвигать на задний план сознания; для других — размышления об итогах, что удалось сделать, а что нет; у третьих преобладает тревога по поводу семьи. Применительно к таким содержащим тайну экзистенциальным ситуациям невозможно и бессмысленно формулировать конкретные причинные вопросы (почему? зачем? из-за чего?). Например, на протяжении нескольких столетий для человечества тайной остается улыбка Джоконды Леонардо да Винчи, но какие небанальные вопросы здесь уместны, о чем тут спрашивать?

Типичными примерами тайн, присутствующих в опыте людей, являются также символы. Экзистенциальные тайны входят в содержание множества символов (веры, духовности, государственной власти и др.), имеющих в мире человека важное историческое, религиозное, культурное, научное и социальное значение. Мировоззрение россиян всегда в значительной степени было символичным. Что такое памятники Ленину, в неисчислимом количестве до сих пор стоящие в разных населенных пунктах нашей страны? Это простые и понятные символы советской власти. А символы, как известно, имеют в мире человека важное историческое, религиозное, культурное, научное и социальное значение. Символы содержательно неразрывны с экзистенциальными тайнами бытия. В самом полном и глубоком смысле «символ только тогда истинный символ, когда он неисчерпаем и беспределен в своем значении, когда он изрекает на своем сокровенном (иератическом и магическом) языке намека и внушения нечто неизглагоемое, неадекватное внешнему слову. Он многолик, многосмыслен и всегда темен в последней глубине <...> Символы несказанны и неизъяснимы, и мы беспомощны перед их целостным тайным смыслом» (Иванов, 1994, с. 141).

Содержательная связь символов с тайнами неудивительна, потому что символ по своей сути это знак, обозначающий что-то скрытое, тайное, нередко понимаемое людьми как сверхъестественное. Символ указывает на существование иной, не воспринимаемой органами чувств действительности, которую иногда ученые называют «скрытой предметностью»: «Другими словами, мы можем говорить о продуктивности символа только тогда, когда его внешняя предметность постоянно соотносится со скрытой предметностью,

то есть с той реальностью, познавательным средством которой он выступает» (Веракса, 2016, с. 57).

Экзистенциальная тайна по своей природе холистична, нерасчленима на смысловые части, составляющие. В таинственном не может быть противоречий, потому что экзистенциальная тайна бытия по своей природе не аналитична, а холистична. Это значит, что хотя и на уровне бессознательного, но тайна включает представления субъекта о том, что противоречивые компоненты экзистенциальной ситуации все же неотделимы от нее как целого. Более того, можно найти угол зрения, при котором противоречия не только не устраняются, но и превращаются в свою противоположность. Зачем, имея дело с типичными проявлениями холистического рассудка (к примеру, пиковыми переживаниями по А. Маслоу — мгновениями эстетического восторга, творческого озарения и т.п.), вносить в них обманчивую ясность аналитического разума? Разве рефлексивное препарирование своего чувства любви к другому человеку увеличит степень счастья? Скорее наоборот. В человеческой жизни всегда были и есть события и ситуации, представляющие для каждого из нас непреходящую ценность, изменяющие наш внутренний мир, но остающиеся тайной за семью печатями. По большому счету такие глубокие тайны не зависят от их осознания, критической оценки, но являются тайнами бытия, имеющими для людей непреходящую экзистенциальную ценность. Тайна есть неустранимый и непроблемный контекст действительности, ее не только нельзя осознать, но обычно и не нужно осознать. Подлинно экзистенциальное понимание заключается в том, что к непостижимому и таинственному не следует подходить так же, как к анализу решения познавательной задачи, проблемы. Познавательную задачу мы решаем до тех пор, пока аналитическим способом не только находим, но и устраняем скрытое в ее условиях противоречие. Тайна обладает для людей экзистенциальной ценностью, ее нужно не разгадывать, а принимать. Экзистенциальная тайна сложнее для понимания и психологического анализа, чем познавательная. С психологической точки зрения, она обладает, по меньшей мере, четырьмя признаками.

1. Тайна — это такая проблемная ситуация, которую субъект не может преобразовать в задачу. Столкнувшись с чем-то непонятным и неразрешимым, — на каком-то этапе осмысления проблемы чело-

век понимает, что у него нет необходимых знаний, умений, навыков, и потому сознательно отказывается от ее решения.

2. Человек оценивает проблемную ситуацию как жизненно значимую для себя: проблема превращается в незабываемое экзистенциально ценностное событие.

3. Таинственными для нас становятся не все проблемные ситуации, а только редкие, вероятность наступления которых очень мала. Если у меня сломается телевизор и я не смогу его починить, то буду рассматривать эту ситуацию не как тайну, а как отсутствие у меня знаний, которые есть у радиомеханика.

4. Таинственные явления оставляют неудовлетворенной познавательную мотивацию субъекта, вызывают в его сознании что-то, похожее на «эффект Зейгарник»: они будят воображение, дают волю фантазии, но не приводят к рациональному объяснению произошедшего.

Приведу типичный пример. В Самаре у меня есть знакомый профессор психологии. Он много лет профессионально занимается психологией характера, написал немало трудов по этой проблематике. Однажды ему показали астрологический прогноз его внучки, и он был поражен почти полным совпадением суждений астролога с его собственными представлениями о характере девочки. Будучи ученым, он начал рассуждать о возможностях доказательства неслучайности совпадения. Могут ли обладать одинаковым психологическим складом люди, родившиеся в один день? Однако, наверно, надо учитывать точное время рождения, место, может быть, национальность и т.п. Постепенно становится очевидно, что все условия формулировки этой задачи учесть практически невозможно. Вывод: не пытаться решить загадку точности астрологического прогноза, а принять отраженную в нем характеристику как единичный факт. Этот факт (психологическая характеристика родного человека) не может быть абстрактно-безразличным, он явно обладает личностной экзистенциальной ценностью для профессора.

Для психологов важно получить ответ на вопрос: «Тайна — это проблема психологии мышления или психологии понимания?» Ответ на него зависит от направления нашей мысли: от тайны к загадке или от загадки к тайне.

Первый случай соответствует переходу от рубинштейновской проблемной ситуации к леонтьевской задаче. Столкнувшись с чем-

то неопределенным и непонятным, например, увидев в небе объект, похожий на НЛО, мы начинаем думать о возможном оптическом обмане, атмосферных явлениях или испытаниях оружия на соседнем военном полигоне. Гипотезы способствуют формулированию условий задачи, запуску мышления и превращению тайны в пока неразгаданную загадку.

Со вторым случаем мы имеем дело тогда, когда осознаем, что тайна не имеет ничего общего с обычной фантазией или мистикой. В русской литературе есть давняя традиция описания подобных нереальных феноменов. «Вий» Гоголя, «Демон» Лермонтова, цикл «таинственных повестей» В.Ф. Одоевского — только краткие фрагменты этой традиции.

Однако для меня более значимыми и интересными являются держащие тайну описания событий, хотя и иррациональных, но реальных. Я имею в виду то, что есть, бывает, но необъяснимо. В этом смысле бесценным материалом являются «таинственные повести» писателя-реалиста И.С. Тургенева. Например, в рассказе «Собака», когда герой выключал свет и ложился спать, у него под кроватью начинала ворочаться и издавать характерные звуки не существующая у него собака. При включении света собака пропадала. Это можно было бы приписать слуховым галлюцинациям героя, но, когда он пригласил к себе переночевать приятеля, тот услышал то же.

В повестях описываются случаи из жизни, подлинные, но не имеющие рационального объяснения. Когнитивно такие тайны непознаваемы. В экзистенциально-герменевтическом контексте в них проявляется плюралистичность мира, множественность ответов на вопросы (в частности, что скрывает в себе улыбка Джоконды?). Многообразие ответов и вариантов интерпретации таинственного — это не что иное, как разные способы понимания. Следовательно, тайна — это проблема психологии понимания.

Зачем психологам необходимо изучать феномен тайны? Некоторые исследователи высказывают суждение о том, что если тайна непознаваема, то она не может быть предметом научного, и в частности психологического, исследования. Я с этим не согласен. Анализ тайн помогает ученым не только перемещать фокус внимания в поле изучаемых проблем, но и понять иные по сравнению с познанием, более глубокие пласты мира человека. Неудивительно, что одной из ближайших задач психологии понимания следует считать

осознание и психологический анализ различных тайн, относящихся к эмпирической реальности (таких как собака), социокультурной (таких как символы) и экзистенциальной (таких как тайна смерти).

* * *

Итак, абстрагируясь от религиозного и мистического контекстов употребления понятия «тайна», в современном научном дискурсе необходимо различать два наиболее распространенных ее вида — познавательную (когнитивную) и экзистенциальную (бытийную) тайны. Главная методологическая проблема при этом заключается в том, что тайна существует в психике субъекта *онтологически*, а попытки сформулировать и разрешить ее как познавательную когнитивную задачу приходят в противоречие с *гносеологической* плоскостью рассмотрения этого феномена.

Глава 2.

СУБЪЕКТНО-БЫТИЙНЫЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ЛИЧНОСТИ:

СОДЕРЖАНИЕ И ТЕОРЕТИКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

2.1. Проблема личности и «личности» в современном мире

Проблема сущности природы человека и его поведения традиционно предстает как важнейшая, волнующая не только исследователей в различных областях научного знания, но и обывателей, размышляющих за чашкой чая о том, что движет человеком в совершении некоторых поступков или, напротив, отвращает от них. В который раз с ироничным вздохом можно повторить трюизм: «Ничего нет надежнее хорошей проблемы». И в этом смысле проблема личности нас никогда не подведет.

Теоретическое осмысление, в котором, отвлекаясь от частных случаев, мыслители пытались создать абстрактный конструкт, претендующий на объяснение появления, развития и функционирования личности (personality), привело к возникновению множества концептуальных схем или теорий личности. Отношения между ними зачастую характеризуются конфликтностью, противостоянием и даже взаимоотрицанием. Многие концепции своим появлением иллюстрируют известный философский закон «отрицание отрицания», рождая скепсис по отношению к достижениям предшественников и подпитывая энергию разрушения.

Внутренняя непримиримость придала многим теоретическим текстам, посвященным проблеме личности, несвойственную, как правило, научному изложению страстность.

Если обратиться к наиболее известным в области персонологии именам, мы увидим, сколь неоднозначно содержание понятия «личность», а также тот контекст, в котором оно употребляется именитыми авторами. К. Роджерс определял личность как организованную, субъективно воспринимаемую сущность (Self), которая является ядром эмоционального опыта человека. Г. Олпорт описывал личность как внутреннее «нечто», определяющее сущность

взаимодействия человека с окружающим миром. Для Э. Эриксона личность является функцией результата пережитых ею жизненных кризисов. Дж. Келли рассматривал личность как уникальный путь индивидуума в извлечении смысла из жизненного опыта. А. Бандура определял личность как модель, в которой человек, поведение и ситуация непрерывно влияют друг на друга. Отечественные психологи акцентировали внимание на общественно-исторической, деятельностной природе личности.

Особая пристрастность, свойственная оппонентам, отстаивающим в дискуссии свое понимание проблем личности, связана, пожалуй, и с тем, что транслируемый теоретический подход предполагает готовность дискуссанта (впрочем, не всегда вполне осознанную) интерпретировать в его контексте свою собственную личность. Несогласие с другими теоретическими концепциями может свидетельствовать о стремлении защититься от интерпретации своего поведения под задаваемым этими концепциями углом зрения. Звучит неслышимый внутренний голос: «Я не люблю психоанализ, так как он оскорбляет мои возвышенные чувства. Я не приемлю когнитивизм, так как он низводит меня до бесчувственной счетной машины. Я не терплю бихевиоризм, так как он уподобляет меня белой крысе, уворачивающейся от электрического удара». И т.д. В этом смысле личностные теории очень личностны. Они затрагивают самую сердцевину нашего Образа-Я.

Одна из ключевых проблем при рассмотрении личности — проблема отношения «человек–общество». История ее научного изучения продолжительна и противоречива. В психологических концепциях личности это движение от фрейдизма, с его темой неизбежного, неизживаемого конфликта названных явлений, к последователям З. Фрейда, не настаивавшим на неизбежности конфликта и рассматривавшим это отношение в более конструктивных версиях (А. Адлер, Э. Фромм, К. Хорни, Г.С. Салливан и др.), и затем — к гуманистической, экзистенциальной психологии с их ценностной ориентированностью на человека, ищущего смысл жизни и обретающего его в страстном стремлении к самореализации.

На развитии психологических идей в России в полной мере сказалось противостояние идеологий: человек — автор и субъект собственного, аутентичного его природе бытия либо человек — «производное общественных отношений».

Н. Бердяев указывал, что «русская философия <...> всегда склонялась к экзистенциальному типу философствования». «Весь мир ничто по сравнению с человеческой личностью...» — писал философ, поддерживая эту традицию (см.: *Гайденко*, 1997, с. 450). Но философско-методологические основания, свойственные отечественной науке советского периода, обусловили приоритет второй посылки, отразившей принцип главенства всеобщего по отношению к единичному, то есть безусловный приоритет общества по отношению к отдельному человеку.

Если рассмотреть несколько более подробно перипетии советской и постсоветской истории становления взглядов на личность в психологии, можно выделить три основных этапа.

Начальный этап, который был озаглавлен победой определенной идеологии в 1917 году, можно охарактеризовать как этап утверждения диалектико-материалистической философии в качестве определяющего методологического направления в науке. Конечно, материалистическая ориентация отечественной психологии объяснялась не только идеологическим диктатом, но также достигнутыми к тому моменту реальными успехами, привлекательностью, мировым авторитетом русской физиологической школы, с характерными для нее материалистическими традициями.

Как следствие окончательной и неоспоримой победы материализма над идеализмом, психика и все феномены, относимые к этому пространству явлений, по причине их нематериальности, представляли как вторичные, как следствие «свойства мозга отражать», и в этом усматривался их сущностный признак.

А.В. Петровский, анализируя отношение между предметным полем психологии и содержанием понятия «личность» на этом этапе, интерпретировал его как двойную редукцию в рассмотрении личности и ее развития в сложившейся психологической парадигме: сведение развития личности к развитию психики и сведение последней к развитию познавательных процессов (*Петровский А.В.*, 1987, с. 48). Он объясняет сложившуюся ситуацию историческими причинами, а именно тем, что в период, когда закладывались основы советской психологической науки, она была сориентирована на активное освоение ленинской теории отражения и обращена к павловскому учению о высшей нервной деятельности (*Там же*, с. 47).

Поскольку пространство психической реальности, ограниченное двумя принципами материалистической парадигмы (психика есть свойство мозга и форма отражения...), не создавало объективной возможности для расположения в этом пространстве личностной феноменологии в нередуцированном виде, марксизм, содержащий определенный философский взгляд на человека, с постулируемыми в нем ролью социально-исторического контекста и ролью предметной деятельности был воспринят как спасительный выход из тупика. Но в сформированном на его основе теоретическом конструкте личностное было, во-первых, почти полностью выведено из сферы влияния организмичности и, во-вторых, психическое было, по сути, лишено самости, став удвоением «деятельности» и «социумности».

Таким образом, стремление спасти личность от редукции, невольно возникавшей при ее размещении в пространстве психики, интерпретируемой как «свойство мозга отражать», привело к ее смещению в область, по существу «обезличенной», «социально-деятельностной» феноменологии. Вследствие социально-деятельностного редукционизма личность потеряла свою «живую человеческую натуру» и присущность конкретному индивиду, то есть индивидуальность.

В.П. Зинченко, анализируя сложившуюся модель интерпретации личности, писал, что в отечественной психологии «принималось во внимание только одно направление лично-общественного взаимодействия, а именно социализация индивида. Второе направление — индивидуализация социальной жизни, порождение индивидуальным сознанием нового содержания — в лучшем случае лишь упоминалось...» (Зинченко В.П., 1992, с. 51). Сложные личностные явления объяснялись эффектами интериоризации, закономерностями социокультурного контекста (воспроизведенного во внутреннем содержании человека), иными словами, отражательной «слепочностью» с социальных событий, в которые включается личность. Из сказанного следовало, что личность — это человек, отразивший в себе, в своем ментальном устройстве, социальную структуру и способный в результате этого действовать в ней адекватно. Такая «отражательная», респондентская трактовка личности как социального индивида представлялась как сущностная и вполне

достаточная, а коммунистический лозунг «Создадим нового человека!» был освящен психологической теорией.

Эта ориентация ярко проиллюстрирована хорошо подобранными цитатами в статье А.М. Эткинда (Эткиндр, 1990). Например, фрагмент текста из учебника педагогики П.П. Блонского: «Наряду с растениеводством и животноводством должна существовать однородная с ними наука — человеководство, и педагогика <...> должна занять свое место рядом с зоотехникой...» Или цитата из выступления Бухарина на I Педологическом съезде, в которой еще более прямо задана направленность на «делание людей по образцу»: «Нам сейчас свои силы нужно устремить <...> на то, чтобы в кратчайший срок произвести определенное количество живых рабочих, квалифицированных, специально вышколенных машин, которые можно было бы сейчас завести и пустить в общий оборот». Здесь же созвучно всплывают слова наркома просвещения А.В. Луначарского: «Педология <...> осветит перед нами самый важный <...> процесс производства нового человека параллельно с производством нового оборудования, которое идет по хозяйственной линии».

При этом отвлекалось внимание от того, что социальное становится личностным, только обретая значимость для индивида, ассоциировавшись с его потребностями (имеющими корни своей причинности в индивидуальных организмических характеристиках), то есть став предметом его потребностей или способом их удовлетворения. Все внешнее по отношению к конкретному человеку само по себе мертво, пока оно не соприкоснулось с его живой натурой, не присвоено им, не стало его частью, обретая в этом процессе личностный смысл. Ставшая привычной, идеологически обусловленная сосредоточенность внимания исследователей на проблемах социализации индивида, с которой ассоциировалось в значительной степени представление о развитии личности, отодвинула в тень проблемы того, как социальное, индивидуализируясь в человеке, определяется в своем смысле для него и **получает в нем свое дальнейшее развитие**.

Сохраняющаяся при этом ориентация психологических исследований, в частности привлекаемых к анализу интерпретационных схем, на упрощенно трактуемый материалистический детерминизм (поиск конечной причины психологических феноменов в материальных реалиях) и естественнонаучную парадигму обуславливали

недостаточное внимание к феноменологическому пространству личности (своеобразии переживаний, личностных смыслов и пр.) и порождающим возможностям личности (самоактуализация).

Преодолевая дефицитность содержания, задаваемого такими методологическими ограничениями понятию «личность», в отечественной психологии, наряду с ним, использовались понятия «индивидуальность» и «субъект». Понятие «индивидуальность» позволило включить в структуру рассматриваемых личностных феноменов индивидуальное или организмическое (Б.Г. Ананьев, В.С. Мерлин и др.), а также задало ориентацию на рассмотрение единичного, своеобразного в личности. Понятие «субъект» фокусировало внимание на поиске и рассмотрении источников, причин активности в самом человеке.

Перечисленные причины позволяют понять, «что» и «почему» было редуцировано в содержании понятия «личность» на этапе обращенности к марксистским постулатам, а также объясняют отсутствие полноценной персонологической концепции в отечественной психологии (об этом, в частности, свидетельствует анализ этой области психологического знания, представленный в солидном академическом труде, подводящем итог достигнутому советской психологией, «Психологическая наука в России XX столетия» — Психологическая наука..., 1997; хотя, справедливости ради, следует сказать, что сами авторы такой вывод не фиксируют).

На переломе столетий в отечественной психологии резко активизировался интерес к теме личности. Были переведены на русский язык известные учебники по теории личности К. Холла и Г. Линдсея, Л. Хьелла и Д. Зиглера (*Холл, Линдсей, 1997; Хьелл, Зиглер, 1997*), а также отдельные работы многих известных западных персонологов. Изданы монографии, сборники научных статей, новые учебники, хрестоматии по проблеме личности, написанные известными отечественными психологами (*Леонтьев Д.А., 1997; Петровский В.А., 1996; Психология и психоанализ..., 1997; Рябикина, 1995; Слободчиков, Исаев, 1995; Теории личности..., 1996; и др.*). Привычной стала тема личностно-ориентированного подхода в образовании, в профессиональном становлении и других областях социальной практики (*Асмолов, Ягодин, 1992; Рябикина, 1997б; Якиманская, 1994; и др.*). В.А. Петровский констатировал как ярко проявившуюся тенденцию выделение психологии личности «в самостоятельную

область, не сливающуюся с общепсихологическими, социально-психологическими, дифференциально-психологическими и педагогическими разработками» (Петровский В.А., 1997, с. 126).

Направление оформляющегося психологического знания связано с анализом **субъективности** (Слободчиков, Исаев, 1995) и анализом **субъектности** (Петровский В.А., 1996). Таким образом, научное знание в своем развитии обращено к проблеме единичного, субъективно-своеобразного индивидуального внутреннего мира и к проблеме субъектности, то есть тенденции проявить, объективировать субъективное. Сочетание этих тенденций может быть названо **«личностностью»**. В.А. Петровский, размышляя над содержанием этого понятия, пишет: «Разделенные временем и пространством, говорившие на разных языках Гегель и Достоевский использовали одно и то же слово — личностность — для обозначения собственно человеческого в человеке: истины его бытия, состоящей в возможности быть причиной самой себя, свободно определять себя к жизни и даже смерти» (Петровский В.А., 1997, с. 127).

В перестроечный период готовность отечественной науки к рассмотрению проблемы «личностности» могла показаться не совсем уместной в сложных перипетиях нелегкой действительности с повседневными размышлениями о хлебе насущном. Кризисные явления, характеризующие состояние общества, в этот период, казалось бы, входят в противоречие с поисками ответов на вопросы, возникающие при разработке этой темы. Где уж до личности с ее неповторимым внутренним содержанием и желанием проявить, объективировать его вовне? Кажется более уместным искать способы помочь тем, кто плохо адаптируется к этому неуютному миру, научить их приспособливаться к сложным социальным реалиям.

Но, как показала отечественная ситуация, рыночная «свобода» с ориентацией на предпринимательство, когда последнее трактуется исключительно как средство наживы, приводит к победе людей с простыми ментальными схемами, подобными условному рефлексу: «нажал рычаг — получил желаемое». Побеждают индивидуумы с простыми, легко операционализируемыми побуждениями, не обремененные размышлениями о глубинах человеческого духа, ориентированные на быстрое и очень материальное подкрепление. Они не сомневаются, а действуют и выстраивают реальность под себя, «приглашая» одуряющей рекламой и других подстроиться под

них, адаптироваться к их миру, встроиться в систему их ценностей. В недрах «массового» общества зарождаются стертые, стандартизированные индивиды, произведенные усилиями функционеров от «массовой культуры», задача которых — обеспечивать трансляцию штампов, идеологем, социальных мифов и социализировать тем самым своих сограждан, помогая им адаптироваться, а по сути осуществляя социальную дрессуру. Эта дрессура сродни «массовому безумию», как его характеризовал С. Кьеркегор. Основанный на недостаточной выраженности внутреннего, этот вид безумия связан с фиксацией человека на проблемах и темах, совершенно не значимых для него лично. Он поглощен стремлением соответствовать внешнему и отвлечен от себя как от личности, поэтому такой человек весь искусственный (см.: *Гайденко*, 1997).

Вторя этой теме, но по-своему ее интерпретируя, известный американский социолог Ч. Миллс в свое, отделенное от нас десятилетиями, но тоже нелегкое время писал об угрожающей человеку опасности потерять личностное достоинство в сумасшедшей круговерти исторических событий, о проблеме сохранения самости («личностности»), которой угрожают неуправляемые силы раздираемого конфликтами сообщества, с порождаемыми им иррациональностью, отчуждением людей, нарастающим у них чувством потерянности и бессилия, усиливающейся угрозой глубокой трансформации самой природы человека (*Миллс*, 1998).

В наибольшей мере ориентированное на рассмотрение проблемы «личностности» гуманистическое направление в психологии возникло в США именно из попыток теоретического осмысления кризисных явлений в американском обществе, возникших вследствие прессинга послевоенных социально-экономических проблем. Как естественное следствие кризиса общества возникает кризис личности, а точнее — кризис «личностности», выражающийся в полной зависимости человека от непредсказуемых событий, держащих его в постоянном напряжении, в страхе за свое бытие и, как следствие, в неспособности его как личности «быть причиной самой себя, свободно определять себя к жизни...» (*Петровский В.А.*, 1997, с. 127). Человек оказывается зависимым, реагирующим, теряющим не только возможность реализовать свой потенциал, но даже самую ориентацию на самореализацию.

Бюлер и Аллен, анализируя переживания, свойственные американцам в 1960-е гг., характеризовавшиеся кризисом американского общества, перечисляют следующие черты массового сознания (см.: Леонтьев Д.А., 1997):

- кризис ценностей, проявившийся в потере целей, способных консолидировать людей в силу их связи с удовлетворением существенных для человека потребностей;
- чувство одиночества, возникающее из-за неспособности к установлению близких отношений (принадлежность ко многим группам без достаточной глубины слияния, преобладание отношений конкуренции); в то время как «любовь и психологическая близость не могут быть заменены успехами в карьере или в приобретении материальных благ и выступают одним из главных факторов, определяющих смысл жизни» (Там же, с. 22);
- проблема идентичности, с которой связаны переживания мучительной неуверенности из-за отсутствия ответов на вопросы: «Кто я?», «К чему я стремлюсь?»;
- переживания смыслоутраты или феномен «экзистенциального вакуума» (В. Франкл), что зачастую ведет к апатии, девиантному поведению, алкоголизму, наркомании, бездумным сексуальным связям и пр.

Анализируя направленность усилий психологов гуманистической ориентации, Д.А. Леонтьев заключает, что их главной задачей было и остается «раскрыть ценности, к которым устремлен человек по своей природе, реализация которых позволит человеку не только понять, но и раскрыть, объективировать свою потенциальность» (Там же, с. 23). Это ценности, которые могут быть поняты на пути изучения личностной *субъективности* и *субъектности*, на пути изучения проблемы «личностности», которая в наибольшей степени ассоциируется с темой самоактуализации, проявленности порожденного во внутреннем мире личности вовне, в фактах преобразования объективной реальности.

Само осознание сообществом важности этой проблемы, направленность на ее решение создают основу для выхода из кризиса смыслоутраты, опасность которого угрожает личности на этапе затянувшегося, ставшего мучительным, социального перелома. Именно в такие тягостные для человека периоды возникает необхо-

димось обратиться к непреходящим ценностям духовного бытия человека. И первой такой ценностью является сам человек с присущей ему потребностью в самоактуализации, направляющей его развитие в сторону наиболее полного самораскрытия.

При этом также следует учитывать, что соответствие общественного устройства и личностной организации обеспечивает стабильность функционирования самого социума, его устойчивость и возможность движения к совершенствованию. Общественные отношения воспроизводятся и поддерживаются личностью без сопротивления, если они воспринимаются ею как условие и способ реализации ее права состояться как личность, проявить свою «личностность». То есть «в каждом социальном проекте, явно или неявно, заложена определенная модель человека (с его типичными свойствами, потребностями, устремлениями и т.п.). Если эта модель нереалистична, социальный проект оказывается очередной утопией...» (Дубровский, 1994, с. 102).

2.2. Смысл жизни: интерпретация в контексте субъектно-бытийного подхода к пониманию структуры и динамики личности¹

Смысл жизни и социальные предписания

Проблема смысла жизни относится к разряду вечных и важных, но одновременно пользуется репутацией «бесперспективной» из-за непреодолимых препятствий, возникающих при попытках ее рационального освоения. Философия и психология, социология и литература при всем страстном желании исследователей, при всем многообразии теоретических подходов не могут дать однозначного ответа на вопрос «в чем смысл жизни?». Ясно одно — ответ на вопрос о смысле контекстуален, и таким контекстом выступает индивидуальный жизненный путь личности, сложившийся багаж жизненного опыта, переживаний прожитого, то есть для каждого человека ответ о смысле жизни — глубоко *личностный*. Нет общего решения, следовательно, человек в каждодневной суете вынужден сам искать для себя ответ. Вот и мечется личность в поиске «своего» смысла, а значит, и в поиске самой себя.

¹ Раздел написан в соавторстве с Л.Н. Ожиговой.

«Кто я? Зачем я? Что я могу и что должен?» — эти вопросы, традиционно относимые к «подростково-юношеской» тематике, на самом деле актуальны для личности на протяжении всей ее жизни.

Представители феноменологической традиции (А. Камю, Ж.-П. Сартр и др.) считают, что поиск ответов на эти вопросы усиливается в моменты кризисные, тупиковые, «роковые» или болезненные для личности. Проблемы особенно обостряются в переломные моменты жизни общества, в периоды его трансформации.

Теоретики гуманистической традиции (А. Маслоу, К. Роджерс, Э. Фромм и др.) утверждают, что только в моменты высоких духовных переживаний, личностных инсайтов, эмоционально значимых «проживаний» человеку открывается истинная ценность и смысл его существования. И так как это только момент, то человеку остается смириться с мыслью о существовании в его жизни «осмысленных» и «неосмысленных» моментов, ситуаций, дел и поступков. Но раз «открывшийся» смысл жизни влечет за собой потребность его поиска и воплощения во всех формах и пространствах человеческого бытия: общественной, духовной и т.д. Смысл жизни может быть вполне конкретным и находить свое воплощение в обыденных практиках и реальных пространствах личностного бытия: семейном, профессиональном, культурном и др.

Однако эти пространства, по сути, являясь социальными, а значит общественными, заданными, несут в себе некие предпосылки общих «смыслов». В психологии под этими общими «смыслами» принято понимать «значения», представляющие из себя содержание общественного сознания индивида, в котором исторически кристаллизован опыт деятельности, общения, мировосприятия предшествовавших поколений (Слободчиков, Исаев, 1995).

Общепризнанно то, что индивидуальное психологическое развитие человека социально детерминировано процессом усвоения индивидом общественного опыта, накопленных человечеством знаний и способов действий, социально-типического опыта, который в социологии и психологии традиционно определяют как «социальную роль, обеспечивающую адаптивное поведение личности и выражающую общую тенденцию системы “личность в группе” к сохранению» (Асмолов, 1984, с. 43).

Слово «роль» означает предписанные действия, характерные для тех, кто занимает определенную социальную позицию. Обраща-

яся к философским основаниям символического интеракционизма И. Гофмана и драматического подхода Дж. Морено, можно содержание и закономерности общественной жизни сравнить с логикой драмы, разыгрываемой на сцене театра. Соответственно участников социального взаимодействия и те ситуации, в которых они действуют, следует рассматривать в понятиях «ролевая игра», «актер», «маска» и т.д. (Кравченко, 1997; Рудестам, 1994; и др.).

Однако найденное сходство между действительностью и театральными действиями, конечно же, не должно пониматься буквально. Речь идет о символическом характере части социальных взаимодействий, неких ритуалов: приветствия во время встречи, формы обращения, предписанное поведение за обедом, должностные обязанности и т.д. Суть сходства социальной и театральной роли заключается в должностовании или определенных предписанных формах поведения.

Формирующая сила культурных ожиданий «предлагает» личности множество социальных ролей: родитель, ребенок, учитель, рабочий, ученый и т.д. Приняв роль, человек накладывает на себя определенные обязательства, принимает готовые культурные значения, которые по предположению должны были бы тотчас же наполниться смыслом, но без соотнесенности с собственным «хочу», без личностной осмысленности, они не просто могут ограничить проявление индивидуальности, но упрощают человеческое поведение до ролевой «маски».

Поэтому человек часто пребывает в состоянии поиска смысла. Он его не ищет только тогда, когда им владеют страсти. Тогда он не задает себе вопрос: «Зачем?» или «Какой в этом смысл?». Он просто делает то, к чему его влечет. Проблема смысла нагружает интеллект человека в ситуациях, когда он бесстрастен, лично не вовлечен в происходящее, но при этом испытывает давление долга. Таким образом, поиск смысла есть попытка рациональными способами, то есть способами логического рассуждения, найти связь между тем, что приходится делать в силу каких-то обязательств (например, потому, что человек является исполнителем какой-то социальной роли, а она предполагает определенный способ действия), и тем, что вызывает чувства, переживается как волнующее, лично затрагивающее. Смысл имеет только то, что непосредственно связано с

удовлетворением наших разнообразных потребностей. Во всяком случае, нам легче его «изобрести» тогда, когда мы переполнены чувствами, нежели тогда, когда мы умны, но холодны.

Смысл субъективен и метафоричен. Незначительное событие или явление реальности может глубоко переживаться человеком. Так, вы можете увидеть упавшую на лист дерева первую каплю дождя и вдруг понять, что в этой капле отражаются весь мир и смысл вашей жизни. И вполне вероятно, что вы действительно пронесете это воспоминание через всю свою жизнь, и оно будет поддерживать вас в трудные минуты.

Общество, стремясь к поддержанию «самого себя», пытается создать условия, при которых возможно управление личностными смыслами. В некотором смысле (простим себе эту тавтологию) экстрактом смыслов и их консервантом являются значения. Значение предстает как среднее арифметическое многих индивидуально пережитых смыслов. «Я люблю тебя, дорогая», — говорит кто-то на Земле в очередной раз. И все мы понимаем, что он имеет в виду, мы понимаем значение сказанного. Но возникают ли в нас ответные чувства? Общество говорит нам текстом многих своих документов: «Гражданин, я живу для тебя, я для тебя создано!», что равносильно признанию в любви. Общество надеется, что таким образом ему удастся «включить» в нас ответную страсть. Но зачастую мы холодны. Мы не видим смысла в сказанном и не испытываем потребности в служении.

Тогда общество пытается действовать изошреннее. Представляя собой множество соотнесенных и упорядоченных ролевых конструкторов, оно вовлекает нас в исполнение некоторых из ролей. Но, «обещая» права на удовлетворение наших потребностей при условии поведения в соответствии с ролью, оно вовлекает нас и в определенные обязательства. В детстве мы хотим быть признаны старшими как равные. Поэтому, ступая впервые на порог школы, рассчитываем, что теперь на нас взглянут с уважением все, кто пренебрегал нами. «Платить» за принятие нас Другими приходится каждодневным выполнением массы школьных (учебных) обязанностей: бесчисленное количество раз писать в тетрадке крючки и палочки, пересчитывать чьи-то орехи или яблоки и т.д. Но зато до этого бессмысленное, но произносимое взрослыми с чувством большого значения «надо хорошо учиться, чтобы стать хорошим гражданином

своей Родины» теперь воспринимается как наполненное смыслом, так как сопряжено с чувством собственной значимости.

Смысл жизни в таком случае равен значению, которое в ходе социализации и социальной адаптации человек принимает за «свое». Такой путь ведет к тому, что в литературоведении называется «типичным»: типичный представитель своего времени, типичный учитель, типичная женщина, типичный американец или русский и т.д. Типичный — значит несущий в себе отпечаток какого-то значения, правила, что-то, что присуще еще кому-то, похожему на тебя.

Такое сходство, «трафаретность» поступков, мыслей и жизней является залогом личной и общественной безопасности, так как возможно просчитать и вывести пусть большое, но все-таки ограниченное количество типов и способов взаимодействия, что-то ритуализировать, что-то запретить или разрешить и любое взаимодействие гарантирует предсказуемый эффект.

Однако подобной механистичности не достигало ни одно общество, даже в периоды расцвета тоталитаризма. Сама социальная, культурная знаковая система предполагает многообразие: человек усваивает не одно значение, а множество значений-ролей. В каждую минуту своей жизни человек одновременно является и сыном или дочерью, и женщиной или мужчиной, и ученым или рабочим и т.д. То есть культура предлагает человеку множество различных ролей для решения проблемы его социальной адаптации в обществе.

Но если роли не осмыслены, не соотнесены с личными особенностями и потребностями индивида, то есть не обрели личностный смысл, они не могут быть интегрированы личностью. Это создает эффект «ролевого диссонанса», когда множественность и противоречивость требований одновременно выполняемых разнородных социальных ролей буквально «раздирает» личность на бесконечное количество не имеющих личностной окраски функций.

Решая проблему социализации и адаптации, индивид не всегда «успевает» или не всегда готов к интеграции культурного значения в систему личностных смыслов. Слепой «дубляж» или прямая идентификация с культурным знаком, социальной ролью, допустимые на первом этапе социализации как эталонные образцы поведения или принятия жизненных решений, в дальнейшем могут привести к аффективным зажимам и невротизации, так как в них не «просло» индивидуально-потребностное.

В реальности, исполняя великое множество различных ролей, человек тем не менее не разрушает себя, не распадается на суб-роли, а сохраняет внутреннее единство. Возникает вопрос: благодаря чему человек сохраняет свою целостность? Что является главной интегрирующей инстанцией?

Личность как высший интегратор психической реальности

Ответ на поставленные вопросы соотносим с определенной областью психологических знаний — персонологией, или, другими словами, психологией личности.

В психологической науке категория «личность» считается одной из базовых, в описании и определении которой теоретическая задача состоит обычно в том, чтобы вскрыть объективные основания психологических свойств, характеризующих человека как личность.

Исторически сложившиеся подходы к интерпретации психологической феноменологии (структурализм, функционализм, бихевиоризм, гештальтпсихология, фрейдизм, организмические теории, деятельностный подход и т.д.) ориентированы на различные области потенциальной предметной сферы психологической науки и, как следствие, рассматривают различные феноменологические пространства личности, соотносимые с этими предметными областями.

Это же прослеживается в «онтологической разноплановости» психотерапевтических школ, возникших на их основе (см.: Цапкин, 1992 и др.).

Анализ определений личности, сформулированных отечественными авторами (Ананьев, 1996; Петровский А.В., 1986; и др.), позволяет заключить, что для официальной версии отечественной психологической науки советского периода *личность*, прежде всего, *это человек, отразивший в себе, в своем устройстве социальную структуру и способный в результате этого действовать в ней адекватно.*

Заявленный в отечественной психологии личностный подход постулировал в качестве ведущего методологического принципа *принцип детерминизма*, конкретизировавшийся в рассмотрении

зависимости содержания личности от деятельности и социального контекста. При этом на второй план оказались отодвинуты психологический детерминизм и обусловливание содержания личности индивидуными особенностями. Отвлекалось внимание от того, что социальное становится личностным, только обретая значимость для индивида, ассоциировавшись с его потребностями, став предметом его потребностей или способом их удовлетворения.

Все внешнее по отношению к конкретному человеку само по себе мертво, пока оно не соприкоснулось с его живой натурой, не присвоено им, не стало его частью. И движение к такому присвоению возможно только в том случае, если социальное какой-то своей стороной изначально соотнеслось с естественными природными влечениями, побуждениями индивида. Игнорировать природное в человеке и факт «присущности» сути человеческой, личностного содержания конкретному индивиду — значит никогда не понять источников и причин развития личности, социума, культуры. Привычная сосредоточенность внимания на проблемах социализации индивида, с которой ассоциировалось в значительной степени представление о развитии личности, отодвинула в тень проблемы того, как социальное, индивидуализируясь в человеке, определяется в своем смысле для него и получает в нем свое дальнейшее развитие.

Личность образует новое психологическое измерение, в котором биологическое и социальное должны претерпеть преобразования, связанные с их взаимообусловленностью, а также предопределенные прежде сложившимися элементами личностного психологического опыта. Именно в этом процессе «выплавляется» личностный смысл.

А.Н. Леонтьев определяет это измерение личности (пространство феноменов) как отличное от тех, в которых ведутся исследования различных психологических процессов, отдельных свойств и состояний человека. Такой взгляд на природу личности, сформулированный А.Н. Леонтьевым к концу 1970-х гг., позволил переосмыслить некоторые положения *структурного подхода*, в контексте которого личность предстает как набор качеств, черт, характеристик, особенностей психики человека, и подойти к изучению личности с позиций *системного* подхода. Однако потенциальные возможности предложенного им понимания личности значительно превос-

ходят те реализации, которые осуществил сам автор. Общий подход к пониманию проблем личности и предмета психологического исследования, обозначенный А.Н. Леонтьевым, нашел свое развитие в работах А.В. Петровского и В.А. Петровского, А.Г. Асмолова, Б.С. Братуся, В.В. Давыдова, Д.Б. Эльконина, Д.А. Леонтьева, В.П. Зинченко, Ф.Е. Василюка и других исследователей.

В рамках системного подхода индивид предстает как система морфофизиологических характеристик, выступающих предпосылкой и ограничением потенциала жизненных возможностей, среди которых и возможности психической жизнедеятельности. В конкретный момент времени эта система, зависящая от окружения, находится в потребностном состоянии, то есть испытывает нужду в чем-то, что может получить из внешней среды.

Поскольку потребности индивида разнообразны и зачастую противоречивы, то выживание организма обеспечивается системой соподчинения, иерархизацией нужд и побуждений. У человека природная иерархия потребностей подвергается значительным интервенциям извне в процессе социализации, опредмечивания мотивов в социуме. Таким образом, присвоение форм поведения и узнавание характеристик среды, значений-знаков, не могут рассматриваться и быть поняты без соотнесения с организменными запросами индивида. Они наполняют процессы присвоения и узнавания переживаниями личностной значимости происходящего и таким образом придают этим процессам личностный смысл.

Аналогичный взгляд на психологию человека как на систему формирующихся в процессе жизни отношений к различным сторонам жизнедеятельности сформулировал в своей концепции личности В.Н. Мясищев. Постулируя целостное понимание человека как организма и личности, В.Н. Мясищев утверждал, что отношения-связи организма и личности характеризуются двойной направленностью, взаимными зависимостями (*Мясищев, 1960*).

Психика телесна, так как «пронизана» чувственностью. Каждый ее элемент порожден человеком как субъектом потребностей. А тело человека, обретшего личностную зрелость, «одухотворено», поскольку все его движения и проявления включены в ткань личностных смыслов. Ф.Е. Василюк пишет о теле как «о подвижной, пульсирующей, изменчивой стихии внутренних ощущений, впечатлений, волнений». «Мир тела оказывается тем пространством,

в живых стихиях которого происходит интерференция и интегрирование внешнего предметного мира, мира языка, мира культуры и внутреннего мира человека» (Васильюк, 1993, с. 19).

За личностью традиционно утверждается статус интегрирующей инстанции психики. Пожалуй, это положение является наиболее устоявшимся, традиционным среди утверждений, приписывающих личности самые разнообразные особенности и характеристики.

Если источником содержательных характеристик личности выступает только внешняя среда (социум, культура), непонятно, каким образом ее структура обретает единство. Почему оказываемые на индивида разрозненные, разнонаправленные влияния в итоге создают целостную картину взаимосвязанных, соотнесенных, организованных в систему элементов внутренней психической жизни?

Б.Г. Ананьев в свое время писал о подходе к индивидуальному развитию как к единому целому, характеризуя в свое время этот подход как новый не только для психологии, но и для естествознания в целом. И отмечал при этом, что такой подход связан с пониманием организма как целого (Ананьев, 1980).

Целостность организма — условие его жизнеспособности. «Организм целостен и потому устойчив», — писал когда-то Р.А. Берг (Берг, 1966, с. 28). Психическая организация потому и организация, система, что внешние воздействия соотносятся с целостностью организма, определены по отношению к этой целостности.

Внешние воздействия всегда соотнесены с субъектом, с его потребностями или с тем (в сформировавшихся, устоявшихся элементах психической организации), что уже было соотнесено с потребностями субъекта в предшествовавших актах психического отражения. То есть все как бы имеет общий знаменатель. Эти соотносимые звенья уходящей в глубину бессознательного цепочки тянутся через множество опосредующих, соотнесенных ранее элементов, так что начальное звено и многие из последующих с трудом или вообще не поддаются сознательному анализу. Именно эта внутренняя согласованность явлений психики обеспечивает целостность человека.

Итак, за личностью признается статус интегрирующей инстанции, обеспечивающей целостность человека. Она возникает тогда, когда обостряются противоречия (в пространстве психологических

феноменов, в отношениях между различными значениями-ролями и пр.) и необходим орган, который, обеспечивая целостность, будет эти противоречия разрешать, овладев психической и иными функциями.

«Пространственная» организация личности

Личность, являясь интегративным образованием, как всякое явление имеет свою структуру. Структура личности обусловлена самой ее психологической заданностью, призванной отражать объективное и, обеспечивая интеграцию, индивидуализировать его, превращая в субъективное. Это значит, что существует два пространства явлений: объективное и субъективное. На рисунке 1 показаны два слоя реальности: объективный и субъективный.

Рис. 1. Два слоя реальности

Объективная реальность предваряет появление субъективной реальности. Граница мира объективного и субъективного представляется достаточно четкой. Человек всегда определенно отмечает явления и события внешнего мира и того, что принадлежит области субъективного, его внутреннего мира.

Объективная и субъективная реальности не являются однослойными, плоскими структурами. Постепенно укрупняя и детализируя топографическую модель взаимодействия объективного и субъективного, можно привести следующий рисунок (рис. 2).

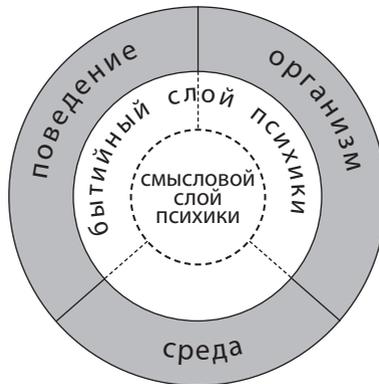

Рис. 2. Топографическая модель взаимодействия объективного и субъективного

Традиционно при рассмотрении связей-зависимостей субъективного (психики) с внешним миром (объективной реальностью) выделяются три пространства объективных феноменов: *явления среды, поведение и организм*.

Все три объективно существующих пространства: (1) бытийность, как сложившиеся и закрепившиеся в культуре модели активности социального индивида (поведение); (2) внешний «вещный» мир, претворенный в человеческом обществе в систему значений, образующих мир культуры (среда); (3) организменные состояния — могут существовать помимо личности, и в этом смысле они личности предшествуют.

Субъективное, рассматриваемое как *пространство психики* (как внутренний мир личности), дифференцируется на слои: *бытийный* и *смысловой*.

Остановимся подробнее на перечисленных структурных составляющих.

Сложившиеся в социуме модели поведения предваряют становление личности и посредством механизма интериоризации становятся ее внутренним содержанием. По мере формирования личности «бiodинамическая ткань» движения оформляется в системы с целевой ориентированностью, подчиненные одновременно предмету и потребности и обозначаемые как *деятельность (поведение)*. То

есть в соответствии с нарастанием личностной организованности поведение все более структурируется, содержательно определяется, становится сообразным личностному своеобразию.

Личности также предшествует реальность, выступающая предметом отражения для входящего в мир индивида, реальность, в которой личности предстоит формироваться, — *среда*. Она существует как объективные природные явления и социальные события. Формирующейся личности она раскрывается, прежде всего, как мир человеческой культуры, то есть мир значений, которые осваиваются в процессе социализации не столько как объективная бытийность мира, но как культурная версия происходящего.

Личность не может сформироваться и не может быть понята вне процессов, происходящих в социуме. Но личность не может быть сведена к отношениям, в которые индивид включается в сообществе; не может быть сведена к социальным ролям, которые играет в группах. Если социально-типическое еще может быть конструктивно проанализировано при ограничении анализа пространством значений, то личностно-индивидуальное в этом случае лишается своей истинной содержательности.

Сказанное позволяет заключить, что личностные явления не могут быть отождествлены с пространством системы значений, то есть личностное пространство не сводимо к событиям культуры, в которой личность формируется и осуществляет себя. Личности предшествует индивид, организованная системная единица жизни, чьи запросы, обращенные к среде, предстают в виде потребностных состояний. То есть третья составляющая объективной реальности — *организм* со всеми особенностями его морфологических и функциональных характеристик.

Итак, личность предваряют три организованных пространства объективных явлений, для которых индивидуальная психика есть «место» их соотношения и согласования. Согласование (а) системы потребностей индивида с (б) системой «означенных» культурой событий среды (среди которых потенциальные предметы его потребностей) и (в) системой освоенных индивидом способов деятельности, ориентированных на присвоение отвечающих его потребностям предметов, — это задача, решаемая по мере формирования психической организации и личности как вершинного интегратора этой организации.

Таким образом, личность предстает как полисистемное образование, включающее пространство психических явлений и объективные пространства личностной бытийности (организм, события среды, деятельность). Это позволяет представить развитие личности как следствие возникающих и разрешаемых в этих пространствах противоречий. При этом, дифференцируя пространство психических явлений на *смысловой и действенный (бытийный)* слои, следует сказать, что в *бытийном* слое представлены три пространства явлений, имеющих непосредственное продолжение в объективно фиксируемых событиях человеческого бытия: деятельность (поведение), реалии среды и организмические состояния индивида. В бытийном слое психологического пространства они воссоздаются как взаимосвязанные взаимопротекающие подпространства: «*планы и структуры поведения*», «*образ мира*», «*мотивационно-потребностная сфера*». Захватывая смысловое или собственно личностное поле, они репрезентированы в личностном смысле как его компоненты: *конативный, когнитивный, аффективный*.

Сформулированное представление о полисистемной организации бытийного и смыслового слоев психики в графическом варианте отображено на рисунке 3.

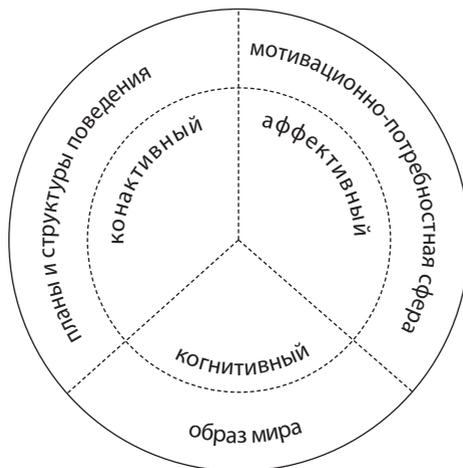

Рис. 3. Полисистемная организация бытийного и смыслового слоев психики

Поскольку пространство психики (внутренний мир личности) предстает как место согласования трех системно организованных пространств объективных явлений, его *единица* должна быть трехкомпонентной. То есть она должна нести в себе информацию о внешнем событии, ставшем предметом отражения, и одновременно в ней (в снятом виде) должны присутствовать те акты поведения индивида, которые обеспечили распределечивание, а также та потребность, которая, конкретизировавшись в мотиве, придает смысл отражаемому. Рассматриваемая в разных системах-пространствах, она предстает то как опредмеченный мотив, то как отраженный объект реальности, «деформированный» смыслообразующей функцией мотива, то как элемент деятельности, подчиненный потребности и предмету. Такой единицей, несущей в себе все характеристики целого, является «личностный смысл».

Личностный смысл включен как элемент и отражает в себе мотивационно-потребностную систему личности, у истоков которой находятся потребностные состояния индивида, биологические предпосылки личностной пристрастности. В личностном смысле отражены события реальности, в которой осуществляет свои жизненные функции человек. Это отражение опосредовано социокультурным контекстом, то есть осуществляется сквозь призму «означенности» культурой. В личностном смысле также представлена своей особой функцией деятельность, обеспечивающая «распредмечивание» внешнего события. Таким образом, личностный смысл — трехаспектен, или трехкомпонентен. Он включает аффективный, когнитивный и конативный компоненты (см. рис. 3).

В обыденной речи мы также используем лексическую единицу «имеет смысл» в трех основных контекстах: когда хотим сказать, что смысл происходящего нам понятен (то есть мы можем обозначить событие в системе выработанных культурой значений), когда подчеркиваем удовлетворение какой-либо потребности, нужность, полезность для человека чего-либо («О, да, это имеет большой смысл для меня») и, наконец, когда оценивается достижимость поставленной задачи, то есть у человека есть или отсутствует необходимый для достижения арсенал возможностей («Эта цель для тебя не имеет смысла. Она недостижима»).

Итак, личностный смысл — это выражение пристрастного отношения человека к действительности, «значение значений», кото-

рое несет в себе собственное жизненное отношение человека к отражаемому. Системно организуясь, они образуют смысловую сферу личности. Именно смысловой слой психики и составляет «особую психологическую субстанцию личности, определяя собственно личностный слой отражения» (Братусь, 1990).

Вершиной иерархии личностных смыслов является *смысл жизни*. Абстрагируясь от его содержательных характеристик, понимаемых и представляемых каждым человеком по-своему, можно сказать, что его *формально-динамическая сторона* состоит в тенденции к упорядочиванию систем четырех пространств: системы личностных смыслов с системной организацией среды (предметно-пространственная среда, организация времени, структура межличностных отношений, «культурная» сетка значений и пр.), с системой деятельностных возможностей и с мотивационно-потребностной системой индивида.

Следуя такому пониманию, можно сказать, что сформировавшееся у личности представление о смысле и цели жизни приводит к изменению «нижележащих» в иерархии смыслов и инициирует переструктурирование, содержательное изменение перечисленных выше субъективного (бытийный слой психики) и объективных пространств (явления среды, поведение, организм).

На рисунке 4 показан этот «обратный» процесс: от индивидуально-личностного к **бытийному**.

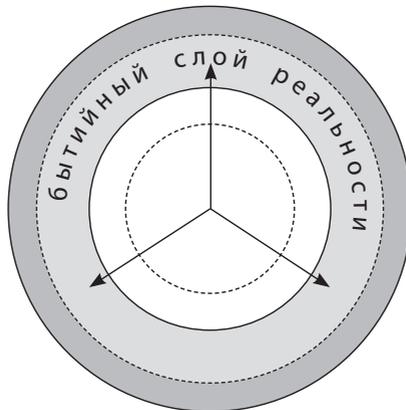

Рис. 4. «Обратный» процесс: от индивидуально-личностного к бытийному

То есть личность, как системно организованное пространство смыслов, занимает позицию НАД пространствами бытийности (бытийный слой психики: образ мира, планы и структуры поведения, мотивационно-потребностная сфера и пространства объективной реальности: явления среды, поведение, организм). Ее развитие сопряжено с появлением и возрастаяем способности к порождению новых образований внутри пространства смыслов, с креативностью и *самоактуализацией*, с *экспансией Я на внешние пространства*. Личность *овладевает* подчиненными ей пространствами и начинает выстраивать их, самоактуализируясь в этом созидании нового, воспроизводя структурные характеристики своего смыслового пространства и его содержание в пространствах своей организмичности, своей деятельности, своей жизненной среды.

Вследствие этого внешнее (объективное), а значит культурное и социальное, приобретает нечто новое, ранее бывшее внутриличностным, субъективным, но в результате личностной экспансии ставшее общественным «достоянием». Личность привносит «свое» сначала в свое окружение, посредством организации новой бытийной реальности, а затем в объективные пространства: в культурные знания, в общественные представления, нормы, правила поведения и т.д.

Предложенная модель и описанный в психологическом плане процесс взаимодействия и взаимовлияния общества и человека могут быть применены в качестве интерпретативной модели для объяснения большого числа социально-психологических явлений.

Проблемы социокультурной трансформации: изменение гендерных ролей как экспансия субъективного в объективное

В рамках сформулированных теоретических положений осуществлена попытка анализа наблюдаемого в настоящее время социально-психологического явления, обозначаемого как изменение гендерных ролей и стереотипов поведения: *формирования культурного образца женщины-руководителя*.

Для российской науки, как отмечает В.В. Семенов, гендерные исследования — это относительно новая область, изучающая различия мужских и женских моделей поведения и их вариативность в определенных социальных контекстах (Семенов, 1998).

Понятие «гендер», несмотря на всю противоречивость иностранного, феминистского и неоднозначного термина в российском дискурсе, сложность использования которого обсуждается и в отечественной и в западной литературе, находит свое место в научном психологическом контексте (Гаврилица, 1998; Майерс, 1997; Малышева, 1996).

Можно выделить три характеристики, которые чаще всего включают в гендер: биологический пол; полоролевые стереотипы, распространенные в том или ином обществе; и так называемый гендерный дисплей — многообразие проявлений «мужского» и «женского» в его постоянном взаимодействии (Здравомыслова, Темкина, 1999).

Такое понимание гендера отражает в себе сущность процесса взаимодействия объективного и субъективного в заявленной выше модели структурной организации личности и происходящего в бытийном слое, плотно прилегающем к области как социального, так и психологического.

Это значит, что психологическое понимание гендера соотносимо с рассмотренным полисистемным образованием личности. То есть когда возникает исследовательская задача, связанная с изучением смысловой организации, отношения личности к своим гендерным особенностям, вполне возможно применение полисистемной личностной модели. Однако тогда логика теоретических рассуждений и практических задач приобретает определенный ракурс. Для лучшей соотнесенности с описанной моделью личности приведем случай ее конкретизации в другой модели (к сожалению, она пока не отображена графически), позволяющей наполнить наблюдаемый социальный феномен глубинным психологическим пониманием.

Как организована и чем наполнена «смысловая гендерная» система личности?

Объективное представлено:

- (а) в своей организмической данности (состояния индивида) = биологический пол;
- (б) в явлениях и событиях среды = гендерные роли и стереотипы;
- (в) в деятельности = гендерное поведение.

В психологическом (субъективном) пространстве три характеристики бытийного слоя (организмические состояния индивида,

реалии социальной среды и деятельность) воссоздаются как взаимосвязанные, взаимопересекающиеся пространства:

- «планы и структуры поведения» = «женские» и «мужские» способы поведения;
- «образ мира» = представления о «мужском» и «женском» мире;
- «мотивационно-потребностная сфера» = пристрастное отношение к биологическому полу (в узком смысле — половая идентичность).

Захватывая смысловое или собственно личностное поле, они репрезентированы в личностном смысле как его компоненты:

- *конативный* = «Я действую или веду себя в соответствии с мужскими или женскими способами поведения»;
- *когнитивный* = «Я имею представление о себе как мужчине или женщине»;
- *аффективный* = «Я принимаю/не принимаю себя как женщину или мужчину».

Соответственно вершинный личностный смысл — цель или смысл жизни — в сознании мужчины и женщины может приобретать индивидуальную гендерную интерпретацию. Иначе говоря, смысловая иерархия и ее переструктурирование оформляются за счет представлений личности о своем жизненном предназначении «как женщины» или «как мужчины».

Это значит, что личность, определяющая себя в системе социальных отношений как «мужчина» или «женщина», соотносит свои потребности, представления о своей реализации и способы поведения с культурно означенными образцами.

Представление о «женском» и «мужском» неоднократно описывалось и интерпретировалось теоретиками различных научных областей: философами (Дж. Милль, О. Вейнингер, С. де Бовуар, Г. Зиммель и др.); социологами (Т. Парсонс, М. Мид, М. Фуко, Ж. Лакан и др.); психологами (З. Фрейд, К.Г. Юнг, К. Хорни, Э. Берн, Б. Фридан и др.).

В наиболее обобщенном виде рассматриваемая у большинства перечисленных авторов проблема «мужчина–женщина», так или иначе, фокусируется на таких аспектах, как «мужской» и «женский» мир, особенности мужчины и женщины и их жизненное предназначение.

Традиционное представление о женской и мужской роли, как правило, раскрывается через бинарные позиции следующих качеств: слабые–сильные; сензитивные–сдержанные в эмоциях; ориентированные на дом–ориентированные на внедомашнюю сферу; подчиняемые–доминирующие; неагрессивные–агрессивные.

Отсюда рождается представление о женщине как о слабом, беззащитном, эмоциональном, инфантильном существе, нуждающемся в опеке, а о мужчине как о сильном, активном, доминирующем, уверенном, добывающемся успеха.

Модальность личности, социализируемой, воспитываемой в духе патриархальных ценностей, складывается благодаря усвоению традиционных образцов полоролевой идентификации, отлаженному механизму социализации, как в семье, так и в школе. В результате в дальнейшем, по мнению Е. Мещеркиной, «динамизирующим фактором выступает страх приобрести (утратить) женственность, что в итоге приводит к появлению описанных выше качеств личности» (Мещеркина, 1997).

Культурно приемлемыми пространствами реализации мужчины и женщины в данном понимании выступают для мужчин — публичная область (производство, политика, управление и т.д.), для женщин — семейная сфера (уход за домом, воспитание детей, забота о престарелых и т.д.).

Однако реалии современной жизни демонстрируют большую гибкость в профессиональном и личностном самоопределении мужчин и женщин. Так, многие женщины сегодня не просто выбирают путь профессионального развития (публичная сфера), но успешно осваивают некоторые, традиционно приписываемые мужчинам профессии: руководитель, военный и т.д.

Женщина, выбирающая и формирующая свой стиль профессионального поведения, ориентируется, как правило, на эталоны или нормативные образцы, предлагаемые культурой в области данной профессии. Если осваиваемая профессия в обществе достаточно прямо ассоциируется с «мужской» профессией (например, руководитель, политик, военный и т.д.), то женщина ориентируется на «мужской» профессиональный эталон, так как не имеет альтернативного «женского» профессионального эталона.

В попытках реализовать свои индивидуальные способности и свое видение профессионального поведения женщина вынуждена

в определенной степени идти на «уступку» существующим требованиям в профессиональном «мужском» стиле и присваивать неорганичные для нее (женщины) паттерны поведения. Этот процесс подчинения собственных возможностей сложившимся стереотипам создает напряжение в личности, необходимость постоянного контроля над собой, ограничивает проявления творчества (Рябкина, Ожигова, 1998; Сапогова, Ожигова, 1999).

То есть женщина-руководитель вынуждена подчинять свое социально одобряемое «женское» поведение требованиям также социально одобряемого, но «мужского» профессионального поведения. Однако противоречие между объективными (социальными) требованиями и субъективными (психологическими) потребностями, фиксируемое различными диагностическими процедурами как ролевой конфликт, что в психологии чаще всего ассоциируется с кризисом, неблагополучием, в действительности может не являться таковым.

Примером того, что социальные (гендерные) предписания в повседневной практике в условиях современной социально-культурной трансформации преодолеваются в сторону индивидуальности, ее выбора и психологического комфорта, могут служить данные, полученные в ходе пилотажного исследования, объектом которого выступали женщины-руководители (завучи школ). Оказалось, что женщины могут достаточно эффективно реализовать себя в «мужской» роли руководителя. Так, из 23 опрошенных женщин-руководителей (завучей школ г. Краснодара) 17 имеют стаж работы в данной должности не менее четырех лет. Результаты психодиагностического обследования констатируют наличие ролевого конфликта между профессиональной и гендерной ролью, но в личных беседах (интервью) женщины отмечают различные индивидуальные способы решения возникающего в бытовом взаимодействии противоречия. Оценивая свой социальный статус как психологически комфортный, женщины проявляют достаточно высокий познавательный интерес и видят перспективы своего профессионального и жизненного развития.

В рамках заданной интерпретативной полисистемной личностной модели можно найти объяснение успешной самореализации женщин в «мужской» профессии. Благодаря интеграции гендерного и профессионального образцов как культурно (объективно) за-

данных с системой личностных смыслов, женщина-руководитель проходит этап «адаптивных форм» поведения, овладевает подчиненными ей смысловыми пространствами и в дальнейшем начинает выстраивать их в пространствах своей организмичности, своей деятельности, своей жизненной среды. Тем самым реорганизует сначала прилегающие пространства бытийного слоя и в результате самоактуализации, экспансии Я на внешние пространства вносит новое в сам культурный (знаковый, объективный) образец.

Такое психологическое понимание изменения гендерного поведения как явления социокультурной трансформации создает возможность увидеть то, что позволяет личности преодолеть социальное «клиширование», осознать свои истинные интересы, или, как метафорично отмечает И. Гофман, «проснуться». Личность же, достигшая «самоактуализации» (А. Маслоу), «истинной субъектности» (С.Л. Рубинштейн), «эго-идентичности» (Э. Эриксон), «плодотворности» (Э. Фромм), — идеальный образ прогрессивно ориентированного общества, так как социально-психологическое здоровье каждого отдельного индивида — члена общества есть гарантия социального благополучия всего общества.

2.3. Личность как субъект формирования бытийных пространств

Развитие и переосмысление науки прежде всего сопряжено с формированием и реорганизациями категориального каркаса, обуславливающего как внимание исследователей к определенным сторонам нашей жизни, так и «прочтение» феноменологии под определенным углом зрения. И здесь чрезвычайно важен момент соотнесения рассматриваемой категории с другими понятиями, задающими контекст ее трактовке. В данном тексте в фокусе внимания проблема субъекта в соотнесении с категориями «личность» и «бытие».

В отмечаемой многими исследователями тенденции становления в психологии научного знания о субъекте (Брушлинский, 1997, 2003а; Знаков, 2000, 2002; Абульханова, Славская, 2003; и др.) возможны два варианта:

- (а) как важной *составной части* современной психологии (в этом случае психология субъекта — одно из направлений

- современной психологии со своими ограниченными задачами);
- (б) как *принципа* (может быть, целесообразно говорить о *субъектном подходе* в исследовании психологических закономерностей), который побуждает к переосмыслению всей системы научных представлений и к реинтерпретации многих результатов, достигнутых психологией на предыдущих этапах.

В зависимости от характера уточненного статуса этой тенденции возникают проблемы и задачи, различающиеся по содержанию и объему предполагаемых преобразований в психологической науке.

Размышляя над этим вопросом, позволю себе несколько достаточно общих для современной научной дискуссии тем, упоминание о которых даст возможность это рассуждение представить более контекстно.

Многие исследователи, оценивая состояние современной психологической науки, склонны характеризовать его как кризисное. Например, В.А. Мазиллов в связи с этим пишет следующее: «Практически общепризнан факт, что психология в нашей стране сейчас находится в состоянии глубокого методологического кризиса» (Мазиллов, 2003, с. 421). М.С. Гусельцева характеризует 90-е гг. XX в. как период «осознания методологических проблем психологии, ее кризиса и поиска новых ориентиров развития науки» (Гусельцева, 2004, с. 16). И, хотя кризисные переживания для психологов не новы (более того, уже не редкость высказывания о перманентности этого состояния — Воробьева, 2004), тем не менее это не освобождает нас от необходимости рефлексии и поиска выхода.

Кризис, как индивидуальный, то есть переживаемый отдельным человеком, так и в более объемном социальном или социокультурном предмете рассмотрения, возникает вследствие разрушения целостности его структуры. В случае кризиса, переживаемого наукой, речь идет о нарушении целостности (коммуникативной эффективности) научного сообщества и целостности (связности, соотносимости и т.д.) научного знания.

К симптомам неблагополучия А.В. Юревич относит (а) отсутствие ясной соотнесенности между прошлыми достижениями науки и современными исследованиями, (б) разрыв между научным

осмыслением и психологической практикой, (в) отсутствие связи между отдельными фрагментами психологических знаний (Юревич, 2001). Таким образом, мы можем констатировать нарушение целостности научного психологического знания в трех основных измерениях: «прошлое–настоящее», «теория–практика», «рассогласованность между различными теориями». Поэтому в современных дискуссиях о состоянии и перспективах научного психологического знания превалирует тема поиска *коммуникативной парадигмы*, то есть такой концепции, которая создаст возможности для коммуникации между представителями различных научных школ.

Констатация кризиса одновременно означает и констатацию усилий научного сообщества, направленных на его преодоление. Кризис побуждает к методологическому анализу и обещает более или менее отсроченные, но неизбежные масштабные изменения в науке. Позитивные эффекты кризисного состояния психологической науки, в частности, проявляются в постановке исследовательских задач соответствующего масштаба авторами диссертационных изысканий (Гусельцева, 2004; Богданович, 2004; и т.д.), а также в явлении тенденции на переинтерпретацию результатов предшествовавших исследований, выполненных в иных категориальных схемах.

Содержательно методологический кризис в научном осмыслении какой-то части реальности выражается, прежде всего, в вопросах «что исследуется?» и «как (какими методами) исследуется?», то есть при отсутствии взаимопонимания в рассмотрении вопросов о предмете и методе науки. Расхождения во взглядах на предмет, а главное, невозможность соотнести различающиеся позиции разных научных школ в первую очередь свидетельствуют о кризисном состоянии. Присоединим к нашему рассуждению голос автора, к которому мы уже адресовались в этой статье. В.А. Мазилев пишет: «Глубинный смысл кризиса в психологии <...> состоит в неадекватном определении предмета» (Мазилев, 2003, с. 423).

Чем чревато такое состояние? Нерешенность вопроса о предмете и методе психологии, как писал А.Н. Леонтьев, толкает исследователей к ложным поискам в конкретно-психологических работах (Леонтьев А.Н., 1975). Ч. Миллс называл это абстрактным эмпиризмом, который позволяет исследователю укрыться от реальных проблем научного осмысления реальности за непоколебимостью «голых

фактов». Это освобождает его от беспокойного бремени углубленного анализа реальных научных задач и позволяет сосредоточиться на овладении частной исследовательской операцией (Миллс, 1998). Миллс писал об этом в далекие 1950-е гг., но как актуально это в наших сегодняшних обстоятельствах!

Следует подчеркнуть, что при рассмотрении проблемы предмета науки существенным является не только *обозначение феноменологических пространств*, но и указание на *основной вид отношения*, который оказывается в поле внимания психологов определенной школы, предлагающих свою трактовку предметной области науки (об этом писали М.Г. Ярошевский, А.В. Петровский и др.).

В динамике взглядов на предметную область психологии прослеживается следующее движение: интерес к внутреннему устройству субъективного мира, свойственный психологии сознания, структурной школе (*отношение между элементами сознания*) сменился интересом к внешней детерминации психического (*отношение между психикой и детерминирующими ее внешними, объективными явлениями: организм, среда, поведение*), что реализовалось во фрейдизме, гештальтпсихологии, бихевиоризме. Но углубление оснований анализа, детерминирующих психику, не вывело психологию из состояния кризиса. А.Н. Леонтьев писал, что «кризисные явления <...> только ушли в глубину, стали выражаться в менее явных формах» (Леонтьев А.Н., 1975, с. 74).

Следующим шагом было осознание того, что понимание человека не достигается пониманием структурной организации внутреннего мира и выделением основных внешних детерминант, обуславливающих становление содержания внутреннего мира личности. Способность человека к активному выбору, селекции детерминирующих влияний, способность создавать эти детерминанты, то есть способность *преобразовывать* то, что его детерминирует, и нарастание этой способности в процессе антропогенеза, социогенеза, культурогенеза привели к осознанию значения потребности личности в самоактуализации как ее главенствующего побуждения. Понятие «самоактуализация» стало центральным в гуманистической психологии. Это направление (гуманистическая психология) сфокусировано не столько на внешних, детерминирующих развитие и поведение личности причинах, сколько на том, как внутреннее реализует себя в переустройстве внешнего мира.

Таким образом, возникновение гуманистической психологии связано с осознанием первостепенной значимости активной (*субъектной*) позиции человека в мироустройстве, а также с тем, что происходит с ним самим как с личностью.

Динамика советской/постсоветской психологической науки характеризуется своими особенностями, обусловленными вначале свойственной советскому времени «закрытостью границ», частичной ограниченностью доступа к научной информации из стран с отличавшейся идеологией («железный занавес»), а затем бурными, инициированными перестройкой, трансформационными процессами, со всеми свойственными революционно протекающим преобразованиям перекосами и издержками.

Советская наука, предложившая свою версию предметного пространства, зафиксированную в материалистических постулатах и принципах марксистской психологии, была естественным продолжением попыток преодоления кризиса в определении детерминант внутреннего мира личности, предпринимавшихся в мировой психологии, и поэтому занимает свое естественное место в общей системе психологического знания.

Принципы марксистской психологии, задававшие ориентацию на исследования сознания и личности через деятельность и акцентировавшие роль культурно-исторического контекста в их формировании, создали основу для включения новых аспектов в понимание предмета психологии, *развивающих представления о природе детерминации психического*, и, таким образом, дополнили общую схему предметного пространства психологии.

Но подобная интерпретация предмета психологии, так же как и ранее названные, страдала редукционизмом, из-за чего рассмотрение личности сместилось в область, по существу, «обезличенной», «социально-деятельностной» феноменологии. Вследствие социально-деятельностного редукционизма личность потеряла свою «живую человеческую натуру» и присущность конкретному индивиду, то есть индивидуальность.

Сложные личностные явления объяснялись эффектами интериоризации, закономерностями социокультурного контекста (воспроизведенного во внутреннем содержании человека), иными словами, отражательной «слепочностью» с социальных событий, в которые включается личность.

Преодолевая дефицитность содержания, задаваемого такими ограничениями понятие «личность», в отечественной психологии наряду с ним оформились понятия «индивидуальность» и «субъект». Понятие «индивидуальность» позволило включить в структуру рассматриваемых личностных феноменов индивидуное или организмическое (Б.Г. Ананьев, В.С. Мерлин и др.), а также задало ориентацию на рассмотрение единичного, своеобразного в личности. Понятие «субъект» фокусировало внимание на поиске и рассмотрении источников, причин активности в самом человеке (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова-Славская и др.).

При этом (важно подчеркнуть!) существенной особенностью субъектного подхода в интерпретации человека является именно «*изначально активная роль социализируемого индивида*» (Брушлинский, 2003а, с. 7). Анализируя эту проблему, А.В. Брушлинский сопоставляет два основных подхода к исследованию психических явлений, выделившихся в отечественной психологии: субъектно-деятельностный и знаково-центристский. Если первый подход он связывает с изначальным и принципиальным признанием «неразрывного единства природного и социального на всех без исключения стадиях психического развития человека (в том числе на высших личностных уровнях психики)», то второй им представляется как подход, в котором закрепился неоправданный разрыв между природным и культурным (Обсуждение статьи..., 1994, с. 118). Субъектно-деятельностный подход, заявленный работами С.Л. Рубинштейна, предполагает изначальную активность, то есть изначальную содержательную заданность ориентированности субъекта. Поэтому, как вспоминает М.Г. Ярошевский, в одном из своих выступлений в 1950-е гг. Рубинштейн особо подчеркнул, что единицей психики может быть только действие, акция, а не реакция, как предполагали реактологи (*Там же*, с. 116).

Т.Н. Овчинникова, конкретизируя эти положения, высказанные С.Л. Рубинштейном, останавливается в своих исследованиях на одной из ранних форм самовыражения ребенка, в которой обнаруживается слитность динамических и содержательных аспектов и которая, с точки зрения Овчинниковой, может иметь значение для понимания роли *предпосылочных* форм в становлении личности. Под *предпосылочными* формами она понимает такие формы избирательной активности ребенка, которые проявляются в действиях

«устремления» и «протеста» и, будучи выражением отношения «люблю», «хочу», равно как «не люблю», «не хочу», являются, по мнению В.Н. Мясищев, существенным моментом в развитии психики ребенка (Мясищев, 1959). В литературе, посвященной изучению движения детей первого года жизни, например, отмечается, что «по мере закрепления соответствующих зрительно-тактильных кинестетических связей усиливаются сопутствующие хватанию эмоциональные реакции. Все чаще наблюдается, что если ребенку никак не удастся взять игрушку, то он начинает хныкать, но сразу успокаивается, лишь только возьмет ее» (Кистяковская, 1970, с. 84). Далее автор цитируемой работы, характеризуя дальнейшее поведение ребенка, отмечает, что «при этом он проявляет определенную “настойчивость”, неоднократно направляя руки к игрушке, прогибая спину или переворачиваясь на бок...» Т.Н. Овчинникова заключает: «Все сказанное приводит нас к тому выводу, что предметное содержание направленности, рассматриваемое в советской психологической науке как конституирующее образование личностной сферы субъекта, является генетически более поздним образованием, в то время как “пристрастность отношения к окружающему”, будучи динамической по своей природе характеристикой, является генетически более ранним психологическим образованием, на основе которого в процессе онтогенеза формируется определенное содержание направленности» (Овчинникова, 1987, с. 66).

Итак, осуществленный анализ показывает, что как западная, так и отечественная психология пришли к осознанию необходимости научного поиска, обращенного к проблемам человека, являющегося *субъектом* преобразований. Такая направленность исследовательских интересов ни в коей мере не снижает интереса к проблемам детерминации содержания и функционирования внутреннего мира личности внешними, объективными обстоятельствами. Но, как обоснованно подчеркивал А.В. Брушлинский, общественные движущие силы все более перемещаются на личностный и социально-психологический уровень деятельности, сознания и поведения реальных людей как субъектов (Брушлинский, 1996).

Анализ концепций личности обнаруживает, что ее конструктивное рассмотрение возможно только при обращении к категориальным дихотомиям: детерминистичность–субъектность; отражение–порождение и т.д.

В обзоре персонологических концепций, предпринятом Л. Хеллом и Д. Зиглером, например, используется девять категориальных диад (свобода–детерминизм, рациональность–иррациональность, холизм–элементализм и пр.) (Хелл, Зиглер, 1999). Оценивая концепции отдельных психологов, авторы обзора демонстрируют различия, в частности, в том, как те представляют степень внешней обусловленности (детерминированности) или, напротив, свободы в проявлениях личности. Если К. Роджерс утверждал, что «человек <...> является личностью, творящей смысл своей жизни и олицетворяющей степень субъективной свободы», то Б. Скиннер, напротив, писал, что «автономный человек — это изобретение <...> Он возник в результате нашего невежества».

Первая категориальная пара, использованная в тексте Л. Хелла и Д. Зиглера, «свобода–детерминизм», в определенной мере соотносима с предложенной выше парой категорий «субъектность–детерминистичность».

Итак, есть основания утверждать, что порождающий характер психики и субъектная (преобразующая) направленность личности — основные направления в *переосмыслении предмета психологической науки* и, соответственно, *основные перспективы, опосредующие изменения в категориальном аппарате*. Именно категория «субъект» преодолевает дефицитарность детерминистского подхода в интерпретации психики и личности.

Но не является ли попытка глобализировать категорию «субъект» очередным ошибочным шагом, нарушающим гармонию научного дискурса из-за преувеличения роли одной из важных, но не исчерпывающих понимание природы человека характеристик?

Постнеклассическая наука характеризуется чувствительностью к множественности контекстов. На смену идеальным теоретическим моделям, которые создавались с претензией на всеохватность реальности и истинность в ее постижении и интерпретации, пришла ориентация на «взаимосогласованность научных теорий», принцип сети, понимание того, что реальность многообразна и может быть понята только благодаря взаимосогласованности различных концепций. Более эвристична та теоретическая модель, которая создает возможности для научной коммуникации представителям разных школ, позволяя им соотнести свои подходы и достижения (ранее мы уже писали о том, что из-за нарушения целостности науки и на-

учного сообщества поиск коммуникативной парадигмы является главной обсуждаемой темой).

Представляется необоснованным пытаться выделить приоритеты во взаиморасположении категорий «личность», «субъект», «индивид», «индивидуальность». Субъектность может быть доличностной, личностной, внеличностной. Личность в различных пространствах своего бытия в разной степени способна реализовать субъектную позицию. Это, в частности, связано с тем, что субъектность предполагает *потребность* (как вид определенной зависимости организма от среды) и *активность* (возможность модифицировать среду, манипулировать ее влиянием на организм в соответствии с содержанием актуальной потребности). То и другое вариативно и связано с личностным своеобразием конкретного человека и обусловлено особенностями жизненной ситуации.

С другой стороны, именно те категории, которые оформляются во множественных научных контекстах, являются предпосылкой возможной междисциплинарной, межнаучной, межпредметной коммуникации. Исследователи, представляющие конкретную область научного знания, использующие такую междисциплинарную категорию, естественно, втягиваются в дискуссию о содержании используемого понятия и более точно очерчивают область прорабатываемого дискурса, создающего контекст для определенной трактовки понятия. Категория «субъект», предполагающая анализ активной, субъектной позиции личности, ее самоактуализацию в разнообразных пространствах бытия (предметно-пространственная среда, профессия, межличностные отношения, организация времени жизни и т.д.), создает основания для междисциплинарного контакта с обширным кругом исследователей и практиков, представляющих различные области научного знания и социальных практик.

Многие социальные науки, претендуя на исследование различных объективных обстоятельств жизни человека, в условиях постмодерна осознавая значимость включения в свои исследования субъектного/субъективного фактора (то есть то, как отражает субъект объективные обстоятельства своей жизни: экономической, политической и пр. и как в ситуации такой обусловленности субъективными представлениями будет готов действовать), не могут не обратиться к психологической феноменологии субъекта.

Таким образом, реальное повышение субъектности современного человека и усиление осознания социальной наукой роли субъектности во всех социальных процессах приводят к тому, что, выявляя объективные закономерности, исследователи обязательно обращаются и к психологическим особенностям субъекта изучаемых процессов, так как влияние этой субъективности совершенно объективный факт, не только осознанный, но и измеряемый различными инструментами (в зависимости от принятого в различных науках инструментария). Психология в этом смысле становится междисциплинарной по инициативе «другой стороны».

При всей очевидности значения в современном научном анализе человека категории «субъект» довольно ощутима проблема инерции категориального аппарата. Взаимодействие человека с миром все еще интерпретируется нами преимущественно в контексте «адаптивной парадигмы», хотя понятия «неадаптивное», «сверхадаптивное», «надситуативное», «инициативное», «свободное» и пр., а также похожие характеристики по отношению к человеку, его психике, поведению, к нему как к личности применяются нами с нарастающей частотой (по всем употребленным понятиям).

Еще А. Маслоу, критикуя коллег по цеху, писал: «Некоторые авторы говорят, что мастерство, продуктивность и компетентность могут представлять собой активные, а не пассивные способы приспособления к реальности, но эта мысль все равно сводится к теории приспособляемости» (Маслоу, 1997, с. 222). Далее, противопоставляя свою позицию упомянутым выше «некоторым авторам», Маслоу утверждал, что «мы должны признать существование (у человека. — З.Р.) способности подниматься над окружением, быть независимым от него <...> переделывать его» (Там же).

Еще более категорично звучат следующие высказывания основателя гуманистической психологии: «Мы не должны забывать об автономной самости <...> К ней нельзя относиться как к простому орудию адаптации». Психика «не является отражением внешнего мира и не стремится приспособиться к нему» (Там же, с. 228). Более того, «умение приспособливаться определенно не является синонимом психического здоровья» (Там же, с. 256).

Тем не менее у многих последующих авторов мы продолжаем встречать в различных вариантах все тот же вопрос. Например, в известной книге С. Мадди он сформулирован в следующем виде:

«Высшая форма жизни — это трансцендентность или адаптация?» (Мадди, 2002, с. 196). Е.Р. Калитеевская и В.И. Ильичева пытаются определить цель и смысл терапевтического вмешательства, задаются вопросом, который выносят в название статьи «Адаптация или развитие: выбор психотерапевтической стратегии» (Калитеевская, Ильичева, 1995).

Итак, с одной стороны, неадаптивная природа человеческого поведения, психики и личности очевидна, и нарастание конструктивного исследовательского интереса к этой стороне проблемы также бесспорно. Даже в текстах советского периода С.Л. Рубинштейн предлагал определять психику не только как отражение реальности, утверждая при этом свойственную ей противодействующую оказываемым на нее воздействиям, а также способность вступать с ними в активное взаимодействие (Рубинштейн, 2003). Рассматривая вклад С.Л. Рубинштейна в развитие отечественной психологической мысли, авторы предисловия к переизданию его трудов написали следующее: «Философско-антропологическая онтологическая концепция познания Рубинштейна, преобразуя, “снимает” официальную марксистскую теорию “отражения”» (Абульханова, Славская, 2003, с. 23).

Итак, психика не сводится к отражению. Поведение не может быть рассмотрено только как адаптивное. Психика способна порождать, поведение человека способно преобразовывать.

Но с другой стороны, продолжает сказываться упомянутая выше инерция категориального аппарата, теоретических моделей, интерпретационных схем. Если категория «отражение» в отечественной психологии занимает вполне определенное место, то у категории «порождение» пока нет столь же определенного терминологического статуса. Как пишет В.А. Мазиллов: «На уровне рационализированного предмета вся многомерность психики (и духовное, и душевное) оказывается редуцированной до отражения» (Мазиллов, 2003, с. 425).

Очерчивание позиций категории «субъект» в психологической науке предполагает появление или уточнение сопряженных понятий. К понятиям, необходимость которых в психологии становится все более очевидной, относится и понятие «бытие» (Знаков, 2000, 2002). Основная задача, которую в своей концепции решал С.Л. Рубинштейн, — предложить не абстракцию человека, а челове-

ка в его бытии (Рубинштейн, 2003). К.А. Абульханова и А.Н. Славская пишут, что в философских рукописях С.Л. Рубинштейна (многие из которых до сих пор не расшифрованы и не опубликованы) ярко очерчена «идея человека как центра реорганизации бытия» (Абульханова, Славская, 2003, с. 25). Он определяет место человека в бытии в качестве субъекта его реорганизации. Расшифровывая эту способность субъекта, С.Л. Рубинштейн среди ключевых модальностей, которыми наделено внутреннее, называет *способность преобразовывать внешнее по законам внутреннего*. Таким образом, ключевая особенность человека как субъекта — его способность реорганизовывать бытие. «Человек как субъект объективирует в мире свою человеческую творческую сущность» (см.: Там же, с. 32).

Обоснование правомерности и *необходимости* работать с категорией «бытие» на современном этапе развития отечественной психологической науки было предметом рассмотрения в моей статье «Личность и ее бытие в быстро меняющемся мире», опубликованной в материалах Первой всероссийской конференции «Личность и бытие», которая состоялась в Краснодаре осенью 2002 г. (Рябкина, 2003).

Отвечая на вопрос о причинах, побуждающих психологов распространить предметную область психологии на проблемы бытия личности, в частности, в названной статье было сформулировано следующее заключение: «Личность может быть понята, только если в поле анализируемых проблем включены “*пространства ее реализаций*” или *бытийные пространства*, так как личность не замкнута во внутреннем, не ограничена психическим, а включает в себя внешние по отношению к психике объективные пространства явлений, реорганизуемых ею, в соответствии со структурой ее смыслов» (Там же, с. 24).

О.Г. Блок, обращаясь к размышлениям и идеям А.В. Брушлинского, пишет о необходимости в развитии науки «выделить такую систему, которая позволила бы соединить теории, отдельно описывающие бытие и диалектику психологических явлений» (Блок, 2003, с. 35). Рассмотрение системного бытия как субъект-объектной целостности содержит «истоки подлинного объединения взаимоисключающих концепций и теоретических подходов» (Там же). Более общо, но и более масштабно в контексте этих задач воспри-

нимается сформулированное Гегелем положение о субъективности, которая диалектически «прорывает свой предел и раскрывается в объективности» (см.: Божович, 1988, с. 116).

В сложившейся обобщенной трактовке бытия как основополагающего понятия философии подчеркивается его вневременной характер. Бытие — это сущее: то, что существует сейчас, существовало в прошлом и будет существовать в будущем (Знаков, 2000). Бытие, противопоставляемое сознанию как идеальной сущности, — *объективно*. Это всеобъемлющее определение бытия. Но личностное бытие конкретного человека, являясь следствием его активности, ограничено во времени, выступает воплощением в объективной реальности структуры и содержания его внутреннего, субъективного мира. И в этом смысле оно (личностное бытие) всегда *субъективно* (то есть принадлежит субъекту, является результатом того отношения, в которое вступает с объективной сущностью бытия конкретный человек). *Субъективна* та связь элементов реальности в целом, которая позволяет говорить о *целостности индивидуального бытия*; субъективно вычленение тех объективных характеристик объектов/предметов бытия, которые создают основания для переживания субъектом своего бытия как тотальности (целостности).

Бытие человека — это реальность, отнесенная к характеристикам субъекта, то есть реальность, выступающая следствием этих характеристик. При этом оно (личностное бытие, бытие конкретного человека) наступает, когда человек как личность вступает в отношения с внешней реальностью. Отношение каждого из нас с реальностью внешнего мира уникально. Поэтому и бытие каждого из нас уникально.

Человеческое бытие — это бытие, преобразованное человеком (*Там же*). Это бытие, которое изменяется вследствие человеческой активности, изменяется действиями, совершаемыми субъектом. Всеобщая сущность бытия существовала до нас и продолжит существовать, когда нас не будет, но наше личностное бытие возникает только с момента порождения нашей активности в отношениях с внешним миром.

Следовательно, *бытие личности* можно определить следующим образом. Это — *неповторимая целостность взаимообусловленных феноменов внутреннего мира человека, его организмических состоя-*

ний, поведенческих моделей и событий внешнего мира, в котором он претворил свою субъектность (объективировал субъективное).

Бытие личности представлено многими *бытийными пространствами*, в которых она с различающейся степенью успешности реализует себя. Теоретические предпосылки для дифференциации бытия личности на различные *пространства* мы обнаруживаем в работах Б.Г. Ананьева. Б.Г. Ананьев употреблял понятие «субъект» в контексте человекознания для выявления качественной определенности разных форм его активности — субъект деятельности, субъект отношения, субъект познания (Ананьев, 1969). Таким образом, создавались возможности для более дифференцированного рассмотрения и определения возможных различий субъектности человека в различных пространствах. Профессиональное бытие и структурирование личностью своего свободного времени, поддержка чувства личностной идентичности через организацию предметно-пространственной среды и аутентичность *временного* параметра бытия, близкие отношения со значимыми людьми и партнерство в деловых переговорах и т.д. — все это различные пространства бытия личности, в которых она с различной степенью успешности претворяет свою субъективность, реализуя ключевую модальность, которой наделен субъект, а именно: *способность преобразовывать внешнее по законам внутреннего*.

Личность самоактуализируется, реорганизуя объективные пространства своей жизни в соответствии со структурой личностных смыслов и преобразуя тем самым их в *пространства своего бытия*. Объективные пространства, предварявшие и обуславливающие ее становление (организм, события среды, сложившиеся в социуме модели поведения), становятся бытийными пространствами личности, ее продолжением и частью (Рябкина, 2002).

В отличие от экзистенциальной психологии, для которой лейтмотивом в анализе отношения «личность–бытие» является *субъективизация объективного*, в контексте субъектного подхода лейтмотивом в анализе этого отношения является *объективация субъективного*. Как С.Л. Рубинштейн, так и его последователи (А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова-Славская, В.В. Знаков и др.) противопоставляют рассмотрению человека в экзистенциальной интерпретации раскрытие его сущности как деятельного существа. Объективизация субъективного происходит прежде всего через

воплощение смыслов в (а) *создании определенных предметов* и через (б) *определенный характер действия*, придающего смысл свершенному.

С позиции субъектно-бытийного подхода задается необходимость *изучать, как человек опредмечивает замысел, как создает реальность своего бытия, как сам изменяется в этом процессе, сталкиваясь с сопротивлением.*

2.4. Субъектно-бытийный подход к изучению противоречий, развивающих личность

Проблема противоречия в контексте субъектного подхода к человеку

Продолжая философско-психологическую традицию С.Л. Рубинштейна и разрабатывая собственный оригинальный взгляд на развитие и функционирование психического, А.В. Брушлинский двигался от идеи недизъюнктивности к континуально-генетическому подходу, который служит одним из методологических оснований системного исследования психики человека. Основные признаки психического, выделенные Брушлинским в рамках этого подхода: недизъюнктивность, развитие и целостность. Субъект рассматривается Брушлинским как фактор целостности психического. Это является лейтмотивом в осмыслении человека и особенностей его жизнедеятельности с позиции субъектного подхода. Как пишут А.Л. Журавлев и Т.К. Мелешко-Брушлинская, анализируя вклад А.В. Брушлинского в развитие психологии, его творчество, посвященное изучению и разработке фундаментальных проблем психологии, «проникнуто поиском внутреннего единства психической жизни человека» (Журавлев, Мелешко-Брушлинская, 2006, с. 5).

Недизъюнктивность психической жизни человека предполагает рассмотрение целостности как непрерывного движения к ее достижению, к объединению, интеграции разнородных элементов, принадлежащих к разным системам. «Целостность, единство, интегральность субъекта есть основание для системности всех его психических качеств, часто весьма противоречивых и трудносовместимых», — писал Брушлинский (1998б, с. 6). Размышляя о природе целостности в рассмотрении психической организации, другой

выдающийся отечественный психолог — Б.Г. Ананьев утверждал в своих работах взгляд на психику как системное качество человека, включенного в разнообразные системы природы и общества (Ананьев, 1968). Целостность — это атрибут сложных систем, в частности человека и его психики. Она есть «следствие взаимосвязи элементов, их внутренняя соотношенность и соответствие» (Логинава, 2004), к которому в непрерывном движении через возникновение противоречий и их преодоление идет субъект.

Анализируя процесс мышления, пронизывающий всю ткань психического, субъектом которого выступает человек, А.В. Брушлинский формулирует обобщения, распространяемые на весь универсум человеческого бытия. В его рабочем дневнике есть следующая запись: «В силу изменчивости, динамики, вообще развития различные стадии, элементы процесса мышления постепенно “заходят” друг на друга <...> Иначе невозможна преемственность процесса, развитие. Такое наложение, “слипание” и т.д. означает отсутствие дизъюнктивности <...> С этим связано всеобщее и обязательное опосредование всего и вся <...> постоянное возникновение новых противоречий» (Журавлев, Мелешко-Брушлинская, 2006, с. 10).

В приведенном фрагменте текста возникающие в процессе развития противоречия трактуются как сопутствующие развитию, как естественное следствие происходящих в связи с развитием изменений, но одновременно и как условие, фактор развития. Развитие происходит вследствие разрешения противоречия. Возникает новая целостность, характеризуемая изменившейся структурой отношений между ее элементами, между системами, которые в нее входят. То, что прежде было противоречием, в новом образовании характеризуется соотношенностью, согласованностью. Противоречие снято. Но в связи с возникновением новой целостности в межсистемных связях появляются новые рассогласованности, противоречия. Этим обеспечивается непрерывность развития. Противоречивость — естественное состояние межсистемных отношений, поскольку каждая из систем подчинена своим законам изменений. Человек предстает как единение многих аспектов, каждый из которых — целостность. Человек — «разнородная и гетерогенная полисистема» (Логинава, 2004). Каждая из систем феноменов (природная, социокультурная, этническая и пр.), к которым принадлежит человек, диктует ему свои правила функционирования. «Человек объ-

ективно выступает (и потому изучается) в системе своих бесконечно многообразных противоречивых качеств, свойств, отношений и т.д., — пишет А.В. Брушлинский. — Он представляет собой физическое тело, организм, индивида, личность, индивидуальность и т.д.» (1999, с. 30). Эта мысль согласуется с утверждением Б.Г. Ананьева о том, что «разделение человеческих свойств на индивидные, личностные и субъектные относительно, так как они суть характеристики человека как целого» (Ананьев, 1996, с. 220). Тем не менее одновременная принадлежность человека к разным системам с различающимися закономерностями функционирования не может не приводить к «претерпеванию» им противоречивости отношений между этими системами.

Именно в рассмотрении человека как субъекта, интегрирующего разнородные закономерности, важно увидеть диалектическое единство разнонаправленных процессов. Отсюда внимание А.В. Брушлинского к укоренившимся в психологии дихотомиям «биологического и социального», «психического и физиологического», «сознательного и бессознательного», «материального и идеального» и направленность на их преодоление на основе целостного подхода к человеку как субъекту, характеризующемуся онтической нераздельностью обеспечивающих его жизнедеятельность процессов. Это краеугольная, принципиальная позиция, формулируемая и подчеркиваемая А.В. Брушлинским постоянно. «Природное и социальное онтологически (точнее онтически) нераздельны <...> Это относится и к высшим уровням духовного развития личности (вопреки широко распространенной теперь точке зрения, отрицающей или умаляющей роль природного в данном случае)» (Брушлинский, 2003а, с. 48).

Тема противоречия как фактора, обуславливающего развитие человека, озвучивается и в высказываниях учеников и последователей А.В. Брушлинского. Е.А. Сергиенко пишет: «Человек <...> всегда стоит перед разрешением противоречивых тенденций, потребностей и мотивов. Безусловно, противоречия эти разного уровня сложности — от обеспечения комфорта своего психофизического развития до решения мировоззренческих проблем. Но именно эти разного уровня противоречия, стоящие перед субъектом, целостность которого является системообразующим фактором в психической организации и регуляции, обеспечивают его развитие и как

индивида, и как личности. Активность субъекта, разрешающего те или иные противоречия, созидает психическое, носителем которого является субъект» (Сергиенко, 2007, с. 21).

Соотнося разработки А.В. Брушлинского в области психологии субъекта и более общие процессы в науке, В.В. Знаков пишет о том, что в современной психологической науке «стало явно преобладать стремление к целостности, осознание психологами того, что анализ разнообразных психологических феноменов должен гармонично сочетаться с их синтезом <...> Комплексные, системные проблемы побуждают ученых рассматривать анализируемые психические феномены не только под углом зрения исследования их отдельных сторон, признаков, характеристик (такая традиция наиболее отчетливо воплощается в экспериментальной когнитивной психологии). Комплексные проблемы нужно описывать как нечто единое, феноменологически целое (в психологической науке это больше соответствует экзистенциально-гуманистическому подходу)» (Знаков, 2005б, с. 16).

Экзистенциально-гуманистический акцент в рассмотрении человека связан с теоретическим трендом, который К. Холл и Г. Линдсей, проанализировавшие различные психологические теории личности, назвали «организмическим» (Холл, Линдсей, 1997). Они пишут, что организмический подход — это ориентация или ряд связанных утверждений, задающих координаты при рассмотрении личности. Такой подход делает предметом изучения человека в его целостности, а не изолированные процессы, явления, функции.

Не случайно, вспоминая о научных интересах А.В. Брушлинского, В.В. Знаков отмечает, что он часто задумывался о сходстве и различии субъектно-деятельностного подхода с гуманистической психологией, упоминал в своих работах К. Роджерса и А. Маслоу, проявлял несомненный интерес к трудам Дж. Бьюдженталя, И. Ялома и других классиков экзистенциального направления в психологии и психотерапии (Знаков, 2003а). А.Л. Журавлев и Т.К. Мелешко-Брушлинская также пишут о замысле А.В. Брушлинского подготовить развернутую статью, посвященную анализу творчества А. Маслоу (Журавлев, Мелешко-Брушлинская, 2006). К сожалению, этим планам не суждено было сбыться, но показательна сама идея принципиальной сопоставимости отечественной психологии

субъекта и западной гуманистической психологии, существования любопытных параллелей между ними.

Анализируя «организмическое» направление рассмотрения человека, Холл и Линдсей задают очень важный вопрос об «объеме» целостности, о том, что входит в рассматриваемую целостность, где пролегают ее границы. Они заключают, что с точки зрения ряда авторов в ходе психологического анализа некорректно ограничиваться рассмотрением собственно человека, отделенного от остального мира поверхностью кожи. «Последовательный холистический подход не должен проводить столь решительного различия между тем, что происходит под кожей и снаружи», — пишут они (Холл, Линдсей, 1997, с. 266). Например, согласно концепции А. Ангяла организм и среда — два полюса одной системы. «Дифференцировать организм от среды невозможно, поскольку они взаимопроникают столь сложным образом, что любая попытка распутать их разрушает естественное единство целого» (Там же, с. 253).

Как писал С.Л. Рубинштейн, с появлением человека возникает особая, взаимная имплицитованность бытия и человека. Он считал неправомерным сведение бытия только к объективной реальности, вещиности (Рубинштейн, 2003). Осмысление соотношения личности и бытия для него было связано с рассуждением о взаимопереходах, о сложной диалектике внутреннего и внешнего. Рубинштейн вводит и употребляет понятие «мир» для обозначения такого качества бытия, которое непосредственно соотносится с человеком. Это соотношение выступает системообразующим, конституирующим качественную определенность и человека, и бытия в его соотносительности с человеком. Человек включается в бытие, с одной стороны, как субъект преобразований объективной реальности, порождающий ее новые формы и объективирующий в ней свое субъективное, с другой стороны, как следствие перехода объективной реальности в форму идеального существования. Процесс осознания бытия есть переход бытия вне человека в идеальную форму сущности субъекта (Там же).

Характеризуя изменения психологического знания, В.В. Знаков отмечает, что современного исследователя интересуют «целостные фрагменты человеческого бытия, в которых представлены процессы в результате субъект-объектных и субъект-субъектных взаимодействий: события, ситуации...» (Знаков, 2005б, с. 17).

Субъектно-бытийный подход к рассмотрению личности

Теоретическое осмысление проблем личности на современном этапе развития психологической науки, а также эмпирические исследования в этой области создают основания для оформления *субъектно-бытийного подхода к рассмотрению личности* (Абаева, 2003; Бурмистрова-Савенкова, 2006; Личность и бытие..., 2004; Ожигова, 2006; Панов, 2005; Психология личности..., 2005; Рябикина, 1995, 1997а, 2002, 2003, 2005; Рябикина, Бякова, 2003; Субъект, личность..., 2005; Удачина, 2006; Фоменко, 2006а; Хозяинова, 2004; Ryabikina, 1994, 1995; и др.).

Взгляд на личность как на субъекта бытия, рассмотрение оси «личность–бытие» в качестве организующего принципа анализа закономерностей и феноменологии личности предполагают выделение в качестве основных следующих категорий: личность, субъект, бытие (аутентичное, неаутентичное), со-бытие, пространства бытия (предметно-пространственная среда, время, пространство межличностных отношений и т.д.), границы пространств бытия, самоактуализация, личностная идентичность и др.

Необходимость включения понятия «бытие» в новом качестве в категориальный аппарат психологической науки на современном этапе ее развития неоднократно обосновывалась многими авторами (Абульханова, Славская, 2003; Знаков, 2000; Ожигова, 2006; Рубинштейн, 2003; Рябикина, 2005; Селиванов, 2005; Фоменко, 2006а; и др.).

Анализ бытия в диаде «личность–бытие» предполагает определенное качественное состояние (характеристика, свойство) человека, обозначаемое как «личность»; в отношении к этому качеству человека и рассматривается «бытие».

Опыт привлечения термина «бытие» в различающейся трактовке различными психологическими школами подтверждает значимость обозначаемой им феноменологии для построения научной психологической картины мира. Прежде всего, этот опыт связан со становлением и развитием экзистенциальной психологии, в которой бытие трактуется как объект для осознания субъекта и в этом качестве определяет его сущность. Основная тема гуманистической психологии — тема человека, способного создавать бытие, аутен-

тичное его природе. «Психология бытия» — одна из наиболее значительных работ А. Маслоу (Маслоу, 1997). Б.Г. Ананьев также призвал начинать исследование психического с анализа бытия человека. Продолжая эти традиции, сотрудники кафедры онтопсихологии Санкт-Петербургского университета формулируют следующие исследовательские задачи: связать исследования психологических характеристик личности, традиционные для психологии, с особенностями ее бытия, а также обеспечить выход психологии за пределы круга интрапсихических феноменов в бытийный пласт существования человека (Гришина, Дмитриева, 2006).

В контексте субъектно-бытийного подхода рассмотрение структуры личности предполагает, что бытие не только выступает внешней причиной, обуславливающей становление личности и ее функционирование, но пространства бытия личности непосредственно включаются в ее организацию. *Субъект*, выступающий фактором целостности психического (как об этом писали А.В. Брушлинский и другие авторы) и в то же время направленный на преобразование внешнего по законам внутреннего (Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова, В.В. Знаков и др.), *становится фактором, объединяющим все стороны бытия человека* (как субъективные, так и объективные) *в неразрывное единство*.

В предыдущих текстах мы характеризовали структуру личности с позиций субъектно-бытийного подхода, выделяя в структуре объективные пространства явлений (бытийность как череда актов активности или способов поведения; внешний «вещный» мир, претворенный в человеческом обществе в систему значений, образующих мир культуры; организменные состояния) и индивидуальную психику как «место» их соотнесения и согласования.

В качестве единицы анализа личности (вслед за другими известными психологами) мы выделяем *личностный смысл*, обеспечивающий соединение различных пространств человеческой жизнедеятельности в единое целое. Вершина иерархии личностных смыслов — *смысл жизни*, «подчиняющий» нижележащие в иерархии смыслы и иницирующий переструктурирование, содержательное изменение объективных пространств бытия личности (ее поведение, предметный мир, организм).

Подобное рассмотрение структуры личности и отношений между ее составляющими позволяет представить развитие лично-

сти как следствие возникающих и разрешаемых в этих пространствах противоречий. Первоначально необходимость согласования между тремя пространствами объективных явлений служит причиной возникновения личности как органа, обеспечивающего эту согласованность и, как следствие, выработку человеком форм поведения, соответствующих, с одной стороны, потребностям, а с другой — характеристикам объекта, с помощью которого эта потребность может быть удовлетворена. В последующем развитие личности сопряжено с появлением и возрастанием способности к порождению нового, а также с интенцией транслировать это новое в среду (мотив самоактуализации). Поэтому позднее личность реализует себя как субъект, воспроизводя структурные характеристики своего сложившегося смыслового пространства и его содержание в пространствах своей организмичности, деятельности, жизненной среды.

В этом суть жизни. Человек и все живое появляются на свет с глобальной интенцией — *быть, то есть доступным для реализации способом поддерживать и расширять свое бытие*. В субъектно-бытийном подходе развитие личности есть *расширение ее бытийности*, экспансия структуры личностных смыслов на внешние пространства. Например, если особым смыслом наполнены наши воспоминания о когда-то близком нам человеке, все предметное пространство нашей квартиры наполняется вещами, которые поддерживают эти воспоминания; распорядок нашего дня включает отрезки времени, наполняемые делами, переживаниями, сближающими нас с событиями прошлого; круг наших знакомых включает тех людей, с которыми вместе мы можем повспоминать...

Итак, мы рассматриваем *бытие как следствие самоактуализации, как бытие, создаваемое личностью, как объективированную в процессах и предметах мира субъективность*.

Учитывая предложенную модель личности как полисистемного образования, включающего пространство личностных смыслов и объективные пространства личностной бытийности (организм, события среды, деятельность), и идею о развитии личности как следствии разрешаемых в этих пространствах противоречий, вернемся еще раз к сформулированному выше вопросу об «объеме» целостности. Можно заключить, что освоенная (присвоенная), ставшая продолжением личности, ее бытийным пространством, часть среды

противопоставляется среде, в которой не учтены (не повлияли на ее структурирование) *индивидуальные* закономерности, обуславливающие целостность конкретного индивида.

Используемая в психологии среды метафора «пузыря» создает образное представление о персонализированном пространстве, то есть о таком бытийном пространстве, которое осознается личностью как присвоенное ею. В концепции С.К. Нартовой-Бочавер по отношению к обозначаемой феноменологии используется понятие «суверенность» (Нартова-Бочавер, 2003).

Присваиваемое личностью пространство бытия может быть субъективно- или объективно-персонализированным. Так, в случае *субъективно-персонализированного пространства* внешне (то есть по своим объективным характеристикам) предметно-пространственная среда не изменяется. Однако персонализировавший ее субъект (то есть субъект, сделавший ее своим личностным бытийным пространством, приватизировавший ее — переживающий в ней чувство *privacy*) рассматривает ее как «свое», осуществляет над ней контроль, использует определенным образом, болезненно реагирует на поведение другого человека в этой зоне среды: поправляет его, налагает запреты и т.д. В случае *объективно-персонализированного пространства* оно под влиянием присутствующего в нем субъекта претерпевает изменения и по внешним признакам. Субъект раскладывает в нем свои предметы, организует его в соответствии с метрикой тела, привычной поведенческой динамикой, личными представлениями о ценности (личностной значимости) предметов, об эстетике, уюте, экологии и пр. Также на организацию предметно-пространственной среды оказывает влияние намерение человека сформировать у других людей определенное представление о себе (имидж).

В качестве примера организации объективно-персонализированного пространства можно привести случай из жизни Алексея Германа. Будучи начинающим режиссером, он работал в БДТ под руководством Г.А. Товстоногова. Незримая «табель о рангах» в театре предполагала определенное место в гардеробе, на которое каждый вешал свое пальто, несмотря на то, что никаких официальных распоряжений на этот счет, конечно же, не было. Рядом с пальто Г.А. Товстоногова вешали свою верхнюю одежду Е.З. Копелян, Е.А. Лебедев и другие именитые актеры. Только затем, на значитель-

ном расстоянии, могло висеть пальто Германа. Так продолжалось до тех пор, пока Герман, уже хорошо зарекомендовавший себя, не удостоился как-то раз внимания худрука: на завершающем этапе работы над спектаклем тот предложил вымотавшемуся Герману взять ключи от его кабинета и пойти отдохнуть. Это было признаком такой приближенности и благоволения, что на следующий день Герман повесил свое пальто на несколько крючков ближе к пальто Товстоногова.

Личность как субъект, разрешая противоречия между определенным образом устроенным внутренним миром и внешней реальностью, подчиняя внешнюю реальность закономерностям своего внутреннего мира и таким образом «продолжая» себя во внешний мир через осуществление актов персонализации, развивается, расширяя свою бытийность.

Согласно определению, сформулированному А.В. Брушлинским, субъект — это человек на высшем уровне активности, интегральности. Особенно важно, по его мнению, то, что этот *высший уровень активности проявляется в способности человека противостоять обстоятельствам* (Брушлинский, 2003а). Задачей человека как субъекта является разрешение противоречий между условиями, обстоятельствами жизни, требованиями общества, с одной стороны, и возможностями, способностями, потребностями и целями личности, с другой стороны.

Уточняя формулу детерминации внешнего через внутреннее, предложенную С.Л. Рубинштейном, Брушлинский отмечает, что при освоении любых психических явлений личность выступает как целостная система внутренних условий, необходимо и существенно опосредующих все внешние причины. Создается своеобразная психологическая самозащита от неприемлемых для данного субъекта внешних воздействий. В этой связи восприимчивость человека к различным влияниям извне неодинакова (*Там же*). А.В. Брушлинский считал необходимыми «исследования возможностей субъекта преодолевать социально-психологические условия, деформирующие развитие личности» (*Там же*, с. 36).

В способности человека изменять внешнее по законам внутреннего, *переустроить бытие в соответствии со структурой сложившихся личностных смыслов*, то есть преобразовывать реальность внешнего мира таким образом, что он становится следствием

объективирования субъективного, продолжением личности, — в этом и заключается пафос субъектной позиции, которую занимает зрелая личность. Мир содержит те предметы, в присвоении которых человек может обнаружить упоительную возможность *расширения своего бытия*. Даже в изысканном потреблении есть проявление творчества, хотя расширение бытийности не следует сводить только к накоплению присваиваемых предметов. Творчество — это извлечение личностью из своего внутреннего мира умозрительного конструкта и «делание» из него объективной реальности, той реальности, которая становится продолжением личности.

Обозначая кратко специфику субъектно-бытийного подхода, отметим вслед за В.В. Знаковым, что «психология субъекта не только основывается на фундаментальных традициях субъектно-деятельностного похода школы С.Л. Рубинштейна, но и сама порождает новые ветви этого богатого плодами древа познания (такие, как психология человеческого бытия)» (Знаков, 2005б, с. 29).

Терминологическое отличие субъектно-бытийного подхода от субъектно-деятельностного объясняется несколькими причинами. Уже в работах С.Л. Рубинштейна оперирование категориями «бытие», «мир», по нашему мнению, давало основание более точного обозначения развиваемого им субъектного подхода именно как бытийного: человек рассматривался в своей соотнесенности с модулями бытия; бытие представало как пространство реализованной человеком субъектности.

К неоспоримым достижениям А.В. Брушлинского относят расширение им представлений об активности. Его разработки в данной области «переросли» субъектно-деятельностный подход. «Целостность субъекта означает единство, интегративность не только деятельности, но и вообще *всех* видов его активности. Помимо бесспорно деятельностных оснований <...> в психологии субъекта уделяется значительное внимание и другим проявлениям человеческой активности: общению, созерцанию, бессознательной психической жизни» (Там же, с. 19). В этой связи представляется более близким к объему затрагиваемой в теоретическом осмыслении феноменологии использование понятия «бытие».

Субъектно-бытийный подход не ограничивается рассмотрением целостности психического. Представляется, что в этом его ученики и сторонники следуют уже сложившейся как в западной, так

и в отечественной психологии традиции включения в предмет психологического исследования личности объективных пространств ее бытийности. Понятие «субъект» объединяет все стороны бытия человека в неразрывное единство. Психология человеческого бытия предполагает интерпретировать его как следствие осуществленных личностью преобразований, его рассмотрение как субъективно-объективной реальности, обусловленной тем, что личность переживает его как присвоенное и ведет себя соответствующим образом. Когда это человеку удастся, он переживает свое бытие как аутентичное.

Стремление человека к созданию аутентичного бытия, к поиску и реализации смысла своей жизни — врожденная мотивационная тенденция, присущая всем людям и являющаяся основным двигателем поведения и развития личности (Франкл, 1990). По утверждению А.В. Брушлинского, потребности в самореализации и обретении смысла жизни являются фундаментальными потребностями человека (Брушлинский, 2003а). Прав Д.А. Леонтьев, написавший, что на протяжении многих десятилетий наше государство отучало и отлучало людей «от ответственности за нахождение и реализацию смысла» (Леонтьев Д.А., 1990, с. 6).

Обретение смысла требует работы. И хотя, следуя основному тезису учения В. Франкла, мы уповаем на то, что «смысл может быть найден всегда», мы не всегда справляемся с этой работой. Смыслы не могут быть даны нам в готовом виде, не могут быть нами интроецированы, перенесены из внешнего мира во внутренний. Если мы видим, как наполненно переживает свое бытие другой человек, мы не можем, повторяя его манипуляции с внешней реальностью, достичь того же чувства полноты.

Человек, пока он жив, находится в постоянном *поиске смысла* — полагал Франкл. Мне представляется более точным взгляд на человека как субъекта, *создающего смыслы* посредством реорганизации своего бытия. Вместе с тем наша сегодняшняя реальность дает повод для беспокойства о человеке, *изобретающем смыслы* и проживающем свою жизнь в воображаемой реальности: все больше становится тех, кто занят овеществленной в знаках субъективной реальностью (компьютерная реальность; образ мира, создаваемый СМИ; фильмы, рисующие мир все более далекий от реальных возможностей человека, и пр.). Человек, создающий смыслы посред-

ством реорганизации своего бытия, в отличие от того, который смыслы изобретает, — это человек, вступающий в отношения противоречия с не устраивающей его действительностью. В сборнике эссе «Рискующее сердце» Эрнст Юнгер пишет: «Действительность состоит из “трений и столкновений”. Только в осознанном и вольном противостоянии человек обретет полноту бытия. Подлинной и осмысленной жизнь удается только тому, кто не избегает противоречий» (Юнгер, 2010).

Проблема противоречия в контексте субъектно-бытийного подхода к личности

Возникновение противоречий и их разрешение — общий признак развития. Рассматривая становление личности, Э. Эриксон обозначил типичные для каждого возрастного периода конфликты, в зависимости от характера решения которых личность приобретает качественную определенность (Эриксон, 1996). Учитывая предложение Е.А. Сергиенко использовать уровневый подход при рассмотрении критериев становления субъектности на различных этапах онтогенеза (Сергиенко, 2007), следует более дифференцированно описывать проявления личности, связанные с возникновением противоречий в ее жизни.

В частности, можно выделить несколько возможных позиций человека по отношению к противоречию. В силу некоторых обстоятельств противоречие может не осознаваться, не замечаться (например, в случае плохо развитой эмпатии может не рефлексироваться рассогласование между собственным эмоциональным состоянием и состоянием партнера по общению). В других случаях противоречие становится предметом переживания, эмоционального отношения, осмысления; кроме того, в соответствии с возможностями личности противоречие преодолевается или по отношению к нему предпринимается какое-либо иное действие. Наконец, человек может намеренно, преследуя какие-то цели, создавать противоречие, переживать его, осмыслять и преодолевать. В связи с предлагаемой дифференциацией отношения человека к противоречию можно увидеть различные уровни проявления субъектности, которые могут быть обусловлены как возрастными, так и индивидуальными особенностями личности. По мере взросления субъекта объем и

уровень сложности возникающих и разрешаемых противоречий увеличиваются, происходит нарастание возможностей его саморегуляции в ситуации противоречия. В зависимости от возраста, статуса, пола, образа жизни личности и других характеристик содержание и характер разрешения возникающих независимо или инициируемых личностью противоречий различается. Развитие субъектности связано с накоплением опыта анализа и разрешения противоречий, а также с приобретением опыта создания *развивающих* личность противоречий, разрешение которых обеспечивает экспансию личности при сохранении ее целостности.

Субъект может неосознанно или сознательно вступать в отношения противоречия с Другими и с миром, не отказываясь при этом от собственной целостности, относительной автономности, узнаваемой индивидуальности. Более того, субъект может вступать по своей инициативе в такие отношения, осознавая, что они потребуют от него настойчивости в проявлении тех качеств, которые не поддерживаются средой. Например, вступление в неравный брак чревато конфликтными коллизиями в пространствах семейного события (организация времени, предметно-пространственной среды, пространства межличностных отношений, согласование карьерных решений и пр.) из-за возрастных, этнических, статусных или иных различий между супругами. Несмотря на это, человек может принять решение о заключении брака, полагая, что он справится с проблемами такого союза или даже благодаря ему изменится к лучшему (вернет себе молодость или, напротив, добавит социальной зрелости, продвинется в реализации карьерных устремлений и т.д.).

Противоречие может побуждать к развитию — прогрессивно-му изменению, связанному с возрастанием возможностей субъекта, а может разрушать, если личности не хватает ресурсности для его конструктивного разрешения. Разрушение личности связано с нарушением ее целостности, ее расслоением, распадом, сегрегацией отдельных функций, паттернов, систем поведения. Это может происходить в силу непереносимости, избыточности пресса социальных требований, поэтому крайне важна способность субъекта преодолевать разрушительные для личности противоречия и создавать *развивающие*. По мере достижения зрелости личность все более способна быть «командным звеном», инициируя и содержательно определяя то, что субъект исполняет, осуществляя кон-

кретную реализацию, через координацию выбора целей и ресурсов (Сергиенко, 2007).

Развивающее противоречие вызывает позитивные изменения, является жизненной необходимостью, а порой условием сохранения жизни. Яркий литературный пример — персонаж из достаточно известной книги братьев Стругацких «Волны гасят ветер» Горбовский (*Стругацкий, Стругацкий, 1984*). Он умирает, но не потому, что смертельно болен, а из-за пресыщения всем тем, что ему могла дать бурно прожитая жизнь, из-за скуки. Вкус жизни герою возвращает вдруг глубоко и ясно осознанное противоречие между человечеством и метагонами — новой его эволюционной ветвью. Это истинное противоречие, разрешения которого в книге нет: обе ветви несчастны.

Другой пример — из автобиографической повести Жан-Доминика Бобби, которая была положена в основу потрясающей эмоциональной силы киноленты «Скафандр и бабочка». Бобби был редактором журнала «Elle France». В 1995 году в возрасте 43 лет он перенес инсульт и был полностью парализован. Единственная оставшаяся у него возможность контактировать с миром — движение веком левого глаза. Подавая таким образом сигнал, когда сидящий рядом человек называл нужную букву, Жан-Доминик рассказывал о своем внутреннем мире, начиная с психологической пытки из-за чувства «запертости» внутри собственного тела и заканчивая воображаемыми историями о мирах, которые он посещал в своих мечтах. Жан-Доминик находился в состоянии мучительного и непреодолимого противоречия между фактически разрушенным телом и создаваемой субъективной реальностью своего бытия, в недизъюнктивном процессе преодоления этого противоречия, благодаря чему его жизнь продолжалась.

В контексте субъектно-бытийного подхода к личности рассматриваются противоречия, возникающие между феноменами как одного, так и разных бытийных пространств личности (Ожигова, 2006; Рябикина, 1995; Фоменко, 2006а, б). Так, построенная в наших исследованиях модель профессионального роста, являющегося частным случаем личностного развития, позволила выделить возникающие в процессе профессионализации противоречия и проанализировать их на эмпирическом материале (Рябикина, 1995; Фоменко, 2006а).

Укажем основные типы противоречий, возникновение и разрешение которых в процессе профессионализации в значимых для развития личности пространствах (смысловом и бытийных) создают потенциал ее развития:

- а) между профессиональным эталоном и Образом-Я;
- б) между Образом-Я и реальными характеристиками личности, проявляющимися в поведении и во внешней картине ее отношений;
- в) между потребностями личности и их обозначением в сознании через элементы системы культурных знаков профессионального пространства и профессиональные паттерны поведения;
- г) между сформулированными сообществом ожиданиями качеств личности профессионала (социальный стереотип) и формирующимся в сознании личности индивидуализированным эталоном;
- д) между реальными требованиями профессии к качествам формирующегося профессионала и декларируемыми сообществом ожиданиями.

Среди перечисленных противоречий ядерным является противоречие эталона личности профессионала с Образом-Я, то есть противоречие, которое возникает между элементами внутри пространства личностных смыслов. Его анализ позволил обнаружить, что в том случае, когда эталон принимается субъектом в качестве цели саморазвития, он образует с Образом-Я тесно взаимодействующую диаду, становится значимым, обретает личностный смысл. Находясь в напряжении, в противоречивом единстве, эта диада порождает побуждения, энергизирующие деятельность по саморазвитию личности.

Еще один пример — возможное противоречие между тем, как готов и предпочитает действовать человек, и тем, как *свернута, опредмечена* деятельность в организованной определенным образом предметно-пространственной среде. Это — пример противоречия между феноменами разных бытийных пространств. Усилившееся внимание к обустройству предметно-пространственной среды в соответствии с внутренним миром личности, поиск индивидуального в этом обустройстве — одно из проявлений более общей тенденции, свойственной современной культуре. Единство человека и

предметно-пространственной среды неразрывно. Психологические особенности человека, склад его личности содержательно обуславливают структурирование среды и, выступая средообразующим фактором, наполняют ее смыслом. Потребность личности «продлить» себя в мире вещей является конкретизацией ее стремления к аутентичному бытию.

Противоречия могут быть вызваны гетерохронией процессов в различных пространствах бытия личности, а также в пространствах ее со-бытия со значимыми другими. Исследования показали, что различные функции не только созревают с различной скоростью, но также с различной скоростью инволюционируют; иными словами, и созревает, и стареет организм неравномерно (Ананьев, 1980; Развитие психофизиологических..., 1972). Эта неравномерность создает противоречивые отношения между различными сторонами функционирования индивида, личности, субъекта. Гетерохрония может быть естественной, обусловленной неравномерностью развития различных сторон личности, и может создаваться намеренно, вследствие сознательно принимаемого субъектом решения (например, использование процедур омоложения, смещающих возрастные рамки, и намеренная инфантилизация поведения).

Согласование времени (синхронизация) процессов бытийных пространств человека (организмичности, деятельности и событийности предметного мира) как индивида, субъекта деятельности и субъекта познания, о гетерохронии которых писал Б.Г. Ананьев, является столь же значимым критерием чувства личностной идентичности, как и чувство единства прошлого, настоящего и будущего личности (о чем писал Э. Эриксон). Наша деятельность не может протекать быстрее, чем это может быть обеспечено условиями динамики процессов нашего организма, но при этом, чтобы деятельность состоялась, ее развертывание во времени должно соответствовать временным характеристикам процессов предметного мира. Таким образом, мы живем (действуем) в тех процессах внешнего мира, динамика которых может быть согласована с возможностями нашего организма и сложившимися моделями нашего поведения. Человек и человечество постоянно расширяют эти возможности, совершенствуя инструменты своей деятельности и способы своего взаимодействия с миром.

Время организуется личностью в виде распорядка осуществляемых ею дел в соответствии со значимостью (иерархия личностных смыслов), биологическими (организмическими) ритмами, временными параметрами освоенных навыков, умениями и другими компонентами деятельности, усвоенными социальными нормами. Другой человек является для нас внешним миром, и с ним мы также должны синхронизировать свою процессуальность, учитывая его особенности — сложившуюся у него иерархию личностных смыслов, его биологические ритмы и т.д. Это — один из существенных аспектов со-бытия.

Таким образом, при анализе личности, создающей реальность своего бытия, важно увидеть и понять проблемы, возникающие в связи с тем, что в процессе объективации своего замысла личность сталкивается с *сопротивлением бытия других людей*, воплощающих иные смыслы, создающих свое личное бытие в пространстве тех же предметов и событий и в то же время. А.В. Брушлинский, характеризуя субъекта, отмечал противоречивость его отношений с другими людьми: «Противоречивость, двойственность индивида как субъекта проявляется, прежде всего, в том, что он всегда неразрывно связан с другими людьми и вместе с тем автономен, независим, относительно обособлен» (Брушлинский, 2000а, с. 45).

Бытие другого человека может также быть и *поддерживающим ресурсом* для личности. Например, стремление девушки выйти замуж за более зрелого партнера, вероятно, может быть объяснено ее желанием войти в более оформленное бытие другого человека. Благодаря его возрасту, упрочившейся социальной позиции, которую он занимает, благодаря его встроенности в значимые социальные связи она обретает большую ресурсность для своего развития.

Субъектно-бытийный подход к анализу противоречий личности позволяет более структурированно проанализировать и интерпретировать многие переживаемые человеком жизненные коллизии; создает основания для эффективной поддержки личности в инициации развивающих противоречий и их эффективном разрешении, обеспечивающем экспансию личности, расширение ее бытийности при сохранении целостности.

2.5. Самоактуализация личности в общении: субъектно-бытийная интерпретация²

Одна из ключевых проблем психологии — проблема общения. Сущностный статус этого феномена в бытии человека предопределяет неистощимый интерес к познанию его закономерностей, а изменчивость, многоликость возможных проявлений, влияний, оказываемых общением на становление личности, изменение его характеристик с течением исторического времени, объясняют невозможность достижения какого-либо окончательного знания.

Общение — многозначный феномен, наполняющийся различным содержанием в зависимости от того, в какой теоретической конструкции осуществляется попытка его означивания и интерпретации.

С социально-психологических позиций его можно рассматривать как следствие, либо как предпосылку, либо как индикатор групповой процессуальности, либо как «пространство», в котором возникают групповые феномены.

В психологии личности общение традиционно рассматривается как область активности, в которой проявляется личностное своеобразие. Но оно может быть рассмотрено и в качестве фактора, детерминирующего становление личности. Во втором случае личность предстает как следствие структуры и характера поддерживаемых ею отношений со значимыми Другими.

В контексте проблем личности возможен и еще один ракурс. Общение может быть рассмотрено как *область самоактуализации личности*, одно из пространств бытийности, которое она (личность) стремится организовать в соответствии со структурой своих личностных смыслов, реализуя потребность в аутентичном бытии в пространстве межличностных отношений. Аутентичное бытие в этом случае предполагает актуализацию в ситуациях общения сущностных сил личности, инициацию таких поведенческих моделей, способов действия, которые содержательно связаны с ядерными, глубинными образованиями личности. Именно в общении со значимыми Другими обеспечивается возможность и возникает необходимость реализации потребности аутентичного бытия, утверждения своего Я.

² Раздел написан в соавторстве с Е.Г. Сомовой.

Рассмотрение общения с точки зрения свойственной человеку потребности самоактуализироваться является следствием сложившейся гуманистической традиции в рассмотрении человека. К. Гольдштейн в своих работах утверждал самоактуализацию как главенствующую потребность, которая владеет человеком. Появление других побуждений (голод, секс, власть, достижения и т.д.) рассматривалось им не иначе, как манифестация основной жизненной интенции личности — состояться во всей возможной полноте своих потенций, актуализировать себя (Холл, Линдсей, 1997). Эта тема далее развивалась в работах А. Маслоу, К. Роджерса, других известных психологов гуманистической ориентации (Маслоу, 1997; Роджерс, 1994).

Тема свойственной нормально развивающемуся человеку потребности организовывать пространства своей бытийности в соответствии со структурой своих личностных смыслов сейчас обретает особую актуальность, особое звучание. На смену модернистскому мировоззрению с его мифом о единообразии мира и позитивистской моделью научного познания мира и человека пришел постмодерн. Мировоззрение постмодерна, подпитываемое происходящими сдвигами в общественном сознании и проявляющееся как значимая в науке и культуре интеллектуальная тенденция, в частности, реализуется в интерпретации человека как индивидуальности, с подчеркиванием присущего ему права конструировать собственный мир.

Поворот к человеку как индивидуальности, подчеркивание возрастающей роли его активности в выстраивании пространства собственной жизни, а поэтому и новые задачи психологической науки четко фиксируются в позициях, высказываниях многих современных психологов, прозвучавших, в частности, в выступлениях участников «Круглого стола» под знаменательным названием «Психология XXI века: пророчества и прогнозы» (Психология XXI века..., 2000а, б). Подчеркивалось, что к концу XX в. произошло смещение акцента с познавательной парадигмы исследования на экзистенциальную (изучение конкретных ситуаций бытия человека и целостного их понимания) и что «особой областью психологической науки должна стать психология человеческого бытия» (Психология XXI века..., 2000б, с. 8).

Акцентируется особая активная роль психологической науки в поддержке и реализации потребности человека самоактуализиро-

ваться в формообразовании бытия в соответствии со структурой личностных смыслов.

В рамках этих, объективно заявленных проблемных ситуаций темы общения и самоактуализации в их взаимосвязи приобретают особый смысл и новые акценты.

Как было отмечено выше, общение — одна из областей возможной самоактуализации личности, одно из пространств бытийности, которое личность стремится организовать в соответствии со структурой своих личностных смыслов.

В общении личность себя проявляет (и этому посвящены многие исследования), и в общении личность может самоактуализироваться. Но есть ли разница между «проявить себя в ситуациях общения» и «самоактуализироваться в ситуациях общения»? И если есть, то в чем она?

Собственно личностным пространством феноменов в структуре индивидуальной психики является пространство личностных смыслов (А.А. Бодалев, Б.С. Братусь, Б.В. Зейгарник, А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, З.И. Рябкина и др.). Отсюда исходят импульсы, которые можно характеризовать как личностные побуждения. Но человек в своем поведении продолжает руководствоваться и организмическими запросами, реализуя побуждения, идущие от Ид, либо выступает как социальный индивид со стертой индивидуальностью и выраженным устремлением соответствовать социальным стандартам в выборе способов общения. Рассуждая о личностном и неличностном в поведении человека, В.В. Петухов предложил понятие «мничность» — мнимая личность (Петухов, 1996). В таком человеке не произошло необходимого сплава природного и культурного, то есть не произошло порождение личностного смысла. Он руководствуется в выборе либо природным, инстинктуальным, либо социальными предписаниями формально освоенной «культуры».

Самоактуализация предполагает актуализацию Self в общении, то есть *структурирование личностью пространства межличностных отношений в соответствии со структурной организацией личностных смыслов*. Личность может не обладать характеристиками самоактуализирующейся. *Интенция самоактуализироваться* свойственна каждому как природная особенность (К. Гольдштейн, К. Роджерс и др.), но способность самоактуализироваться реально обретается только той личностью, которая успешно прошла путь

индивидуации (Юнг, 1995), обрела зрелость, то есть хорошо структурированное Self (в нашей трактовке — хорошо структурированное пространство личностных смыслов — Рябикина, 1995; Рябикина, Ожигова, 1999), когда есть чему актуализироваться.

Конкретные формы актуализации могут протекать в виде (а) культурализации, то есть предметно-преобразовательной деятельности, либо в виде (б) *персонализации субъекта*, предполагающей продолжение личностью *своего бытия в другом* (Петровский В.А., 1996).

Общение — есть то пространство активности личности, в котором реализуется возможность самоактуализации в форме персонализации. Идеальная представленность в Другом характеризуется различной глубиной «претворенности». Это может быть отражение в Другом в виде интроекта, что в рефлексивном плане переживается человеком как наличие в его сознании двух смысловых центров: «Я» и «Другой во мне». Более глубокий уровень — «претворенный субъект». В этом случае опыт непосредственного самоанализа уже не обнаруживает присутствия Другого (*Там же*).

Если обобщенно самоактуализация проявляется в направленности усилий субъекта на то, чтобы «привести жизнь в соответствие со смыслом», то *самоактуализация в общении предполагает организацию смыслового пространства другого человека (других людей) и пространств его (их) бытийности в соответствии со структурной организацией смысловой сферы личности — субъекта самоактуализации*. Достижение этого эффекта обеспечивает возможность удовлетворения личностной потребности — быть востребованным Другими в тех своих характеристиках, которые личность воспринимает в себе как наиболее ценные, наделенные смыслом, а также создает возможность взаимопонимания, согласованности суждений и действий на основе принципов, оформившихся в смысловом пространстве личности (субъекта самоактуализации) как сущностные. Сознание Другого становится «созвучным», становится *со-знанием*, где частица «со» означает присутствие, включенность смысловых структур партнера по общению (субъекта самоактуализации) в сложившиеся до этого, определявшие отношение и поведение, знания Другого о себе и мире.

В теоретических построениях Б.Г. Ананьева интраиндивидуальная и интериндивидуальная структуры личности (внутренняя,

психологическая структура личности и внешняя структура или структура ее отношений с окружающими людьми) содержательно взаимопредопределены (Ананьев, 1996). Но если тема развития, становления личности предполагает скорее влияние интраиндивидуальной структуры на интраиндивидуальную, то возникающая со временем тема самоактуализации, личностной зрелости, акме предполагает приоритет обратной направленности в схеме взаимовлияний названных личностных структур.

В каждом взаимодействии с Другим, в каждом конкретном акте общения личность «входит» в чужую бытийность, устроенную по чужим законам. Условием понимания является «воссоздание в нас самих тех актов сознания, которые позволяют “войти в душу” другого» (Волков, Нечипуренко, Самыгин, 1999, с. 180). Это единственная возможность действительно глубоко понять другого — настраиваясь на него, модифицируя, реконструируя себя, настраивая себя как инструмент в поиске созвучия с партнером. Г. Зиммель рассматривал этот процесс как *переживаемый*, то есть наполняемый жизненным содержанием, исходящим от самого субъекта. Процесс, который извне только «возбуждается». Соглашаясь с этим, подтверждая обоснованность такой интерпретации (кто сам не любил, не может понять любящего, так как в нем нет опыта любви и связанных с этим переживаний), нельзя не отметить, что в каждом акте общения, вызывающего сопереживание, актуализация пережитого когда-то ранее опосредуется новым состоянием бытия, а точнее *со-бытия* с партнером, вовлекшим в переживание, «возбудившим» определенное жизненное переживание. Невозможно и безосновательно предположение о неизменности нашего эмоционального и иного опыта. В каждом акте его «употребления» опыт обретает новые оттенки, переструктурируется, переосмысливается. И в бесконечности этих актов настраивания на Другого Self субъекта общения «размывается», структура Self теряет определенность. Вместе с этой потерей уходит чувство самотождественности. Человека покидает чувство идентичности. Взаимодействуя с Другими в «разных лицах», он оказывается перед опасностью *забыть* свое истинное лицо, оказаться неспособным консолидировать свои ролевые ипостаси в едином образе Я.

Но человек испытывает естественную потребность в сохранении Self (гомеостатическая модель мотивации), а для этого ему необ-

ходимо такое бытийное пространство межличностных отношений, где его Self находило бы *подтверждение*. Прежде всего, это люди со сходным опытом переживаний, те, чей жизненный опыт, представления о мире и пр. оформлялись в сходных жизненных коллизиях, те, кто ценностно сориентирован на похожие жизненные принципы и образцы.

Хотя до данного момента мы в основном фокусировали внимание на переживаемой человеком потребности в самоактуализации, необходимо подчеркнуть, что в субъектно-бытийном подходе личность рассматривается как реализующая в своем поведении *три сопряженные базовые потребности*. Помимо потребности в самоактуализации, в экспансии, реализации расширительных потенций Self, что проявляется через тенденцию к овладению внешними пространствами (гетеростатическая модель потребностной сферы), личность реализует *потребность во внутренней согласованности*, сохранении целостности психического (гомеостатическая модель потребностной сферы), а также *потребность быть подтвержденной* внешним, тем, через что объективировано ее субъективно-внутреннее. Внешним по отношению к внутреннему миру личности является согласующийся (или не согласующийся) с ее поведением, смысловой организацией, реакциями на происходящее ***образ поведения, смысловая организация, реакции на происходящее значимых для нее других людей, посредством и при участии которых она реализует свое бытие.***

Названные три потребности — стороны единой глобальной интенции, с которой человек (как и все живое) появляется на свет, — ***БЫТЬ (то есть поддерживать и расширять свое бытие).***

Реализуя потребность в сохранении Self, субъект общения задает определенную дистанцию в контактах с другим человеком, актуализирует своим поведением в Другом нужную роль (которая предполагает *согласованность поведения с партнером по общению, сходство их смысловой организации, сходство эмоциональных реакций на происходящее* и пр.), тем самым создавая «круги защиты» своего Self. То есть он приближает к себе, углубляя отношения (включая в контакт более глубокие, ядерные личностные структуры), интенсифицируя их с теми, чьи структуры личностных смыслов более конгруэнтны его структуре смыслов. Эта тенденция «сохранить себя» не означает быть закапсулированным. Она дополняет-

ся тенденцией экспансии Self, расширения бытийных пространств личности за счет своей представленности в Других.

В межличностных отношениях (как это было уже рассмотрено выше) тенденция экспансии Self реализуется в стремлении распространить структурную организацию своих личностных смыслов на устройство смысловой структуры того, с кем осуществляется коммуникация, персонализироваться в Другом. Это осуществляется через *со-бытийность*.

Интерпретация и уточнение содержательного наполнения понятия «событийность» связаны с выделением в объективной реальности тех пространств, которые традиционно рассматриваются в психологии как существенные для становления индивидуальной психики:

- пространство предметов и событий среды;
- пространство поведенческих паттернов (сложившихся в культуре способов оперирования с предметами, способов опредмечивания и распределмечивания);
- организм или пространство морфофункциональных особенностей индивида.

Перечисленные пространства объективны. Они предвеляют личность и предопределяют становление ее содержания, а затем, будучи переструктурированы в соответствии со складывающейся структурой личностных смыслов, становятся пространствами ее бытия или *бытийными пространствами личности*. Когда эти бытийные пространства двух и более человек характеризуются структурно-смысловой общностью, можно говорить о *со-бытийности*.

Со-бытийность предполагает:

- (а) создание единого образа мира (посредством «интерпретирующего» рассказа и прочих влияний, изменяющих взгляд партнера на отражаемую реальность) и, возможно, создание единой пространственно-предметной реальности, общей структуры межличностных отношений и пр. (Личность и предметно-пространственная среда, 2000; Рябикина, Тупкина, 2000);
- (б) обретение единства или сродства поведенческих паттернов, сложившихся способов распределмечивания реальности (посредством фасилитации, вовлечения в подражание, общности условий развития и пр.);

- (в) достижение телесной (организмической) синтонности, единства потребностных состояний (посредством заражения, вовлечения в сопереживание, психотерапевтической «настройки» и пр.).

Проблемы, препятствующие возникновению со-бытийности, а значит, препятствующие экспансии Self субъекта общения в пространстве межличностных отношений, могут быть связаны с невозможностью достичь нужного результата в состоянии каждого из трех перечисленных элементов.

Например, стремясь предъявить партнеру свое потребностное состояние, эмоционально заразить, вызвать сопереживание, индивид ищет определенный способ демонстрации своего состояния, «лейбл», общепонятный усредненный поведенческий знак, в то время как в реальности это потребностное состояние переживается каждым человеком своеобразно (проблема соотношения «общего» и «единичного»). Итогом подобных ситуаций может стать утрата понимания субъектом общения того, что происходит внутри него самого, и, как следствие, неспособность удержать чувство идентичности, самоидентичности, а значит, и невозможность достичь актуализации Self в пространстве межличностных отношений. Если следовать терминологии К. Юнга — имеет место актуализация *персоны*, актуализация одной из социальных масок, а не интегрированного, гармонизированного целого.

Итак, еще раз вернемся к некоторым тезисам в предлагаемых рассуждениях.

Главенствующей потребностью личности является потребность в самоактуализации. Она проявляется в экспансии личности, в реализации расширительных потенций Self, в тенденции овладения внешними (по отношению к Self самоактуализирующейся личности) пространствами.

В общении это происходит через:

- (а) овладение бытийными пространствами, в которых уже реализовалась субъектность другого человека (например, вмешательство в структурирование предметно-пространственной среды квартиры, в которой живет другой человек);
- (б) овладение смысловым пространством Другого (посредством феномена «отраженной субъектности», «персонификации» и пр.).

2.6. Методологическое единство принципов личности и общения в исследованиях человека³

Методологический принцип личности в исследованиях общения

Принцип личности в исследованиях психологической феноменологии сформулирован в теоретико-методологических обобщениях отечественных психологов и является существенным основанием в планировании исследований, а также в осмыслении и интерпретации их результатов. В соответствии с личностным принципом исследования психических процессов, состояний и прочей психологической и психологически обусловленной феноменологии осуществляются как порождаемые личностью, принадлежащие ей и обусловленные этой принадлежностью (Ананьев, 1969, 1977; Рубинштейн, 2007; и др.).

В своем обобщающем теоретико-методологическом труде Б.Ф. Ломов писал следующее: «Психические явления формируются, развиваются и проявляются в процессах деятельности и общения. Но принадлежат они не деятельности или общению, а их субъекту — общественному индивиду — личности <...> Таким образом, и проблема деятельности, и проблема общения “замыкаются” на проблеме личности» (Ломов, 1984, с. 289).

Следовательно, феноменология и закономерности общения, психологическая составляющая и находящиеся с ней в связи его иные аспекты необходимо изучать с позиции личностной обусловленности, с позиции рассмотрения личности как субъекта общения, реализующего в этом специфическом виде активности значимые для личности функции и ориентированного на достижение значимых для личности целей.

При этом нужно учитывать, что глубинная мотивация или очень обобщенные побудительные причины могут не рефлексироваться личностью. Будучи не явными, эти побудительные причины могут не рассматриваться и в научных исследованиях, не ориентированных специально на их выявление. Общение, как специфический вид активности личности, направляется, с одной стороны, *задачами, обусловленными внешней ситуацией* и более общими

³ Раздел написан в соавторстве с Г.Г. Танасовым.

целями, реализуемыми субъектом трудовой и иной деятельности; с другой стороны, общение как вид активности личности направляется и регламентируется *личностной процессуальностью, ее непрекращающейся бытийностью со своими внутренними задачами*. То есть зачастую человек вступает в общение, чтобы получить поддержку, объективировав в отношениях с Другим свои субъективные представления, или, напротив, избегает отношений, если чувствует их возможную разрушительность для своего субъективного мира.

Характер отношений между внутренним и внешним и соответственно вопрос о детерминации активности личности внешними и внутренними причинами сложен и не имеет однозначного ответа. С.Л. Рубинштейн писал, что с появлением человека возникает особая, взаимная имплицитованность бытия и человека. Осмысление соотношения личности и бытия для него было связано с рассуждением о взаимопереходах, о сложной диалектике внутреннего и внешнего (*Рубинштейн, 2003*). Та же сложная диалектика очевидна при попытке анализа и выделения причин активности личности. С одной стороны, намерение их дифференцировать всегда затруднено тем, что, решая задачи, обусловленные внешними обстоятельствами, личность преломляет их через систему своих ценностных воззрений и поэтому всегда видит эту задачу «в своем свете» и решает ее в соответствии со своими сложившимися моделями поведения. С другой стороны, решая свои внутренние задачи, направляемые и регламентируемые *личностной процессуальностью, непрекращающейся бытийностью личности*, человек «вписывает» решение в свою повседневность с ее внешними обязательствами (в частности, обязательство исполнять роли и соответствовать функциям профессионала в определенном виде трудовой занятости).

Вопрос о «смещениях» в пространстве субъективных отношений, о неявных причинах активности личности (к явным причинам можно отнести те, которые фиксируются сторонним наблюдателем) иллюстрирует значимость личностного фактора, скрытых механизмов функционирования личности, проявляющихся в объективном пространстве ее бытия, и в частности активности, ориентированной на отношения с другими людьми. Такие проявления в общении, иногда создающие затруднения в отношениях с другим человеком

и зачастую воспринимаемые сторонним наблюдателем как необъяснимые, «лишенные логики», прослеживаются:

- а) в *инерционных механизмах*, свидетельствующих о нежелании личности изменяться, о сопротивлении изменениям, которые внешнему наблюдателю могут представляться конструктивными, так как соответствуют внешне понятным задачам адаптации, приспособления, «пристройки» к партнеру по общению (Harlow, Harlow, 1966; и др.);
- б) в *защитных механизмах*, препятствующих проявлению в общении тех сторон личности, которые осознаются ею как неприемлемые, вызывающие у нее конфликтные переживания (Петровский А.В., 2009; и др.);
- в) в *поддерживающих (направленных на подтверждение личности) механизмах*, которые могут создавать впечатление неэффективности поведения, потери соответствия между поведением и характеристиками актуальной ситуации общения (их функция, направленная на *подтверждение личностной идентичности* в общении, может не осознаваться самим субъектом) (Зейгарник, 1982; и др.).

Методологический принцип личности может трактоваться по-разному и обретает конкретное наполнение в зависимости от той конкретной теоретико-методологической интерпретации личности (психологической школы), в рамках которой проводится исследование.

Неоднозначность взглядов на личность связана со сложной историей их становления. Эта история в психологической науке довольно продолжительна и характеризуется большим разнообразием. Тем не менее есть основания говорить о наиболее общих по характеру идеях, отражающих современные представления о личности. Историческая динамика взглядов на личность, ее содержание, структуру, механизмы формирования и функционирования привела к более ясному пониманию того, что личность следует рассматривать не как изолированного индивида, но как субъекта жизненного мира (*субъекта бытия*) в его естественных жизненных связях (Ф.Е. Василюк), в нерасторжимом взаимодействии с миром (Д.А. Леонтьев), как *активного субъекта — автора своей жизни* (А.Г. Асмолов), которая складывается из многих бытийных про-

странств личности, являющихся ее продолжением, *вследствие реализуемой личностью субъектной активности* (З.И. Рябикина).

Один из сложившихся в отечественной психологии мощных современных теоретических трендов — субъектный подход к рассмотрению психологических феноменов и к личности как интегратору этой феноменологии (Абульханова, 1997; Ананьев, 1969; Брушлинский, 1999, 2000б, 2002, 2003а–в; Знаков, 2003б; Петровский В.А., 1996; Рубинштейн, 2003; Рябикина, 2005; Сергиенко, 2007, 2011; и др.). Основные идеи, раскрывающие суть категории «субъект», очерчивающие содержание субъектного подхода в психологии, не могут не влиять на интерпретацию личности, а также тех феноменов и процессов, которые традиционно включаются исследователями в поле личностной проблематики (Рябикина, 2008).

Утверждая важность и определенный приоритет в системе научных понятий категории «субъект», А.В. Брушлинский, прежде всего, стремился утвердить во взглядах на человека изначально, природно присущую ему (человеку) интенцию направленности на преобразовательную активность, на изменение, подчинение среды обитания его (человека) запросам. В этой связи само становление личности есть следствие субъектной позиции, которую занимает человек по отношению к миру и к самому себе. Сохранность личности, процессуальность ее бытийности, сопровождаемая чувством личностной идентичности, требуют постоянной субъектной активности. Категория «субъект» акцентирует внимание на *качестве* активности человека. Ее привлечение в научный анализ призвано подчеркнуть в человеке действенность, активность, направленную на преобразование бытия в соответствии с внутренним содержанием личности, то есть определение внешнего через внутреннее (Рубинштейн, 2003), изменение внешнего для поддержки внутреннего. Определенным образом ориентированная и реализуемая активность субъекта позволяет личности сохраняться, развиваться, поддерживать чувство личностной идентичности. Общение — один из видов субъектной активности, одно из пространств личностной бытийности, и в научном анализе общения принцип личности, реализуемый в контексте субъектного, субъектно-бытийного подходов к личности, является эвристичным теоретико-методологическим основанием как в планировании исследований, определении его задач, так и в осмыслении и интерпретации результатов.

Методологический принцип общения в интерпретации личности

В психологии к числу ключевых относится проблема общения. Сущностный статус этого феномена в бытии человека предопределяет неистощимый интерес к познанию его закономерностей и феноменов.

В психологии личности общение традиционно рассматривается как область активности, в которой проявляется личностное своеобразие. Но оно может быть рассмотрено и в качестве фактора, детерминирующего становление личности. Во втором случае личность предстает как следствие структуры и характера поддерживаемых ею отношений со значимыми Другими. В контексте проблем личности возможен и еще один ракурс. «Общение может быть рассмотрено как *область самоактуализации личности*, одно из пространств бытийности, которое она (личность) стремится организовать в соответствии со структурой своих личностных смыслов, реализуя потребность в аутентичном бытии в пространстве межличностных отношений. Аутентичное бытие в этом случае предполагает актуализацию в ситуациях общения сущностных сил личности, инициацию таких поведенческих моделей, способов действия, которые содержательно связаны с ядерными, глубинными образованиями личности» (Рябикина, Сомова, 2001).

Очевидна значимость проблемы общения, тем не менее в истории психологических исследований внимание к различным аспектам этой проблемы подвержено флюктуациям, которые не всегда поддаются объяснению. Как отмечал Б.Ф. Ломов, проблема общения привлекала внимание отечественных психологов в 1920–1930-е гг., и после довольно продолжительного спада интереса новый подъем был им зафиксирован в 1980-е гг. В своей книге «Методологические и теоретические проблемы психологии», изданной в 1984 г., он писал: «Сейчас эта проблема (проблема общения. — З.Р., Г.Т.) превращается в некоторый “логический центр” общей системы психологической проблематики (выделено нами. — З.Р., Г.Т.)» (Ломов, 1984, с. 243).

Признание *фундаментальной значимости феноменологии общения не только в философии и психологии, но и во всей системе гуманитарного знания* получило еще более мощный импульс

для своего развития вместе с началом разработки основ общей социально-психологической теории в монографических исследованиях Б.Д. Парыгина и британского философа, профессора Оксфордского университета Горация Рома Харре (Социальное бытие (Social Being). Оксфорд, 1979) (подробнее об этом см.: Парыгин, 2008). «Основной тенденцией последнего десятилетия исследований общения, — пишет Б.Д. Парыгин, — является постепенное и все большее смещение внимания российских ученых к осознанию общей значимости этого феномена в человеческой жизнедеятельности» (Парыгин, 2008, с. 80).

В отечественной психологии рассмотрение личности и трактовка ее формирования, изменения, роста связываются с разными факторами. В одних случаях рассмотрение личности связывается с превращениями деятельности (Леонтьев А.Н., 1975; Рубинштейн, 1997); в других — в центре внимания оказываются психологические отношения личности (Мясищев, 1960). Интериндивидуальная структура личности рассматривается авторами как обусловленная ее интериндивидуальной структурой отношений с другими людьми (Ананьев, 1969). Среди авторов, исследовавших личность в процессе общения, К.А. Абульханова-Славская (Абульханова-Славская, 1983), М.И. Бобнева (Бобнева, 1981) и др. Отмечая важность и перспективность этого направления в исследованиях личности, Б.Ф. Ломов сетовал: «К сожалению, как это ни кажется странным, проблема (а точнее, область проблем), которую можно было бы определить как “общение и личность”, разработана в психологии явно недостаточно. Между тем понять процесс формирования и развития личности и выявить его закономерности без анализа тех реальных связей, которые раскрываются в ее общении с другими людьми, невозможно» (Ломов, 1984). Еще ранее это умозаключение было сформулировано и подтверждено теоретическими рассуждениями и анализом эмпирического материала в работах Л.С. Выготского (Выготский, 1982).

Особенности социального бытия индивида, его образ жизни включают круг отношений с другими людьми и преобладающие или предпочитаемые способы общения. Все это оказывает влияние на развитие личности, содействуя или ограничивая его возможности. На ранних этапах онтогенеза человек определяется как личность вследствие тех отношений с другими людьми, в которые его включа-

ют старшие; здесь можно говорить о том, что личность — результат или следствие этих отношений. По мере взросления и закрепления, стабилизации личностных черт человек все в большей мере проявляет *субъектность*, формируя свой круг общения и поддерживая отношения с теми людьми, которые в значительной степени соответствуют его представлениям о должном круге отношений. Вступая в отношения с другими людьми, личность в своей *субъектной активности* стремится согласовать смыслы, достичь понимания, занять желаемую ролевую позицию в ролевой комбинации с партнером по общению, прийти к определенному со-переживанию, вызвать сочувствие и прочие эффекты, которые позволят ей чувствовать аутентичность своего бытия в со-бытии с другим человеком.

Отмечая в качестве особенности неклассической науки (общенаучный тренд, рефлексией которого заняты исследователи, стремящиеся понять изменения общего характера, свойственные современной науке) «галилеевский способ мышления», Д.А. Леонтьев пишет о неклассическом прорыве в психологии, связанном с утверждением о том, что *свойства не принадлежат природе самого объекта и обнаруживаются только при его взаимодействии с другими объектами* (Леонтьев Д.А., 2007). Это же относится к психологическим свойствам человека. Они проявляются (появляются, становятся, определяются, актуализируются и т.д.) в отношениях с другим человеком, с другими людьми. В.Н. Мясищев в своей теории показал, что личность — это человек в отношении.

Фундаментальную роль, значимость Другого для становления личности (ее проявления) подчеркивал М.К. Мамардашвили. В отношениях с Другим М.К. Мамардашвили видел предпосылки способа бытия человека в мире. Находясь в «онтологическом лоне», человек никогда не оказывается наедине ни с миром, ни с самим собой (Мамардашвили, 1996).

Также неотделимо содержание и структурная организация личности от процессов ее отношений с другими людьми предстают в западных персонологических концепциях (З. Фрейд, Э. Берн, интеракционные концепции личности — Г.С. Салливан и др.).

Обусловленность развития личности процессуальными и содержательными характеристиками общения, в которое вступает личность, теми ролями, которые личность принимает на себя, опираясь в исполнении роли на определенные личностные свойства,

тем самым закрепляя их в себе, не исчерпывается рассмотрением этапов онтогенеза до ее зрелости (или онтогенетической зрелости). И в дальнейшем, в зависимости от того, с кем происходит общение, в какой роли предстает личность в этом общении, на какие свои ресурсы и личностные качества опирается, актуализируя их в отношении с другим человеком, личность продолжает изменяться. То, через какие значимые отношения и ситуации общения проходит человек, какую субъектную активность при этом реализует, в чей адрес эта активность направлена (в отношении к кому личность себя проявляет в своей активности), каким личностным смыслом наделена активность, и есть «путь личности», ее становление и самоопределение, то, что философски иногда называют «дорога человека к себе».

Диалогическая ориентация — методологическое основание современного знания о личности

Рассмотрение личности как обусловленной общением, функционирующей в общении, изменяющейся в отношениях с другими людьми, как формирующей и проживающей свое бытие в общении, то есть акцент на роли общения в становлении личности и конституировании ею своего бытия, наиболее ярко проявляется в диалогической ориентации научной мысли. В качестве существенного методологического критерия в рассмотрении, критическом сопоставлении и оценке теорий личности выступает дихотомия «монологизм–диалогизм» (А.Г. Асмолов и др.). В первом случае речь идет о методологическом изоляционизме, антропоцентризме (учение о монадах Г. Лейбница, философская антропология, позитивизм). Во втором случае личность рассматривается как *обретающая свою сущность в пространстве коммуникаций* (материализм Л. Фейербаха, экзистенциализм М. Бубера, структуралистская концепция личности Ж. Лакана, диалогическая методология гуманитарного познания М.М. Бахтина).

С середины XX в. *идея диалога* вошла в проблемное поле философского и социокультурного мышления и неуклонно расширяет сферу своего влияния (Янчук, 2006). Она преломилась в теме отношения человека с Другим, в проблеме коммуникативного действия, рассматриваемой и развиваемой в трудах Ю. Хабермаса, автора тео-

рии коммуникативного действия (Хабермас, 2008). Почему эти проблемы вышли на передний план философских дискуссий, потеснив классический вопрос о субъекте и объекте? Ю. Хабермас пишет о несостоятельности модернистской универсализации разума, о необходимости вовлечения (включения) Другого, что происходит на основании стратегии баланса, искусстве компромисса и поиска договоренностей.

Таким образом, современное понимание сущности человека, его отношений с миром и другим человеком, в которые он вступает, связаны с *идеологией диалогизма* (Братченко, Леонтьев, 2007; Осанов, 2001). Рассмотрение структуралистами сознания личности как структурно-упорядоченной инстанции сегодня замещается его пониманием как разомкнутого. В постструктуралистском дискурсе превалирует представление о личности как противоречивой, подвижной, способной к изменению и радикальному обновлению своей сущности (М. Фуко, Ж. Делёз).

Определение смысла человеческого существования видится в необходимости обретения им *идентичности*. Но это возможно только посредством установления сходства и различия между собой и окружающим (природным и социальным) миром. Поэтому идет *непрекращающийся поиск самого себя в контактах с Иным*, то есть в диалоге. При этом интерсубъективность личности истолковывается как бисубъектность (субъект-субъектность) сферы «между моим сознанием и дискурсом Другого». Таким образом, происходит сдвиг внимания исследователей с интенциональных актов к коммуникативным (А.А. Осанов).

Постклассическая философия, снимая противоречие между бытием-для-себя (предполагающим, что Другой является не более чем вещью) и бытием-для-других (когда Другой вторгается в сферу собственного опыта личности, отчуждая ее от собственной самости), пытается разрешить проблему в синтезе «моего» бытия и бытия Другого, в теме *со-бытийности*. Понятие интерсубъективного опыта как поля взаимо(со)отнесенности субъектов и родственное ему понятие жизненного мира как мира субъективно-(со)относительного вводятся в научный обиход и активно используются Э. Гуссерлем на закате его философского творчества (Гуссерль, 2004).

Кроме опыта непосредственной близости в общении, предполагающем живое со-участие, со-бытие, Я встречает Другого опо-

средованно, находя в культуре «следы» (Ж. Деррида) человеческой деятельности. Любой культурный объект в интерсубъективном измерении мира не только находится во владении личности, которая воспринимает (переживает) его как присвоенный, соотнесенный с собой, но и воспринимается как используемый другими субъектами, их «след», последствие их активно-конституирующей интенциональности, их *субъектной активности* (Гуссерль, 2004; Рябикина, 2010). Бытие Другого со-определяет смысл мира личности, участвует в созидании ее бытия, то есть *конституирует мир личности как со-участник*. И, что важно, личность рефлексивует то, что Другой осознает и воспринимает ее, то есть личность сама является для другого человека одним из конституируемых им феноменов (Гуссерль, 2004).

Человек не просто *присутствует* в мире наряду с другими его объектами, но конституирует вокруг себя мир: культурный, событийный, мир со-бытийствующего с ним другого человека (М. Бахтин и Ж. Лакан, М. Турнье и Ж. Делёз). Таким образом, человек и его субъектная активность — существенные факторы, обуславливающие конституирование объективной и субъективной реальности этого другого человека и его самого как личности.

Благодаря присутствию человека, мир бесконечных анонимных пространств заселяется, становится кем-то порождаемым, кому-то принадлежащим, «повселюдным» (Ж.-Л. Нанси) и в итоге превращается в обжитой, пригодный для личностного бытия. М.М. Бахтин писал: «Все, до меня касающееся, приходит в мое сознание, начиная с моего имени, из внешнего мира через уста других, с их интонацией, в их эмоционально-ценностной тональности; я осознаю себя первоначально через других <...> от них я получаю слова, формы, тональность для получения первоначального представления о себе самом <...> Как тело формируется первоначально в материнском лоне (теле), так и сознание человека пробуждается окутанным чужим сознанием» (Бахтин, 1972, с. 342). Я одного человека не мыслится им самим иначе как в соотношении с Другим и в противопоставлении Другому (Вальденфельс, 1999). Реальность бытия личности и ее со-бытия с Другим конструируется в диалоге (Shotter, 1993).

Личность предстает субъектом языковой концептуализации мира. Известное «Мыслю, следовательно, существую» получает

свое продолжение в следующих утверждениях, согласующихся с установками герменевтической философии (от М. Бахтина и Г.Г. Гадамера до Ф. Эбнера и К.-О. Апеля): *мыслить — значит говорить, а говорить — значит обращаться к кому-то, мыслить для Другого*, причем этот другой всегда *определенный Другой*, а не некое всеобщее. Говорить — это значит говорить *кому-нибудь* (Гадамер, 1997, с. 138–139). При этом, как отмечает М.М. Бахтин, *в диалог может вступить только такой субъект, который является личностью и способен воспринять Другого как личность*.

Тема развития личности в общении, через общение, вследствие общения конкретизируется в высказывании Э. Левинаса: «Отношения с Другим проблематизируют меня, изымают и продолжают изымать меня из меня самого, раскрывая во мне все новые дарования» (Левинас, 1998, с. 165). Встретить Другого, однако, недостаточно: необходимо вступить с ним в «личностное отношение» и актуализировать в себе «личностное отношение».

Центральной идеей философии М. Бубера также являлось рассмотрение бытия человека как диалога. Вершина его наследия — книга «Я и Ты» (1995), в которой автор, рассматривая проблему человеческих отношений, утверждает, что знание человека о своем Я углубляется за счет все более проникающего вживания в мир Другого. М. Бубер считал, что *человек ничего не может сказать о себе, не соотнеся себя с другим человеком*, не пребывая в деятельном отношении с Другим, в диалоге. Таким образом, монологической традиции немецкой классической философии, в которой Другой — это объект, вещь, М. Бубер противопоставил *диалогическую модель бытия человека*.

М.М. Бахтин реализовал в своем научном творчестве методологические установки гуманитарного диалогизма, утверждая, что «предел здесь не я, а я во взаимоотношении с другими личностями» (Бахтин, 1972, с. 391). Диалогическое «Я–Ты»-отношение несет в себе онтологическую укорененность человеческого существования. Вне диалога человек невозможен (!).

Идея диалога оказалась способной вобрать в себя безграничное экзистенциально-антропологическое содержание новой парадигмы постижения бытия как *со-бытия*.

Диалогическая ориентация в рассмотрении и интерпретации личности проявляет важность, базовый, определяющий характер

общения, отношений с Другим в становлении, бытии, трансформациях личности. И это касается различных конкретных ситуаций общения, отличающихся по продолжительности, по реализуемым личностью намерениям, по соотношению статусов вступивших в отношения индивидов и пр.

Настроенность личности на диалог, ее избирательность в выборе меры открытости–закрытости обусловлены как характеристиками самой личности (известно, например, что женщины более открыты, склонны к самораскрытию, чем мужчины), так и ее отношением к конкретному другому человеку. То есть дозированность открытости (готовность вступить в диалог, принять и признать влияние другого человека) обусловлена тем, с кем вступает человек во взаимодействие.

Методологическое единство принципов личности и общения

В представленном выше тексте «личность» и «общение» предстают как выделившиеся в психологической науке две емкие категории, обозначающие сложноорганизованные феномены, рассматриваемые отдельно и во взаимосвязи. Категории «личность» и «общение» занимают в системе психологической науки, в ее понятийно-категориальном аппарате базовые позиции и не могут быть рассмотрены и поняты друг без друга, так как личность становится таковой в ситуациях общения, а общение является одним из пространств *субъектной активности* личности. Общение и личность как феномены онтически взаимообусловлены и как базовые понятия психологической науки гносеологически взаимоопределены.

Значимость и роль категорий «личность» и «общение» в объяснении психологических аспектов жизни человека (и тех аспектов объективного бытия, которые обусловлены содержанием психологической составляющей) объясняют необходимость придания им статуса методологических принципов. Это подчеркивает их место и значимость в исследовании всей палитры феноменов, рассматриваемых и анализируемых психологической наукой. Вся психологическая феноменология рассматривается с позиции ее обусловленности тем фактом, что она порождается (продуцируется, обуславливается

и пр.) личностью. В свою очередь, личность сама есть результат отношения с другими людьми (индивид становится личностью только в системе социальных отношений).

Общение — одно из пространств активности личности, в котором обнаруживается связность и повторяемость отдельных проявлений ввиду их принадлежности и порождаемости конкретным субъектом (личностью). *Методологический принцип личности* создает возможности для объяснения своеобразия, связности, повторяемости отдельных психических явлений, обнаруживаемых при рассмотрении и анализе понимания, переживаний и поведения человека как проявлений его субъектной активности в ситуациях общения. По мере формирования личности, возрастания ее возможностей как субъекта, способного к рефлексии и субъектной активности, возрастают ее возможности в селектировании своих связей с другими людьми, в выборе исполняемых личностью в этих отношениях ролей и пр. Помимо очевидных, артикулируемых задач (например, задача договориться в результате деловых переговоров о снижении цены на поставляемый товар) в каждом акте общения актуализируются личностные процессы (например, «сохранение лица» или поддержка *личностной идентичности*, ее укрепление, преобразование и пр.), подчиняющие себе ход, сценарий, процедурные и иные моменты отношений с другими людьми, но не всегда по осознаваемым, зачастую по неявным причинам. Субъектная активность личности (то, как она понимает, переживает и ведет себя) в общении связана со становлением и поддержкой личностной идентичности.

Методологический принцип общения создает возможности для объяснения содержания, особенностей личности, делает понятными те превращения, личностный рост, стагнацию, кризисы и прочую феноменологию, возникающую вследствие места, которое занимает личность в системе отношений с другими людьми, и характера ее взаимоотношений со значимыми Другими.

Категориальная дуальность методологических принципов личности и общения отражает системность методологического поля современной науки и задает направление в формировании исследовательских задач, ориентированных на раскрытие и интерпретацию *дуальной обусловленности* исследуемых феноменов.

2.7. Субъектно-бытийный подход к рассмотрению личности и личностный подход к рассмотрению бытия

Центральный вопрос нашей жизни, сформулированный гениальным автором: «Быть или не быть?», привел героя к решению «быть», то есть вмешаться в течение событий, выстроенных другими, переломить течение бытия, организованного по злему умыслу.

Быть, то есть реализовать себя в предметном мире, переставить действующие фигуры на сцене жизни, написать историю своей жизни в том виде, в котором она будет пользоваться наибольшим успехом у «продюсеров», и пережить как ее, так и «продюсеров» и т.д. Продолжая это перечисление, можно включить в него много как великого, так и банального.

Когда-то Я.Л. Коломинский, напутствуя коллегу, защитившего докторскую диссертацию, сказал: «Доктором наук нелегко стать, но еще труднее им *быть*», то есть *продолжить себя* в книгах, в сознании других исследователей, в практическом претворении идей. Быть, то есть продолжить себя. К сказанному можно добавить, что также трудно быть кандидатом наук, хорошей матерью или отцом, градостроителем и т.д. Всегда трудно продолжить себя, выйти за рамки внутреннего мира, объективировать свое идеальное.

В известной песне А.Б. Пугачевой звучали слова: «Будь. Сделай хоть что-нибудь...»

Три автора, чьи высказывания здесь приведены, — классик мировой литературы, именитый отечественный психолог и не менее именитая отечественная шоу-звезда — говорят на разных языках, по различающимся поводам, разным аудиториям, но говорят об одном и том же. Если человек принимает решение *быть*, значит, он принимает решение что-то изменить в объективной реальности в соответствии со свойственным ему как личности *осмыслением* бытия.

2.7.1. Бытие — актуальная предметная область психологической науки

В научных дискуссиях проявлена существенная область психологических феноменов — *человеческое бытие*, и это отражает исследовательскую ориентацию психологов наступившего века.

Именно сегодня ситуация, как в самой психологической науке, так и в том, как складываются ее обязательства по отношению к задачам, формулируемым обществом, вызывает необходимость заявлять о «психологии человеческого бытия как относительно самостоятельной области психологической науки» (Психология XXI века..., 2000а, с. 8). Обратимся за поддержкой к известным отечественным психологам, чьи суждения в этом вопросе звучат, как слаженный хор. Это со всей очевидностью проявилось в высказываниях за круглым столом, который проводился журналом «Вопросы психологии» в преддверии наступающего XXI в. (Психология XXI века..., 2000а, б). Во фрагментах выступлений, которые будут приведены далее, с одной стороны, проявлена существенная область психологических феноменов — *человеческое бытие*, трактуемое как организация человеком его жизни согласно его природе, как бытие, аутентичное природе человека. С другой стороны, подчеркивается особая активная роль психологической науки в поддержке и реализации интенции человека на создание такого бытия, в поддержке и реализации его потребности самоактуализироваться в формообразовании бытия в соответствии со структурой личностных смыслов.

Итак, приведем некоторые из озвученных за круглым столом идей. Сначала те, в которых подчеркивается возрастающая роль активности самого человека в выстраивании пространства собственной жизни и, естественно, *изменяющиеся в связи с этим позиция и задачи психологической науки*.

По мнению И.С. Якиманской, психология нового века будет отстаивать ценности и приоритеты *«человека как индивидуальности <...> с ее правом быть субъектом собственной жизни»* (выделено здесь и далее нами. — З.Р.) (Психология XXI века..., 2000б, с. 23).

Н.Н. Нечаев акцентировал внимание на том, что *«реальное искусство, которым должны заниматься люди, — это искусство организации их собственной на жизни. И в этом психология должна помочь»* (Там же, с. 6).

В.С. Собкин, вспоминая высказывания Г.А. Товстоногова о будущем (теперь уже наступившем настоящем) веке как о веке режиссуры, подчеркнул, что в связи с этим *«психологические направления, ориентированные на сценирование жизни человека, наиболее перспективны»* (Там же, с. 15).

Таким образом, признается и подчеркивается субъектная позиция личности — автора собственной жизни — как существеннейшая тенденция в изменяющемся мировоззрении, мироощущении человека и акцентируется внимание на необходимости соответствующих изменений в самой психологической науке. Современная психология должна не только исследовать, познавать происходящие в человеке изменения, помогая ему в рефлексии, но сама должна стать более «субъектной». И уже становится таковой.

Как полагает В.В. Рубцов, «психологическая наука <...> провала свою собственную оболочку и становится неотъемлемой составляющей современной социальной практики...» (Психология XXI века..., 2000а, с. 19).

А.Г. Асмолов, выделив в качестве главного принципа неклассической психологии *принцип вмешательства в реальность*, который ориентирует психологов на активное проникновение в сферу социальной практики, по-новому определил основное содержание нашей науки: «*Психология как формообразование бытия*» (Там же, с. 9–10).

Б.С. Братусь также отметил уже происходящие со статусом психологической науки изменения. Из средства объяснения психология к концу XX в. стала активной, даже агрессивной, она «*начинает конструировать миры, новую реальность*» (Там же, с. 16).

Таким образом, сейчас ситуация в самой психологической науке и ее обязательства по отношению к проблемам, переживаемым человеком сегодня, приводят к необходимости распространить предметную область психологии на проблемы бытия личности и обратиться к научному «анализу целостных ситуаций человеческого бытия» (Знаков, 2005а, с. 122).

Тем не менее у некоторых авторов возникает вопрос о целесообразности включения категории «бытие» в дискурс психологической науки. Сопроотивление, пожалуй, объясняется тем, что понятия «сознание» и «бытие» противопоставлены. Если понятие «сознание» обозначает мир *субъективной* реальности и в этом смысле не возникает возражений в том, что данная философская категория прорабатывается психологией (чей предмет изучения — субъективное отражение объективного мира), то понятие «бытие» обозначает объективную данность и, с этой точки зрения, воспринимается как не психологическое.

Категория «бытие» — философская, но необходимость ее включения в новом качестве в категориальный аппарат психологической науки на современном этапе ее развития неоднократно обосновывалась нами и многими другими авторами (Знаков, 2000; Рябикина, 2003, 2005; Селиванов, 2005; и др.). Например, В.И. Слободчиков утверждает, что «исходным основанием для психологии человека является <...> учение <...> о ценности и смысле самого бытия человека» (Слободчиков, 2002, с. 20), и с этим нельзя не согласиться.

Опыт привлечения категории «бытие» в различающейся трактовке различными психологическими школами подтверждает значимость обозначаемой ею феноменологии для построения научной психологической картины мира. Прежде всего, этот опыт связан со становлением и развитием экзистенциальной психологии, в которой бытие рассматривается как объект для осознания субъекта и в этом качестве определяет его сущность. Основная тема гуманистической психологии — тема человека, способного создавать бытие, аутентичное его природе. «Психология бытия» — одна из наиболее значительных работ А. Маслоу (Маслоу, 1997). У конструктивистов главная тема анализа — переконструирование человеком бытия в нарративе. С этой позиции, бытие для человека — все в большей степени созданный или сконструированный им для себя мир.

2.7.2. Категориальная диада «личность–бытие»

В отечественной психологии тема бытия представлена размышлениями С.Л. Рубинштейна (Рубинштейн, 2003). В его теоретических построениях категория «бытие» была отправной. Концепция С.Л. Рубинштейна является философско-антропологической. Авторы предисловия к книге «Бытие и сознание. Человек и мир» аттестуют ее, как «новую парадигму философии», «философское завещание» (Абульханова, Славская, 2003, с. 6).

Развертывая анализ понятия «личность», С.Л. Рубинштейн оговаривает, что ему ближе более общее понятие «человек» (Там же, с. 15). И категория «бытие» в его концепции представлена именно в соотношении с категорией «человек».

В фокусе нашего внимания — *психологические аспекты проблем бытия личности*. Мы подходим к анализу бытия в диаде

«личность–бытие», подразумевая, что речь идет об определенном качественном состоянии (характеристике, свойстве) человека, обозначаемом как «личность», и в отношении к этому качеству человека мы рассматриваем «бытие». В этом смысле в диаде соотносимых категорий «личность–бытие» категория «бытие» — вторична и определяется в зависимости от того, как определяется личность. В связи с чем можно говорить о персонологической трактовке бытия. Выше приведенные отсылки к авторам, чьи концепции предполагали включение в категориальный аппарат анализа личности категорию «бытие» (экзистенциальный подход, гуманистическая концепция личности А. Маслоу и др.), показывают, что само понимание личности у разных авторов различно и взгляд на содержательную интерпретацию бытия также различается.

К проблеме неоднозначности трактовок понятия «личность» в психологии обращались многие психологи (Мадди, 2002; Хьелл, Зиглер, 1997; и др.). Анализ затрудняет множество концептуальных схем или теорий личности, в контексте которых это понятие оформляется. К. Роджерс описывал личность как организованную, субъективно воспринимаемую сущность (Self), которая является ядром эмоционального опыта человека. Для Э. Эриксона личность — функция результата пережитых ею жизненных кризисов. Дж. Келли рассматривал личность как уникальный путь индивидуума в «извлечении смысла из жизненного опыта». А. Бандура определял личность как модель, в которой человек, поведение и ситуация непрерывно влияют друг на друга. Отечественные психологи акцентировали внимание прежде всего на общественно-исторической, деятельностной природе личности. Это перечислительное повествование можно было бы продолжать еще долго, поскольку проблема личности в психологии, несмотря на ее значимость, была и остается одной из самых дискуссионных.

В персонологических концепциях категория «личность» является главной и содержание остальных понятий определяется тем, как трактуется личность. Например, общее и обязательное при рассмотрении проблем человека и личности понятие *среда* предстает в различных ракурсах в зависимости от того, в какой теоретической схеме (следуя какой психологической школе) рассматривается человек. Если при бихевиористской трактовке личности среда — это череда стимулов, то в психоанализе это — потенциальные объекты

либидозных фиксаций, а в гештальтпсихологии среда описывается в терминах «предмет», «фон» и т.д.

Тема *времени* и представление о времени жизни личности также различаются в различных персонологических концепциях. В бихевиоризме время жизни складывается как множественная суммация различающихся по длительности, взаимонакладывающихся отрезков. Отрезок времени отражает продолжительность формирования, функционирования и постепенного стирания поведенческого паттерна, на определенном этапе жизни личности входящего в репертуар ее поведенческих реакций. В психоанализе время жизни человека складывается из отрезков — психосексуальных стадий. В гуманистической психологии время жизни — это непрерывающаяся линия, поскольку личность трактуется как целостное образование, предполагающее единство настоящего, прошлого и будущего. Это является условием, определяющим способность личности к ощущению самотождественности (идентичности). В трансперсональной психологии время жизни продолжается за границы бытия живого тела.

Персонологическая трактовка *бытия* или личностный подход к рассмотрению бытия предполагает уточнение содержательного наполнения этой категории, и одновременно введение категории «бытие» в концепцию личности предполагает уточнение позиций во взглядах на личность. Следует подчеркнуть, что формируемый нами субъектно-бытийный подход к рассмотрению личности развивается не на отрицании выше перечисленных направлений, а на их конструктивной интеграции (Рябикина, 1995, 2003, 2005). Наша задача — увидеть происходящее в современной науке как естественное продолжение всего, что уже состоялось.

Как отмечено выше, основные умозаключения, сформулированные С.Л. Рубинштейном в концепции бытия, относятся к более общему, нежели «личность», философскому пониманию категории «человек», но, именно в силу того, что категория «человек» является более общей, эти умозаключения могут быть отправными и в анализе отношения «личность–бытие». Главные утверждения, выражающие взгляды С.Л. Рубинштейна, представлены следующим образом. Во-первых, бытие с появлением человека выступает в новом качестве — как *преобразованное* сознанием и деятельностью человека. Во-вторых, оно теперь включает в себя (а) предметы, наделенные со-

циальным значением, и (б) субъектов, вступающих в определенные отношения. Таким образом, «неправомерно сведение бытия только к объективной реальности» (Рубинштейн, 2003, с. 350) как предшествующей и независимо существующей от личности и ее сознания.

В.В. Селиванов, продолжая эту линию рассуждений в своей статье, останавливается на двух основных значениях категории бытия, сложившихся в философии (Селиванов, 2005).

В первом случае бытие предстает как материальный мир, объективная данность, существующая независимо от сознания, противопоставленная сознанию и психическому как идеальному.

Во втором случае это понятие привлекается для обозначения существующего, того, что противоположно понятиям «ничто», «небытие». Психическое — объективно существующая субъективная реальность. Пока человек жив и «существует как субъект, наделенный сознанием, он “бытийствует”, он есть бытие» (Там же, с. 148). Таким образом, психическое (как идеальное) и его субъект есть бытие, а также следствия внутренней жизни, объективированные субъектом в материальном мире, есть бытие.

Как связаны личность и ее бытие, по каким законам разворачивается их взаимоотношение? Эта проблема имеет колоссальные традиции, которые «касаются не только изучения, но и сомнения» (Белинская, Тихомандрицкая, 2001, с. 3). Является ли личность «слепком» социального бытия или бытие является следствием психологических закономерностей развития и функционирования личности? Конечно, влияния не однонаправлены. Как пишут те же авторы: «Рефлексии этих оппозиций подчинена история всего гуманитарного знания — от Аристотеля и Платона <...> до наших дней» (Там же).

Бытие богаче того ментального проекта, который в нем воплощен или мог послужить толчком к его преобразованию. Поэтому в нем всегда есть стимулы к преобразованию представлений человека о мире, к наращиванию его социального опыта и, в соответствии с этим, к изменению его как личности. Но и личность с ее способностью к антиципации, творческой переработке социального опыта в своих ментальных проектах выходит за рамки своего социального бытия.

Личность и ее бытие могут быть поняты только как взаимозависимые аспекты единого целого, взаимообуславливающие друг

друга стороны тотальности. Но на разных стадиях развития общества и личности, в различные возрастные периоды, переживаемые человеком, в различных психологических состояниях личности (например, различные статусы личностной идентичности) мера субъектности, авторства в творении бытия различается.

Эти послылки реализованы в *субъектно-бытийном подходе к рассмотрению личности*, но, поскольку речь идет о диаде взаимообусловленных в своем содержании категорий «личность–бытие», они одновременно определяют особенности *личностного подхода к бытию*.

2.7.3. Категориальная диада «личность–субъект»

А.В. Брушлинский раскрывает понятие «субъект» следующим образом: «Субъект — это всеохватывающее, наиболее широкое понятие человека, обобщенно раскрывающее неразрывно развивающееся единство, целостность всех его качеств: природных, социальных (social), общественных (societal), индивидуальных и т.д.» (Брушлинский, 2003а, с. 22). В сопоставлении с таким образом определяемым субъектом личность дефинируется как «менее широкое определение человеческого индивида». При этом Андрей Владимирович отмечал отсутствие единой позиции во взглядах на соотношение понятий «субъект», «личность», «индивидуальность» и характеризовал эту область научной коммуникации как дискуссионную (Там же, с. 18–19).

Б.Г. Ананьев считал разделение человеческих свойств на индивидуальные, личностные и субъектные относительным, но при этом полагал, что *ядро этого целого — структура личности* (Ананьев, 1996, с. 220).

В категориальной системе, предлагавшейся А.В. Петровским и М.Я. Ярошевским, «личность выделяется как экстра категория, то есть получает наивысший статус» (см.: Богданович, 2005, с. 71).

В.В. Селиванов пишет о двух субъектных парадигмах, сложившихся в отечественной психологии (Селиванов, 2005). В рамках традиционной субъектной теории понятие «личность» выступает как более широкое по отношению к понятию «субъект» (К.А. Абульханова, Л.И. Анцыферова и др.). В трактовке А.В. Брушлинского понятие «субъект» является более широким по отношению к понятию

«личность», и В.В. Селиванов придерживается этой же точки зрения (*Там же*).

Деконструкция научных понятий показывает, что в зависимости от различающихся контекстов научных интересов исследователей, в зависимости от категориально-понятийных моделей, в которые включено понятие, акцентируются его различные аспекты. Это касается и категории «субъект», содержание которой обусловлено различающимися научными подходами (субъектно-деятельностный, системно-субъектный, субъектно-средовой, субъектно-бытийный и др.) и той внутренней историей «работы с понятиями», которая происходила (и происходит) в процессе оформления подхода. В создававшейся А.В. Брушлинским *психологии субъекта* главенствовало «стремление <...> при исследовании психологии человека *не ограничиваться когнитивными схемами рассуждений* (выделено нами. — З.Р.)», и для Андрея Владимировича это стало очевидным, когда он обратился к анализу проблем тоталитаризма, свободы, гуманизма, духовности (см.: *Знаков*, 2008а). В *субъектно-бытийном подходе к личности* обращенность к категории «субъект» возникла и стала необходимой для того, чтобы операционализировать гуманистическую интерпретацию личности со свойственным ей акцентом на теме самоактуализации. Таким образом, в субъектно-бытийном подходе слились и получили свое продолжение *традиции гуманистической интерпретации личности и субъектного подхода к человеку*. Предлагая свою концепцию человеческой природы, представители гуманистической психологии подчеркивали важность свойственной человеку интенции самоактуализации, присущего ему стремления «состояться во всей полноте своего потенциала» (*Маслоу*, 1997). Основная тема «третьей психологии» — тема человека, способного создавать бытие, аутентичное его природе. Сама интенция дана человеку от природы, но конкретные очертания, возможность и содержание самоактуализации, того, *как и с какой полнотой* человек реализует себя в мире, определяются не только социальными обстоятельствами, культурой, но тем местом, которое занимает человек в мире, его *субъектной* или *асубъектной* позицией.

Субъектный подход фокусирует внимание на поиске и рассмотрении источников, причин активности в самом человеке, на *изначально* активной роли социализируемого индивида (А.В. Брушлинский), а также на взаимной имплицированности бытия и человека

(С.Л. Рубинштейн), на свойственной человеку как субъекту способности порождать новые формы бытия, объективируя в нем свое субъективное.

Не случайно в предисловии к последней книге А.В. Брушлинского его ученик и последователь В.В. Знаков, характеризуя эволюцию взглядов ученого, пишет о том, что «С каждым годом для него все более значимыми и интересными становились закономерности формирования вершинных проявлений психологии субъекта <...> Соответственно он все чаще задумывался о сходстве и различии субъектно-деятельностного подхода с гуманистической психологией» (Знаков, 2003а, с. 16).

Развиваемый нами **субъектно-бытийный подход к личности** призван подчеркнуть направленность человека на переустройство бытия в соответствии со структурой сложившихся личностных смыслов, то есть на преобразование реальности внешнего мира таким образом, что мир становится следствием объективирования субъективного и продолжением личности, следствием ее экспансии. При этом пространства бытия личности непосредственно включаются в ее структуру (этот взгляд представлен также в концепциях У. Джемса, К. Левина, Э. Мэйли, С.К. Нартовой-Бочавер и др.) и личность как субъект бытия становится фактором, объединяющим все стороны бытия человека (как субъективные, так и объективные) в неразрывное целое.

Мы неоднократно высказывали свою точку зрения на отношение понятий «личность», «субъект» (Рябикина, 2005 и др.). Нам представляется необоснованным пытаться выделить абсолютные приоритеты в их взаиморасположении. Онтогенез субъекта и личности различается: субъектность может быть доличностной, личностной, внеличностной. С другой стороны, личность в различных пространствах своего бытия в разной степени способна реализовать субъектную позицию.

В статье «Теоретико-эмпирическая интерпретация личности с позиций психологии субъекта А.В. Брушлинского» (Рябикина, 2009) мы рассматривали эту проблему и подчеркнули, что хотя в категориальном аппарате психологии субъекта А.В. Брушлинского категория «личность» предстает вторичной и интерпретируется менее развернуто (Брушлинский, 2003б), но основные идеи, раскрывающие суть категории «субъект», очерчивающие содержание субъектного

подхода в психологии, не могут не влиять на интерпретацию личности, а также тех феноменов и процессов, которые традиционно включаются исследователями в поле личностной проблематики.

Мы полагаем, что, утверждая приоритет в системе научных понятий категории «субъект» над категорией «личность», А.В. Брушлинский, прежде всего, преследовал цель утвердить во взглядах на человека изначально, природно присущую человеку интенцию направленности на преобразовательную активность, на изменение, подчинение среды обитания его запросам. В этой связи само становление личности есть следствие субъектной позиции, которую занимает человек по отношению к миру и к самому себе. Именно категория «субъект» преодолевает дефицитарность детерминистского подхода в интерпретации психики и личности.

Неизменно затрагиваемая персонологами различных школ и различно ими трактуемая проблема целостности личности в контексте субъектного подхода обретает интерпретацию, расширяющую представление о пространстве объединяемых феноменов и утверждающую субъекта в качестве системообразующего фактора. Именно активность субъекта придает целостность, неразрывность всем разнообразным качествам человека. Именно субъект объединяет все стороны бытия человека (как субъективные, так и объективные) в неразрывное единство (*Там же*).

2.7.4. Содержание субъектно-бытийного подхода к личности

Основные положения концепции личности, которые представлены в ранее опубликованных работах (*Рябикина, 1995, 2003; Рябикина, Ожигова, 1999*), раскрывают содержание *субъектно-бытийного подхода* в рассмотрении личности. Остановимся на основных тезисах.

Рассуждая о содержательном наполнении понятия «личность», прежде всего задаемся вопросом: «Какие из феноменов мы вправе отнести к этому понятию?» Приведенный выше беглый обзор персонологических направлений и взглядов на личностную феноменологию выглядит неоднородно, но позволяет прибегнуть к простой дифференциации. Все, что нам ведомо, делится на «объективную реальность» и «субъективную реальность». Первая представляет

собой все, что существует помимо нашего сознания, вне нашего внутреннего мира и той сущности, которую мы называем психической реальностью. Субъективная реальность включает содержание индивидуальной психики и представлена только самому субъекту. Объективная реальность предшествует индивидуальной психике, то есть существует по свойственным ей законам до того, как начинает оформляться «внутренний мир» конкретного, появившегося на свет и начинающего свой жизненный путь индивида. Она и определяет содержание внутреннего мира, то есть субъективную реальность. Объективная реальность и есть то, что безупречно попадает под обозначение «бытие, которое определяет сознание».

При этом объективная реальность может быть классифицирована по различным основаниям. Например, в ней могут быть выделены физический мир и биологический мир или мир вещей и мир людей, а может быть осуществлено деление на пространства разных культур и т.д.

Выделим в объективной реальности те пространства феноменов и явлений, которые традиционно рассматриваются в психологии как существенные детерминанты становления индивидуальной психики и личности, а именно:

- а) организм или пространство морфофизиологических, функциональных особенностей индивида;
- б) пространство предметов и событий среды;
- в) пространство поведенческих паттернов (сложившихся в культуре способов оперирования индивида с предметами).

Выделение в данном случае именно этих пространств не случайно. Оно прослеживается и подтверждается самим ходом исторического развития психологии, сущность которого всегда была связана с поиском предмета исследования, а в качестве такового для различных психологических школ выступали разные области реальности (Рябикина, 1995, 2005).

Все три объективно существующих пространства: (а) организм как целостность индивидуальных процессов и состояний; (б) внешний «вещный» мир, претворенный в человеческом обществе в систему значений, образующих мир культуры; (в) пространство поведенческих паттернов (субъектом которых является сообщество) — могут существовать помимо конкретной личности, и в этом смысле они личности предшествуют. Индивидуальная психика есть «место»

их соотношения и согласования. Мы испытываем удовлетворение, полноту жизни, когда происходит соединение нашего побуждения с внешним объектом (опредмечивание) и способом его присвоения. Согласование системы потребностей индивида с системой «означенных» культурой событий среды (потенциальные предметы его потребностей в том числе) и системой интериоризированных индивидом способов деятельности, ориентированных на присвоение отвечающих его потребностям предметов, — вот задача, решаемая в онтогенезе по мере формирования психической организации и личности как вершинного интегратора этой организации.

Но можно ли считать, что названные три пространства реальности, внешние по отношению к внутреннему миру личности, являются объективными основаниями, создающими ее субстанциональность?

Э. Шпрангер полагал, что понятие «субстанциональность» в психологии «есть не что иное, как предпосылка к тому, чтобы вообще научно понять образ действий духовного субъекта, субъекта, идентичного во времени», и считал неправомерным понимать Я «как текущие процессы, как акты» (Шпрангер, 1980, с. 287). Хотя именно такая позиция воспринималась им как очевидная, если субстанциональность интерпретируется только в качестве «материальной субстанции». Субстанциональность индивидуального духовного субъекта (личности) мыслилась им как связанная со своеобразием такого субъекта, не могущего оставаться неизменным, развивающегося, но в процессе развития «его “сущность” закономерно сохраняется через известные изменения состояний, необходимо следующих одно из другого». То есть «сверх временно протекающих отдельных переживаний и актов, предполагаем в отдельном субъекте диспозиции переживания и диспозиции действия». Это — «осадок закономерного от всего накопленного опыта», и он схватывает «идентичное в меняющемся во времени» (Там же).

Проблема субстанциональности психологического, то есть устойчивости, цельности, сохранности во времени, противопоставляется атомизму череды конечных актов реагирования на стимулы. Связанная с интерпретациями «личностности», она может быть рассмотрена как аналогичная проблеме субстанциональности жизни организма. Очевидность последней не отрицается. И при этом сама сохранность этой субстанции возможна лишь при не-

прекращающихся изменениях. Процессуальность — неотъемлемая сторона жизни. Прекращение процессов означает смерть и переход субстанции в новое качество. Но процессы в живой субстанции не порционны. Они организованы в некое поддерживаемое, уравновешиваемое единство. Нарушение равновесия ведет к разрушению единства, к деструкции субстанции. Таким же образом можно рассматривать и происходящее с личностью как интегратором психического. Личность организуется как согласованное единение психических процессов, принадлежащих единой живой субстанции — индивиду. *Личность*, трактуемая в контексте психологического феноменологизма, — *это процессуально претворяющая свое бытие в психических явлениях субстанция*.

Г.В. Биренбаум и Б.В. Зейгарник (см.: *Братусь*, 1988) предложили дифференцировать пространство психических явлений на смысловое и действенное поле. Если первое определяется именно как смысловой слой сознания, то второе — как бытийный слой психики, проявляющийся в побуждениях, образах, значениях, программах действий и пр.

Соглашаясь с тем, что смысловое поле составляет «особую психологическую субстанцию личности», следует более дифференцированно представить бытийный слой психики. В этом слое представлены те три пространства явлений, которые имеют непосредственное продолжение в объективно фиксируемых событиях человеческого бытия, то есть одновременно выступают как психологические и внепсихологические (в отличие от пространства смыслов, являющегося только психологическим). Это пространства: (а) организмических состояний индивида (мера и качественные характеристики его пристрастности); (б) реалий среды и (в) деятельности. В психологическом пространстве они воссоздаются как взаимосвязанные, «взаимоперетекающие» подпространства: мотивационно-потребностная сфера, образ мира, планы и структуры поведения. Конечно, они захватывают и смысловое или собственно личностное поле. В личностном смысле (в отдельной смысловой единице личности) три названные стороны бытия репрезентированы как его компоненты: аффективный, когнитивный, конативный.

После самого общего представления взгляда на *структуру личности в контексте субъектно-бытийного подхода*, когда бытие не только выступает внешней причиной, обуславливающей ее станов-

ление и функционирование, но пространства бытия личности непосредственно включаются в ее организацию, приведем несколько тезисов, связывающих структуру с динамикой.

Первоначально необходимость согласования между тремя пространствами объективных явлений служит причиной возникновения личности как органа, обеспечивающего эту согласованность и, как следствие, выработку человеком адаптивных форм поведения, соответствующих, с одной стороны, *потребностям*, а с другой — характеристикам *внешнего объекта*, посредством которого эта потребность может быть удовлетворена. Но личность не просто ориентирована на овладение предваряющими ее пространствами явлений посредством все более полного и точного их отражения в себе, посредством аккомодации (настраивания, уподобления) психического органа. Далее ее развитие сопряжено с появлением и возрастанием способности к *порождению новых образований в пространстве психики*.

Таким образом, позднее личность из следствия согласований становится причиной согласований, овладевая подчиненными ей субъективными и объективными пространствами, которые еще позднее она начинает выстраивать как субъект, самоактуализируясь в этом созидании нового, воспроизводя структурные характеристики своего сложившегося смыслового пространства и его содержание в объективных пространствах своей организмичности, своей деятельности, своей жизненной среды.

Приведем пример, который, может быть, несколько утрированно передает возможную жизненную ситуацию. Человек, для которого особым смыслом наполняется представление об эстетичности и привлекательности его тела, активно реконструирует свою телесность, прибегая к современным технологиям. Жизненная среда преобразуется в пространство бытия, наполненное необходимыми атрибутами, и жизнедеятельность структурируется в соответствии с названными задачами.

Личность предстает как структура (психический орган), создающая новое измерение в пространстве психической реальности, как высший интегратор, «обращающий» направление основных детерминирующих развитие психологической организации человека влияний, исходящих из внешнего (по отношению к психике), объективного мира. По мере формирования личности (как в онтоге-

незе, так и в историко-культурном генезе), человек все в большей степени освобождается от внешних детерминант и сам становится детерминантой происходящего с его организмом и средовыми обстоятельствами бытия

Разработанное в отечественной психологии понятие о функциональных органах создает возможность говорить об опережении в генезе диады «мозг–психика» определенных психических новообразований. Мозг, как материальный орган, поливариативен в своих возможностях, и функциональные органы высшей нервной деятельности, то есть тонкая специализация во взаимодействии его отдельных клеток, создается именно возникающими психическими функциями, которые, повторяясь, создают, формируют этот орган.

Следовательно, мозг как часть телесности с потенциальной возможностью продуцировать психические явления предвдвряет и обуславливает возникновение психики, ее становление; но мозг как функциональный орган, функционально организованный аппарат — является результатом, следствием психических явлений. В этом относительность, объяснение неполноты утверждения «психика есть свойство мозга». Есть основания утверждать, что мозг является следствием психологического функционирования человека как личности, следствием прожитого и пережитого человеком. То есть на определенных ступенях развития психической организации личности ранее названную формулу следует учитывать в «обращенном» виде. Обратные влияния в этой диаде «мозг–психика» нарастают в ходе субъектогенеза. Достижения субъектной психофизики (Скотникова, 2002), множественные исследования влияния человека как субъекта на состояния и процессы своего организма доказывают это (Травайо, 2000). В работах Б.Г. Ананьева и его учеников реализованы попытки рассмотрения организмических изменений как стороны личностной бытийности на всем протяжении онтогенеза.

Утверждение, что психика есть отражение, указывает на однонаправленную зависимость и также давно не воспринимается столь однозначно. Уже в текстах советского периода С.Л. Рубинштейн предлагал определять психику не только как отражение реальности, утверждая при этом свойственную ей способность противодействовать оказываемым на нее воздействиям, а также способность вступать с ними в активное взаимодействие (Рубинштейн, 2003).

Рассматривая вклад С.Л. Рубинштейна в развитие отечественной психологической мысли, авторы предисловия к переизданию его трудов написали следующее: «Философско-антропологическая онтологическая концепция познания Рубинштейна, преобразуя, “снимает” официальную марксистскую теорию “отражения”» (Абульханова, Славская, 2003, с. 23).

С.Д. Смирнов по этому поводу писал, что «построение образа внешней реальности есть, прежде всего и главным образом, актуализация той или иной части уже имеющегося образа мира и, лишь во-вторых, это есть процесс уточнения, исправления, обогащения или даже радикальной перестройки актуализированной части картины мира...» (Смирнов, 1981, с. 25).

По мере формирования личности, нарастания организованности, усложнения психической реальности, она все в большей степени предопределяет как результаты конкретного акта отражения, так и саму отражаемую, внешнюю по отношению к психике, реальность. Объективная реальность среды, обуславливающая жизнь человека, есть прямое следствие и воплощение его психической активности. Культура, организующая и преобразующая среду реальных явлений и событий, в которых живет человек и которые им отражаются, сама есть «окаменелости» реализованных им в прошлом психических функций. *Человек живет в мире созданных им вещей и смыслов.*

Обусловленность психической организации человека деятельностью рассматривалась в отечественной психологии как главный фактор ее детерминации. Ю.Б. Гиппенрейтер в связи с этим писал: «Деятельность принимается как исходная реальность, с которой имеет дело психология, а психика рассматривается как ее производная» (Гиппенрейтер, 1988, с. 127). Но далее появилось много авторов, чей экскурс в область различной психологической феноменологии создавал основания для следующих умозаключений: «Его (деятельностного подхода. — З.Р.) претензия на объяснение всей реальности психического оказалась чрезмерной» (Зинченко, 1991а, с. 136).

Итак, высшие уровни интеграции психической реальности, обеспечивающие возникновение личности, достигаемая в процессе личностного роста целостность психического органа, возрастающая субъектность личности проявляются в ряде следствий.

Во-первых, в том, что возникший психический орган (личность) в значительной степени подчиняет себе функциональную

организацию нервной деятельности, что проявляется в формировании новых функциональных органов мозга в соответствии с решаемыми психологическими задачами. А поскольку, как отмечал Б.Г. Ананьев, головной мозг человека постепенно подчиняет своему контролю изменяющиеся в процессе роста и созревания функции организма (Ананьев, 1969), речь идет и о подчинении состояний организма состояниям личности.

Во-вторых, этот орган (личность) детерминирует процесс отражения, вкладывая в содержание отражаемого то, что выступает следствием отнесенности этого содержания к системе личностных явлений психики и что «объективно» другим наблюдателем может не фиксироваться.

В-третьих, этот орган (личность) обеспечивает целенаправленное освоение и выработку таких способов взаимосвязи со средой или форм деятельности, которые распредмечивают действительность в соответствии с целями, запросами, потребностями личности.

Таким образом, личность как высший интегратор психической реальности «обращает» направление детерминирующих влияний: от внутреннего к внешнему, от субъективного к объективному, от идеального к материальному. В концепции В.А. Петровского в качестве предпосылки *активной неадаптивности* предполагается освобождение субъекта от (а) актуального средового влияния и от (б) собственных организмических состояний и сиюминутных потребностей (Петровский В.А., 1996).

Итак, три пространства системно организующихся объективных материальных явлений (пространство организмических характеристик, включающее нейродинамические явления; пространство событий среды; пространство деятельности) предшествуют личности и определяют ее генез на начальных стадиях, но далее их отношение изменяется.

В обобщающей работе А.Г. Асмолова «Психология личности» находим следующее утверждение: «На определенном этапе развития личности взаимоотношение между личностью и порождающим ее основанием изменяется <...> Иначе говоря, в ходе жизни обозначается переход от режима употребления, усвоения культуры к режиму *овладения*...» (Асмолов, 1990, с. 161–162). Раскрывая суть рассматриваемого процесса, А.В. Брушлинский писал, что «человек становится субъектом в процессе овладения средой как объектом...»

(Брушлинский, 2003а). В работах К.А. Абульхановой-Славской, Л.И. Анцыферовой, А.К. Осницкого и др. созданы основания для обоснованного представления о субъектности как целостной характеристике активности личности, направленной на овладение собой и миром, на преобразование себя и мира с целью достижения и сохранения идентичности.

В целом анализ работ по проблемам отношений «личность–среда (объективная реальность)» позволяет представить процесс становления и развития личности как процесс изменения содержания данных отношений и определить, что рост субъектности реализуется в стремлении личности «экстериоризировать» себя в среду, привнося в нее свое, преобразуя ее в соответствии с собственными смыслами.

«Корни» понятия «овладение» содержатся еще в работах Л.С. Выготского. Он характеризовал «овладение» как процесс сознательной, целенаправленной, избирательной активности личности, которая направлена на изменение (с целью совершенствования, «окультуривания») окружающей среды («природы») и себя (своего поведения, высших психических функций). В процессе овладения новыми пространствами личность расширяет собственные границы, персонализируясь в этих пространствах.

Рассмотрим пример направленности личности на овладение. В качестве причин, объясняющих привлекательность спортивной карьеры, ее субъекты в интервью часто обозначают следующие: (1) много поездок (овладение пространством), (2) индивидуализированный график достижений с опережением традиционного временного ряда (овладение временем), (3) спортивные достижения располагают субъекта в иерархии статусов «над», то есть позитивное внимание окружающих центрировано на нем (овладение пространством межличностных отношений); (4) поддержка тела в хорошей физической форме (овладение телесностью); (5) формирование сильного, волевого характера (овладение собой) и т.д.

Вследствие овладения, человек привносит «свое», личностное, во внешнюю среду (в знания, общественные представления, образы кумиров, профессиональное пространство и т.д.). Таким образом, овладевает ею и одновременно меняет пространство для Другого. С.Л. Рубинштейн по этому поводу писал, что вследствие «объективации опредмеченное бытие человека поступает в оборот жизни и

осваивается другими людьми в духовном, в экономическом плане» (Рубинштейн, 2003, с. 376).

К.А. Абульханова-Славская в качестве важнейших проявлений субъекта называет те изменения, которые он вносит в действительность (см.: Богданович, 2005, с. 76). Субъектность — онтологическое качество и, обращаясь к высказываниям А.В. Брушлинского, Н.В. Богданович подчеркивает, что «на каждом этапе развития человек находится на определенном уровне преобразовательной активности» (Там же, с. 61). «По мере взросления человека в его жизни все большее место занимают саморазвитие, самовоспитание, самоформирование» (Брушлинский, 2003б, с. 9). Усиливается избирательность личности в ее отношениях с внешним миром, выделяется определенный круг внешних воздействий, то есть *самим человеком формируется специфическая среда его жизни*.

В.А. Ганзен, характеризуя личность, использует такие словесные конструкции, как «выстраивание» собственного бытия и «субъектная включенность в жизненную ситуацию», тем самым подчеркивая отличающую человека способность «выстраивать» собственное *бытие*, то есть быть его субъектом (Ганзен, 1984).

Итак, личность как высший интегратор психической реальности перенаправляет вектор детерминирующих влияний: если первоначально объективное обуславливает субъективное, то затем, по мере оформления личности и возрастания ее субъектности, все в большей степени ментальное, то есть субъективное, детерминирует характеристики и обстоятельства бытия. Личность не только освобождается от актуальной средовой детерминации и детерминации организмическими состояниями, но, овладев объективными пространствами бытия, личность как субъект создает и трансформирует среду своей жизни.

В нашем рассмотрении *структурно личность предстает как полисистемное образование, включающее помимо пространства собственно психических субъективных явлений (структура личностных смыслов и бытийный слой психики) объективные пространства личностной бытийности (организм, события среды, деятельность)*. Как они возникают? Пространства объективной реальности, предваряющие личность, по мере ее (личности) формирования реорганизуются ею в соответствии со структурой складывающихся личностных смыслов, преобразуясь в *пространства ее бытия*.

В структуре личности системно организованное пространство смыслов занимает позицию **над** феноменами бытийного слоя психики и объективными пространствами ее бытийности. Развитие личности и обретение человеком личностной зрелости сопряжены с появлением и возрастанием способности к порождению новых образований внутри пространства смыслов и самоактуализацией, трактуемой нами как *экспансия Я (структура личностных смыслов) на внешние пространства*, вследствие чего *объективные пространства (бытие до личности) становятся бытийными пространствами личности, ее продолжением и частью*. Это подчеркнул в своих записках и А.Н. Леонтьев: «Личность <...>, ее коперниканское понимание: Я нахожу свое “Я” не в себе самом (его во мне видят другие), а вовне меня существующем — в собеседнике, в любимом, в природе...» (Леонтьев А.Н., 1983).

После рассмотрения вопросов о структуре личности и ее динамике, естественно, возникает вопрос о том, что движет человеком. Что побуждает личность к усилиям, обеспечивающим представленную здесь в описании динамику?

На основе соотносительного анализа многих сложившихся в психологии концепций личности нами предлагается ее рассмотрение как реализующей в своем поведении *три сопряженные базовые потребности*:

- (а) *потребность в самоактуализации, в экспансии, реализации расширительных потенциалов Self, что проявляется через тенденцию к овладению внешними пространствами (гетеростатическая модель потребностной сферы);*
- (б) *потребность во внутренней согласованности и сохранении целостности психического (гомеостатическая модель потребностной сферы);*
- (в) *потребность быть подтвержденной* внешним, тем, через что объективировано ее субъективно-внутреннее (потребность в обретении и поддержании целостности внешнего и внутреннего, объективного и субъективного пространств личности).

Эти три потребности — стороны единой глобальной интенции, с которой человек (как и все живое) появляется на свет, — **быть**, то есть *поддерживать и расширять свое бытие*. Развитие личности предстает как *расширение ее бытийности*.

Человек, с одной стороны, развивается через инкорпорирование вещей из окружения, с другой стороны — он «распространяет» себя на окружение. А. Ангял называл личность расширяющимся «темпоральным гештальтом», или паттерном с взаимопредставленными прошлым, настоящим и будущим (Холл, Линдсей, 1997). Точнее, это — пространственно-временной гештальт. Ангял характеризовал центральный замысел жизни как желание личности сформировать собственное бытие в значимую, полную *расширительных возможностей* целостность, которая дает чувство единства всей жизни.

В самих утверждениях того, что внешняя реальность выстраивается человеком в соответствии с его запросами, нет ничего нового. Можно процитировать многих, кто развивал этот взгляд. А. Маслоу утверждал, что потребность организует и даже строит внешнюю реальность (Maslow, 1987). Х. Кохут подчеркивал, что люди создают свою собственную реальность (Kohut, 1977). Ф.В. Шеллинг в несколько более эксцентричной форме утверждал: «Конечная цель Я <...> воспроизвести в Я природу, а в природе Я» (см.: Зинченко, 1991б, с. 31). Ф. Фукуяма высказался более развернуто, но о том же: «Сфера сознательного, в конечном счете, с необходимостью проявляет себя в материальном мире, точнее, формирует материальный мир по собственному образцу и подобию. Сознание — это причина, а не следствие...» (Фукуяма, 1989, с. 89–90). Э. Фромм провозглашал: «Человек может устроить свою жизнь сообразно своему характеру и таким образом достичь определенного уровня соответствия между внутренней и внешней ситуациями» (Фромм, 1992, с. 63–64). Обращаясь к теме человека, «созидающего свой многомерный мир как основание осмысленного бытия», Э.В. Галажинский приводит слова О.К. Тихомирова: «Психика релевантна не отражению объективной реальности, а *порождению новой реальности*» (Галажинский, 2003, с. 78). Примеры подобных высказываний можно продолжать.

Человек изменяет бытие (понимаемое как объективно существующая реальность) в соответствии с тем, как его *осмысляет*, то есть в соответствии с личностными смыслами, которыми его наделяет. Поскольку смысл включает отношенческий (аффективный) аспект, то есть всегда отнесен к организмическому в человеке и выражает его (человека) пристрастность, естественно, структура личностных смыслов является отражением структуры телесно-

сти, лежащей в основе Я. Процесс переструктурирования бытия в реальном преобразующем действии субъекта или через его *пересмысление* в актах познания (созерцания) субъекта, как правило, не рефлексивируется им как самоактуализация. Но если мы не задаемся вопросом «какой смысл я в это действие вкладываю?», это совсем не значит, что действие бессмысленно. Человек, как субъект преобразования, не говорит, что он занимается самоактуализацией (неявный мотив), но говорит о планах что-то создать и о переживаемом им как личностью вдохновении и творческом подъеме. Глобальная интенция самоактуализации в прямом обозначении не является сознанию личности, но представлена в нем как дифференцированная на более частные и конкретные побуждения и обусловленные ими действия с предметами внешнего мира. Таким внешним по отношению к пространству психологических феноменов являются не только события среды, но и само поведение (деятельность) человека, анатомио-физиологические и процессуально-динамические характеристики его организма. Свое поведение и свой организм субъект самоактуализации, субъект преобразования бытия также реорганизует, то есть создает в соответствии со структурой своей смысловой организации, стремясь к конгруэнтности внутреннего и внешнего мира.

Таким образом, трансляция Я или системы личностных смыслов на внешнюю реальность связывается не только с изменениями системы значений или культуры сообщества, к которому принадлежит индивидуум, либо с изменениями самих событий материальной бытийности, среды обитания. Например, Э. Фромм писал: «Хотя плодотворный человек может создавать материальные вещи, произведения искусства и системы мысли, но куда более важным предметом плодотворности является сам человек» (Фромм, 1992, с. 92). Изменение телесности, подчинение тела разуму (системе личностных смыслов) — естественные следствия субъектного отношения личности к себе.

Система деятельностных (поведенческих) возможностей (как еще одно пространство объективных явлений) несет в себе следы личности в виде характеристик индивидуального стиля и в виде поступков (деяний). Поступок как проявление личности рассматривается некоторыми исследователями в качестве неоспоримого симптома рождения личности. В поступке, как обычно представля-

ется, человек противоборствует навязанной или воспринятой извне системе интерпретаций, системе значений, выношенных сообществом. Он противопоставляет системе значений систему личностных смыслов, которая отличается от первой, так как в ней отражены индивидуальная картина мира, индивидуальная мотивационно-потребностная структура и индивидуальная структура освоенных, ставших личностными деятельностных возможностей. В этом противостоянии усредненно-общему, в попытке изменения средовых условий (в том числе и социальных отношений) проявляется своеобразие Я, стремление воссоздать во внешнем пространстве то, что уже выстроилось внутри, в структуре личностных смыслов. Поэтому поступок — это самоактуализация личности.

Проведенный анализ **структурной организации** личности, ее **динамики** и **побудителей** позволяет заключить следующее. Личность не может быть понята, а свойственная ей процессуальность квалифицирована, если ее бытие не включено в предметную область психологии личности.

Бытие личности — это объективированная в процессах и предметах мира субъективность. *Бытие* есть процесс воплощения смыслового содержания личности в фактах средовых преобразований. В связи с этим принципиальна его дифференциация на аутентичное и неаутентичное. *Аутентичное бытие* — процесс реструктурирования среды в соответствии со структурой личностных смыслов. *Неаутентичное бытие* — воспроизводство и трансляция в среду формально освоенных личностью социальных предписаний, что создает иллюзию адекватного поведения, но таковым, по сути, не является, так как связано с разрывом, отсутствием содержательной связи между способами поведения и глубинными ядерными образованиями личности (ее смыслами). Таким образом, подобное поведение выглядит адекватным по отношению к среде, но не является адекватным выражением внутреннего мира личности. Неаутентичное бытие вступает в противоречие с направленностью личности на удовлетворение трех названных выше базовых потребностей (потребность в самоактуализации, потребность в согласованности и поддержании целостности, потребность быть подтвержденной тому, как внешний мир организован).

Характер бытия является критерием «конструктивной гармонии» личности и среды. Поскольку определенным образом органи-

зованная среда, становясь для человека обстоятельствами его жизни, может как препятствовать, так и благоприятствовать человеку в его стремлении стать зрелой личностью, реализовать свои потенциалы, наполнить бытие смыслом.

Аутентичное/неаутентичное бытие является следствием отношений, сложившихся у личности со средой. В свою очередь бытие (как процесс) порождает в качестве своих результатов личность с определенным опытом прожитой жизни и среду, преобразованную или «претерпевшую от ее использования» человеком и сообществом. Поэтому через рефлекссию, научный анализ бытия открываются возможности совершенствования личности и среды.

В отличие от рассмотрения структуры личности через перечисление ее свойств, подструктур (например, характер, темперамент и пр.), в котором личность предстает как «объективно» описываемая *бессубъектная* сущность, в субъектно-бытийном подходе к личности стержневую, главенствующую позицию в структуре личности занимает рефлекслируемый личностью, в значительной мере сознательно конструируемый ею как субъектом — *смысл жизни*.

Сформировавшееся у личности представление о смысле жизни приводит к изменению «нижележащих» в иерархии смыслов, инициирует переструктурирование в бытийном слое психики (изменяются система мотивов, образ мира, планы и структуры поведения) и далее реализуется (если личность занимает достаточно субъектную позицию) в содержательном изменении объективных пространств ее бытия. Овладевая подчиненными ей субъективными и объективными пространствами бытийности, личность выстраивает их, самоактуализируясь в этом созидании, воспроизводя структурные характеристики своего смыслового пространства и его содержание в пространствах своей организмичности, своей деятельности, своей жизненной среды (организация времени, предметно-пространственной среды, межличностных отношений и пр.).

В качестве иллюстрации овладения бытийным пространством, экспансии личности рассмотрим проблему организации времени. Согласование времени (синхронизация) процессов бытийных пространств человека (организмичности, деятельности и событийности предметного мира) как индивида, субъекта деятельности и субъекта познания, о гетерохронии которых писал Б.Г. Ананьев, является столь же значимым критерием чувства идентичности, как

и чувство единства прошлого, настоящего и будущего личности (о чем писал Э. Эриксон). Наша деятельность не может протекать быстрее, чем это может быть обеспечено условиями динамики процессов нашего организма, но при этом, чтобы деятельность состоялась, ее развертывание во времени должно соответствовать временным характеристикам процессов предметного мира. Таким образом, мы живем (действуем) в тех процессах внешнего мира, динамика которых может быть согласована с возможностями нашего организма и сложившимися моделями нашего поведения. Человек и человечество постоянно расширяют эти возможности, совершенствуя инструменты своей деятельности и способы своего взаимодействия с миром.

Время организуется личностью в виде *распорядка осуществляемых ею дел* в соответствии со *значимостью (иерархия личностных смыслов)*, в соответствии с биологическими (организмическими) ритмами, в соответствии с временными параметрами освоенных навыков, умений и других компонентов деятельности, в соответствии с усвоенными социальными нормами. Другой человек является для нас внешним миром, и с ним мы также должны синхронизировать свою процессуальность, учитывая сложившуюся у него иерархию личностных смыслов, его биологические (организмические) ритмы, временные параметры освоенных им навыков, умений и других компонентов деятельности, а также усвоенные им и выполняющие регулятивную функцию социальные нормы. Это — один из существенных аспектов со-бытия.

В предпринимаемых человеком действиях по расширению своего бытия в пространстве межличностных отношений он нередко сталкивается с интолерантностью партнера, а также с попытками манипулирования им посредством навязываемого структурирования времени (это можно назвать темпоральным давлением). Негативными следствиями такой агрессии могут быть:

- деперсонализация (машинообразность) в условиях искусственно созданного дефицита времени;
- навязанная аритмия, разрушающая сложившуюся синхронность внутриличностных процессов;
- разрыв личностного времени через прерывание личностно значимых действий;

- остановка личностного времени посредством вовлечения в вынужденное ожидание;
- жизнь в «безвременье» (отсутствие социальных идеалов, образцов, стандартов, что препятствует идентификации, то есть обретению личностью единства «прошлого–настоящего–будущего»).

Еще один пример — направленность личности на овладение пространством отношений с другими людьми, реализация стремления выстроить эти отношения в соответствии со смысловой наполненностью взгляда на себя (Образ-Я) и получить *подтверждение* этого взгляда посредством создания *имиджа*.

Потребность личности *быть подтвержденной* является конкретизацией потребности в согласованности внешнего и внутреннего мира личности. Формирование имиджа отражает возможные проблемы с ее реализацией. Создавая имидж, мы помещаем себя в систему значимых для нас отношений (объективное бытийное пространство), и именно в этой системе отношений нам важно получить подтверждение нашего представления о себе (Забазнова, 2001). Отсутствие согласованности между Образом-Я, самоощущением и внешними проявлениями в предъявлении себя другим приводит к *неконгруэнтному имиджу*.

У индивида с неконгруэнтным имиджем нарушается целостность Я-концепции, происходит отвержение или сегментированное принятие себя, возникает и постоянно усиливается страх быть отвергнутым другими, что в итоге приводит к внешне противоречивому поведению, а также к поведению, которое не обеспечивает возможность канализировать внутренние энергии, насытить интенции. Нарастает разрыв между ядерными образованиями личности (потребности, организмический опыт, личностные смыслы и пр.) и формами поведения, способами организации человеком своего бытия.

Еще одно бытийное пространство, которое личность стремится привести в соответствие со структурой своих смыслов, — предметно-пространственная среда. Усилившееся внимание к обустройству предметно-пространственной среды в соответствии с внутренним миром личности, поиск индивидуального в этом обустройстве — выражение более общей тенденции, свойственной сегодня нашей культуре.

Единство человека и предметно-пространственной среды неразрывно. Психологические особенности человека, склад его личности содержательно обуславливают структурирование среды и, выступая средообразующим фактором, наполняют ее смыслом. Потребность личности «продлить» себя в мире вещей является конкретизацией ее стремления к аутентичному бытию.

Посредством работы с вещами и пространством, в котором живет человек (его офис, его квартира, его одежда и пр.), посредством поддержания и совершенствования способности человека оформлять место своей жизни и работы в соответствии со свойственными ему тенденциями развития, аутентичного бытия, в соответствии со свойственной каждому человеку потребностью найти «подтверждение» своему субъективному миру в пространственно-вещном окружении психолог может поддержать личность, вывести человека из кризисных переживаний, помочь ему понять и принять себя, выстроить более комфортные отношения с другими людьми.

Итак, личность может быть понята, только если в поле анализируемых проблем включены *«пространства ее реализаций»*, или *бытийные пространства* (ее время, ее имидж, ее предметно-пространственная среда), так как личность не замкнута во внутреннем, не ограничена психическим, а включает в себя внешние по отношению к психике объективные пространства явлений, реорганизуемые ею в соответствии со структурой ее смыслов. Мы рассматриваем *бытие как следствие самоактуализации личности, то есть как бытие, создаваемое личностью. Бытие личности — это объективированная в процессах и предметах мира субъективность*. Проведенный анализ структурной организации личности, ее динамики и побудителей позволяет заключить следующее. Личность не может быть понята, а свойственная ей процессуальность квалифицирована, если ее бытие не будет включено в предметную область психологии личности.

Бытие как предмет психологии личности включает:

- преобразованную в соответствии с личностными смыслами телесность;
- предметно-пространственную среду, структурированную личностью в соответствии с ее представлениями о красоте, уюте, пользе;

- определенным образом организованное время, отражающее структуру ценностного отношения к различным видам занятости;
- индивидуальный стиль деятельности, отразивший личностное отношение к предмету деятельности и освоенные личностью способы обращения с предметами;
- определенным образом структурированное личностью пространство межличностных отношений;
- создаваемый личностью имидж, «помещающий» ее в систему значимых для нее отношений.

Этот список не является завершенным.

2.7.5. Теоретическая общность субъектно-бытийного подхода к личности с другими подходами

Активная обращенность современной психологии к проблемам бытия и к проблемам субъекта обусловила множественность теоретических решений, разнообразие теоретических моделей, различающихся в акцентах, в том, как трактуются используемые исследователями категории и понятия, на какие аспекты бытия и какие функции субъекта они в большей степени обращают внимание.

Поскольку субъектно-бытийный подход к личности базируется на трех основных, включенных в научный психологический дискурс категориях: *личность*, *субъект*, *бытие*, — он входит в соответствующие конstellации теоретических конструкций, оформившихся, конституировавшихся «вокруг» каждой из названных категорий.

Субъектно-бытийный подход к личности — это, прежде всего, теоретическое построение, выражающее взгляд на личность, ее структуру, динамику, функционирование. Этот взгляд отражает достижения *гуманистической психологии*, со свойственными ей акцентами на темах самоактуализации, аутентичного бытия, личностной идентичности и пр., и обогащается достижениями *психологии субъекта* (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский и др.) и *психологии человеческого бытия* (В.В. Знаков и др.).

Ранее мы уже подчеркнули, что основные идеи, раскрывающие суть категории «субъект», очерчивающие содержание субъ-

ектного подхода в психологии, не могут не влиять на интерпретацию личности, а также тех феноменов и процессов, которые традиционно включаются исследователями в поле личностной проблематики.

Рассматривая субъектно-бытийный подход как развитие и реализацию идей С.Л. Рубинштейна, говоря о преемственности, мы ранее останавливались на очевидном рассогласовании между обозначением подхода как субъектно-деятельностного и постоянным обращением Рубинштейна в своих текстах к категориям «бытие», «мир». Мы полагаем, что это создает основания для обозначения развивавшегося С.Л. Рубинштейном подхода именно как *субъектно-бытийного*, в котором человек рассматривается в своей соотнесенности с модусами бытия; бытие предстает как пространство реализованной человеком субъектности.

А.В. Брушлинский, следуя идее С.Л. Рубинштейна, несомненно, сделал принципиально новый шаг, сформулировав и описав научные основы психологии субъекта. К неоспоримым достижениям А.В. Брушлинского относят расширение им представлений об активности. Его разработки в данной области также «переросли» субъектно-деятельностный подход. «Целостность субъекта означает единство, интегративность не только деятельности, но и вообще *всех* видов его активности. Помимо бесспорно деятельностных оснований <...> в психологии субъекта уделяется значительное внимание и другим проявлениям человеческой активности: общению, созерцанию, бессознательной психической жизни...» (Знаков, 2005б, с. 19). В этой связи также представляется более близким к объему затрагиваемой в теоретическом осмыслении феноменологии использование понятия «бытие».

В.В. Знаков выделяет психологию человеческого бытия как одно из перспективных направлений развития психологии субъекта в том ее варианте, который разработал А.В. Брушлинский (Знаков, 2008а). Субъектно-бытийный подход к личности является частным случаем по отношению к психологии человеческого бытия, поскольку останавливает внимание на тех аспектах бытия, которые обусловлены определенным взглядом на личность. Но, с другой стороны, психология человеческого бытия не исчерпывает проблематику субъектно-бытийного подхода к личности, так как утверждаемые в рамках этой области психологического знания

представления о предмете включают «смысловые образования, выражающие ценностное отношение субъекта к миру. Основной акцент <...> на анализе *ценностных, аксиологических аспектов бытия человека*» (Там же). Психология человеческого бытия «исследует классические проблемы так называемой вершинной психологии: смысла жизни, свободы, духовности, гуманизма» и «классические экзистенциальные проблемы: одиночества, осмысленности или абсурдности бытия, отношения субъекта к жизни и смерти». При этом центральное место в психологии человеческого бытия занимают проблемы, возникающие в критические периоды жизни субъекта (Знаков, 2008б).

В субъектно-бытийном подходе к личности предметной областью являются феноменология и закономерности *личности как субъекта бытия*. Представленная ранее структура личности и характеристика ее динамики служат основанием для более точного позиционирования в области предметных интересов субъектно-бытийного подхода к личности. Предмет в данном рассмотрении включает не только вершинные продукты психической жизни человека (система личностных смыслов и смысл жизни как вершина иерархии смыслов). Важно исследовать, как личностный смысл «проливается» на нижележащие уровни — феномены бытийного слоя психики и явления объективных бытийных пространств личности. Но не менее важно понять, как феномены объективных бытийных пространств личности (характеристики и функции ее организмичности, события и обстоятельства среды, особенности и способы ее поведения) «прорастают» в смыслы. Центральной темой субъектно-бытийного подхода, с позиций которого личность рассматривается как сложно организованная полипространственная система, является тема межсистемных и внутрисистемных *противоречий*, обуславливающих становление и развитие личности (Рябикина, 2008). И особое место в перечне «предметных интересов» занимает тема *со-бытия* личности с другим человеком, тема возникающих и разрешаемых личностью *противоречий* в пространствах *со-бытия* (пример исследования этой проблемы мы приведем в следующем разделе).

Еще одна близкая по научным интересам и сложившимся теоретическим конструкциям, активно развиваемая область психологического знания — онтопсихология. Характеризуя предметную об-

ласть, Н.В. Гришина подчеркивает, что предметом онтопсихологии является индивидуальность человека как субъекта бытия (Гришина, 2005). В центре внимания онтопсихологии находится *жизненный путь* человека как субъекта жизни.

Парадигмальная толерантность и сетевой принцип организации знания — характерные черты современной постнеклассической науки (Юревич, 2001). Обсуждая сетевой принцип в организации психологического знания, М.С. Гусельцева, обращаясь к мнениям многих психологов, полагает, что будущее науки связано именно с сетевым подходом (Гусельцева, 2007а). Рассмотрение и оценка теорий с позиции сетевого принципа предполагают отсутствие их претензий на всеобъемлющий характер и описание в утверждениях теории только фрагментов реальности, осуществленное с какой-то определенной позиции. Фрагментарность, ограниченность конкретной теории — не недостаток, а естественная особенность теоретической конструкции, рефлекслируемая постнеклассической наукой. Научная картина мира формируется как сетевое образование, предполагающее множественность «разновеликих» подходов, фокусирующих внимание на различных аспектах общего объекта исследования. На пересечении научных достижений представителей различных направлений, в их коммуникации исследуемый феномен постигается наиболее точно. Психология субъекта, психология человеческого бытия, субъектно-бытийный подход к личности, другие близкие по своим теоретическим утверждениям направления современной психологии в непрерывном полилоге создают научное знание о психологических закономерностях и феноменологии человека, являющегося субъектом бытия.

2.7.6. Развитие теоретических положений субъектно-бытийного подхода к личности и его эмпирическая конкретизация в исследованиях со-бытия

Развитие субъектно-бытийного подхода к личности реализовалось в создании структурно-динамической теории гендерной идентичности (Ожигова, 2006), в концепции личности как субъекта бытия в экстремальных условиях (Фоменко, 2006а, б), в теоретико-феноменологической модели со-бытия личности в браке (Тиводар,

2008), в теоретико-феноменологической модели субъектной активности личности в контексте ее обусловленности ориентацией на поддержку своей личностной идентичности (Танасов, 2012) и во многих других исследованиях, ориентированных на выявление особенностей бытия личности в различных бытийных пространствах (Бурмистрова-Савенкова, 2006; Диденко, 2008; Панов, 2005; Удачина, 2006; Хозяинова, 2004; Чистилин, 2004; Шлыкова, 2006; и др.).

Субъектно-бытийный подход к личности открывает перспективы новой интерпретации феноменов бытия, по отношению к которым личность выступает субъектом. Одно из таких направлений анализа и интерпретации — сфера межличностных отношений личности, общение. Общение может быть рассмотрено как *область самоактуализации личности*, одно из пространств бытийности, которое она (личность) стремится организовать в соответствии со структурой своих личностных смыслов, реализуя потребность в аутентичном бытии в пространстве межличностных отношений (Рябикина, Сомова, 2001).

Бытие с Другим, или со-бытие, следует отнести к таким средовым обстоятельствам, в которых человек с присущей ему интенцией самоактуализироваться доступными ему способами пытается состояться во всей полноте своего потенциала, расширить свое бытие. В обстоятельствах со-бытия с Другим он, селектируя возможные виды активности, возможные социальные роли, пытается объективировать свой субъективный мир, претворив его в предметно-пространственной среде общего жилища, в организации времени совместной жизни и пр.

В общении реализуется возможность самоактуализации как в форме персонализации (идеальная представленность в Другом), так и в форме культурализации (предметно-преобразовательная деятельность). Зачастую организация смыслового пространства другого человека (других людей), приведение ее в соответствие со структурной организацией смысловой сферы субъекта самоактуализации осуществляется посредством реорганизации объективных пространств их совместной бытийности. Таким образом, две названные формы актуализации в со-бытии с Другим смешиваются. Как обоснованно пишет В.Е. Клочко, мы до сих пор «сталкиваемся с <...> проблемой игнорирования в психологии онтологических оснований человеческой жизни (выделено нами. — З.Р.), когда нивели-

ругуются проблемы пространственно-временной развертки бытия, включая проблемы предметности, реальности и действительного мира» (Клочко, 2008, с. 47). Нашей науке «по-прежнему не хватает понятий, описывающих процесс “инкарнации” (М. Бахтин) вещей в человека, а человека в мир, хотя с каждым днем все глубже принимается мысль о том, что границы между человеком и миром весьма условны» (Там же, с. 46).

Когда бытийные пространства двух и более человек характеризуются *структурно-смысловой общностью*, можно говорить о *со-бытийности*. В идеале со-бытийность предполагает единый образ мира (и структурированную совместно предметно-пространственную среду, время и пр.); сходство поведенческих паттернов, сложившихся способов распределения реальности; достижение телесной (организмической) синтонности, единства или сходства мотивационно-потребностных состояний.

В качестве модели для выделения и анализа феноменологии со-бытия и рассмотрения закономерностей этого сложного явления можно принять *супружеские отношения*. Субъектно-бытийный подход к личности позволяет по-новому рассмотреть и дефинировать феноменологию этого бытийного поля, по-новому интерпретировать практики супружеской жизни.

Со-бытийность строится в непрерывном *диалоге* субъектов. Это — «повседневный мир, состоящий из асимметричных, неопределенных, неустойчивых процессов» (Гусельцева, 2007б, с. 49–50), именно таких, какими сейчас предстают отношения мужчины и женщины в формате брачного партнерства. Понимание такого мира возможно только в диалоге, через анализ диалога, поскольку «объективности можно достичь посредством диалога, коммуникации...» Именно и только интерсубъективность здесь становится критерием истинности (Там же, с. 65).

В исследовании, которое провела А.Р. Тиводар, предложена *теоретико-феноменологическая модель со-бытия личности в браке*. В своей теоретической части она представляет систему теоретических утверждений, позволяющих выделить и концептуализировать феноменологию брачного со-бытия. Феноменологическая часть модели позволяет представить особенности и различия позиционирования мужчины и женщины в браке, динамику феноменов со-бытийности в процессе развития брачных отношений, увидеть и

проинтерпретировать противоречия современного брака (Тиводар, 2008).

Модель со-бытия предполагает континуальность, непрерывность происходящих изменений, а следовательно, возможность преодоления фрагментарности и статичности чертографического подхода, поскольку внимание в исследованиях переключается с рассмотрения личностных черт (как фактора совместимости) на дуальный процесс оформления личностной идентичности субъектов и их аутентичного со-бытия в браке.

В теоретическом рассмотрении проблемы брачных отношений осуществлен переход от *статичного* конструкта «совместимость» и соответствующей ему модели адаптации к *динамическому* конструкту «со-бытийность», отвечающему основным посылам субъектно-бытийного подхода к личности, и соответствующей ему модели конструирования бытия взаимодействующими в общем бытийном пространстве субъектами.

Если основным индикатором *совместимости* служит эффективность совместной деятельности, срабатываемость, то *со-бытие* предполагает помимо деятельности включение многих иных пространств, в которых субъекты его выстраивают (предметно-пространственная среда, время, пространство межличностных отношений и т.д.). Об эффективности этих процессов свидетельствует чувство *субъективного благополучия* личности, глубинной причиной которого является состоявшаяся самоактуализация, обеспечивающая возможность экспансии личности на внешние пространства, достижение конгруэнтности между внутренним и внешним миром и вследствие этого чувство личностной идентичности, подкрепленное тем, как организованы ее бытийные пространства (предметно-пространственная среда квартиры, пространство межличностных отношений и пр.).

Переход от индивидуального и автономного бытия личности к совместной жизни в браке традиционно рассматривался как сложный и чреватый кризисами период взаимного приспособления, проверки и уточнения отношений. В традиционных подходах для его описания применяется модель адаптации. Однако слова «взаимная адаптация» мало проясняют проблему. Остается открытым вопрос о том, чьи нормы принимаются за основу и как определяется необходимое направление адаптивного движения тогда, когда встре-

чаются и пересекаются бытийные пространства двух партнеров в браке. Модель адаптации не дает ответа на эти вопросы. Она не отвечает также и на вопрос о том, чьим становится бытие брачной пары после некоего периода согласования. Модель со-бытия представляется более конструктивной.

Рассмотрение со-бытия брачных партнеров позволило уточнить и дополнить новым эмпирическим содержанием понятие *бытийное пространство личности*. Это понятие позволяет зафиксировать способ существования человека как объективной реальности, наделенной субъективной составляющей. Это — *объективно-субъективная реальность*, обусловленная многообразием различных статусов, которыми наделен человек. Будучи объективным, оно не сводится только к вещественной данности, но одновременно является ментальной конструкцией, обуславливающей наделенность предметов среды смыслами, чувственной окраской, переживанием ценностности и прочей субъективной психологической феноменологией. Бытийное пространство — это продолжение личности (объективация ее личностных смыслов в преобразованиях среды), единство ее средовых идентификационных признаков, закрепленный в предметах и ритуалах *порядок ее существования*. Это — поддерживающий ее идентичность свод напоминаний о пройденном, о том, что состоялось в прошлом и обрело статус материализованного в предметах факта; это обращенные к личности напоминания о намерениях, инициирующие ее активность стимулы, расположенные в бытийном пространстве в соответствии с их значимостью.

Предметно-пространственная среда жилища — одно из бытийных пространств личности, в котором она реализует (претворяет) свою субъектность, подчиняя организацию среды своей сложившейся системе смыслов. Если прибегнуть к образной формуле В.Е. Ключко, «смыслы — это субъективная “разметка” объективной реальности, вырезающая из безразличной “среды” (или столь же безразличного “окружения”) то, что *соответствует* человеку здесь и теперь как *необходимое условие жизни*» (Ключко, 2008, с. 49).

В исследовании супружеского со-бытия интерсубъективность партнеров взята не только как предмет рассмотрения в вербальном диалоге, но и как реализованная в предметном пространстве квартиры. Д.А. Леонтьев, выделяя один из аспектов неклассического прорыва в психологии, подчеркивает: «...психические содержа-

ния и процессы существуют не только в интраиндивидуальной форме, будучи привязаны к активности нервной системы индивида», но также «в объективированной, опредмеченной форме в культурных артефактах и могут передаваться (транслироваться) от индивида к индивиду» (Леонтьев Д.А., 2007, с. 79). В практике повседневного бытия это происходит менее пафосно, посредством организации предметов и пространства близкими нам людьми, создающими предметно-пространственную среду совместной жизни.

Как метод анализа возможна, обоснованна и эвристична деконструкция (Ж. Деррида предложил этот термин для обозначения процесса переосмысления прожитого) «предметного мира», то есть неязыковых атрибутов культуры. Диалог не исчерпывается обменом словами. Смыслы «разомкнутых сознаний» (Бахтин) *взаимодействуют, создавая ткань субъективно-объективного пространства со-бытия* и посредством других знаковых систем. Любой предмет, соотносимый с субъектностью другого человека, предстает в нашем сознании как знак, информирующий нас о характеристиках, намерениях, отношении к нам этого субъекта. Деконструкция «больших научных понятий» — это ее *пафосный* вариант. Примером такой деконструкции может служить рассмотрение бытовых отношений между конкретными субъектами жизнедеятельности как участниками никогда не прекращающегося диалога через анализ предметно-пространственной среды квартиры, в которой они живут.

Исследования показали, что субъектная позиция личности в браке обусловлена ее потребностью в достижении приватности в жилище. Вступив в брак, человек переструктурирует границы своего личного поля в связи с новой конфигурацией отношений, как с брачным партнером, так и с другими членами семьи. Каждый из партнеров очерчивает границы своего приватного пространства (организуется предметно-пространственная среда квартиры, строится и согласуется временной распорядок жизни, выстраиваются приоритеты в отношениях с внешними Другими и т.д.) и пространства своей сформировавшейся молодой семьи. Разделенность среды и выделение в ней приватного пространства позволяют личности, с одной стороны, реализовать свою субъектность, а с другой — стать средством для балансирования ее потребностей в совместности и автономности. В отношении личности с предметной средой жилища прослеживаются ее субъектно-интерпретационная претворен-

ность (формирующийся «образ дома») и субъектно-деятельностная претворенность (изменение внешних признаков жилища).

Остановимся на некоторых конкретных эмпирических результатах исследования брачного со-бытия.

У женщин и мужчин интенсивность потребности в приватности и ее отдельных составляющих, ее динамика в процессе брака различаются. Анализ структурирования предметно-пространственной среды жилища показал, что проявления приватности с начала брака больше свойственны женщине. С возрастанием стажа брачного со-бытия эти проявления упрочиваются, в то время как мужчина уступает свою территорию в более частных частях жилища и позиционирует себя на внешних по отношению к жилищу территориях (машина, мастерская и пр.) или на более открытых, менее защищенных от контактов территориях (гостиная). Таким образом, происходит *укоренение* женщины на территории приватного пространства жилища и *вытеснение* мужчины с этой территории.

Более того, выявлено, что существенным фактором субъективного благополучия личности в браке является интенсивность потребности в приватности, а «мужская» и «женская» ситуации выглядят контрастными. У мужчин с чувством субъективного благополучия снижены потребности в приватности (как у них самих, так и у их брачных партнерш). У женщин субъективное благополучие связано с собственными высокими показателями приватности. Оно обусловлено также тем, насколько муж способен артикулировать и защищать свои ценности и насколько ему свойственно чувство своей территории и готовность оградить ее от вторжений. Но женщина не удовлетворена браком, если превалирует мужская претензия на приватность.

Анализ динамики показателей приватности показал, что на первых порах супружество как союз двоих, прежде всего, ориентировано на *создание жизни вдвоем*, на отделение своего бытия от бытия тех более опытных и зрелых людей, вместе с которыми жили молодые люди до вступления в брак. Поэтому субъективное благополучие партнеров связано с более высокими показателями их приватности. Но поскольку приватность есть *присвоенность*, естественны конкурентные отношения между людьми, выстраивающими свое бытие на единой территории. В более зрелом браке то, что было благом в начале супружеской жизни, может обернуться

проблемой, обуславливающей конфликтность внутри самой супружеской пары. Поэтому в парах с более продолжительным стажем супружеской жизни субъективно благополучными оказываются те партнеры, у которых нет высоких показателей, характеризующих их претензии на приватность.

Анализ средового поведения субъектов брачного со-бытия в приватном пространстве жилища выявил различные модели поддержки идентичности у мужчин и женщин: женщине необходимо уединиться, временно отграничить себя от влияний со стороны мужа, укрыться от контактов, углубившись в осмысление происходящего в семье (*созерцательно-рефлексивная позиция субъекта*); мужчине необходимо углубиться в привычную, уводящую от проблем семейных отношений деятельность (*действенная позиция субъекта*).

Как показывают приведенные факты, сложившаяся на основании субъектно-бытийного подхода к личности концепция брачного со-бытия дает возможность увидеть проблемы современной семьи с позиции личности, реализующей в брачном партнерстве определенные стратегии самоактуализации, самоосуществления.

Глава 3.

СУБЪЕКТНО-БЫТИЙНЫЙ ПОДХОД К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОБЛЕМ ЛИЧНОСТИ В РАЗЛИЧНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ ЕЕ БЫТИЯ И СО-БЫТИЯ

3.1. Субъектно-бытийный подход к личности как основание для интерпретации ее со-бытия

В перечне «предметных интересов» субъектно-бытийного подхода тема *со-бытия* личности с другим человеком, тема возникающих и разрешаемых личностью *противоречий* в пространствах ее со-бытия с Другими занимает особое место. А.В. Брушлинский одним из важных признаков субъекта (критерием этого состояния человека) назвал «взаимосвязь с другими людьми как субъектами» (Брушлинский, 2002).

Определенным образом организованные пространства бытия другого человека могут быть, как *поддерживающим ресурсом, так и депривирующим фактором* для личности. На основании субъектно-бытийного подхода сформирована концепция *со-бытия* личности с Другим, создающая возможность увидеть проблемы отношений между людьми с позиции личности, реализующей определенные стратегии самоактуализации и поддержки процесса своего бытия, определенным образом сориентированной *субъектной активностью* (З.И. Рябикина, А.Р. Тиводар, Г.Г. Танасов и др.).

При этом понятие *со-бытие* феноменологически *обширнее* понятий «общение», «коммуникация» и пр., выделенных в научном тезаурусе и призванных обозначить отношение человека с человеком (или общностями людей). Со-бытие — это процесс и одновременно результат состоявшегося процесса. В фактах обыденной жизни эта дифференциация очевидна, хотя человеком она зачастую не осознается. Например, женщина может искренне сетовать на недостаток общения с мужем, на недостаток совместности. При этом, организуя предметно-пространственную среду их общей квартиры, она не отдает себе отчет в том, что выразившееся в этом процессе отношение к его вещам, к его возможным действиям в этом пространстве — есть способ форматирования ею со-бытия со своим супругом. Аналогично и в других пространствах со-бытийности.

Общение (коммуникация) предполагает сознательно ориентируемую на Другого (как субъекта или объекта) активность личности. Если со-бытие — это бытие личности в присутствии Другого, под влиянием присутствия Другого (что рефлексруется личностью с разной степенью ясности), то общение (коммуникация) — это активность, ориентированная на выстраивание со-бытия, включающая специально выработанные способы, операции, действия, обеспечивающие возможность аутентичного (или неаутентичного) бытия в пространствах, которые личность делит с другими людьми (предметно-пространственная среда, организация времени, пространство межличностных отношений и пр.). В общении личность ориентирована побуждать другого человека к способам действия, необходимым для поддержки ее бытия, ее личностной идентичности (Танасов, 2012).

Другой в выстраиваемом личностью со-бытии может быть разного уровня обобщенности (конкретный человек, малая группа, большое сообщество) и, как непосредственно, так и опосредованно (через определенным образом организованную предметно-пространственную среду, через сложившиеся регламенты организации времени и пр.), включаться в бытие личности как агент ее со-бытия.

В серии диссертационных работ, выполненных под нашим руководством и с нашим участием, конкретизированы теоретические положения, выявлены закономерности, собран богатый эмпирический материал, раскрывающий различные аспекты со-бытия, интерпретируемого с позиций субъектно-бытийного подхода к личности.

В исследовании Ю.Б. Шлыковой отражена вариативность рефлекслируемой личностью важности (значимости) отношения с Другим в проживании ею своего бытия. Доказано, что в автобиографическом тексте личность описывает события собственной жизни, обращаясь к феноменологии *ведущих пространств* своего бытия (Шлыкова, 2006), и среди выделенных на этом основании типов автобиографического текста («деятельностный», «социальный», «экзистенциально-чувственный») сосредоточенность автобиографической рефлексии личности на феноменологии со-бытийности в наибольшей степени свойственна «социальному» типу.

В ряде выполненных докторских и кандидатских проектов рассматриваются качественные особенности бытия личности в *брачном со-бытии* (А.Р. Тиводар, О.В. Бондарева, Е.Н. Диденко, Т.К. Хозяинова, М.Д. Ктениду, Л.А. Базалева, Л.А. Макухина и др.). В исследовании А.Р. Тиводар создана теоретико-феноменологическая модель со-бытия личности в браке. Интерсубъектность брачных партнеров в выстраивании со-бытия анализируется на примере организации приватного пространства супругов (Тиводар, 2008). Исследование О.В. Бондаревой показало влияние уровня эгоизма личности на тип организации субъектом со-бытия в браке (Бондарева, 2009). Высокий уровень эгоизма обуславливает недостаточное эмоциональное самораскрытие в близких отношениях и непринятие самораскрытия от партнера; преобладание соперничества в конфликтных ситуациях и, как следствие, низкую удовлетворенность брачной жизнью. Средний уровень эгоизма личности связан с высоким уровнем суверенности ее психологического пространства, средними показателями эмоционального самораскрытия и компромиссным решением конфликтных ситуаций, что в целом обуславливает высокую удовлетворенность супругов своей брачной жизнью. Низкий уровень эгоизма связан с низким уровнем суверенности психологического пространства личности, *чрезмерным* эмоциональным самораскрытием и ориентацией на сотрудничество при решении конфликтных ситуаций, что обуславливает средний уровень удовлетворенности брачной жизнью.

В исследовании А.В. Бурмистровой показано, что локус контроля, являясь интегральной личностной характеристикой, в значительной степени обуславливает репертуар средового поведения, направленного на регуляцию границ бытийного пространства личности; выявлены эмоционально-поведенческие паттерны, являющиеся индикатором нарушения границ ее бытийного пространства (Бурмистрова, 2004). Интерналы проявляют более субъектную позицию по отношению к среде, им свойственны более широкий репертуар средового поведения, эмоционально позитивная экспрессия в ситуациях вторжения в их бытийное пространство, большая удовлетворенность своей личной жизнью (тем, что наполняет их бытийное пространство, и тем, как оно организовано). Экстерналы из-за неспособности определить границы своего бытийного пространства в отношениях с другими чаще переживают недостаточ-

ность структурированности своего бытия. Это создает непредсказуемость внешних вмешательств, зависимость личности от них и ощущение неаутентичности.

Особая тема, реализованная в исследовательских проектах, — со-бытие родителей и ребенка. От личностных особенностей родителя зависят «предлагаемые» правила совместной жизни, а это влияет на формирование личности ребенка. Например, Т.К. Хозяинова показала, что чем более выражен у матери потенциал самоактуализации, тем более позитивно складываются ее отношения с ребенком: будучи более требовательными и последовательными, в то же время они предоставляют ребенку больше самостоятельности, автономии, возрастает позитивная эмоциональность в отношениях (Хозяинова, 2004).

В исследовании Л.И. Макухиной установлена связь качеств личности ребенка с особенностями супружеской со-бытийности его родителей: сходство ценностей и взглядов супругов, взаимопонимание, доверительность и легкость общения снижают негативные качества у их ребенка (Макухина, 2008).

М.Д. Ктениду установила связь между сложившейся у родителей ориентацией на поддержку собственной приватности в выстраиваемом со-бытии, превалирующим стилем их отношения к ребенку и ориентацией на поддержку (или ограничение) его приватности (Ктениду, 2010).

Л.А. Базалева, рассматривая феномен эмоционального выгорания матери, установила, что личностные черты женщины в совокупности с тем, как она строит свое со-бытие с ребенком, какое отношение к нему и через какие модели поведения реализует, — обуславливают эмоциональное выгорание (Базалева, 2010).

Осуществлена серия диссертационных исследований, в которых рассматриваются качественные особенности *со-бытия в пространстве деловых отношений* (Ю.Э. Макаревская, Е.В. Старкова, Г.Г. Танасов, П.Ю. Удачина и др.).

В исследовании Г.Г. Танасова расширены и уточнены теоретические представления о личности как субъекте бытия, ориентированном на поддержку своей идентичности и сформированы представления о субъектной активности личности в ситуации отношения с другим человеком (деловые переговоры), который выступает важной частью бытия личности, актором, способным

подтвердить ее идентичность и таким образом продолжить ее бытийность в том качестве, в котором личность видит (самопонимает) себя, или «прервать» ее бытийность в этом качестве (Танасов, 2012).

Ю.Э. Макаревской обосновано влияние продолжительного неуспеха в значимой для личности деятельности, влияние отсутствия необходимого личности *подтверждения* ценности ее личностной идентичности в со-бытийном сообществе на содержание ее идентичности (Макаревская, 2006).

В качестве особого случая, проанализированного Д.А. Пановым, предстает ситуация *со-бытия* в обстоятельствах с «*делегированной*» субъектностью (Панов, 2005). Создавая приватное пространство своего дома (квартиры), человек может делегировать право быть субъектом, создающим для него бытийное пространство, профессионалу-дизайнеру. Но это решение оказывается совсем не простой психологической коллизией для участников ситуации. Создание одним субъектом пространства жизни для другого включает их в диалог с непредсказуемым исходом, поскольку привлечение другого человека для создания своего приватного пространства всегда содержит угрозу нарушения целостности личностного бытия и, вследствие этого, возможность ослабления чувства личностной идентичности. Исследования в этом направлении целесообразны, так как в спектре услуг, предлагаемых современному человеку, много таких, которые являются прямым вторжением профессионала в область приватности и значимого для личности *со-бытия* с Другими (имиджмейкер, стилист, няня или гувернантка и пр.).

В исследованиях *со-бытия* личности, в создаваемых авторами теоретико-феноменологических моделях субъектной активности, направленной на поддержку аутентичного бытия, существенным конструктом, обладающим доказанным в исследованиях объяснительным потенциалом, является конструкт *личностной идентичности* (Л.Н. Ожигова, А.Р. Тиводар, Г.Г. Танасов, Ю.Э. Макаревская, М.И. Дубенцов и др.). Разработка *темы личностной идентичности в со-бытии с Другим* представляется очень перспективной и в дальнейшем. В общественном сознании, в обыденной рефлексии, в художественных произведениях эта проблема присутствует постоянно. Характер ее осмысления свидетельствует об остроте переживаний личности, находящейся «на жизненном переломе», и о безусловной

связности этих феноменов — «личностная идентичность» и «существование» с Другими.

Остановимся на ярких литературных примерах. Культовая книга Джека Керуака «На дороге» (провозвестник молодежной субкультуры *хипстеров*, появившейся в США в 1940-е гг. и довольно новой, но уже очень распространенной в современной России) и ее герои — это выражение растерянности, отсутствия ясного понимания направленности движения, отсутствия у человека нагруженной ясным содержанием *личностной идентичности*, когда активность по самоопределению исчерпывается подражанием внешним признакам группы, а предметом культа является антураж — вещи, аксессуары, модные тренды, что приводит к лишенной принципов, ограниченной во времени, поверхностной, мимолетной *со-бытийности*, как повстречавшиеся на дороге случайные путники.

Тема переезда, транзита, оторванности личности, *диффузии ее идентичности и случайности со-бытийных сообществ* актуализируется в сложные, переходные исторические периоды. Еще один пример, впечатляющий по образности и потрясающий по глубине художественной аналитичности феномена нарушенной *со-бытийности* личности, — произведения Г.И. Газданова, представляющего младшее литературное поколение первой волны российской эмиграции XX столетия. Формирование личности в обстановке эмигрантского существования, внутри *чужой доминирующей культуры* — обуславливает формирование ментальности особого качества, экзистенциального чувства трагического бытия (Матвеева, 1996), некомфортного, зачастую представляющегося абсурдным *со-бытия* с чуждыми людьми. «Молодые» эмигранты, активно ассимилируя новый опыт, оказались чужды старшему поколению эмиграции, трагически переживавшему потерю распадающегося мира и посвятившему себя, свое творчество поддержке образа ускользающей культурной модели, обеспечившей старшему поколению *чувство личностной идентичности* и ясные принципы *со-бытийности* в определенном образом организованной социокультурной реальности. Но «молодые» эмигранты также (вероятно, еще больше) были чужды «инокультурному» окружению своего нового бытия, в котором было невероятно сложно занять субъектную позицию в выстраивании *со-бытия*, что необходимо личности для обретения и поддержки *личностной идентичности* (Танасов, 2012). Герои Газданова переживают «пре-

вращения», сопровождаемые сменой чувства идентичности, но не оставляющие впечатлений устойчивости, значимости, окончательности. Отсутствует стабильность, утеряны критерии, позволяющие различать значительное и несущественное, постоянное и преходящее и пр., из-за чего теряется способность целостно воспринимать мир и свое место в нем. Мир становится «текучим, фрагментарным, утратившим внутреннюю связь» (Красавченко, 1993).

К подобным литературным примерам следует отнести и книгу, в которой повествуется о более близких нам событиях. Это произведение известного отечественного автора Людмилы Улицкой — «Казус Кукоцкого» (удостоена премии «Русский букер»). Юная героиня Татьяна «выпадает» из благополучия устроенной жизни и в растерянности дрейфует по ночной Москве с ее странными и совсем не безопасными персонажами. Жизненный разлом, вдруг потерянное чувство *личностной идентичности* приводят к разрушению *событийности* с близкими, еще вчера столь дорогими людьми.

Таким образом, анализ со-бытия, возникающих в со-бытийном пространстве деструкций позволяет увидеть и диагностировать проблемы личностной идентичности.

Темы исследований, обращенных к анализу *со-бытия* личности с другими людьми, обуславливают необходимость введения целого ряда понятий, характеризующих различные статусы субъектности человека, его поведение как субъекта.

В качестве особого случая предстает ситуация со-бытия в обстоятельствах с *делегированной субъектностью*.

Дуальная, скоординированная, конкурирующая субъектность — понятия, используемые в анализе брачных отношений и позволяющие выделить существенные для оценки брачного со-бытия оттенки (Бондарева, 2009; Диденко, 2008; Тиводар, 2008).

Понятия *ограниченная* и *отчужденная субъектность* создают возможность для более точного обозначения и понимания процессов, связанных с различными формами социальной депривации личности, ограничений ее права быть субъектом.

Понятие *распределенная субъектность* фокусирует внимание на распределении функций в решении задач с несколькими поразному позиционированными субъектами. В качестве примера рассмотрим эволюцию отношений в триаде субъектов, ответственных за воспитание ребенка, «государство — образовательные

учреждения — родители (семья)» вслед за М. Липман совершим не-большой исторический экскурс, позволяющий увидеть некоторую динамику в «распределении» субъектности в этой триаде (Липман, 2010).

В первые послереволюционные десятилетия в России были разрушены самые основы семейной традиции, брак был фактически отменен, а воспитание детей передавалось государству. Позднее семейные ценности отчасти были реабилитированы, но это не отменяло доминирующей роли государства в воспитании детей.

Государство делегировало образовательным учреждениям декларативно закрепленную за ним (государством) функцию образования и воспитания подрастающего поколения. Дискуссия о распределении ответственности между школой и семьей в воспитании детей была постоянной, но правила *правильного* воспитания диктовала школа, за которой стояло государство (как главный субъект в этой триаде), и учитель мог требовать от родителей, контролировать их общение с детьми, выражать в их адрес недовольство. Например, мог обратиться в организацию, где работали родители, и потребовать оказать на них давление, так как они что-то делают неправильно в воспитании своих детей.

Послесталинская эпоха ознаменовалась возникновением частного пространства, «в построенных Хрущевым отдельных квартирах люди впервые получали возможность зажить своей семьей, создавать собственный семейный уклад и воспитывать детей по собственному усмотрению». Сложились некоторые «ценности частного существования», но «последнее слово всегда оставалось за государством» (Липман, 2010).

С распадом СССР «ослабевшее государство утратило и силы, и желание вмешиваться в частную жизнь граждан». В последнее десятилетие «патернализм был в значительной степени восстановлен», но индивидуальные свободы государство не ограничивает, а быстрое развитие потребительского рынка, открытые границы, обеспечивающие возможность быстрого заимствования различных моделей организации личной жизни, — создают широкие возможности для выбора как типа семейного уклада, так и воспитательных стратегий в отношениях родителей с детьми.

Аналитики отмечают актуализацию «темы детства» и превращение ее в заметный публичный тренд (Майофис, Кукулин, 2010),

что отражает необходимость рефлексии, в связи с изменениями в представлениях о том, «кто субъект?» и как в современной социальной реальности выглядит *распределенная субъектность*. Изменяются переживаемые родителями *ценности родительства*: возрастает ценность доверительных отношений с ребенком; позитивно оценивается возможность увлекательной, углубляющей личность родителя *совместности* с ребенком; высоко оценивается творческий аспект этих отношений. Все это предполагает бóльшую субъектную включенность родителей в процесс воспитания. Их бóльшая субъектность обусловлена также и тем, что они стали субъектами выбора новых институций, принимающих участие в образовании и воспитании их ребенка (специализированные детские сады, различные центры и группы дополнительного образования и пр.). Если ранее школа была субъектом трансляции норм и контроля за их исполнением, а родитель поддерживался или «наказывался», в зависимости от того, насколько он точен в следовании этим нормам, то сейчас родитель вправе выбирать. Есть и финансовая сторона у этого процесса. Грубоватое, но точное высказывание здесь вполне уместно: «Кто платит, тот и заказывает музыку».

Таким образом, в триаде субъектов, ответственных за воспитание ребенка, «государство — образовательные учреждения — родители (семья)» происходит перераспределение субъектности, изменение *векторов субъектности*.

Трансформация супружества и родительства — неизбежные процессы, но российские граждане, как отмечает М. Липман, «чувствуют себя неуютно в среде, которая требует индивидуальной ответственности» (Липман, 2010). Новые российские родители, придерживаясь в поведении «неимперативного» или «кооперационного» родительства, нередко артикулируют приверженность патерналистским представлениям и сетуют на отсутствие надежных моделей государственной поддержки семьи и детей. В этих обстоятельствах создаются сообщества «помогающих друг другу», апеллирующих к опыту «таких же». Зачастую это различные группы в Интернете, действующие как «альтернативный канал трансляции норм и тенденций» (Майофис, Кукулин, 2010). В таких объединениях, минуя государство, рефлексировются, обсуждаются, формируются и закрепляются новые практики бытия, новые модели отношений «родитель–ребенок».

М. Майофис и И. Кукулин обоснованно сетуют на то, что эти процессы еще не стали предметами специальных исследований, отсутствуют исследования трансформации родительского самосознания (*Там же*). Мы добавим: отсутствует ясное понимание психологических механизмов распределения и перераспределения субъектности.

Таким образом, развитие субъектно-бытийного подхода к личности, акцентирующего внимание на рассмотрении и интерпретации личности как субъекта со-бытия, предполагает расширение спектра понятий, что создает возможности для включения в научный анализ новой феноменологии, углубляет возможности научной рефлексии и создает перспективы в решении многих конкретных проблем нашей повседневности.

3.2. Личностная идентичность в супружеских отношениях⁴

В объяснении фамилистической феноменологии выделяются в качестве основания два основных подхода. В первом случае единицей анализа является индивид как субъект семейного поведения, реализующий в пространстве семейного бытия свойственные ему потребности (подход условно может быть назван персонологическим). Во втором случае единицей анализа является внутрисемейная интеракция, паттерн семейного поведения, то есть в качестве приоритетной выступает групповая феноменология (социально-психологический подход).

Происходящие в культуре изменения знаменуют возрастание внимания к единичному, приоритеты личного, индивидуального, ценность каждого человека во всем его своеобразии. Семья изменяется в соответствии с общими изменениями в культуре. Социальные, социокультурные процессы в обществе обуславливают возрастающую субъектность отдельного индивида в семье, возрастающую личностную обусловленность, индивидуализированность принимаемых решений и, соответственно, индивидуализированность поведенческих стратегий в пространстве семейных интеракций. Вследствие этого особую значимость представляют субъектив-

⁴ Раздел написан в соавторстве с А.Р. Тиводар.

ные аспекты фамилистических феноменов. Почему сегодня человек создает семью, что он переживает в семье, какие психологические механизмы обуславливают его поведение в семье?

Проблема личностной идентичности в контексте субъектно-бытийного подхода к личности

Теория личностной идентичности получила широкое распространение в современной психологии личности, прежде всего благодаря работам Э. Эриксона, давшим толчок множеству исследований в возрастной, педагогической и социальной психологии (Эриксон, 1996). Личностную идентичность Эриксон определял как эмоционально наполненное переживание человеком своей целостности и тождественности, восприятие и осмысление своей отдельности от мира и в то же время причастности к определенным его частям. Переживание это связано также с осознанием и пониманием того, что называется «смысл жизни» или «предначертание», то есть с осознанием будущих целей, которые человек ставит перед собой, и с их оправданием. Оно связано еще с пониманием себя, что может быть интерпретировано как осознание человеком своей определенности в этом мире. Гейл Шихи, например, обозначает период, связанный с поиском и определением идентичности, как достижение подлинности, «...того внутреннего состояния, в котором мы узнаем обо всех наших потенциальных возможностях и обретаем силу, позволяющую полностью их реализовывать» (Шихи, 1999, с. 46).

Таким образом, *идентичность — это и понимание личностью своей позиции в пространствах ее бытия, и переживание себя как субъекта этих бытийных пространств*. Оформление субъектно-бытийного подхода к рассмотрению личности в психологии предполагает рассмотрение личности как субъекта бытия, ось «личность — бытие» как организующий принцип в анализе закономерностей и феноменологии личности (Рябикина, 2005, 2008, 2010; Ожигова, 2006; Фоменко, 2006а; Тиводар, 2008; Танасов, 2012; и др.). Складываются основания для расширения принципа единства сознания и деятельности к новой формуле — единства личности и ее бытия.

Предложенная С.Л. Рубинштейном концепция субъекта содержит идею индивидуально активного человека, то есть человека, строящего условия своей жизни и свое отношение к ней. В идее из-

менения жизни человеком как ее субъектом, в понимании условий жизни как задач, требующих от человека определенных решений, — в этом состояла новизна предлагаемого С.Л. Рубинштейном подхода (Абульханова, Славская, 2003). Введенное Рубинштейном понятие «субъект жизни» создало возможности для раскрытия деятельной сущности личности, ее активной позиции в целостном жизненном процессе.

Развивая идеи С.Л. Рубинштейна, А.В. Брушлинский существенно расширил представления о содержании активности как фактора детерминации психики (Брушлинский, 1994). Целостность человека как субъекта — это онтологическое основание для системности, интегральности всех его психических качеств.

Как социальный субъект личность есть череда сменяющихся друг друга социальных ролей. Каждая роль — это процесс со своей динамикой, включающий принятие роли, ее освоение, возможные спады-подъемы, предписанные социумом временные границы исполнения роли и прочие характеристики. Каждая роль может быть рассмотрена как относительно отдельное пространство бытия личности. Возникает проблема синхронизации ролей, их непротиворечивой интеграции. При неблагоприятном разрешении этой проблемы возможен конфликт ролей, иногда попытки их последовательного расположения во времени («сначала я встану на ноги как профессионал, а потом женюсь» и пр.). Именно личность, ориентированная своими внутренними побуждениями к чувству личностной идентичности, стремится гармонизировать ансамбль исполняемых ею ролей.

Таким образом, идентичность можно определить как базовый процесс личности, организующий в единый ансамбль различные ситуационно-личностные образования (социальные роли, субличности, представления о себе и др.).

Содержание роли определяется, прежде всего, той функцией, которая реализуется личностью в конкретной группе. Ролевой ассортимент, которым личность должна овладеть, предусмотрен правилами жизни в социуме, теми ожиданиями, которые социум адресует личности, включая ее в различные социальные образования, институты и тем самым регулируя ее социальную активность. Функция личности — сохранение целостности в последовательности тех неизбежных преобразований ее содержания, которые возникают при ее включении в различные групповые композиции как

социального субъекта, исполняющего в этих композициях определенную, возложенную на индивида социальную роль. Здесь возникает пересечение социальной идентичности (чувство своей принадлежности к определенной социальной группе) и личностной идентичности (чувство самотождественности, не прерывающееся во времени и не исчезающее в разных социальных контекстах).

Социум ориентирован на поддержку личности в отдельных ролевых нишах и активно побуждает человека функционировать как полноценный социальный субъект, готовый принять к исполнению весь спектр необходимых для общества социальных ролей. По мысли Мишеля Фуко, посредством многоликих социальных институтов, в том числе и института семьи, реализуется власть общества над личностью. Общество как наделяет личность ролью, включая ее в определенные социальные образования, так и вызывает (провоцирует) у нее переживание неполноценности, если она оказывается неспособной реализовать должное (Грицанов, Можейко, 2001). Каждый проходит предначертанный ему «семейный» путь. Все попытки свернуть с него заканчиваются тем, что властный дискурс настаивает отступников и клеймит их «маргинальными» ярлыками: холостяк, старая дева, сирота, разведенная/разведенный. Все мы несем бремя «семейного» означивания. И «маргинальные» ярлыки расцениваются как признак неполной реализованности личности, ее неполноценности, незавершенности, как то, что она не состоялась. Личность жаждет пройти через обретение тех социальных ролей, присовокупить к своему образу-Я те социальные идентичности, без которых не мыслится ее полноценность.

Таким образом, личностная идентичность отражает два аспекта связи человека с миром: его причастность к социуму, различным группам и их социально значимым деятельности, а также к продуктам этой деятельности; его отдельность, особость личности, заявляющей о своей уникальности и своем пространстве бытия.

Овладение личностью пространствами бытия того мира, в котором она живет, переструктурирование мира в соответствии с собственными потребностями и импульсами развития можно представить как основной способ достижения согласованности между внутренним и внешним мирами человека и, таким образом, достижение им личностной идентичности. Человек преобразует мир и тем самым преобразует себя, стремясь к определенности и гармо-

нии в отношениях с миром, который подтверждает реальность его (человека) субъективности.

Чувство идентичности процессуально и ситуативно, как вся психологическая феноменология, «привязанная» к живой и постоянно изменяющейся ткани человеческого бытия. Если идентичность — это процесс, то активность, направленная на поддержку этого процесса, постоянна. Таким образом, речь идет не только о том, что делает и как себя ощущает человек с определенным статусом идентичности, но и *что делает человек для поддержки идентичности.*

Следует различать:

- а) поведение, обусловленное стремлением *обрести* идентичность;
- б) поведение, характеризующее человека с обретенной идентичностью и, соответственно, различающееся в зависимости от статуса идентичности;
- в) поведение, *направленное на поддержку идентичности* (сюда входит расширение субъектом спектра таких обстоятельств своей жизни, в которых его сопровождает чувство самоидентичности; расширение круга лиц, поддерживающих это чувство самоидентичности: страх и избегание либо агрессия в контактах с теми, кто подвергает сомнению право личности на это чувство, в связи с тем, что их структура ценностей вступает в противоречие и делает сомнительной структуру ценностей, которая лежит в основе Образа-Я субъекта самоидентификации и т.д.).

Рассмотрение личностной идентичности в контексте субъектно-бытийного подхода предполагает акцент на анализе того, (а) какие усилия и (б) с какой направленностью на *преобразование каких пространств своего бытия* предпринимает субъект для того, чтобы обрести, поддержать и защитить от интервенций свое чувство идентичности.

Идентичность как психологический феномен близка таким хорошо описанным моделям психологических явлений, как Я-концепция, самоуважение, Образ-Я, социальные роли, направленность и т.п. Вместе с тем было бы неточно непосредственно отождествлять процесс постоянной дифференциации и становления индивидуальности человека с указанными явлениями. Они входят в содержание

идентичности человека, во многом определяют, но не исчерпывают его. Это стороны или проявления сложного взаимодействия индивидуальной судьбы с многогранными силами культурных и социальных влияний, результатом которых становится определенность отношений человека с миром в текущий момент времени.

Особая важность личностной идентичности состоит в ее роли в личностной регуляции социальной активности человека. Осмысленное совершение выборов, которые жизнь предлагает человеку, постановка целей, которых стоит добиваться, налаживание отношений с друзьями и близкими предполагают отчетливое и дифференцированное переживание человеком себя как особого существа, обладающего самодостаточной ценностью, собственными интересами и устремлениями и проживающего собственную жизнь.

Становление личностной идентичности в современной социокультурной ситуации: факторы и проблемы

Для большого числа наших современников задача построения или становления личностной идентичности оказывается осложненной обстоятельствами их жизни. Потеря обществом четкой структуры привела к размыванию представлений людей о существующих в обществе позициях и о нормативном пути их достижения. Исчезли из общественного сознания те группы людей, которые воплощали собой иерархическое устройство классового общества. На их место пришло хаотическое движение реконструируемого общества, когда ни одна из элитных групп не гарантирует устойчивость связанного с ней социального бытия. Для того чтобы пережить собственную определенность, человеку необходимо иметь в мире вокруг себя некоторые устойчивые ориентиры: стабильные социальные институты, неоспоримые жизненные ценности, признанные критерии успешности жизни, наконец, ясно различимые социальные группы, к которым можно было бы отнести как к «своим» или «чужим». Отсутствие, подвижность или двусмысленность таких ориентиров затрудняет процесс становления личностной идентичности.

Фундаментальной потребностью личности является стремление получить у других людей подтверждение тем преобразованиям,

которые она осуществляет в своих бытийных пространствах (Рябикина, 2003, 2005). Феномен подтвержденной/неподтвержденной личности теоретически осмыслен и получил эмпирическое обоснование во многих работах (К. Роджерс, В.А. Лабунская, У. Лэнг, Е.В. Абаева и др.). Человек испытывает естественную потребность в поддержании целостности, в сохранении Self (гомеостатическая модель мотивации), а для этого ему необходимо такое бытийное пространство межличностных отношений, где его Self находило бы подтверждение. Прежде всего это люди со сходным опытом переживаний, те, чей опыт оформлялся в сходных жизненных коллизиях, те, кто ценностно сориентирован на похожие жизненные принципы и образцы. Чувство идентичности, овладение собой достигается через прояснение содержания Self в процессе «подтверждающего поведения» значимых Других. Человек приближает к себе, углубляя отношения, интенсифицируя их с теми, чьи структуры личностных смыслов более конгруэнтны его структуре смыслов.

Семья — одно из существенных бытийных пространств личности, выполняющее функцию подтверждения и поддержки. Это пространство бытия личности включает в себя: (а) структуру межличностных отношений, обусловленных принадлежностью личности к семье; (б) организацию со-бытийности членов семьи во времени; (в) определенным образом организованную предметно-пространственную среду дома (квартиры) и др.

Особая роль в подтверждении гендерной идентичности личности принадлежит семье. Мы обретаем (сохраняем) определенность в отношениях с противоположным полом. Мужская, женская идентичность подтверждается прежде всего в структуре семейных отношений. Именно социальные роли «муж», «жена», «отец», «мать» с наибольшей очевидностью проявляют различия между мужчиной и женщиной.

Современная семья как «психологическое убежище»

Один из лидеров психологического рассмотрения проблем семьи Э. Берджесс определяет современную семью как «единство взаимодействующих личностей». Берджесс связывает крах традиционной семьи с усилением эмоциональных опор брака и с институтом супружества как относительно автономного от семьи социаль-

ного образования (см.: Антонов, 2005, с. 63). Семья ослабевает как сдерживаемое нормами родства образование и упрочивается как «психологическое убежище». По-новому переживаемая субъектом семейных отношений личностная идентичность порождает множество проблем, требующих научной рефлексии, новых инструментов диагностики и новых практик поддержки личности в ее стремлении к полноценному развитию, реализации всех своих потенциалов, плодотворности и благополучию в семейных отношениях.

Жизнь человека приобретает все более частный характер. К этому процессу (или тенденции) можно относиться по-разному. Но для психолога он означает, что ближайшие пространства бытия — такие как пространство отношений в семье, физическое пространство жилища, позиции человека в нескольких самых близких кругах его общения — начинают играть определяющую роль в становлении и обретении его личностной идентичности. Соответственно удачно или менее удачно складывающиеся в этих пространствах конфигурации взаимодействий, разыгрывающиеся здесь конфликты и их решения становятся особо важными событиями субъективного мира личности. Наличие благоприятной идентичности является необходимым условием для полноценной жизни человека. «Индивид ощущает себя свободным тогда, когда он может свободно идентифицироваться со своей собственной “эго-идентичностью” и когда он научается использовать данность для достижения стоящих перед ним целей» (Эриксон, 1996, с. 84). Таким образом, он уходит от мучительной борьбы за преодоление несоответствия своей идентичности и исторически складывающегося определения его внешним миром как социального человека либо осознанно может направить свои силы на овладение социальным миром, ограничивающим и сковывающим его идентичность, с тем, чтобы преобразовать его в соответствии со своим внутренним миром.

Итак, роль семьи как пространства бытия, где оформляется и поддерживается чувство личностной идентичности, возрастает в связи с тем, что жизнь человека приобретает все более частный характер. Это своего рода «психологическая защита» от происходящих в «большом» социуме изменений, чем объясняется и рост влияния семьи как фактора формирования и становления личностной идентичности человека.

Брачные отношения как фактор обретения и поддержки личностной идентичности

Играют ли существенную роль соображения обретения и поддержки идентичности для формирования семейной пары? Семья создается на основе многообразных мотивов. В некоторых случаях человек, находящийся в состоянии поиска устойчивой личностной и социальной идентичности, может использовать вступление в брачные отношения (иногда это формальные рамки брака) для обретения статуса, чтобы закончить период внутрилличностного разлада, связанного со слишком большим числом путей, которые оказываются открытыми.

Естественное стремление личности к упрочиванию идентичности реализуется в предположении, что в новом статусе, обретаемом при вступлении в брак, ее определенность, чувство самостождественности или идентичность:

- окрепнет и уточнится (свобода от родителей, освобождение от их давления и ограничений в организации бытийных пространств);
- расширится (за счет приобретения предметов, пространств, времени любящего человека, который будет поддерживать ценности и смыслы, а значит, будет подтверждать идентичность);
- углубится (поведенческие модели станут более органичными, «прорастут внутрь» — *Мадди, 2002*);
- будут реализованы доселе дремавшие глубинные потребности личности, то есть реализуются ее свернутые потенциалы.

Таким образом, стремление найти поддержку своей идентичности в отношениях с любящим и любимым человеком — естественное побуждение личности, реализуемое в поиске партнера и последующем возможном заключении брака. Рассмотрение претендентов с точки зрения их соответствия статусным ожиданиям, оценка их финансовых возможностей и пр. — все эти рациональные аспекты, обуславливающие принятие решения о вступлении в брак, также демонстрируют процесс «простраивания» идентичности, самоопределения в социальной структуре сообщества, выбор такого Мы, к которому готово присоединиться в перспективах своего развития Я.

Резюмируя, можно сказать, что потребность в браке и потребность в брачном партнере различаются. Доминирование последней над первой означает снижение ценности брака, супружества, и в наше время это не редкость. Повышение требований к качествам супруга, недовольство супругом и легко оформляющаяся готовность к разводу — свидетельства снижающейся ценности брака.

Брак — это только один из способов жить с Другим (могут восприниматься как более предпочтительные другие способы). Другой — это фактор, конкретизирующий характеристики состояния брака. Другой может быть заменен, Другой «подбирается», чтобы событие в браке обрело желаемые черты. Манипулирование Другими как партнерами в браке (каждый из которых входит в брачный союз со своей субъективной и объективной бытийной реальностью) также может служить иллюстрацией того поиска, который предпринимает личность, определяясь с образом своего Я, со своей идентичностью.

Все сказанное раскрывает *действенность поиска человеком его личностной идентичности как мотива вступления в брак.*

В значительной части случаев семьи создаются в рамках движения по традиционной социальной траектории нормативной реализации жизненного пути. На уровне обыденного сознания известен феномен нормативного давления к вступлению в брак: «Ей уже 24 (или «ему — 30»), а она еще не замужем!» Даже при отсутствии в окружении молодого человека «доброжелателей», озвучивающих это общественное мнение, как правило, каждый человек актуально как-то вынужден относиться к этой модели «нормальности» жизненного пути.

При рассмотрении ситуации вторичного выбора, то есть попытки создания второго и последующих браков, в связи с большей зрелостью участников и решенностью для них проблемы первичного самоопределения, задачи развития и утверждения личностной идентичности могут приобретать еще большее значение. Это разделение задач становления идентичности в отношении первого брака и последующих союзов партнеров (брачных или внебрачных) имеет, на наш взгляд, существенное значение для дальнейших рассуждений по проблеме и заслуживает отдельного рассмотрения. Но отметим пока то, что последующая жизнь в браке и взаимодействие партнеров нагружены задачами личностного самоопределения в еще большей степени.

Со-бытие брачной пары как пересечение бытийных пространств

Переход от индивидуального и автономного бытия партнеров к совместной жизни традиционно рассматривался как сложный и чреватый кризисами период взаимного приспособления, проверки и уточнения отношений. В традиционных подходах для его описания применялась модель адаптации. Однако кто и к чему адаптировался? Слова «взаимная адаптация» мало проясняют проблему, потому что адаптация представляет собой изменение индивида как в части его поведения, так и в части восприятия мира, установок и отлаживания его инструментальных способностей таким образом, чтобы обеспечить его соответствие заданным физической ситуацией требованиям деятельности или культурным требованиям. Но чьи нормы принимаются за основу и как определяется необходимое направление адаптивного движения тогда, когда встречаются и пересекаются бытийные пространства двух партнеров в браке? Модель адаптации не дает ответа на эти вопросы. Она не отвечает также и на вопрос о том, «чьим» становится бытие брачной пары после некоего периода согласования жизненных реалий. Модель со-бытия представляется более удачной, и ее предстоит развернуть от уровня образного обозначения состояния дел — совместного бытия двух людей — до уровня психологических механизмов, обеспечивающих функционирование семьи как системы.

Чтобы прояснить оформляющийся подход к этой модели, остановимся на нескольких базовых утверждениях.

Рассматриваемое в контексте субъектно-бытийного подхода развитие личности предстает как расширение ее бытийности. Экспансия структуры личностных смыслов на внешние пространства бытия осуществляется через овладение (расширение сферы «мое»). Признаками овладения является структурирование личностью различных пространств бытия (время, предметно-пространственная среда, пространство межличностных отношений и т.д.) в соответствии со структурными и содержательными особенностями сложившегося пространства ее личностных смыслов.

Используемое понятие «бытийные пространства личности» близко по содержанию понятию «психологическое пространство личности», используемому, например, С.К. Нартовой-Бочавер (*Нар-*

това-Бочавер, 2005). Выбор понятия «бытийные» для обозначения характеризуемой феноменологии обусловлен намерением подчеркнуть *субъективно-объективный* характер обсуждаемых образований личности. Нам представляется, что понятие «психологическое пространство» может быть использовано только для обозначения субъективной реальности.

Тем не менее список основных свойств «психологического пространства личности», приводимый С.К. Нартовой-Бочавер, описывает присвоенную личностью реальность бытия и заслуживает внимания. Приведем некоторые из утверждений, включенных в этот список:

- человек ощущает это пространство как «свое, присвоенное или созданное им самим»;
- это пространство представляет для человека ценность именно как «свое»;
- человек выступает автором этого пространства;
- человек имеет возможность контролировать это пространство, а также защищать от воздействия извне все, там находящееся;
- психологическое пространство существует естественно (как, видимо, и чувство собственности), и его границы не рефлексированы без возникновения проблемных ситуаций (*Там же*, с. 104).

В диссертационном исследовании А.В. Бурмистровой «Личностные особенности средового поведения, направленного на регуляцию границ бытийного пространства», выполненном в контексте субъектно-бытийного подхода и проблем средовой персонологии, рассмотрен феномен «бытийного пространства личности», представляющий собой освоенные и реорганизуемые личностью объективные пространства бытия, присвоенные ею, находящиеся под ее контролем и переживаемые ею как «свое» (*Бурмистрова*, 2004).

Характеризуя составляющие личностной идентичности, Г.М. Андреева относит к соответствующим образованиям переживаемую личностью идентичность с окружающей средой, или *средовую идентичность* (*Андреева*, 1997). Основания для включения этого компонента в рассмотрение феноменологии идентичности представлены во многих исследованиях психологии среды, осу-

ществленных как зарубежными, так и отечественными авторами (И. Альтман, Р. Баркер, М. Хейдеметс и др.). С компонентами среды индивид связан процессами приспособления к ней (среда его детерминирует или обуславливает), но также и процессами ее преобразования. Среда становится следствием субъектности личности и обретает в процессе этого взаимодействия наделенность личностным содержанием. Собственно преобразовательная активность личности в среде и является ядерным признаком субъектности человека (Рубинштейн, 2003; Брушлинский, 1994; и др.). В спектр характеристик, обуславливающих проявления субъектности личности, исследователями включается механизм «отчуждения–присвоения», определяющий как возможность включения в структуру Я внешних объектов, так и их отчуждение.

В условиях семейной жизни человек реализует направленность на обретение средовой идентичности посредством присвоения, организации и реорганизации домашнего пространства, которое должно быть *конгруэнтным* организации его внутрилличностного пространства, то есть должно находиться в соответствии со структурой личностных смыслов. Если это невозможно по каким-то причинам (например, противоборствующие влияния других членов семьи), то человек оказывается неспособным достичь конгруэнтности внешнего и внутреннего, «продлить» себя в мире вещей, переживая при этом чувство аутентичности своего бытия, средовой идентичности («мой дом — продолжение меня»). В этом случае его состояние характеризуется психологическим дискомфортом.

Анализируя процессы функционирования личности с позиции субъектно-бытийного подхода, мы традиционно акцентируем необходимость изучать, «как человек опредмечивает замысел, как он создает реальность своего бытия, как он сам изменяется в этом процессе объективации, сталкиваясь с сопротивлением бытия других (бытие всегда есть со-бытие), воплощающих иные смыслы, создающих свое личное бытие в пространстве тех же предметов и событий, в то же время, что и он» (Рябкина, 2005, с. 57).

«Другой человек со своими действиями входит в “онтологию” человеческого бытия, составляет необходимый компонент человеческого бытия» (Рубинштейн, 2003, с. 379). Размышляя об опосредованности общения, С.Л. Рубинштейн также писал: «Почти всякое человеческое действие есть не только техническая операция по от-

ношению к вещи, но и поступок по отношению к другому человеку, выражающий отношение к нему <...> Через отношения к вещам, к человеческим предметам осуществляются взаимоотношения между людьми» (Рубинштейн, 1973, с. 366).

В ситуации совместной жизни имеет место взаимопроникновение бытийных пространств взаимодействующих людей. Человек, организующий бытие в созданной им семье, подвергает изменениям организацию своего времени, предметно-пространственной среды, круга отношений в сфере своей трудовой занятости и в сфере межличностных отношений, предшествовавших заключению брака. В целом изменяется проект его жизни как пространства, развернутого во времени личностного бытия. Он «переписывает» сценарий своей жизни, так как сам, как главный персонаж этого сценария, изменился.

В контексте субъектно-бытийного подхода к рассмотрению личности анализ ситуаций взаимодействия с другим человеком предстает как анализ взаимодействия бытийных пространств субъектов бытия. Наиболее наглядно, выпукло и очевидно это проявляется в конкурирующих, избегающих или поддерживающих отношениях, складывающихся между живущими вместе субъектами, реализующими свою субъектность в организации предметно-пространственной среды квартиры (дома).

Если рассматривать бытие личности как организуемый ею процесс собственной жизни, включающий и фигуры других людей, на которых личность проецирует свои ожидания, характеристики и образы, то мы получаем одномерную модель личностного бытия. В этой модели другие люди выступают как *условия бытия*, ограничители или ресурсы развертывания личности субъекта семейных отношений. Социальный мир многосубъектен и диалогичен по своей природе. Со-бытие будет означать такое расширение бытийной модели личности, когда индивид признает за другим участником бытия такое же право на внутренний мир, психологические мотивы уникальности, автономности и самоактуализации, как и за собой. Тогда бытие приобретает статус *со-бытия*, в котором возможны и необходимы разделяемые партнерами пространства, представляющие предмет для их обоюдного интереса, некую территорию для каких-то взаимных процессов порождения и согласования личностных смыслов. Если понимать пространство в физически-

предметном смысле, то есть как физическое пространство, в котором размещены различные предметы, то и с помощью этой модели можно проанализировать обсуждаемую проблему.

Обретение идентичности через присвоение пространства в самом простом виде выглядит как занятие пространства «следами» собственного Я. В простейшем случае это — фотографии, личные вещи, те милые безделушки, которые не имеют другого значения, кроме как напоминать себе и Другим о том, что здесь обитает некое «Я».

Итак, если два человека создают свое бытие на одной территории, между ними может возникать конкуренция при очерчивании границ персонализации (лично присвоенные предметы, территории и пр.). Если индивидуальная потребность личности в защищенности своего чувства идентичности, в признании значимыми Другими границ ее бытийного пространства не удовлетворяется, она испытывает дискомфорт.

Приведем результаты эмпирического исследования, отражающего сформированный теоретический подход к рассматриваемой проблеме. В исследовании приняли участие юноши и девушки 19–25 лет (40 человек). Это возраст, в котором активно осуществляется выбор возможного брачного партнера, выстраиваются отношения с претендентами на брачный союз, осуществляются попытки совместной жизни.

Была применена опросная процедура, разработанная С.К. Нартовой-Бочавер (*Нартова-Бочавер, 2005*). Респонденты отвечали на вопросы опросника в соответствии с двумя заданиями:

- а) характеризуя свою потребность в суверенности (приватности);
- б) характеризуя потребность в суверенности (приватности), свойственную партнеру (партнерше).

При этом оговаривалось, что оценивается реальный человек, и именно тот, который является реальным партнером в близких отношениях.

При сравнении самооценок потребности в приватности обнаружились ожидаемые гендерные различия. Потребность в приватности у мужчин несколько выше, чем у женщин: в частности, по таким аспектам, как суверенность физического тела, суверенность социальных связей и суверенность ценностей, мы имеем значимые

различия. Женщины в меньшей степени склонны ограждать от посягательств свое тело, свои социальные связи и свои ценностные позиции. Мужчины острее реагируют на физические ограничения, помехи и неудобства. Они считают неприкосновенными для вмешательства и критики свои ценности и социальные связи. Вместе с тем у них несколько меньше, чем у женщин, актуализировано чувство собственности по отношению к вещам.

При анализе взаимных ожиданий и фактического уровня приватности обнаружены следующие тенденции. Женщины стабильно (хотя и на немного) недооценивают потребность мужчин в приватности. Особенно это касается территории, то есть автономности того пространства, в котором в беспорядке разбросаны носки, бумажник и мобильный телефон мужчины. Представление о том, что у партнера-мужчины могут быть идеологические ценности, которым он придает серьезное значение, судя по нашим данным, также не слишком заботит женщин. Эти два показателя — суверенность территории и суверенность ценностей — могут быть аренами потенциального конфликтного взаимодействия брачных партнеров.

Мужчины же довольно точно отражают потребность в различных аспектах приватности, свойственную женщинам.

Представляется целесообразным продолжение теоретической работы и эмпирических исследований в проблемной области личностной идентичности субъектов в брачной диаде и возможных бытийных пространств, обуславливающих ее становления.

3.3. Личностная идентичность в изменяющемся социокультурном пространстве человеческого бытия (социопсихологические эффекты украинского разлома)

Жизнь личности, ее рост неотделимы от нарастания ее субъектности. С момента осознания ребенком себя как активного деятельного начала, оперирующего внешними объектами в соответствии с *собственными*, осознанными ребенком намерениями, этот процесс усложняется, прогрессирует и в результате длительного пути взросления человек достигает вершины в своем развитии — становится *субъектом жизни*. С.Л. Рубинштейн ввел это понятие с тем, чтобы выразить деятельную сущность личности, ее активную позицию в целостном жизненном процессе. Позиция активного субъекта, тво-

рящего свою жизнь, является контрапунктом, смысловым стержнем экзистенциальной и гуманистической психологии.

С наступлением зрелости (*акме*) рост личности связан с активной стратегией воплощения во внешних пространствах бытия системы обретенных личностью смыслов, вершиной или интегрирующим ядром которых является смысл жизни. В этой фазе источник развивающих личность противоречий в большей мере связан с внутриличностными смысловыми преобразованиями и процессом самоактуализации, сталкивающимся с сопротивлением внешней бытийности (возможная противоречивость знаний о мире, противоборство чужой воли, сопротивление этнических и иных стереотипов и пр.).

При этом значимым регулятором всегда остается направленность личности на *поддержку своего чувства идентичности*, которое обеспечивается достижением и сохранением адекватности ее внутреннего, смыслового плана внешне активно выстраиваемым личностью пространством бытия (Рябикина, 2008; Рябикина, Богомолова, 2013; и др.). Это определяет вектор субъектной активности (Рябикина, 2008; Рябикина, Танасов, 2010) и возможность субъективного благополучия (Шамионов, 2008).

Э. Эриксон считал, что зрелой личностью может быть только личность, характеризующаяся идентичностью, психосоциальной тождественностью, имеющая «твердо усвоенный и личностно принимаемый образ себя со всеми многообразными отношениями к внешнему миру и соответствующими формами поведения» (Эриксон, 1996). В этом высказывании обоснованно сделан акцент на *устойчивости многообразных отношений личности с внешним миром* как важном факторе личностной идентичности.

В научном дискурсе понятие «идентичность» обоснованно обрело статус важной научной категории, обращение к которой необходимо при рассмотрении многих как традиционных для психологии, так и остросовременных проблем. Но сейчас обращение к проблеме идентичности — острый «сюжет дня», представленный не только в научных текстах культурологов, социологов, психологов, политологов; об этом с упоением рассуждают разнообразные медийные лица, блогеры, политические деятели и пр. Активная социальная динамика, перекраивание социально-организационных конструкций, провокация конфликтов, выплескивающих на гре-

бень более сложных процессов оппозиционные роли-лейблы, идентификация с которыми приводит их носителей к агрессивной конфронтации («свой», «чужой»; «бендеровец», «ватник», «колорад» и пр.), — все это пробуждает и подхлестывает интерес к теме потерянной (обретенной) человеком идентичности.

Теоретические позиции субъектно-бытийного подхода к личности и соответствующая этому подходу трактовка идентичности, а также подтверждающие их результаты эмпирических исследований представлены в работах психологов Кубанского государственного университета (Ожигова, 2006; Рябикина, 2008; Тиводар, 2008; Рябикина, Танасов, 2010; Танасов, 2002, 2012; и др.).

Мы рассматриваем идентичность как *полисистемный феномен*, и это предполагает необходимость нескольких планов анализа. Один из них обусловлен тем, что личностная идентичность отражает степень определенности и устойчивость системной организации личности. *Состояние идентичности* обусловлено наличием (отсутствием) противоречий-рассогласований в системе отношений между отдельными составляющими структуры личности.

Во-первых, это противоречия (а) *мотивационно-потребностной системы личности* с ее (б) *образом мира* (система представлений об окружающей реальности, в которой отражены потенциальные *предметы потребностей*; образы Других и место, которое занимает Образ-Я в этой «галерее персонажей») и (в) *системой способов деятельности (моделей поведения)*, ориентированных на присвоение отвечающих ее потребностям предметов.

Во-вторых, это возможные противоречия в сложноорганизованном многоуровневом пространстве личностных смыслов.

В-третьих, это противоречия, возникающие в *пространствах бытия* личности в связи с сопротивлением реальности ее попыткам объективировать свое субъективное (самоактуализироваться), транслировать личностные смыслы в предметно-пространственную и иные среды, переустроить их в соответствии с тем, как структурирована субъективная реальность личности.

Невозможность разрешить противоречия (рассогласования) в системе отношений между отдельными составляющими структуры личности обуславливает чувство неаутентичности бытия, чувство потерянности, отчужденности, внутренней конфликтности и, таким образом, *диффузию идентичности*.

Личностная идентичность социальна по своей природе, что предполагает осознанно занятое, «присвоенное» личностью место в *системе культурных знаков*. То есть, с одной стороны, идентичность (как написано выше) отражает степень определенности, непротиворечивости системной организации личности с включением всех пространств ее бытия. С другой стороны, личность идентифицирует себя в качестве актора определенных социальных групп и претендует на то, что окружающие подтвердят ее право на определенное, значимое в общественном устройстве *место в системе идентификаций*.

При разрушении сообщества нарушается система идентификаций и человек испытывает затруднения в самоидентификации. В ситуации подобного кризиса вектор субъектной активности личности обусловлен:

- (а) ее попытками сохранить привычный социальный уклад, при котором ее роль сохраняет ценность и *место в структуре значимых социальных отношений* (русские на Украине не хотят согласиться с периферийностью своей роли, отсюда, в частности, борьба за статус русского языка и пр.);
- (б) ее стремлением поднять ценность тех групп, в которых у нее есть значимая роль (например: усиление роли этнической идентичности в связи с размыванием других социальных структур и потерей определенности содержания ролей в этих структурах);
- (в) ее направленностью на создание препятствий оформлению социальных групп, в которых не представляется возможным персонифицировать (освоить, овладеть) какую-либо из ролей.

Если создается система социального устройства, в которой роль с ведущим для носителя признаком (например, то, что человек — русский) исчезает из тезауруса социальных ролей или становится причиной перемещения на периферию социально значимых отношений и провоцирует притеснения, нет оснований рассчитывать на мирное течение событий. Человек задает себе вопрос: «Кто Я?» — и отвечает: «Русский». В сегодняшних обстоятельствах жизни на Украине этот ответ означает, что он оказался гонимым и притесняемым.

В ситуации социальных (политических и иных) преобразований вопрос «Кто Я?» всегда предполагает уточнение: «Кто Я относительно изменяющихся Других?» И от того, кто эти Другие, какие

они и как они располагаются на условной шкале «свой–чужой», зависит вектор преобразований системы идентификаций и собственной личностной идентичности. Перегруппирование «персонажей» инициирует конфликтный внутренний диалог. Например, личность может идентифицироваться с теми, кто «своих не бросает», с «вежливыми людьми», с теми, кто спас Крым, и тогда возрастает чувство патриотизма, гордость за свою причастность (наконец-то!). Или личность позиционируется ближе к другому полюсу мнений, идентифицируется с теми, кто манифестирует свою принадлежность к креативному классу, декларирует свою приверженность европейским ценностям (отметим, что в этом не может быть полного единства и естественны различия в том, как трактуются первое и второе). В этом случае рефлексия переживаемых личностью идентификаций вызывает чувства тревоги, потери, гнева, дезориентации. Идет масштабная внутренняя работа. Как написал Виктор Ерофеев: «Я никогда не думал, что с помощью украинцев я что-то узнаю новое о смысле жизни» (Ерофеев, 2015). Другое, не менее известное медийное лицо, отражая глобальность современной коллизии в отношениях России и Запада, высказалось о корнях российской культуры, о русской литературе следующим образом: «Нет, наверно, в мире литературы, столь же агрессивной и дидактичной, как русская. Когда-то она была очень актуальной, отчего сегодня особенно бессмысленна, потому что языковая и мировоззренческая картина мира сменилась полностью» (Невзоров, 2015). И это тоже процесс уточнения своих идентификаций и провозглашение себе и миру своей личностной идентичности.

Таким образом, личностная идентичность в ее социальном аспекте обусловлена тем, каким образом мы идентифицируем Других относительно себя и идентифицируем себя относительно Других.

Изменение геополитической ситуации, которое мы сейчас переживаем из-за ситуации с Украиной, вызвало масштабное переструктурирование «галереи социальных портретов», «переписывание» отдельных портретов. В связи с чем изменяются наши отношения не только с украинцами, но и с другими влиятельными акторами этого конфликта (США, Европейский Союз и т.д.).

Структурное рассмотрение идентичности предполагает включение трех составляющих (когнитивная, конативная, аффективная) с акцентированной темой *соответствия* социальным нормам:

а) образ мира, структурированный в соответствии с тем ракурсом, который задает место играемой индивидом роли в социальной системе; б) поведенческие модели, соответствующие месту индивида в социальной системе; в) социально предписанные и регламентированные социумом чувства, выражающие «правильное» отношение индивида к происходящему. В устойчивой социальной структуре традиционного общества этот интегративный феномен «упакован» (то есть это устоявшаяся модель, в которой непротиворечиво «срослись» представления о мире, действия и чувства).

В периоды социальных деструкций названные аспекты идентичности могут «расползаться», в чем проявляется своеобразная гетерохрония, так как они оформляются с различной скоростью. В связи с массивными информационными интервенциями активно изменяется *когнитивная* составляющая идентификаций, а *аффективная* (устойчивое отношение, сопровождаемое определенными чувствами) и *конативная* (способы поведения, соответствующие содержанию образа) составляющие требуют большего времени для оформления.

В предпринятом эмпирическом исследовании приняли участие юноши и девушки в возрасте 19–21 года (53 человека). Задание для участников исследования — описать (идентифицировать) три образа: американец, украинец, крымчанин.

В качестве инструмента анализа использовалась методика «Социальная идентичность» (В.А. Ядов, Е.Н. Данилова, С.Г. Климова), в которой для оценивания респондентам предлагаются полярные высказывания, характеризующие:

- (а) качества оцениваемого человека («богатый–бедный» и др.);
- (б) возникающие у респондента чувства («симпатия–брезливость» и др.);
- (в) возможные действия («никогда не обману – готов обмануть» и пр.).

Разброс используемых оценок находится в диапазоне от –2 (отрицательное суждение) до +2 (положительное суждение).

В оценивании «американца» содержание образа, чувства, связанные с этим образом, и направленность возможных действий выравнены и характеризуются высокими положительными значениями (+0,95; +0,9 и +0,9 соответственно). Хотя поток информации в СМИ, обусловленный коллизиями в отношениях России с Украиной

и изменением статуса Крыма и крымчан, включает в себя негативную информацию о вовлеченности США в эти процессы, тем не менее *образ американца* остается позитивным (ср. ар. 0,95). *Чувства и действия* характеризуются теми же позитивными значениями (0,9 и 0,9 соответственно). Условный «уровень позитивности» одинаков для всех трех аспектов образа, что свидетельствует о стабильности позиционирования Я респондента относительно образа «американца», отсутствие ревизии.

В описании *образа украинца* преобладают отрицательные суждения (ср. ар. -0,25). При этом *чувства* (ср. ар. 0,2) и направленность *действий* представлены в оценках не высокими, но положительными значениями (0,2 и 0,5 соответственно). *Чувства* оценивающего субъекта обнаруживают бóльшую близость к оценке *образа* (разница 0,45), чем его предполагаемые *действия* (разница 0,75).

Образ крымчанина положителен, в отличие от *образа украинца*, но уступает *образу американца* (ср. ар. 0,55); сопровождается позитивными чувствами (ср. ар. 0,8) и ориентацией на позитивные действия (ср. ар. 1,0).

Следовательно, «образ» как элемент оценивания оказался наиболее дифференцированным, то есть характеризуется наибольшей разницей в суждениях (оценках) в зависимости от объекта оценивания (разница в оценках 1,2).

Наиболее однородными оказались суждения о возможных *действиях* в адрес оцениваемых образов (разница в оценках 0,5).

Промежуточное положение по степени дифференцированности суждений заняла оценка переживаемых чувств (разница в оценках 0,7), что обнаруживает несколько бóльшую зависимость чувств от содержания *образа*.

Следовательно, *образ Другого* — наиболее «подвижная» составляющая, легко «отзывающаяся» на влияния со стороны СМИ и других источников.

Чувства подвержены влиянию различающихся представлений (образов) об объектах оценивания, но более консервативны и опосредованы общей «настроенностью» субъекта в его отношениях к Другим (склонность проявлять симпатию, доверять, испытывать уверенность в том, что ничего опасного нет, и пр.).

Готовность *действовать* определенным образом — наиболее консервативный элемент в рассматриваемой триаде, который от-

ражает сложившиеся у субъекта привычные способы поддержания отношений с Другими (готовность помочь, защитить, нежелание обманывать и пр.) и в наименьшей степени зависит от того, кому действие адресуется.

Таким образом, субъект оценивания ясно фиксирует разницу в своих представлениях об американцах, украинцах, крымчанах, **различает** эти три типа. Сопровождающие подобное знание чувства содержательно близки и ориентация возможных действий слабо дифференцирована (то есть по отношению к ним субъект оценивания готов вести себя почти одинаково, не делая различий).

Смена системы идентификаций всегда переживается индивидом как переломный момент, когда мир становится менее предсказуемым и усиливается уязвимость, нарушаются запланированные траектории его личностного роста. Социополитический кризис всегда драматичен, и вовлеченность личности в деструктивные социальные процессы связана не только с непосредственной опасностью для жизни, но с деструкцией экзистенции и изменением вектора субъектности. Потеря определенности в идентификации Других, в самоидентификации чревата рисками стагнации личностного роста, девальвации смысла жизни.

3.4. Изменения субъектной позиции личности в связи с нарастающей виртуализацией ее бытия⁵

Проблема субъекта в интерпретации личности и ее бытия

Проблема субъекта — одна из краеугольных в гуманитарных науках. Рассуждения об «исчезающем субъекте» только усиливают фундаментальность научных дискуссий о человеке с точки зрения его субъектности, поскольку сама острота прений по вопросу «субъект – не субъект» демонстрирует важность этой проблемы.

В концепции С.Л. Рубинштейна человек как субъект введен внутрь, «в состав бытия» и, соответственно, утверждается, что «с появлением человеческого бытия коренным образом преобразуется весь онтологический план». Бытие обретает свое новое качество только «с учетом бытия человека» (Рубинштейн, 1997, с. 6–7). В этом

⁵ Раздел написан в соавторстве с Е.И. Богомоловой.

качестве личность выступает той силой, которая воплощает в объективной реальности содержание своего внутреннего, субъективного мира, продолжает себя в мир, перестраивая его в соответствии со своими смыслами. Таким образом, в работах С.Л. Рубинштейна, А.В. Брушлинского и других авторов представлена идеология преодоления бессубъектности в рассмотрении бытия. Продолжение себя в мир, переструктурирование личностью пространств своего бытия в соответствии с личностными смыслами и достижение, таким образом, аутентичного бытия — все эти темы отражают гуманистическую идеологию в психологической интерпретации человека.

Виртуальная реальность — новая реальность бытия современного человека

Сегодня мы говорим о новой реальности, в которой строит свое бытие современный человек. Речь идет о «гиперреальности» (Ж. Бодрийяр), о «киберпространстве» (У. Гибсон), о пространстве симулякров (Ж. Делез, Ж. Бодрийяр), о «виртуализации» общества (Ю.П. Зинченко) и т.д. Новой культуре свойственны технологически новые способы бытия в мире. «Посредством технологий виртуальной реальности человек получает возможность по-новому ощутить бытие», — пишет Ю.П. Зинченко и задается вопросом: «Каким образом такая трансформация может на него повлиять?» (Зинченко Ю.П., 2011, с. 246).

В.Е. Лепский и А.Г. Рапуто отмечают, что «с развитием компьютеров и интерактивных сетей Интернет появилось новое измерение человеческого бытия» (Лепский, Рапуто, 1999, с. 39). Пользователи сетей характеризуют свои переживания «как своего рода расширение их интеллекта и индивидуальности, как “пространство”, которое отражает их вкусы, отношения и пристрастия», как пространство, «которое является расширением психологического внутреннего мира» (Там же).

Как связаны проявления активности личности в онлайн- и офлайн-пространствах? Есть ли основания опасаться, что онлайн-активность снижает ее субъектную активность в офлайне? Что происходит и что далее будет происходить с личностью как субъектом бытия? Проблема субъекта в этом ракурсе предстает амбивалентной. В дискуссиях на эту тему, в картинах будущего, о котором мы все грезим, представлены как минусы, так и плюсы.

Возрастание субъектности личности в условиях виртуальной реальности бытия

С одной стороны, выглядит обоснованным утверждение о возрастании субъектности личности. Об этом свидетельствуют: включенность личности в «цифровую реальность» как энергичного актора, возможность приспосабливать технологии интерактивных цифровых сетей к своим нуждам и своей системе ценностей. Конкретный человек, овладев необходимыми для этого знаниями и операциями, создает собственную виртуальную реальность, свой собственный мир, в котором с наибольшей полнотой воплощается картина его внутренней жизни.

Если на предшествовавших исторических этапах бытия человека и человечества внушительная дистанция, которую необходимо было пройти ментальному продукту до его воплощения в реальность, и естественное сопротивление реальности, уже функционирующей по своим законам, обуславливали «затратность» личности, но в результате более органичную итоговую реализацию проекта, то сейчас с меньшими усилиями и в более короткое время доступ к «глобальным воплощениям» своего ментального продукта получили многие. Благодаря технологиям виртуальной реальности ментальная конструкция отдельного человека потенциально более субъектна и отдельный человек потенциально более активный агент воздействия на структурирование событий. Виртуальная реальность, созданная чьим-то индивидуальным сознанием, может обуславливать бытие многих людей.

Потеря субъектной позиции личности в условиях виртуальной реальности бытия

С другой стороны, в футуристических прогнозах, в художественном изображении будущего преобладают мрачные сцены распада человеческой личности из-за потери субъектной позиции. Именно такого плана художественные проекты («Терминатор», «Матрица», «Нейромант» и т.д.) будоражат сознание зрителей и читателей своей апокалиптичностью. Страх потерять возможность быть субъектом своего бытия угнетает.

М. Маклюэн в своих пророчествах писал о слиянии человека с машиной, о киборге как о существе, наделенном двойственной

сущностью, то есть уже *не* человеку, противопоставленном человеку со свойственной ему интенцией аутентичного *его* природе бытия. Эта интенция определяет вектор субъектности человека и не может быть свойственна *природе* киборга.

Ю.П. Зинченко акцентирует другой аспект «смерти субъекта», связывая его со слиянием субъекта и симулякра. Основываясь на теориях Ж. Делеза и Ж. Бодрийяра, он определяет *симулякр* «как знак, обретающий свое собственное бытие, творящий свою реальность» (Зинченко Ю.П., 2011, с. 238). *Пространство симулякров* предстает той самой *виртуальной реальностью*, которая может быть настолько притягательной для человека, что реальный мир с его проблемами и противоречиями уступает симуляции. При этом «исчезает детерминированность поступков, человек делает не то, что должен, а то, что хочет» (Миронов, 2011, с. 51). Таким образом, растворяется ответственность субъекта за то, причиной чего он является. Человек выстраивает в виртуальном пространстве такие отношения с миром, «при которых Мир подстраивается под субъекта, становится именно таким, чтобы субъекту в нем было легко и удобно» (Кузнецова, 2011, с. 451). Но это упоительное торжество субъекта иллюзорно, как сама виртуальная реальность, если достигаемое личностью в онлайн не расширяет возможности его бытия в офлайне.

Направленность субъектной активности личности на поддержку своей идентичности в со-бытии с Другим

Вопрос о том, что побуждает человека к активности в пространстве виртуальной реальности, как именно выглядят структурные и функциональные особенности системы потребностно-мотивационной регуляции деятельности личности в сети, лег в основу многих исследовательских проектов.

На основании многолетнего исследования (1992–1998) пользователей Интернета, проведенного О.Н. Арестовой, Л.Н. Бабаниным и А.Е. Войскунским, была сформулирована классификация видов мотивов (Арестова, Бабанин, Войскунский, 2011). Воспользовавшись этой классификацией, а также полученными нами ранее данными контент-анализа, на основании которого была сформулирована схема удовлетворения потребностей личности в социальных

сетях (Косивченко, 2011), стало возможным определить, какие мотивы движут личностью, вовлеченной в такой вид коммуникации. В контент-анализе учитывались мнения пользователей сетей «ВКонтакте.ru» и «Одноклассники.ru», оставленные на тематическом форуме. Всего было проанализировано 416 ответов. Среди них 176 мужчин, 208 женщин, пол не определен у 32 ответивших.

Результат систематизации ответов с указанием частоты проявления мотивов у пользователей социальных сетей показывает следующее:

- 1) мотив общения (коммуникативный мотив) — 90,6%,
- 2) мотив аффилиации — 46%,
- 3) мотив самоутверждения (нередко в негативном контексте) — 41,5%,
- 4) познавательный мотив — 39,5%,
- 5) мотив самореализации и развития личности — 27,6%,
- 6) корпоративный мотив — 15%,
- 7) мотив рекреации, игровой мотив — 4%,
- 8) деловой мотив — 0,3%.

Таким образом, три первые позиции в представленном списке занимают (и поэтому могут рассматриваться в качестве основных побудителей активности личности в виртуальном пространстве социальных сетей) *мотивы общения, аффилиации и самоутверждения*. Это свидетельствует о том, что общение в социальных сетях позволяет решить актуальные для личности вопросы коммуникации, причастности к значимым группам и принятия их членами, расширения представлений о мире и становление субъектности личности.

Что обуславливает повышенный интерес личности к общению в виртуальном пространстве бытия?

Опираясь на достижения психологии субъекта (А.В. Брушлинский и др.), психологии человеческого бытия (В.В. Знаков и др.), субъектно-бытийного подхода к личности (З.И. Рябикина и др.), диалогической ориентации в рассмотрении личности, Г.Г. Танасов предложил теоретическую конструкцию *субъектной активности личности, обусловленной ее ориентацией на поддержку своей идентичности в со-бытии с Другим*. Другой человек всегда важен для личности как актер, способный подтвердить ее идентичность, и таким образом продолжить ее бытийность в том качестве, в котором

личность видит (самопонимает) себя, или «прервать» ее бытийность в этом качестве (Рябикина, Сомова, 2001; Рябикина, 2008; Рябикина, Танасов, 2010).

Можно предположить, что возможность получить необходимое личности *подтверждение своей идентичности* в отношениях с Другим достигается более успешно в условиях виртуального общения. Желаемое личностью продолжение своего бытия в субъективный мир Другого («персонализация» — В.А. Петровский) оказывается легче реализуемым в виртуальном со-бытии интернет-коммуникации.

Динамика изменений личности пользователя Интернета

Остановимся на последовательности событий, характеризующих то, что происходило с возможностями, предлагаемыми Интернетом своим пользователям. Все начиналось с безликого обмена данными, который производился из единственного места хранения на сайты по всему миру. Позже появилась личная электронная почта, которая ярче отражала человека (персону) в сети. Вскоре и эти рамки стали слишком узки — у человека появилась потребность заявлять *о себе*. Эта потребность привела к созданию личных сайтов, чатов, форумов, блогов. С каждым новым шагом пользователь приближался ко все более полной возможности выразить свое уникальное *Я* в сети Интернет.

В чатах, программных месенджерах (ICQ), на форумах пользователи применяли в качестве самоидентификации «ники» (вымышленные имена). Появление блогов также началось с весьма ощутимого присутствия страниц, чьи хозяева были анонимны. Параллельно появлялась практика двойной жизни, когда человек вел два блога: один, где его личность была известна, и другой — под маской. Пользователи меняют имена, образы, играют с возрастными и полами, исследуя новые границы своего виртуального *Я* (Асмолов, Асмолов, 2009, с. 10–11). В Интернете люди создают себе некие «виртуальные личности», в связи с чем возникает вопрос о том, как соотносится реальное *Я* с виртуальными прототипами и где границы между самопрезентацией, симуляцией и самоактуализацией в этих играх с идентичностью (Жичкина, 2003).

Постепенно заигрывание с собственной идентичностью и ведение сразу нескольких жизней в сети становилось все менее пространственным, так как подобное фрагментированное бытие личности с жестким разделением на вымышленное и реальное (то есть в онлайн и в офлайн) для деятельной натуры, активного субъекта своего реального бытия не конструктивно. Активный субъект бытия использует онлайн как инструмент и дополнительный ресурс для решения своих проблем в офлайн-бытии. Это привело к появлению на виртуальной сцене социальных сетей, чья идея изначально заключалась в предъявлении во всемирной паутине реальной личности, которая была бы узнаваема для окружения офлайн и с которой могут познакомиться незнакомые люди. Эта идея была активно поддержана «жителями» мировой сети. Несомненно, остаются те, кто не желает афишировать в сети свои личные данные и «срывать маски», но по сравнению с ситуацией десятилетней давности их количество составляет значительное меньшинство.

Тем не менее одним из наиболее привлекательных аспектов бытия личности в виртуальной реальности остается возможность создания личностью желательного впечатления о себе, дозированного самораскрытия и конструирования образа по своему выбору (А.Г. Асмолов, Г.А. Асмолов, Ю.М. Кузнецова и др.), способность манипулировать создаваемой идентичностью (Foster, 1995).

Развитие технических возможностей виртуального (компьютерного) пространства связано с удовлетворением запросов пользователей. Джон Барлоу отмечает, что эти интересы, прежде всего, ориентируют на максимальное приближение процесса общения в социальных сетях к естественному (в реальном пространстве бытия личности): видеть лицо собеседника, отображать партнера в трех измерениях и пр. (Barlow, 2013). Но это только внешняя («техническая») сторона динамики. Она усиливает иллюзию достоверности в том, каким предстает партнер по общению в виртуальной реальности, но не гарантирует эту достоверность, так как партнер может реализовать свою субъектность в коммуникации с нами именно в том мастерстве и усердии, с которыми он создает свой имидж. А его ложная самоидентификация поддерживается в виртуальном общении, поскольку он режиссирует свои контакты, оставаясь главным субъектом в виртуальном отношении с партнером, доступными ему манипуляциями снижает субъектность партнера, уклоняясь от

самой возможности понимания его партнером. Называя себя в сетевом общении своим именем, человек не теряет возможность манипулировать в области самоидентификации, прибегая при этом к различным стратегиям и тактикам самопредъявления.

Соотношение субъектности своего и ожидаемого от партнера поведения у пользователей виртуальных социальных сетей

С целью выявления особенности направлений межличностного поведения пользователей социальных сетей и характера их межличностной ориентации было предпринято исследование, в котором использовалась авторская анкета (Косивченко Е.И., «Отношение юношей и девушек к общению с помощью виртуальных социальных сетей»), а также методика FIRO-B, разработанная У. Шутцем (в адаптации А.А. Рукавишника «Опросник межличностных отношений») (Диагностика межличностных..., 2002).

Данный опросник предназначен для оценки поведения человека в трех основных областях межличностных потребностей:

- *включения* (I) — потребность в создании и поддержании удовлетворительных взаимоотношений с другими людьми;
- *контроля* (C) — потребность в контролировании характера и особенностей отношений с другими;
- *аффекта* (A) — потребность создавать и поддерживать удовлетворительные отношения с другими людьми, опираясь на любовь и близкие эмоциональные контакты.

Внутри каждой области принимают во внимание два направления межличностного поведения:

- *выраженное поведение индивида* (*e*) — мнение индивида об интенсивности собственного поведения в данной области;
- *поведение, требуемое и ожидаемое индивидом от окружающих* (*w*), с той интенсивностью, которая является оптимальной для него.

Таким образом, ответы оцениваются по шести шкалам:

- *Ie* — выраженное поведение индивида в области включения;
- *Iw* — требуемое от партнера поведение в области включения;

- Се — выраженное поведение индивида в области контроля;
- Сw — ожидаемое от других поведение в области контроля;
- Ae — выраженное поведение личности в области аффекта;
- Aw — требуемое от других поведение в области аффекта.

На основе этих шкал составляется характеристика особенностей межличностного поведения испытуемых.

В исследовании приняли участие 70 человек в возрасте от 19 до 25 лет, из них 25 юношей и 45 девушек. Для обработки результатов выборка была разделена на две группы в соответствии с полом испытуемых: мужчины в возрасте 19–25 лет (средний возраст группы — 20,3 года); женщины в возрасте 19–24 года (средний возраст группы — 19,3 года).

Обе изучаемые группы дали статистически значимые различия (использовался t-критерий Стьюдента) результатов и высокие средние показатели по шкале выраженности своего поведения в области включения (Ie) и низкие по шкале требуемого от партнера поведения в области включения (Iw): *юноши* (Ie) — $m=5,16$, (Iw) — $m=4,16$; *девушки* (Ie) — $m=5,13$, (Iw) — $m=4,13$. Различия значимы как у юношей ($p<0,005$), так и у девушек ($p<0,001$). Полученные данные свидетельствуют о том, что девушки и юноши стремятся к вовлеченности и причастности к чужой жизни. Видят себя в этой активности субъектами и снижают встречную субъектность со стороны партнера по общению. Они в меньшей степени ожидают вовлекающей в отношении активности со стороны своего окружения, предпочитая самостоятельно выбирать партнеров для создания и поддержания психологически приемлемых отношений, а также иметь возможность по собственному желанию эти отношения прерывать.

По шкалам выраженности собственного поведения в области контроля (Се) и требуемого от партнера поведения в области контроля (Сw) группа юношей дала показатели ниже, чем группа девушек: *юноши* (Се) — $m=5,12$, *девушки* (Се) — $m=5,73$. Это можно интерпретировать как более выраженное желание контроля над отношениями в виртуальном пространстве со стороны девушек.

Сравнение показателей по шкале контроля между тем, к чему в отношениях стремится сам актер (Се) и каких проявлений ждет от своего виртуального партнера (Сw), основывается на следующих средних данных: *юноши* (Се) — $m=5,12$, (Сw) — $m=3,32$; *девушки* (Се) — $m=5,73$, (Сw) — $m=3,53$. Значимость различий по шкалам

Се–Сw в группе юношей ($p < 0,01$) больше, чем в группе девушек ($p < 0,0005$). Полученные данные свидетельствуют о том, что девушки и юноши стремятся к контролю отношений в общении. Видят себя и в этой активности в большей степени субъектами, чем предполагают ее у партнера.

В области собственного выраженного (Ае) и требуемого от партнера (Аw) поведения в области *аффекта* исследуемые группы дали следующие результаты: *юноши* (Ае) — $m=2,96$, (Аw) — $m=4,48$; *девушки* (Ае) — $m=3,75$, (Аw) — $m=4,53$. Как у девушек, так и у юношей обнаружены статистически значимые различия по рассматриваемой паре шкал ($p < 0,05$). При этом у девушек собственная направленность на проявления аффективности в общении выше, чем у юношей, то есть они в большей мере готовы проявлять в общении симпатию, чувства по отношению к партнеру. То, что отличает результаты по шкале аффекта от результатов двух предшествующих шкал (включение и контроль), — это готовность делегировать большую субъектность партнерам по коммуникации и собственная сниженная субъектность по этому параметру.

Таким образом, как девушки, так и юноши высоко ориентированы на проявления субъектности в области *включения* и *контроля* в виртуальной коммуникации и занимают асубъектную позицию в области *аффекта*, проявлений любви, симпатии, приятия, ожидая субъектной позиции в этом случае от партнера. Именно возможность быть субъектом «за двоих» (за себя и за партнера по виртуальной коммуникации) в области *включения* и *контроля* делает более достижимой возможность получить необходимое личности *подтверждение своей идентичности* в отношениях с Другим, а также достичь уверенности в том, что удалось продолжить свое бытие в субъективный мир Другого (персонализироваться).

Интернет — это механизм, в котором заложена опасная возможность замены общения и сообщества с диалогической структурой общением и сообществом, где такая структура факультативна и произвольно избирательна (Кнабе, 2013; Миронов, 2011). В.В. Миронов называет это общением личности со своим зеркальным отображением, «царством мертвой тождественности» (Миронов, 2011). В виртуальных отношениях социальных сетей расширяется «псевдокультурное» поле общения, диалог в котором осуществляется по принципу совпадающих или почти совпадающих смысловых струк-

тур с «Другим как Я». Происходит снятие естественных в общении с другим человеком *противоречий*, которые, возникая и разрешаясь в диалоге с Иным, обеспечивают развитие смысловой сферы личности, ее личностный рост (Рябикина, 2008). Таким образом, *виртуализация отношений личности таит опасность симуляции ее субъектности или искажения субъектной ориентированности из-за отсутствия истинного диалога с Другим*.

Тип личности пользователя социальных сетей

Неоднократно отмечалась многими авторами *неоднозначность влияния интернет-общения на изменения личности*. Например, нередко в исследованиях фиксируются возникающая у личности зависимость от сети, торможение динамики и затрудненность реального вербального общения, но, одновременно, исследователи пишут и о том, что интернет-общение дает возможность позитивного развития некоторых особенностей личности и Я-концепции (Чудова, 2002). «Игры с идентичностью», обусловленные уже отмеченным ранее свойством Интернета — анонимностью, а также пространственно-временной неограниченностью коммуникации, предоставляют пользователям новые обширные возможности упрощенного и гибкого формирования и «перекраивания» образа Я (Арестова, Бабанин, Войскунский, 1996).

Ранее учеными выделялись «проблемы личности», выступающие предпосылками к общению посредством Интернета:

- *недостаточная насыщенность реального общения* — пользователь с помощью виртуального взаимодействия заполняет некоторое пустующее пространство в общении и наполняет его недостающими возможностями;
- *возможность реализации качеств личности, переживания эмоций и проигрывания ролей, фрустрированных в реальной жизни*, — сеть дает для реализации этих потребностей большие возможности (анонимность, ненормативность, слабая ограниченность, безнаказанность).

Исходя из этого, отмечалось, что к виртуальному общению чаще склонны люди, неуверенные в себе, испытывающие сложности в близком общении и самораскрытии, неудовлетворенные собой (своей внешностью, физическим Я), склонные к установлению дис-

танций между собой и другими (Чудова, 2002). Эти выводы в некоторой степени говорят о личностном неблагополучии пользователей интернет-среды. Однако социальная сеть — сфера абсолютно новая и отличная от ранее существовавших способов виртуального общения (форумы, чаты и т.д.), и есть основания предполагать, что «населяет» ее иной тип пользователей.

С целью выделения психологических особенностей, свойственных активному пользователю социальных сетей и отличающих его от человека, не одобряющего такой способ общения, было проведено исследование среди студенток Кубанского госуниверситета. В исследовании приняли участие 42 человека — девушки и женщины от 19 до 40 лет (средний возраст — 27 лет).

В задачи исследования входил анализ особенностей личности активного пользователя социальной сети. В работе использовался характерологический опросник К. Леонгарда, с целью распознавания черт характера пользователя, и тест Райдаса, позволяющий измерить степень уверенности в себе у пользователей и «непользователей» социальных сетей.

Таблица 1

Акцентуированные черты личности пользователей и «непользователей» социальных сетей (методика К. Леонгарда)

	Гипертимность	Демонстративность	Эмотивность	Экзальтированность	Циклотимность	Педантичность	Возбудимость	Неуравновешенность	Тревожность	Дистимность
Пользователи социальных сетей	26%	24%	18%	9%	9%	9%	3%	2%	0%	0%
«Непользователи» социальных сетей	25%	8%	42%	0%	0%	17%	0%	0%	8%	0%

На основании анкетного опроса группа респондентов была разделена на пользователей и «непользователей» социальных се-

тей. Проведенный анализ типов акцентуаций характеров по итогам методики К. Леонгарда позволил выделить преобладающие отличия психологических особенностей этих групп респондентов (табл. 1).

Наиболее выраженными отличиями пользователей социальных сетей от «непользователей» стали:

- демонстративность (24%) — повышенная способность к вытеснению, демонстративности поведения;
- экзальтированность (9%) — лицам этого типа свойствен большой диапазон эмоциональных состояний, от восторга из-за радостных событий до полного отчаяния из-за печальных;
- циклотимность (9%) — смена гипертимических и дистимических фаз, то есть переход от хорошего настроения в сочетании с жадой деятельности, высокой активностью, предприимчивостью до плохого настроения, фиксации на мрачных сторонах жизни, идеомоторной заторможенности.

Демонстративность — это сложная, многоплановая характеристика, в большей степени свойственная пользователям социальных сетей, чем «непользователям». Демонстранты стремятся казаться значительнее, чем есть на самом деле, испытывают жажду восхищения, часто провокационны, эгоцентричны. Их отличает высокий уровень эмоциональной нестабильности, склонности к смене настроения, его неустойчивости. Они в большей степени, чем «непользователи», ориентированы на яркое и увлекательное внешнее взаимодействие, активное самопозиционирование в сети, на которое ждут отклик интернет-общественности. В то же время они отстраняются от фактов и живут в мире, где основной валютой являются эмоции и переживания, в чем им активно способствуют социальные сети. Это может говорить о том, что демонстранты хорошо адаптируются в новых социумах. Однако часто меняют свои роли, задачи в социуме и оценки других людей. Это в более или менее длительной перспективе может приводить к нарушениям стабильности социальных контактов, к дезадаптации и потере истинной субъектности личности.

В отличие от них «непользователи» духовно более чуткие и впечатлительные люди, им в большей степени свойственна склонность

к страхам и комплексам, проявляющимся в излишней аккуратности и дотошности, они с большими затруднениями взаимодействуют с окружающими, сложнее находят с ними общий язык, зажатые и, соответственно, менее общительны.

С помощью теста Райдаса было проведено исследование уверенности в себе как среди пользователей, так и среди «непользователей» виртуальных социальных сетей.

Исходя из полученных результатов, активных пользователей социальных сетей среди респондентов можно отнести к категории «уверен в себе» (со средним значением 73,2). Респонденты, не являющиеся пользователями социальных сетей, оказались в категории «средней степени уверенности» (со средним значением 60,8). Эти данные подтверждают выводы, полученные нами ранее. Пользователи социальных сетей отличаются сильными проявлениями целеустремленности и напористости, самостоятельности и рискованности принимаемых решений, активным восприятием действительности, принятием себя такими, какие они есть, стремлением быть активным творцом собственной действительности и поиском в ней своего места. С помощью взаимодействия в социальной сети пользователи пытаются самостоятельно конструировать и корректировать свой образ Я, как на виртуальном, так и на реальном уровне, перенося его из поля онлайн в офлайн-бытие, тем самым наращивая свою субъектную позицию.

Результаты проведенной работы в области интернет-общения можно сопоставить с результатами, полученными ранее (см. работы Н.В. Чудовой, А.Е. Войскунского), и убедиться, что сфера виртуального общения неоднородна. Социальные сети — новая ячейка онлайн-общения, и ее составляют *иные пользователи, отличные от пользователей чатов или форумов*. Они не испытывают сложностей с восприятием своего реального и физического Я, открыты и готовы к общению, что в меньшей степени свойственно людям, отвергающим такой тип коммуникации.

Итак, в исследовании показано, что в качестве основных побудителей активности личности в виртуальном пространстве социальных сетей выступают мотивы общения, аффилиации и самоутверждения. Это связано, в частности, с обусловленностью субъектной активности личности ее ориентацией на поддержку своей идентич-

ности в со-бытии с Другим. Возможность быть субъектом «за двоих» (за себя и за партнера по виртуальной коммуникации) в области *включения и контроля* делает более достижимой возможность получить необходимое личности *подтверждение своей идентичности* в отношениях с партнером по виртуальной коммуникации, а также достичь уверенности в том, что удалось продолжить свое бытие в субъективный мир Другого (персонализироваться). При этом виртуализация отношений личности таит опасность симуляции ее субъектности или искажения субъектной ориентированности из-за отсутствия истинного диалога с Другим.

Социальная сеть, как новое пространство виртуального бытия личности, отличающееся от ранее существовавших способов виртуального общения (форумы, чаты и т.д.), «населяется» новым типом пользователей. Наиболее выраженными отличиями пользователей социальных сетей от «непользователей» являются демонстративность, экзальтированность, циклотимия.

Таким образом, осуществленные нами исследования, а также анализ исследований, выполненных другими авторами, показывают, что интернет-общение или «жизнь» личности в виртуальном пространстве влияет на ее статус субъекта бытия. Эта жизнь может органично сочетаться с жизнью в офлайне, создавая дополнительную ресурсность, предлагая информацию, способы и операции, совершенствующие бытие личности, повышающие возможность ее самореализации и достижение аутентичности. Но возникают и опасности «зависания» личности в виртуальном пространстве онлайн, сегрегации отдельного аспекта бытия (виртуальное бытие), когда общение в виртуальном пространстве из инструмента, средства, расширяющего возможности реальной жизни личности, превращается в ненасыщаемую самодовлеющую потребность, подчиняющую человека, делающую его зависимым от новых гаджетов, компьютерных программ, сформированных им в виртуальном пространстве фальшивых самоидентификаций, поддерживаемых виртуальными партнерами компьютерной коммуникации. Таким образом, в первом случае субъектная, а во втором случае *ложно-субъектная* позиция личности в виртуальном пространстве бытия обуславливают ее реальное бытие, его полноценность или выхолощенность (вторичность в сравнении с онлайн-бытием).

3.5. Конгруэнтность имиджа как фактор аутентичности бытия

Одно из модных понятий нашего времени, к которому мы сегодня часто обращаемся как в обыденных разговорах, так и в научных дискуссиях, — понятие «имидж». Под имиджем понимается сложившийся в массовом сознании и имеющий характер стереотипа эмоционально окрашенный образ кого-либо или чего-либо. В самосознании человека, в его многоаспектном, многослойном образе-Я это отраженное знание о том как его видят, представляют, интерпретируют Другие, предстает как *публичное Я*.

Создание человеком публичного образа, рассчитанного на то, чтобы вызвать определенную реакцию окружающих, ясно осознанный, означенный в научном дискурсе феномен. То, что поведение человека в группе отличается от того, как он ведет себя будучи один, — факт достаточно тривиальный, как бы само собой разумеющийся. Это — базовая посылка, обусловившая возникновение одной из существенных областей психологического знания — социальной психологии. Но вот фокусировка внимания на том, *как* возникает этот образ, как, какими средствами его можно создать, появление легиона специалистов (стилистов, имиджмейкеров и пр.), предлагающих нам свои услуги в этой области, разработка технологий, практическая проработка процедур, тиражирование рекомендаций и средств, доведенное почти до индустриальных масштабов, — все это приметы нашего времени.

Почему это происходит? Увеличившееся количество коммуникаций в условную единицу времени, резко возросшая «плотность» наших контактов с Другими, когда мы сталкиваемся с проблемой быстро донести до партнера не только необходимую, но располагающую его к общению с нами информацию, — ставят перед человеком и перед организацией (фирмой) проблему создания и поддержания имиджа. Имидж — легко считываемый образ, обеспечивающий предъявление через внешнюю атрибутику внутреннего (если речь идет о человеке, то психологического, личностного) содержания, обуславливающего интерес партнера. Например, респектабельный, несколько консервативный стиль в одежде «говорит» о достатке, уверенности, стабильности человека, давно и привычно занимающего социальную нишу, обеспечивающую благополучие в жизни.

Это «дает» нам надежду на безопасность деловых контактов с таким партнером и чувство принадлежности к тому же слою.

Осваивая область целеориентированной презентации, мы обильно заимствуем готовые рекомендации западных практиков. На Западе специалисты по имиджелогии и публик рилейшнз давно составляют существенную прослойку, обеспечивающую эффективные коммуникации в обществе. Заимствование западного опыта в этой ситуации — естественное явление. Но, признавая это, нельзя не признать и другое: *культурные различия*, обусловленные особенностями социально-исторической ситуации в нашей стране и, в свою очередь, обуславливающие своеобразие менталитета наших граждан, предполагают необходимость собственных активных исследований в этой области, выработку собственных практик.

Культура (при всей сложности этого глобального понятия) может быть определена как сложившаяся в историческом бытии сообщества система ценностей, норм, знаний и *символов*. Это — система стандартов, образцов. В попытке найти более яркий образ для рассматриваемого понятия, П.Н. Шихирев определил культуру как «правила игры, достигнутые участниками на данный момент времени» (Шихирев, 2000). Продолжая развивать этот образ, следует добавить, что «правила игры» должны предполагать существование и обобщенных образов участников игры в соответствии с возлагаемыми на них функциями, то есть «типы персонажей».

Освоенность культуры предполагает способность субъекта передать партнеру по общению информацию на языке сложившихся в данной культуре *символов* и способность декодировать переданную ему партнером информацию, то есть расшифровать использованные им *символы*. «Считывая» сквозь призму имиджа характеристики другого человека, мы используем культурно обусловленный, сложившийся в конкретно-историческом социуме «алфавит» поведенческих проявлений (Лабунская, 1999; Холл, 1995; и др.), сложившуюся категориальную сетку типов личностей («новый русский», «новый бедный» и пр.). Таким образом, имидж — один из существенных пластов языка *символов*. Создавая имидж, мы воссоздаем символ некоторого типа личности, используя при этом элементы сложившегося в данной культуре языка. Коллекция имиджей отражает культуру. Она и есть наша культура на данный момент исторического времени.

Иллюстрируя различия, обуславливающие возможные барьеры во взаимопонимании между представителями разных культур, П.Н. Шихирев приводит в качестве примера различающуюся смысловую нагрузку разноязычных слов-аналогов: русское слово «дело», английское — «бизнес», немецкое — «гешефт» (Шихирев, 2000). Если в английском и немецком вариантах приведенные слова предполагают прибыль, наживу, то русское слово «дело» совершенно лишено этого оттенка. Это различие в содержательном наполнении приведенных слов позволяет предполагать, что и имиджи «человека, занятого делом» или «делового человека» и «бизнесмена» (человека, умеющего зарабатывать, сосредоточенного на выгоде) — это различающиеся по содержанию имиджи.

Другой пример. Воспользуемся опытом Татьяны Занковской, специалиста по подбору кадров для немецких фирм, осуществляющих свою деятельность на территории России (Занковская, 2000). Ее опыт работы показал, что образ (имидж) секретаря в Германии не соответствует российским меркам. В Германии это — серьезная ответственная должность, не имеющая ограничений по возрасту, предполагающая личностную и социальную зрелость, большую самостоятельность, способность принимать ответственные решения. Соответственно, при подборе кандидатуры немецкий шеф вероятнее всего предпочтет зрелую даму, по российским меркам скорее напоминающую своим стилем поведения зам. директора школы. Российские клиенты привыкли видеть в роли секретаря «приветливую девушку без претензий, готовую принести кофе и немного пококетничать». Поэтому секретарь в офисе немецкой фирмы русского клиента может смутить (кто способен испытать удовольствие от общения с завучем школы?), вызовет стеснение и дискомфорт из-за затруднения в выборе подходящего способа обращения, поддержания отношений с таким секретарем. Если следовать довольно часто встречающемуся в литературе разделению людей на два типа: (а) ориентированные на результат и (б) ориентированные на поддержание и сохранение благоприятных отношений с партнером, — то, как отмечает П.Н. Шихирев, исторический анализ свидетельствует, что российская культура в целом скорее тяготеет ко второму типу (Шихирев, 2000). Значит, и при создании имиджа эта сторона характера человека должна получить возможность быть предъявленной,

что совсем не обязательно в культуре, тяготеющей в большей мере к первому типу.

Вернемся от примеров к нашему рассуждению о связи проблемы имиджа с особенностями сложившейся и продолжающей изменяться культуры сообщества. Проблема имиджа — больше чем просто проблема имиджа еще и потому, что это — проблема *идеала*, проблема того типа человека, в образе которого воплощены (реализованы) наши желания совершенства. Общество не может жить без идеалов. Имидж — это состоявшиеся (и в этом смысле — удачные) попытки, используя те силы, тот «материал», которым располагает конкретный человек, изобразить, воплотить, материализовать идеал. Создавая свой имидж, мы усиливаем, утрируем проявленность тех своих качеств, которые расцениваем как позитивные, и эта оценка обусловлена сложившимися в культуре стереотипами. Имидж, как символ, есть выражение культуры, а как выражение улучшенной версии человека («пытаюсь продемонстрировать в имидже свои сильные стороны») — это «взгляд вперед», перспектива нашего совершенствования, как индивидуального, так и общественного. Имидж отражает культуру, и имидж *продолжает* культуру.

Общество, мы с вами, испытывает непреодолимую, почти болезненную потребность разоблачить удачный имидж (удачный, то есть вызывающий почитание, ажиотаж поклонников, желание подражать и прочие эффекты). Почему? Удачный имидж — это материализация *угаданного* идеала. И каждому хочется раскрыть тайну этой материализации, понять механику, увидеть более детальные, обыденные, соотносимые с собственным опытом повседневной жизни, подробности, так как это позволит соотнестись, идентифицироваться, прочувствовать и перенять.

Итак, создаваемые, тиражируемые имиджи — это любопытнейший пласт проявлений современного человека, грезы о себе самом, воплощаемые в публичной жизни. Имиджевая реальность — воплощение улучшенной, праздничной (не на каждый день) версии себя любимого. К. Маркс когда-то определил промышленность как чувственно представленную психологию. По аналогии с этим удачным высказыванием, имидж — это чувственно представленный взгляд на себя в идеализированной версии. Это — идеи, обретшие материальность в игре специально подобранных, рассчитанных на успех у публики, слов. Это — потребности, воплощенные в приоб-

ретаемых и используемых как символы предметах. Это — тщательно отслеживаемые позы, жесты, движения, предъявляющие наше тело в более совершенном виде.

Научным осмыслением феноменологии имиджа, прояснением механизмов его создания и поддержания занимается имиджелогия. Это — активно развивающаяся наука, и ее становление предполагает объединение усилий специалистов различных научных направлений. Свое место в создании этой относительно новой области знания и практики должна занять психология. Коллеги-непсихологи, безусловно, это признают. Например, известный автор публикаций по проблемам имиджа Г.Г. Почепцов подчеркивает, что имиджелогию не следует сводить к советам о цвете носков или галстука (Почепцов, 2001). Предупреждение звучит актуально именно потому, что иногда это происходит. Как в науке, так и в обыденном сознании пока остается недостаточно проработанным представление об имидже как о презентации внутреннего содержания через внешние атрибуты. Имидж — внешнее предъявление свойственных человеку личностных особенностей. Хороший профессионал, помогающий нам в оформлении внешности, это осознает и реализует в своей деятельности. О неразрывной связи и обусловленности внешнего внутренним великолепный мастер прекрасного Коко Шанель писала: «Забываясь о красоте, надо начинать с сердца и души, иначе никакая косметика не поможет». Перечисленные Г.Г. Почепцовым задачи, решаемые в работе над имиджем, прямое тому свидетельство: а) передача нужных характеристик личности путем отбора и усиления уже имеющихся; б) обогащение личности в нужном направлении, в ряде случаев раскрепощение ее и пр. (Почепцов, 2001). Необходимо быть психологически компетентным, чтобы решать эти задачи.

Какие проблемы психологического характера прежде всего встают перед нами в работе над имиджем?

Имидж в отраженной его субъектом версии — это публичное Я человека. В терминологии К. Юнга имидж можно трактовать как следствие актуализации Персоны, одного из архетипов, относительно автономного образования в структуре личности и, безусловно, не исчерпывающего ее (личность) своим содержанием. Оптимально протекающая индивидуация и достижение в результате этого личностной зрелости предполагают целостность, гармонию, содержательную соотнесенность ее элементов в структуре. Self, являясь

ядерным архетипом, обеспечивающим центрацию и содержательное единение элементов, обуславливает характер *самопредъявления как личностного процесса*. Если процесс индивидуации не обрел завершенность, если личность не обрела целостность и предстает как внутренне рассогласованное образование, ее поведение и самопредъявление, скорее всего, будут характеризоваться непостоянством, отсутствием единства в создаваемом образе (имидже), игрой в *чужие роли*. В этом случае можно говорить о *неконгруэнтном имидже* (Забазнова, 2001).

Еще одна проблема. Хороший имидж — гибок и многолик, так как предполагает знание адресата, то есть понимание того, *к кому* обращен создаваемый нашим поведением «текст», *кому* мы своим поведением и оформлением внешности «рассказываем» о себе (вспомним известную детскую фразу: «Я не тебе плачу»), в чей дискурс мы вписываем текст о себе. Но эта «настройка» имиджа на респондента невозможна без психологической компетентности, без способности опознать, психологически диагностировать тип личности партнера(ов) по общению, используемую им(ими) сетку оценочных категорий и опосредуемые этими факторами ожидания и установки по отношению к нам. Необходимо знать, какие способы презентации, какой «алфавит» будет понятен партнеру. То есть, с одной стороны, надо угадать, какие черты нашего характера желательны партнеру. А с другой стороны, посредством каких способов поведения, какой внешней оформленности именно этому партнеру мы можем сообщить то, что мы владеем этими чертами. Здесь необходима определенная *социально-перцептивная компетентность* (научная школа А.А. Бодалева, включающая в себя большое количество исследователей из различных научных центров страны, когда-то накопила богатейший материал по механизмам первого впечатления, о содержании различных социально-перцептивных эталонов и пр. — Бодалев, 1982; Куницына, 1995; Панферов, 1974; и др.), необходимо знание того, как внутреннее (психологическое) сопряжено с внешним (экспрессия и пр.), чтобы правильно подобрать язык самопредъявления. Наконец, мы должны не только знать, но *уметь* осуществить эту презентацию, то есть владеть языком тела, богатством интонационных окрасок и пр.

Множественность образов, многоликость наших предъавлений (из-за различающихся по содержанию контактов), разнообразие

имиджевых масок порождают проблему интеграции, сохранения единства личности, проблему удержания чувства самостождественности (Рябкина, Сомова, 2001). В одной из книг С. Моэма герой признавался своей матери-актрисе, что в детстве он боялся заходить в комнату, в которую только что она ушла, так как ему казалось, что если он войдет, то не найдет ее там. Он видел, что она все время в роли, играемой *для кого-то*, в том числе и для него. И если она ушла в *пустую* комнату (то есть вышла из роли), то ее не стало.

Потребность в целостности, внутренней (психологической) согласованности, а также согласованности внешнего и внутреннего — глобальная личностная потребность, опосредующая саму возможность возникновения и сохранения личности. Можно было бы отослаться ко многим персонологическим концепциям, в которых проблема целостности предстает как центральная, ассоциируемая авторами этих концепций с проблемой психического здоровья человека. Например, автор теории когнитивного диссонанса Л. Фестингер писал: «Давно замечено, что любой человек стремится к сохранению <...> внутренней гармонии» (Фестингер, 1999, с. 15). Стремление разрешить возникшее противоречие между элементами знания (это может быть различающееся знание о себе самом в ситуациях общения с разными людьми) выступает сильнейшим мотивирующим фактором, и Л. Фестингер доказал это своими исследованиями.

Проблема согласованности внутреннего и внешнего (сложившееся знание о себе и представление об образе, который транслируется окружающими людьми, реагирующими на поведение человека) в данном прочтении трактуется как потребность личности *быть подтвержденной* значимыми другими (Менджеричская, 1997). И если создаваемый имидж обуславливает прочтение Другими характеристик человека как содержательно не согласующихся с теми, которые он отразил в *Образе-Я*, это рассогласование воспринимается как мучительный диссонанс и переживается личностью болезненно. Вспомним страдания не наделенного даром красноречия героя, которому Сирано де Бержерак создал своим талантом имидж вдохновенного влюбленного поэта.

Человек испытывает *потребность в открытости*, в предъявлении себя таким, каков он есть. Другое дело — какую из своих черт акцентировать в конкретной ситуации общения, на какие стороны

своей натуры опереться, что предъявить несколько утрированно, зная, что это естественно складывающееся направление развития личности и даже если в данный момент это предъявление представляется некоторым преувеличением, то «завтра» — это будет достигнутый в развитии личности уровень. И реакции окружающих на человека в его «улучшенной версии» будут создавать *зону ближайшего развития личности*.

Имидж всегда должен нести информацию об индивидуальном, сквозь символы в нем должна проступать неповторимость. Конечно, это не просто. В работе с имиджем мы, как правило, сталкиваемся с проблемой балансирования между *общим* (стандартизированным, типизированным) и *единичным* (индивидуальным). Мы создаем имидж, чтобы быть легко «прочитываемыми», узнаваемыми, легко категоризируемыми. Но, с другой стороны, свойственная человеку потребность в открытости, предъявлении того, что отличает его от других, в наше время находит опору в проникающем во все сферы нашего бытия мировоззрением постмодерна с его нетерпимостью к единообразию, с его главенствующим тезисом о примате различия, с его скепсисом по отношению к «общим ценностям» и единым критериям прекрасного. Глобализм с его угрозой удобной унификации всего и вся всколыхнул оппозитивную интенцию «инакости», направленность на выявление и поддержание уникального в культурах. На этом фоне выглядит более чем странно наша готовность растворить свою культуру в чужих стандартах и образцах, да еще прочитываемых как культурный идеал. Странно выглядят и вызывают удивление унифицированные рекомендации, вроде тех, например, которые обнаруживаются в книге «Секреты умелого руководителя» (составитель И.В. Липсиц), где женщине-руководителю рекомендуют следующее:

- никогда не появляйтесь на работе первой в модной вещи;
- не надевайте на работу ничего, подчеркивающего вашу женскую привлекательность.

Эти рекомендации — одно из очевидных проявлений сексизма, связанное с неготовностью общества видеть женщину в управлении. За ними прочитывается: «Управление — это мужская игра. Ваша задача — стереть признаки вашего пола».

Как отмечалось выше, имидж — этот «взгляд в будущее» изменяющегося человека, взгляд с опорой на знание себя в прошлом

и настоящим. И если это будущее возникает не как продолжение некой складывающейся в данной культуре, в судьбе конкретного человека линии развития, но как инокультурный имплантат, мы наблюдаем разрыв прошлого–настоящего–будущего, то есть разрушение идентичности (Э. Эриксон). И хотя в размышлениях Эриксона личность рассматривается как индивидуальный субъект и речь идет о сохранении идентичности конкретного индивида, возможно продолжение этой линии рассуждений и в рассмотрении коллективного субъекта. Нация, народ, этнос также испытывают потребность в чувстве идентичности, сохранение которого обеспечивается непрерывностью (содержательной преемственностью) линии «прошлое–настоящее–будущее».

Конечно, чтобы быть успешным и принятым в обществе, индивиду необходимо соответствовать социальным ожиданиям, но это может нанести ущерб аутентичности его бытия, разрушить чувство идентичности, привести к отчуждению, породить психологическую усталость из-за непрекращающейся игры чуждой роли. Таким образом, еще один психологический аспект проблемы имиджа связан с необходимостью *дуальной конгруэнтности*. То есть имидж должен быть конгруэнтен социальным ожиданиям и в то же время содержательно не диссонировать с *Образом-Я*, с реальными характеристиками и возможностями человека. Если этого нет, *трудно сохранить целостность внешнего образа во всех элементах его предъявления*.

Вспоминается забавный пример, когда речь человека явно диссонировала с оформлением его внешности. Молодая женщина, привлекая внимание окружающих элегантно деловым костюмом и красивой строгой прической, с азартом обсуждала что-то с приятельницей. До слуха окружающих долетела фраза: «О, эта музыка меня так плющит и колбасит!»

Другой случай демонстрирует разрушение связи между сформировавшимся имиджем и реальными возможностями человека. Представитель претендента на депутатское кресло, активно представляя его в разнообразных аудиториях, фактически не оставлял ему возможности говорить самому. Красноречие представителя создало и претенденту имидж человека, владеющего ораторским искусством. Когда возникла необходимость поучаствовать в дебатах на телевидении, этот солидный человек выглядел испуганным

и обратился к организаторам с вопросом, нельзя ли, чтобы и здесь за него говорил его представитель. Участвуя в дебатах, он был растерянным, подбирая слова, пытался воспроизводить речевые обороты своего представителя, его манеру держаться перед публикой.

По словам В. Франкла, чем менее развито самосознание, тем более несвободен человек (Франкл, 1990). Это можно отнести и к рассматриваемым психологическим аспектам проблемы имиджа. Чем менее развито самосознание, тем в большей степени человек оказывается зависимым от «мастерства» тех, кто создает ему имидж, либо от случайного стечения обстоятельств. Ориентируясь в значительной степени на ожидания публики, предвосхищая эти желания, мы можем оказаться в плену *неконгруэнтного имиджа*.

В исследовании Е.М. Забазновой было выявлено, что в обыденном сознании имидж рассматривается и определяется как «маска», «социальная личина», призванная обеспечить ее субъекту благоприятное впечатление окружающих. При этом более половины респондентов (55%) осознают дискомфорт, возникающий вследствие чрезмерной зависимости личности от сложившегося стереотипизированного взгляда на нее, что препятствует аутентичному поведению, реализации себя и создает эффекты деперсонализации и отчуждения (Забазнова, 2001). В исследовании было доказано, что существенное содержательное различие между тем, что предъявляется, и действительными характеристиками личности, а также чрезмерная зависимость личности от сложившегося имиджа обусловлены неадекватной Я-концепцией и низкими показателями принятия себя. У такого человека отсутствует соответствие между внутренним состоянием, самоощущением и внешними проявлениями в предъявлении себя другим. Такой имидж и был назван *неконгруэнтным*.

Неконгруэнтный имидж порождает эффект двойного искажающего влияния на личность:

- (а) внешне воплощаемая через мимику, жесты, позы и другие выразительные средства игра инициирует внутренние трансформации психического состояния, переживания и пр. (придайте лицу грустное выражение и вы действительно почувствуете налет грусти), таким образом, играя чуждую роль, мы создаем зону психологического опыта, диссонирующего с тем, что свойственно нам как целостной личности;

- (б) люди реагируют на наше сыгранное поведение, ожидая продолжения, и своим дальнейшим поведением, обращенным к нам, иницируют нас на продолжение проявленной манеры, таким образом, мы оказываемся в плену сыгранной нами роли.

Е.М. Забазнова определила конгруэнтный имидж как «многоплановый процесс подтверждения самоощущения личности внешним принятием складывающегося образа (имидж) Другими, сопровождаемый чувством аутентичности» (*Там же*).

Рассматривая работы авторов, анализировавших чрезмерную зависимость личности от сложившегося у других стереотипизированного взгляда на нее, обнаруживаем, что в качестве основной причины исследователи выделяют дисгармоничные отношения в родительской семье, следствием чего является отказ ребенка от *субъектности* во имя соответствия ожиданиям значимых других (К. Роджерс, К. Хорни, В. Сатир и др.). Итог такого процесса — внутренняя конфликтность, невротизация личности (И.С. Кон, В.А. Петровский, А.Б. Орлов, К. Юнг и др.). У такого индивида нарушается целостность Я-концепции, происходит отвержение или сегментированное принятие себя, возникает и постоянно усиливается страх быть отвергнутым Другими, что в итоге приводит к внешне противоречивому поведению, а также к поведению, которое не обеспечивает возможность канализировать внутренние энергии, насытить интенции. Нарастает разрыв между ядерными образованиями личности (потребности, организмический опыт, личностные смыслы и пр.) и формами поведения, способами организации человеком своего бытия.

Яркий пример — американский фильм «Пацан», в котором Брюс Уиллис сыграл роль имиджмейкера, способного дать другим дельный совет и создавшего себя по образцу благополучного плеябоя, но при этом глубоко несчастного, неустроенного человека, вытеснившего из своей памяти болезненные воспоминания детства. Разыгранный в фильме фантастический сюжет позволил взрослому герою Брюса встретиться с самим собой — десятилетним пацаном. Вспомнив и приняв свой болезненный детский опыт, герой наконец становится аутентичным, начинает жить, обретая личностную идентичность в непрерывности своего прошлого, настоящего и будущего и вырвавшись из плена неконгруэнтного имиджа.

Как правило, к чертам благоприятного имиджа относят: уверенность в себе, естественность поведения, расположенность к людям. Все эти черты возможны только у человека, осознающего свои характеристики и принимающего себя, то есть у человека с позитивно окрашенной Я-концепцией. Значит, создать характеризующийся стабильностью благоприятный имидж, содержательно связанный с характеристиками личности и поэтому не разрушительный для человека, можно, только проработав внутренние конфликты, обеспечив тем самым принятие личностью себя и вследствие этого ее способность полно и свободно проявлять себя.

Завершая краткое рассмотрение проблем имиджа, расставим несколько, на наш взгляд, существенных акцентов.

Имидж — социальный феномен, но одновременно это — личностное образование, следствие психологического содержания и психологических закономерностей развития и функционирования личности. Имидж — элемент культуры, символ, выработанный обществом, и одновременно это — продолжение личности, способ ее бытия (аутентичного/неаутентичного) в глазах Других. Имидж детерминирован личностью, и имидж детерминирует личность, как и другие *объективные феномены, которые она порождает и которые затем ее обуславливают*. Анализ возможных деструктивных влияний имиджа на личность (ее состояния, направления ее изменений) позволяет прийти к выводу о необходимости психологической экспертизы этого социального феномена на экологичность. Современная психология, ориентированная в наше время не только на традиционно свойственные науке задачи анализа феноменов, их интерпретацию, но также на задачи *конструирования реальности*, и в разработке практик имиджмейкерства должна занять активную позицию, обеспечивающую психологическую поддержку личности в совершаемом ею выборе и формировании имиджа.

3.6. Феномен делегированной субъектности (на примере оформления предметно-пространственной среды бытия личности)

Личность как субъект, разрешая противоречия между определенным образом устроенным внутренним миром и внешней реальностью, подчиняя внешнюю реальность закономерностям своего

внутреннего мира и таким образом «продолжая» себя во внешний мир через осуществление актов персонализации, развивается, расширяя свою бытийность (Рябикина, 2008). Среда и отношения, в которые вступает человек с другими людьми, могут благоприятствовать или препятствовать этому процессу. В последнем случае принято говорить о «социальных прессах». Бытие с Другим, или со-бытие, следует отнести к таким средовым обстоятельствам, в которых человек доступными ему способами пытается «состояться во всей полноте своего потенциала» (Маслоу, 1997). В обстоятельствах со-бытия с Другим он селектирует возможные виды активности и пытается объективировать свой субъективный мир, претворив его в предметно-пространственной среде, в организации времени и прочих бытийных пространствах.

Субъектная претворенность личности в условиях со-бытия с другим человеком может быть дуальной, либо субъектность одного приводит к асубъектности другого. Во втором случае невозможность личности реализовать себя как субъекта, отсутствие возможности «продлить» себя во внешний мир (таким внешним миром выступает и внутренний мир другого человека, партнера по со-бытию) переживается как отсутствие идентичности, неаутентичность бытия и субъективное неблагополучие (Шамионов, 2008; Тиводар, 2008).

Творение своего бытия личностью предполагает возможность применения различных инструментов, в том числе и обращение к другому человеку, который в силу своей профессиональной подготовки лучше владеет способами превращения идеального (замысел) в материальное, субъективного в объективное. Подобная «делегированная субъектность» или обращение к другому человеку с просьбой «сделай так, как я хочу» — распространенный и естественный факт нашей жизни.

Особое значение обретает эта обращенность в тех случаях, когда мы рассчитываем на то, что другой человек создаст *приватное* пространство нашей жизни. И хотя приватное пространство человека описывается в психологии среды в терминах объективной реальности, выступает в качестве «материальной субстанции», этим его суть не исчерпывается (Хейдметс, 2000; Бурмистрова-Савенкова, 2006; и др.) Личность, трактуемая в контексте психологического феноменологизма, — *это процессуально претворяющая свое бытие в психических явлениях субстанция*. Личность, рассматриваемая

в контексте субъектно-бытийного подхода, — это *претворяющая себя в актах творения бытия субстанция*. Бытие личности — это *субъективно-объективная реальность, это «неповторимая целостность взаимообусловленных феноменов внутреннего мира человека, его организмических состояний, поведенческих моделей и событий внешнего мира, в котором он претворил свою субъектность (объективировал субъективное)»* (Рябикина, 2005, с. 56).

Приватное пространство личности — это то пространство, с которым личность чувствует наибольшую слитность. Действенный (субъектный) аспект приватности проявляется в возможности действовать в этом пространстве, поддерживая процессы и реализуя активность в тех видах деятельности, которые сохраняют и укрепляют целостность личности и поддерживают чувство личностной идентичности. Это — пространство, наиболее защищенное от возможных дисперсивных влияний других субъектов.

Рассматривая личность как субъекта, объединяющего все стороны своего бытия в единство, нельзя не подчеркнуть, что «делегирование субъектности», то есть привлечение другого человека для создания своего приватного пространства, всегда содержит угрозу нарушения целостности личностного бытия и возможность ослабления чувства личностной идентичности.

Высказанные принципы в рассмотрении личности с позиций психологии субъекта и субъектно-бытийного подхода к личности нашли свою реализацию в ряде конкретных исследований, осуществленных под нашим руководством. Одно из таких исследований выполнено Д.А. Пановым и обращено к проблемам взаимоотношений субъектов предметно-пространственной среды дома (квартиры): дизайнера и пользователя (Панов, 2005).

Субъектно-бытийный подход к личности в решении задач данного исследования был дополнен методологией средового подхода к изучению бытийных пространств личности. Научные традиции психологии среды предоставляют возможность изучить конкретный процесс бытия индивида, принимая во внимание в качестве контекста его существования предметно-пространственную среду (Бурмистрова-Савенкова, 2006; Нартова-Бочавер, 2008; и др.).

С позиций субъектно-бытийного подходов в психологии в теоретическом осмыслении проблемы были эксплицированы следующие *принципы средообразования*:

- направленность личности на самоактуализацию в процессе средообразования;
- направленность личности на обретение и поддержку своей идентичности в процессе средообразования;
- принцип со-бытия взаимодействующих в процессе средообразования субъектов;
- направленность личности на аутентичное бытие в приватной предметно-пространственной среде, что дает возможность по-новому определить проблемы личности в ее бытийных пространствах, позволяя рассматривать транзакции личности с предметно-пространственной средой в контексте проблемы аутентичного/неаутентичного бытия субъекта.

Предметно-пространственная среда является одним из бытийных пространств, овладевая которым личность расширяет свою бытийность и подтверждает свою идентичность. Средовая идентичность — один из аспектов личностной идентичности, в связи с чем значимым является фактор взаимовлияний предметно-пространственной среды и человека.

Предметно-пространственная среда в ее сложившихся формах переживается (интерпретируется) личностью как *кем-то* созданная, ей приписывается замысел. Поэтому жизнь личности в предметно-пространственной среде квартиры, города и прочих местах, сотворенных человеком (архитектор, дизайнер, предшествующий пользователь и др.), всегда есть диалог, вступая в который она с большей или меньшей ясностью рефлексивирует свое отношение с «закадровым» субъектом как более или менее комфортное. Таким образом, это важный аспект со-бытия личности с известным или анонимным Другим.

Сложность взаимодействия дизайнера и пользователя (клиента) определяется тем, что в этом процессе (обусловленном характеристиками частного жизненного пространства пользователя и уровнем профессиональной компетентности дизайнера) необходимо прийти к согласованному результату, устраивающему обе стороны. В связи с тем что проект должен соответствовать интересам и потребностям клиента, отношения с ним нередко переживаются дизайнером как ограничивающие реализацию «творческих потребностей». Это не трагичная ситуация (как ее склонны расценивать и

переживать некоторые дизайнеры), это реальная ответственность профессионалов, которые должны отдавать себе отчет в том, что организуют предметно-пространственную среду как приватную для другой личности.

Эмпирическое исследование проводилось с привлечением работников фирм средового дизайна и непрофессионалов среднего образования различных возрастных категорий. Контингент респондентов: студенты художественно-графического факультета и факультета архитектуры и дизайна Кубанского государственного университета (90 человек); работающие средовые дизайнеры (33 человека); пользователи предметно-пространственной среды, не имеющие отношения к профессиональному средообразованию (различного возраста, пола, различных профессий и социально-материального статуса), — 89 человек. Общее количество респондентов, привлеченных к исследованию, составляло 212 человек.

Исследование показало, что вопросы оформления предметно-пространственной среды дома являются актуальными практически для всех опрошенных субъектов-пользователей (97%). Подавляющее большинство пользователей усматривают психологический аспект в отношениях субъекта с предметно-пространственной средой жилья (94%). Это подтверждает актуальность исследования психологического аспекта транзакций субъекта с приватной жилой средой и обоснованность гипотез об обусловливании средообразования личностными характеристиками субъекта. 60% респондентов субъектов-пользователей настроены организовывать свое жилье с участием дизайнеров.

Рассматривая предметно-пространственную среду дома (квартиры) в качестве бытийного пространства, в котором личность реализует (претворяет) свою субъектность, можно говорить о субъектно-интерпретационной и субъектно-деятельностной претворенности.

Субъектно-интерпретационная претворенность проявляется в «образе дома», наделяемого глубоко личными смыслами и представляющего в сознании субъекта в той структуре и с таким содержанием, которые соответствуют структуре его смыслов и ценностей. Исследование Д.А. Панова показало, что различия в «образе дома» между респондентами обусловлено не столько их различиями в сенсорике (доминирующий вид чувствительности, предпочтения

определенной цветовой гаммы, фактуры материала и пр.), сколько тем, какими смыслами наделяет субъект отдельные элементы этого образа, связанными с событийно-биографическими особенностями его бытия. Результаты использования модифицированной опросной процедуры У. Беттса обнаруживают отсутствие выраженной связи психологической репрезентации понятия «дом» и доминирующих видов чувствительности. Данные контент-анализа мини-сочинений «Мой дом» показывают, что «чувствование» дома и, соответственно, его описание не ограничиваются характеристикой строения, помещения. Это более объемный и сложный комплекс впечатлений. Например, следующий короткий текст-ассоциация: *«Я живу в нормальной трехкомнатной квартире с ненормальным двором — там живут куры, собаки и странные соседи».*

В исследовании выявлены субъекты, в большей степени ориентированные на средовую идентификацию с приватной предметно-пространственной средой, и менее чувствительные, в личностных репрезентациях которых экзистенциальные ориентации на средовую идентичность менее актуализированы. Пример отрывка из наполненного личностными смыслами мини-сочинения про свой дом, написанного более «чувствительным» к своей средовой идентичности респондентом: *«Дом большой, просторный. В нем много предметов, напоминающих о прошедших событиях, о людях, о тебе другом (молодом), о разном. Вещи создают пространство, ощущение того, что что-то есть, ты есть, рядом люди, мы есть, мир есть и ты не одинока».*

Личностно различается и отношение к стилям дизайна, используемого в оформлении квартиры (дома). Контент-анализ высказываний респондентов о своем доме, а также использованный в качестве метода исследования личностный дифференциал показали, что в представлениях субъектов восприятия и оценивания характеристики приватной предметно-пространственной среды (дом, квартира) содержательно связаны с психологическими особенностями личности, а различные стили интерьера (классицизм, модерн, эклектика, хай-тек) предстают как различающиеся психологические сущности. При выполнении задания респондентам были предложены развернутые описания стилей, а также иллюстративный материал: фотографии интерьеров, оформленных в различных стилях.

Результаты применения личностного дифференциала представлены степенью выраженности трех факторов: О — оценка, С — сила и А — активность.

Исследование показало определенное сходство в чертах, приписываемых людям, предпочитающим классицизм и хай-тек в оформлении интерьера. Общность прослеживается в низких оценках по факторам О и А, что свидетельствует о неприязни к человеку, выбирающему какой-то из этих двух стилей для оформления интерьера своей квартиры, а также о приписываемых этому человеку интровертированности, сниженной активности и необщительности. Более высокими значениями отличается фактор С, что указывает на развитость волевых черт личности, ее независимость, доминантность и уверенность в себе. При этом человеку, предпочитающему хай-тек, эти качества, по мнению экспертов, присущи в максимальной степени. Таким образом, личность, предпочитающая хай-тек и классицизм, — самоуверенная (самодостаточная), закрытая для общения и непривлекательная.

Прослеживается также определенное сходство в чертах, приписываемых людям, предпочитающим два других стиля в оформлении интерьера квартиры: эклектику и модерн. Общность проявилась в относительно высоких оценках по факторам О и А (результат обратный тому, который был зафиксирован в отношении классицизма и хай-тека), что свидетельствует о привлекательности человека, выбирающего какой-либо из этих двух стилей, а также о приписываемых этому человеку экстравертированности, высокой активности и общительности. Сниженными значениями (в сравнении с приверженцами ранее охарактеризованных стилей) отличается фактор С, что указывает на менее выраженную уверенность в себе, на определенную зависимость в принятии решений и на большую мягкость характера. При этом наименее волевым и жестким предстает любитель эклектики. Таким образом, человек, предпочитающий эклектику и модерн в оформлении интерьера, отличается открытостью, высокой активностью, мягкостью характера, готовностью в определенной мере зависеть от внешних обстоятельств и социальной привлекательностью. Ему скорее готовы симпатизировать, нежели любителю классицизма и хай-тека.

Таким образом, исследование показало, что стиль дизайна ассоциируется человеком с определенным типом личности, помещен-

ной в предметно-пространственную среду, организованную определенным образом, а также с переживаемыми личностью приятием, легкостью, свободой или холодностью и отстраненностью в этом пространстве. Вывод прост — в определенном интерьере должен жить определенный человек. И, когда другой субъект, организующий предметно-пространственную среду квартиры (дома), — в данном исследовании это приглашенный оформить квартиру дизайнер — игнорирует эту необходимость психологической «слитности» интерьера и живущего в интерьере человека, естественно, у последнего возникают чувства неуютта, дисгармонии, чужеродности, утраты чувства идентичности.

При этом в исследовании обнаружилось отсутствие соответствия между тем объемом психологического контекста, который *приписывается* частной предметно-пространственной среде как ее пользователями, так и дизайнерами, и тем, насколько дизайнер в своей работе ориентирован на *создание* интерьера квартиры как психологического контекста личности ее пользователя.

С одной стороны, в современном дизайне подчеркивается тема эксклюзивности, то есть единичности, неповторимости создаваемого дизайн-проекта. Но, с другой стороны, эта эксклюзивность скорее трактуется как творческая неповторимость работы дизайнера, нежели следствие отраженной в проекте неповторимости (эксклюзивности) личности клиента.

Таким образом, в исследовании выявлено существенное для творческих профессий, ориентированных на обслуживание клиентского запроса, **противоречие**. Свойственная личности художественного типа креативность, ориентация на создание проекта, в котором прежде всего должна найти выражение ее творческая натура, и на автономность в процессе его создания вступают в противоречие с требованиями профессии, предполагающей активные контакты с клиентами, готовность считаться с их представлениями и предпочтениями, поскольку дом (квартира) создается как их частное пространство. «Творчество» или «служение» — неразрешенный парадокс в осознании своих профессиональных обязательств некоторыми дизайнерами.

Негативное отношение средового дизайнера к заказчику ярко проявляется в высказываниях участников интернет-конференций, поделившихся опытом своей работы и своими переживаниями: «Во

время работы заказчики имели привычку таскаться на объект каждый день и радовать новыми идеями...», «Подсказывают тебе на каждом этапе, советуют, путаются под ногами, думают, что знают, чего хотят» и пр.

Результаты опроса показали, что большинство дизайнеров (53%) стремятся прежде всего реализовать свои профессионально-творческие потребности, а клиент (будущий пользователь приватной предметно-пространственной среды) рассматривается ими как помеха.

Стремление оградить себя от психологической диверсии (а именно так расценивается и переживается потенциальным клиентом оформление его жилого пространства дизайнером без ориентации на его личностные предпочтения) отразилось в высказываниях участников другого интернет-форума, где ими обсуждались проблемы дизайна своей квартиры (дома).

Одна из участниц: *«Я принципиально не искала дизайнера для получения готового решения, так как точно знаю, что лучше меня мой дом никто не придумает».* Другая участница: *«Я бы не смогла жить в идеальном интерьере, созданном чужим человеком. Дизайнерские воплощения чаще всего не жизненно-приспособленные, то есть красиво — да, но жить в таком интерьере чаще всего неуютно... если только напоказ... А вообще никто лучше вас и не знает, что вам надо...»*

В приведенном примере исследования личности как субъекта средообразования в приватном пространстве своего дома (квартиры) человек делегирует право быть субъектом, создающим для него бытийное пространство, профессионалу-дизайнеру. И это оказывается совсем не простой психологической коллизией для участников ситуации. Проблема со-бытийности в данном случае остро заявляет себя, хотя участвующие в процессе субъекты не живут вместе. Создание одним субъектом пространства жизни для другого включает их в диалог с непредсказуемым исходом. Принципы психологии субъекта, субъектно-бытийный подход к личности задают содержательные ориентиры в выделении подобных проблем из ткани повседневного бытия и создают основания для продуктивной интерпретации подобных коллизий.

Заключение

Завершив работу над книгой, считаем необходимым акцентировать то, что представляется наиболее существенным.

Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на необходимость осознания изменений, происходящих с предметной областью психологической науки, на то, что в фокусе внимания современной психологии находится сложнейший синтетичный феномен — «бытие человека», представляющее собой организованную иерархию различных способов человеческого существования.

В первой части книги (глава 1) приведены результаты теоретических и эмпирических исследований, раскрывающих суть новой области психологической науки — *психологии человеческого бытия*. Апеллируя к идеям Б.Г. Ананьева, С.Л. Рубинштейна, А.В. Брушлинского и других отечественных и зарубежных авторов, автор предлагает оформленное в целостную теоретико-методологическую конструкцию видение человеческого бытия как предмета психологии, со свойственными психологической науке особенностями понимания, интерпретации, объяснения исследуемой реальности.

Бытие человека предстает как преобразованная им реальность и одновременно выражение подлинно человеческого способа существования. В монографии обосновывается значимость изучения человеческого бытия под углом зрения ценностно-смысловой экзистенциальной направленности человека как субъекта жизни. Психология субъекта оказывается конструктивной методологией понимания человеческого бытия, которая в данном случае доказывает свою эвристичность.

Еще не так давно утрированно трактуемая в отечественной психологии односторонность связи в формуле «бытие определяет сознание» побуждала к борьбе с постулатом детерминизма. Сейчас естественно и убедительно воспринимаются утверждения о взаи-

мообусловленности человека и его бытия. Усиливается направленность на научное осмысление роли личности как субъекта бытия.

В XXI в. характеристики бытия претерпевают существенные изменения. Среди важнейших — то, что сегодня человек организует свое бытие в быстро меняющемся мире, а это отражается в категориях, фокусирующих внимание на изменчивости: «текущая современность» (З. Бауман), «ускользающий мир» (Э. Гидденс) и т.д. Существенный тренд, обуславливающий ускорение преобразований реальности, — *возрастающая субъектность личности*.

Интенсивность вмешательств человека в реальность бытия, объем преобразований, обусловленных нарастающей субъектностью личности, сокращение дистанции между внутренним и внешним миром субъекта (между субъективным и объективным) проявляется в «легкости» объективации ментальных проектов. Благодаря информационным и постиндустриальным формам культуры, современным технологиям доступ к «глобальным воплощениям» своего ментального продукта получили многие. Количество потенциальных акторов, способных вмешаться в реальность бытия, и масштаб этих возможных вмешательств резко возросли. Бытие — все более продукт конкретного человека, воплощение его ментальных проектов, и в этом смысле оно (бытие) — все более следствие психологических закономерностей (достоинств, дефицитов) функционирования конкретного социального субъекта.

Во второй части книги (главы 2 и 3) представлена теоретическая конструкция, отражающая субъектно-бытийный подход к рассмотрению личности и личностный подход к рассмотрению бытия.

Мы исходим из того, что личность и ее бытие могут рассматриваться только как взаимозависимые аспекты единого целого, взаимно обуславливающие друг друга стороны тотальности. Анализ *структурной организации личности, ее динамики и побудительных оснований* показывает, что личность не может быть понята (и свойственная ей процессуальность квалифицирована), если ее бытие не включено в предметную область психологии личности. Бытие личности — это объективированная в процессах и предметах мира субъективность, процесс воплощения смыслового содержания личности в фактах средовых преобразований.

Центральной темой субъектно-бытийного подхода, с позиций которого личность рассматривается как сложно организованная полипространственная система, является проблема межсистемных и внутрисистемных *противоречий*, обуславливающих становление и развитие личности. И особое место в перечне «предметных интересов» занимает тема *со-бытия* личности с другим человеком, тема возникающих и разрешаемых личностью противоречий в пространствах со-бытийности.

В главе 3 монографии представлены материалы, иллюстрирующие возможности эмпирической конкретизации субъектно-бытийного подхода в исследованиях личности, ее отдельных бытийных пространств и со-бытия.

В целом, оценивая состояние научного мировоззрения сегодня, его часто сравнивают с состоянием человека, который *«заходит за угол»*. Это — состояние ожидаемых и труднопредсказуемых изменений, когда активно оформляется отличающийся от сегодняшних представлений взгляд на мир, на человека, его место и роль в происходящем, то есть грядет резкая смена парадигмы.

Представленные в монографии теоретические конструкции и результаты эмпирических изысканий показывают, что в закономерностях становления, развития, функционирования личности мы находим ответы на вопросы о свойствах изменяющегося бытия. Это не может не влиять на место и роль психологии в системе современного научного знания. В контексте названных особенностей современности *психология человеческого бытия* и рассмотрение *личности как субъекта бытия* обретают особое значение.

Литература

Абаева Е.В. Психологическая поддержка личности на начальном этапе профессионализации: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2003.

Абельсон Р. Структуры убеждений // Язык и моделирование социального взаимодействия / Под ред. В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 317–380.

Абульханова К.А. Мировоззренческий смысл и научное значение категории субъекта // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М.: Изд-во ИП РАН, 1997. С. 56–74.

Абульханова-Славская К.А. О путях построения психологии личности // Психол. журн. 1983. Т. 4. № 1. С. 14–29.

Абульханова К.А., Славская А.Н. Предисловие // С.Л. Рубинштейн. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. С. 6–33.

Абульханова-Славская К.А., Славская А.Н. Комментарии // Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997. С. 113–128.

Адо П. Духовные упражнения и античная философия. М.; СПб.: Степной ветер; ИД «Коло», 2005.

Акопов Г.В. Созерцание как предмет психологических исследований // Созерцание как современная научно-теоретическая и прикладная проблема: Материалы Поволжского консолидирующего семинара (21 мая 2010 года) / Отв. ред. Г.В. Акопов. Самара: ПГСГА, 2011. С. 36–43.

Александров Ю.И., Александрова Н.Л. Субъективный опыт и культура. Структура и динамика // Психология. Журн. Высшей школы экономики. 2007. Т. 4. № 1. С. 3–46.

Александров Ю.И., Александрова Н.Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Изд-во ИП РАН, 2009.

Алексеев Н.А. Созерцание — метод и цель // Искусство и образование. 2013. № 1 (81). С. 111–125.

Аллахвердов В.М., Воскресенская Е.Ю., Науменко О.В. Сознание и когнитивное бессознательное // Вестник СПб. ун-та. 2008. Сер. 12. Вып. 2. С. 10–18.

Альперович В.Д. Трансформации социально-психологических характеристик представлений взрослых о враге и друге: Автореф. ... дис. канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2010.

- Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968.
- Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.
- Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977.
- Ананьев Б.Г.* Избранные труды: в 2 т. М.: Педагогика, 1980.
- Ананьев Б.Г.* Психология и проблемы человекознания. Избранные психологические труды. М., Воронеж: МПСИ; НПО «МОДЭК», 1996.
- Андреева Г.М.* Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2000.
- Анкерсмит Ф.* Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007.
- Анкерсмит Ф.Р.* История и тропология. Взлет и падение метафоры. М.: Канон+ Реабилитация, 2009.
- Анкерсмит Ф.Р.* Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: ИД Высшей школы экономики, 2014.
- Антоний Сурожский.* О созерцании и подвиге // Вестник Рус. Западно-Европ. патриаршего экзархата. 1953. № 15. С. 138–155.
- Антонов А.И.* Микросоциология семьи. М.: ИД «NotaBene», 2005.
- Анциферова Л.И.* Психологическое содержание феномена субъект и границы субъектно-деятельностного подхода // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой, В.Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000. С. 27–42.
- Анциферова Л.И.* Мудрость и ее проявления в разные периоды жизни человека // Психол. журн. 2004. № 3. С. 17–24.
- Анциферова Л.И.* Гуманистически-экзистенциальный подход к мудрости: способы постижения истинного Я и призвания человека // Психол. журн. 2005. № 3. С. 5–14.
- Анциферова Л.И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во ИП РАН, 2006.
- Арестова О.Н., Бабанин Л.Н., Войскунский А.Е.* Коммуникация в компьютерных сетях: психологические детерминанты и последствия // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1996. Вып. 4. С. 14–20.
- Арестова О.Н., Бабанин Л.Н., Войскунский А.Е.* Психологическое исследование мотивации пользователей интернета // 2-я Российская конференция по экологической психологии. Тезисы. М.: Экопсицентр РОСС, 2000. С. 245–246.
- Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий).* Дух, душа и тело. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 1997.
- Асмолов А.Г.* Личность как предмет психологического исследования. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
- Асмолов А.Г.* Психология личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.

Асмолов А.Г., Асмолов Г.А. От Мы-медиа к Я-медиа: трансформация идентичности в виртуальном мире // *Вопр. психол.* 2009. № 3. С. 3–15.

Асмолов А.Г., Ягодин Г.А. Образование как расширение возможностей развития личности // *Вопр. психол.* 1992. № 1–2. С. 6–13.

Бабушкина Д.А. Понимание в структуре «заботы о себе»: обреченность на понимание [Электронный ресурс] // *Философские и духовные проблемы науки и общества.* 2002. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/babushkina/under.html>

Баева Л.В. Ценностные основания бытия // *Вестник Оренбургского гос. ун-та.* 2003. № 5. С. 15–19.

Базалева Л.А. Личностные факторы эмоционального «выгорания» матерей в отношениях с детьми: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2010.

Балл Г.А. Психологическое содержание личностной свободы: сущность и составляющие // *Психол. журн.* 1997. Т. 18. № 5. С. 7–19.

Барабаничиков В.А. Восприятие и событие. СПб.: Алетейя, 2002.

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972.

Безрогов В.Г., Пичугина В.К. «Забота о себе» как психолого-педагогическая категория: обзор современных отечественных исследований // *Психолого-педагогический поиск.* 2014. № 3 (31). С. 143–152.

Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности. М.: Аспект Пресс, 2001.

Берг Р.А. Проблема целостности живых систем в трудах И.И. Шмальгаузена // *Проблемы кибернетики.* М.: Физматгиз, 1966. Вып. 16.

Бердяев Н.А. Истина и Откровение: Прологомены к критике откровения. СПб.: РХГИ, 1996.

Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. М.: АСТ; Хранитель, 2006.

Бескова И.А. Естественный интеллект, междисциплинарность и феномен интегрального постижения // *Философия науки.* Вып. 19: Эпистемология в междисциплинарных исследованиях. М.: ИФ РАН, 2014. С. 163–172.

Битюцкая Е.В. Трудная жизненная ситуация: критерии когнитивного оценивания // *Психол. наука и образование.* 2007. № 4. С. 87–93.

Блок О.Г. Методологические поиски А.В. Брушлинского в контексте проблемы интеграции психологического знания // *Творческое наследие А.В. Брушлинского и О.К. Тихомирова и современная психология мышления.* Тез. докл. науч. конференции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 33–36.

Бобнева М.И. Нормы общения и внутренний мир личности // *Проблемы общения в психологии.* М.: Наука, 1981.

Богданович Н.В. Субъект как категория отечественной психологии: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2004.

Богданович Н.В. Субъект как категория отечественной психологии: история и современное состояние // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. С. 58–84.

Богуславская О.Н. Понятный, ясный, доступный, постижимый, внятный // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 258–262.

Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.

Божович Л.И. О культурно-исторической концепции Л.С. Выготского // Вопр. психол. 1988. № 5. С. 108–116.

Бондарева О.В. Особенности проявления эгоистической направленности личности в пространстве супружеских отношений: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2009.

Борффо В. Учитель как воспитатель: аспекты заботы // Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры: Мат-лы Междунар. конференции памяти философа, социолога, психолога Г.В. Иванченко (1965–2009) (НИУ ВШЭ, Москва, 9–11 сентября 2015) / Под ред. М.А. Козловой, В.Г. Безрогова. Ч. 1: Постоянство пребывания с собою. М.: Канон+, 2015. С. 144–164.

Бочкарева Н.Н. Понять — это значит преодолеть // Биографическая летопись регионов России. Т. 1: Биографическая летопись Смоленщины-2. Материалы научной конференции (11–12 ноября 2007 г.). Смоленск: Смоленский гос. ун-т, 2007. С. 98–108.

Братусь Б.С. Аномалии личности. М.: Мысль, 1988.

Братусь Б.С. Опыт обоснования гуманитарной психологии // Вопр. психол. 1990. № 6. С. 9–16.

Братченко С.Л., Леонтьев Д.А. Диалог // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2007. № 2 (11). С. 23–28.

Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. М.: Изд. ИП РАН, 1994.

Брушлинский А.В. Психология субъекта в изменяющемся обществе // Психол. журн. 1996. Т. 17. № 6. С. 30–37.

Брушлинский А.В. Исходные основания психологии субъекта и его деятельности // Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. М.: Изд-во ИП РАН, 1997. С. 208–269.

Брушлинский А.В. Интеллектуальные процессы: мышление // Психология: Учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений / Отв. ред. А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. М.: Академия, 1998а. С. 430–475.

Брушлинский А.В. Программа учебного курса «Психология субъекта». М.: Изд-во ИП РАН, 1998б.

Брушлинский А.В. Психология субъекта: некоторые итоги и перспективы // Известия Российской академии образования. М.: Магистр, 1999. С. 30–41.

Брушлинский А.В. Гуманистичность психологической науки // Психол. журн. 2000а. № 3. С. 43–48.

Брушлинский А.В. Деятельность субъекта как единство теории и практики // Психол. журн. 2000б. Т. 21. № 6. С. 5–11.

Брушлинский А.В. О критериях субъекта и его деятельности // Психология субъекта профессиональной деятельности. М.; Ярославль: ДИА-пресс, 2001. С. 5–23.

Брушлинский А.В. О критериях субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта. М.: Пер сз, 2002. С. 9–33.

Брушлинский А.В. Психология субъекта / Под ред. В.В. Знакова. М.; СПб.: Изд-во ИП РАН; Алетейя, 2003а.

Брушлинский А.В. «Психология субъекта» (страницы последней книги А.В. Брушлинского: глава вторая «Психология и тоталитаризм») // Психол. журн. 2003б. Т. 24. № 2. С. 7–14.

Брушлинский А.В. Психология субъекта (лекция, прочитанная студентам, аспирантам и преподавателям факультета психологии Тверского государственного университета 19 октября 2001 г.) // Психол. журн. 2003в. № 2. С. 15–17.

Брушлинский А.В. Психология и тоталитаризм // Психол. журн. 2003г. Т. 24. № 2. Гл. 2. С. 7–14.

Брушлинский А.В. Избранные психологические труды. М.: Изд-во ИП РАН, 2006.

Бубер М. Я и ты // Два образа веры. М.: Республика, 1995. с. 16–92.

Бурмистрова А.В. Личностные особенности средового поведения, направленного на регуляцию границ бытийного пространства: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2004.

Бурмистрова-Савенкова А.В. Личность и среда: регуляция границ бытийного пространства. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2006.

Буттаева А.М. Исламское возрождение на Северном Кавказе: теоретические и прикладные аспекты: Автореф. ... дис. доктора филос. наук. Ростов-на-Дону, 2011.

Вальденфельс Б. Ответ Чужому: основные черты респонзивной феноменологии // Мотив Чужого. Минск: ПроPILEI, 1999.

Ванюхина Н.В., Григорьева О.В. Восприятие образа террориста представителями различных этнических групп // Социально-психологическая

безопасность народов России: Мат-лы 2-й Междунар. науч. конференции. 26 мая 2011 г. / Под ред. И.М. Юсупова, А.М. Шевцова. Казань: Познание, 2011. С. 47–49.

Василюк Ф.Е. Структура образа (К 90-летию со дня рождения А.Н. Леонтьева) // *Вопр. психол.* 1993. № 5. С. 5–19.

Василюк Ф.Е. Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций // *Психол. журн.* 1995. Т. 16. № 3. С. 90–101.

Василюк Ф.Е. Семиотика психотерапевтической ситуации и психотехника понимания // *Моск. психотерапевтич. журн.* 1996. № 4. С. 48–68.

Василюк Ф.Е. Структура и специфика теории понимающей психотерапии // *Моск. психотерапевтич. журн.* 2008. № 1. С. 5–33.

Веракса А.Н. Символ и знак: диалектика символического познания // *Вопр. филос.* 2016. № 1. С. 51–58.

Войсункинский А.Е., Игнатьев М.Б. Перспективы развития сетевого интеллекта // *Рождение коллективного разума: О новых законах сетевого социума и сетевой экономики и об их влиянии на поведение человека. Великая трансформация третьего тысячелетия* / Под ред. Б.Б. Славина. М.: URSS, 2013. С. 263–283.

Волков Ю.Г., Нечипуренко В.И., Самыгин С.И. Социология: история и современность. М.; Ростов-на-Дону: КноРус; Феникс, 1999.

Воробьева Л.И. Субъект и/или автор (о категориях гуманитарной психологии) // *Вопр. психол.* 2004. № 2. С. 149–158.

Воробьева Л.И., Снегирева Т.В. Психологический опыт личности: к обоснованию подхода // *Вопр. психол.* 1990. № 2. С. 5–13.

Выготский Л.С. Мышление и речь // *Собр. соч.* М.: Просвещение, 1982. Т. 2.

Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Педагогика, 1987.

Гаврилица О.А. Чувство вины у работающей женщины // *Вопр. психол.* 1998. № 4. С. 65–70.

Гадамер Г.Г. Человек и язык // *От Я к Другому: Сб. переводов по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога.* Минск: Минск, 1997.

Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному. М.: Республика, 1997.

Галажинский Э.В. Дифференциация смыслов и ценностей в психологии мышления и проблема уровней самореализации личности // *Творческое наследие А.В. Брушлинского и О.К. Тихомирова и современная психология мышления* / Под ред. В.В. Знакова, Т.В. Корниловой. М.: Изд-во ИП РАН, 2003. С. 75–78.

Ганзен В.А. Системные описания в психологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984.

Гессен М. Совершенная строгость. Григорий Перельман: гений и задача тысячелетия. М.: Астрель, 2011.

Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2000.

Грицанов А.А., Можейко М.А. Фуко Мишель // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2001. С. 1121.

Гришина Н.В. Онтопсихология: психология человека как субъекта жизни // Психологические проблемы самореализации личности / Под ред. Л.А. Коростылевой. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005. Вып. 9. С. 58–69.

Гришина Н.В. Психология жизненного пути // Психол. журн. 2007. Т. 28. № 5. С. 81–88.

Гришина Н. В. Экзистенциальная психология: поиск смысла и само-трансценденция // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 12 / Под ред. Л.А. Коростылевой. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2008. С. 15–28.

Гришина Н.В. Онтопсихология и психология человеческого бытия // Психология субъекта и психология человеческого бытия: монография / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010. С. 273–291.

Гришина Н. В. Экзистенциальные проблемы человека как жизненный вызов // Вестник СПб. ун-та. 2011. Сер. 12. Вып. 4. С. 109–116.

Гришина Н.В., Дмитриева В.А. Онтопсихология: история и современность // Нац. психол. журн. 2006. Ноябрь. С. 79–84.

Гуревич А.Я. Избранные труды. Средневековый мир. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2007.

Гусельцева М.С. Культурно-историческая психология: от классической — к постнеклассической картине мира // Вопр. психол. 2003. № 1. С. 99–115.

Гусельцева М.С. Методологические предпосылки развития культурно-исторической психологии: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2004.

Гусельцева М.С. Культурная психология: методология, история, перспективы. М.: Прометей, 2007а.

Гусельцева М.С. Постмодернистские перспективы развития психологии // Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во ИП РАН, 2007б. С. 45–73.

Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004.

Демин И.В. Проблема истинности исторического знания в нарративной философии истории // Вестник Самарского гос. ун-та. 2008. № 1 (60). С. 3–10.

Диагностика межличностных отношений (А.А. Рукавишников) // Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во ИПТ, 2002. С. 167–171.

Диденко Е.Н. Психология со-бытия супругов в семьях моряков и «береговых» семьях: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2008.

Дробышева Т.В. Экономическая социализация личности: ценностный подход. М.: Изд-во ИП РАН, 2013.

Дружинин В.Н. Варианты жизни: Очерки экзистенциальной психологии. М.; СПб.: Пер сз; ИМАТОН-М, 2000.

Дружинин В.Н. Психология способностей: Избранные труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Друкер П. Классические работы по менеджменту. М.: Альпина Паблишер, 2015.

Дубровский Д.И. Обман (философско-психологический анализ). М., 1994.

Думинская М.В. Особенности постижения многомерной целостности человеческого бытия // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2014. № 6 (1). С. 39–45.

Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Изд-во ИП РАН, 2006.

Ениколопов С.Н. Враждебность в клинической и криминальной психологии // Национ. психол. журн. 2007. № 1 (2). С. 33–39.

Еременко В.И. Воспоминание и знание как формы переживания прошлого: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.

Ерофеев В. Посещение телевизора [Электронный ресурс]. 2015. URL: <http://www.snob.ru/selected/entry/77291>

Жеребкина И.А. Субъективность и гендер: гендерная теория субъекта в современной философской антропологии. СПб.: Алетейя, 2007.

Жичкина А.Е. Социально-психологические аспекты общения в Интернете [Электронный ресурс]. 2003. URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/refinf>

Журавлев А.Л. Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психол. журн. 2009. Т. 30. № 5. С. 72–80.

Журавлев А.Л., Мелешко-Брушлинская Т.К. А.В. Брушлинский — ученый и организатор науки // Брушлинский А.В. Избранные психологические труды. М.: Изд-во ИП РАН, 2006. С. 5–21.

Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Групповая рефлексивность: основные подходы и перспективы исследований // Психол. журн. 2012. Т. 33. № 4. С. 27–37.

Журавлева Н.А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: Изд-во ИП РАН, 2006.

Забазнова Е.М. Влияние Я-концепции на формирование конгруэнтного имиджа личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2001.

Занковская Т. Опыт отбора и найма персонала в представительстве иностранной компании // Персонал. 2000. № 3. С. 45–47.

Зарецкий В.К. Творчество. Рефлексия. Самоопределение // 2-я Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. С. 32–40.

Зверева Г.И. Понятие «исторический опыт» в «новой философии истории» // Теоретические проблемы исторических исследований. Вып. 2. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. С. 19–26.

Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование гендера как феминистская теория // Женщина. Гендер. Культура. М.: МЦГИ, 1999. С. 46–65.

Зейгарник Б.В. Теории личности в зарубежной психологии: учеб. пособие для вузов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.

Зинченко В.П. Системный анализ в психологии? // Психол. журн. 1991а. № 4. С. 120–138.

Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопр. психол. 1991б. № 2. С. 15–36.

Зинченко В.П. Проблемы психологии развития (читая О. Мандельштама) // Вопр. психол. 1992. № 3–4. С. 50–60.

Зинченко Ю.П. Виртуализация реальности: от психологического инструментария к новой субкультуре // Человек как субъект и объект медиапсихологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. С. 231–278.

Знаков В.В. Понимание в познании и общении. М.: Изд-во ИП РАН, 1994.

Знаков В.В. Понимание как проблема психологии человеческого бытия // Психол. журн. 2000. Т. 21. № 2. С. 7–15.

Знаков В.В. Субъект-объектный и субъект-субъектный типы понимания высказываний в межличностном общении // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М.: Пер сэ, 2002. С. 144–160.

Знаков В.В. Слово об Ученом и Учителе // Брушлинский А.В. Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003а. С. 5–17.

Знаков В. В. Психология субъекта как методология понимания человеческого бытия // Психол. журн. 2003б. Т. 24. № 2. С. 95–106.

Знаков В.В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. М.: Изд-во ИП РАН, 2005а.

Знаков В.В. Психология субъекта и психология человеческого бытия // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: Изд-во ИП РАН, 2005б. С. 9–44.

Знаков В.В. Понимание в мышлении, общении, человеческом бытии. М.: Изд-во ИП РАН, 2007.

Знаков В.В. Психология субъекта А.В. Брушлинского, герменевтика субъекта М. Фуко и психология человеческого бытия // Личность и бытие: субъектный подход / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.В. Знаков, З.И. Рябикина. М.: Изд-во ИП РАН, 2008а. С. 31–36.

Знаков В.В. Психология человеческого бытия — одно из направлений развития психологии субъекта // Психол. журн. 2008б. Т. 2. № 2. С. 69–77.

Знаков В.В. Теоретические основания психологии человеческого бытия // Психол. журн. 2013. Т. 34. № 2. С. 29–38.

Знаков В.В. Теоретические основания психологии понимания многомерного мира человека // Вопр. психол. 2014. № 4. С. 16–29.

Знаков В.В. Психология понимания мира человека. М.: Изд-во ИП РАН, 2016.

Иванов В.И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994.

Иванченко Г.В. Принцип необходимого разнообразия в культуре и искусстве. Таганрог: Изд-во ТРТУ, 1999а.

Иванченко Г.В. Принцип необходимого разнообразия в культуре и искусстве. Таганрог: Изд-во ТРТУ, 1999б.

Иванченко Г.В. Психология восприятия музыки. Подходы, проблемы, перспективы. М.: Смысл, 2001.

Иванченко Г.В. Логос любви. М.: Смысл, 2007а.

Иванченко Г.В. Совершенство в искусстве и в жизни. М.: КомКнига, 2007б.

Иванченко Г.В. Забота о себе: история и современность. М.: Смысл, 2009а.

Иванченко Г.В. Космос любви: по ту сторону покоя и воли. М.: Смысл, 2009б.

Калитеевская Е.Р., Ильичева В.И. Адаптация или развитие: выбор психотерапевтической стратегии // Психол. журн. 1995. № 1. С. 115–121.

Калюжная Н.А. Философский анализ опыта: экзистенциальные аспекты // Вопр. филос. 2009. № 9. С. 164–170.

Карпенко А.С. В поисках реальности: Исчезновение // Философия науки. 2015. Вып. 20. С. 36–72.

Карнов А.В. Метасистемная организация уровней структур психики. М.: Изд-во ИП РАН, 2004.

Карнов А.В. Психология сознания: Метасистемный подход. М.: ИД РАО, 2011.

Карпушина Л.В., Капцов А.В. Психология ценностей российской молодежи. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2009.

Касавин И.Т. К понятию предельного опыта // Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления. СПб.: РХГИ, 1999. С. 388–400.

Касавин И.Т. Коллективный субъект как предмет эпистемологического анализа // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 46. № 4. С. 5–17.

Касавина Н.А. Экзистенциальный опыт как феномен культуры // Вопр. филос. 2014. № 10. С. 46–56.

Кашапов М.М. Творчество в решении профессиональных проблем // Творческая деятельность профессионала в контексте когнитивного и метакогнитивного подходов. Монография / Под ред. проф. М.М. Кашапова, доц. Ю.В. Пошехоновой. Ярославль: ЯрГУ, 2012. С. 35–121.

Кибальченко И.А. Психологические основы организации учебно-познавательного опыта обучающихся. М.: Кредо, 2010.

Кимберг А.Н. «Жизненный мир» субъекта как предмет исследования // Психология человека в современном мире. Т. 4: Мат-лы Всерос. науч. конференции, посвященной 120-летию С.Л. Рубинштейна. М.: Изд-во ИП РАН, 2009. С. 26–33.

Кирабаев Н.С. О философских основаниях мусульманской культуры // Homo philosophans: Сборник к 60-летию профессора К.А. Сергеева. СПб.: СПб. филос. общество, 2002. С. 316–323. (Серия «Мыслители»; вып. 12).

Кистяковская М.Ю. Развитие движений у детей первого года жизни. М.: Педагогика, 1970.

Климов Е.А. Социальная перцепция: объяснение и понимание // Развитие социально-перцептивной компетентности личности: Мат-лы научной сессии, посвященной 75-летию академика А.А. Бодалева. М.: РАГС, 1998. С. 24–29.

Клочко В.Е. Закономерности движения психологического познания: проблема ценностей и смысла в призме транспективного анализа // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / Отв. ред. В.В. Знаков, Г.В. Залевский. М.: Изд-во ИП РАН, 2008. С. 41–61.

Кнабе Г. Принцип индивидуальности, постмодерн и альтернативный ему образ философии [Электронный ресурс] // Русский журнал. 2013. URL: www.russ.ru/edu/99-05-24/knabe.html

Коллективные переживания социальных проблем / Под ред. Т.Г. Стефаненко, С.А. Липатова. М.: Смысл, 2015.

Колпачников В.В. Деятельность по осмыслению жизненного опыта: статус, процесс и результат // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 1. С. 7–12.

Корбут А.М. Образовательная субъективность и «технологии себя» // Университет как центр культуропорождающего образования. Изменение форм коммуникации в учебном процессе / Под ред. М.А. Гусаковского. Минск: БГУ, 2004. С. 122–134.

Коржова Е.Ю. Психология жизненных ориентаций человека. СПб.: Изд-во РХГА, 2006.

Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. СПб.: Питер, 2006.

Корнилова Т.В., Чумакова М.А., Корнилов С.А., Новикова М.А. Психология неопределенности: Единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М: Смысл, 2010.

Косивченко Е.И. Реализация человеческих потребностей в сфере виртуальных социальных сетей (на основе контент-анализа мнений пользователей Рунета) // Человек. Сообщество. Управление: взгляд молодого исследователя. Материалы XI Всерос. научно-практич. конф. КубГУ. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2011. С. 20–24.

Кошелева Н.В., Осин Е.Н. Имплицитные представления студентов об атеистах и верующих людях // Психология. Журн. Высш. школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 135–143.

Кравченко Е.И. Эрвин Гоффман. Социология лицедейства. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997.

Красавченко Т. Г. Газданов: философия жизни // Рос. литературовед. журн. 1993. № 3. С. 97–107.

Краткий психологический словарь / Ред.-сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.

Критская В.П., Мелешко Т.К. Патопсихология шизофрении. М.: Изд-во ИП РАН, 2015.

Кричевец А.Н. Многоэтажная психология. Эскизный проект. О проблемах и проблемных ситуациях научного познания человека в знаниевом пространстве современности (соображения, обсуждение, предложения) // Мир психол. 2005. № 3. С. 218–233.

Крымский С.Б. Контуры духовности: новые контексты индивидуальности // Вопр. филос. 1992. № 12. С. 21–28.

Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения: Монография. Кострома: Авантитул, 2004.

Ксенофонов В.И. Духовность как экзистенциальная проблема // Философские науки. 1991. № 12. С. 41–52.

Ктениду М.Д. Трансляция чувства приватности в отношениях родителей с подростками: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2010.

Кузанский Н. Об ученом незнании. О предположениях. Сретенск: МЦИФИ, 2000.

Кузнецова Ю.М. Картина мира и современные технологии: «легкость бытия» в Интернете // Человек как субъект и объект медиапсихологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. С. 437–467.

Кузьмина Т.А. Экзистенциальная философия. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2014.

Кукарцева М.А. Вместо введения // Доманска Э. Философия истории после постмодернизма. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010. С. 7–26.

Кулюткин Ю.Н., Бездухов В.П. Ценностные ориентиры и когнитивные структуры в деятельности учителя. Самара: Изд-во СамГПУ, 2002.

Куницына В.Н. Социальная компетентность и социальный интеллект: структура, функции, взаимоотношение // Теоретические и прикладные вопросы психологии / Под ред. А.А. Крылова. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1995.

Курфтяк Е.В. Психология семейного совладания: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 2011.

Лабунская В.А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.

Лабунская В.А. Психологический портрет субъекта затрудненного общения // Психол. журн. 2003. Т. 24. № 5. С. 14–23.

Лабунская В.А. Образ врага в межличностном общении // Социальная психология и общество. 2013. № 3. С. 52–64.

Лабунская В.А., Менджеричкая Ю.А., Бреус Е.Д. Психология затрудненного общения. М.: Академия, 2001.

Лазарева К.В. Мифопоэтика «таинственных повестей» И.С. Тургенева: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2005.

Левинас Э. Гуманизм другого человека // Время и Другой. Гуманизм другого человека. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998.

Лекторский В.А. Опыт // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. 3. С. 158–159.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.

Леонтьев А.Н. Образ мира // Избр. психологические произведения: в 2 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 2. С. 251–261.

Леонтьев Д.А. Виктор Франкл в борьбе за смысл. Вступительная статья // Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. С. 5–22.

Леонтьев Д.А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1996. № 4. С. 35–44.

Леонтьев Д.А. Гуманистическая психология как социокультурное явление // Психология с человеческим лицом. Гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М.: Смысл, 1997. С. 19–29.

Леонтьев Д.А. Личность: от мифологии к науке // Мадди С. Теории личности. СПб.: Речь, 2002. С. 5–8.

Леонтьев Д.А. Неклассический вектор в современной психологии // Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во ИП РАН, 2007. С. 74–94.

Леонтьев Д.А. Мудрость как интегральная характеристика личностного потенциала // Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 92–106.

Лепский В.Е., Рапуто А.Г. Моделирование и поддержка сообществ в Интернет. М.: Изд-во ИП РАН, 1999

Липман М. От редактора // Pro et Contra. 2010. № 1–2(48). С. 2–3.

Личность и бытие: субъектный подход. Мат-лы науч. конференции, посвященной 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН А.В. Брушлинского (15–16 октября 2008 г.) / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.В. Знаков, З.И. Рябикина. М.: Изд-во ИП РАН, 2008.

Личность и бытие: субъектный подход. Мат-лы II Всероссийской научно-практической конференции: в 3 кн. / Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2004.

Личность и бытие: теория и методология / Отв. ред. З.И. Рябикина, В.В. Знаков. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2003.

Личность и предметно-пространственная среда / Ред.-сост. З.И. Рябикина. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2000.

Логина Н.А. Антропологическая психология — реализация принципа целостности в познании человека как целостной системы // Мир психологии. 2004. № 4. С. 9–18.

Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.

Лосев А.Ф. Вещь и имя. Самое само. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2016.

Луков Вал.А., Луков Вл.А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М.: Нац. ин-т бизнеса, 2008.

Луков Вал.А., Луков Вл.А. Тезаурусы II: Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М.: Нац. ин-т бизнеса, 2013.

Лысенко В.Г. Познание чужого как способ самопознания: Запад, Индия, Россия (попытка ксенологии) // *Вопр. филос.* 2009. № 1. С. 61–77.

Лэнгле А. Person: Экзистенциально-аналитическая теория личности: Сб. статей. М.: Генезис, 2006.

Лэнгле А. Эмоции и экзистенция. Харьков: Гуманитарный центр, 2007.

Мадди С. Теории личности. СПб.: Речь, 2002.

Мазилев В.А. Проблема интеграции психологического знания // *Психология. Современные направления междисциплинарных исследований* / Под ред. А. Журавлева, Н. Тарабриной. М.: Изд-во ИП РАН, 2003. С. 417–432.

Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер-Пресс, 1997.

Майофис М., Кукулин И. Новое родительство и его политические аспекты // *Pro et Contra*. 2010. № 1–2(48). С. 6–19.

Макаревская Ю.Э. Влияние продолжительного неуспеха на личностную идентичность (на материале студенческого возраста): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2006.

Макухина Л.А. Обусловливание личности ребенка характером супружеских отношений его родителей: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2008.

Мальшиева М.М. Идентификация женщин в поствоенной и посткоммунистической России // *Судьбы людей. Россия. XX век.* М.: ИС АН, 1996.

Мамардашвили М.К. Необходимость себя. М.: Лабиринт, 1996.

Мансурова И.С. Особенности выраженности надежды в связи с удовлетворенностью жизнью и оценкой значимых событий: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2008.

Марсель Г. Быть и иметь. Новочеркасск: Сагуна, 1994.

Марсель Г. Метафизический дневник. СПб.: Наука, 2005.

Марцинковская Т.Д. Психология в современном мире // *Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива* / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во ИП РАН, 2007. С. 33–44.

Масликова Ж.В. Личностные детерминанты карьерной успешности предпринимателя. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ставрополь, 2001.

Маслоу А. Психология бытия. М.: Рефл-бук, 1997.

Матвеева Ю. О «мистической атмосфере» в творчестве Г. Газданова // *Дарьял*. 1996. № 2. С. 106–119.

Мелешко Т.К. Континуально-генетическая теория А.В. Брушлинского: рождение идеи // *Психол. журн.* 2005. Т. 26. № 4. С. 98–104.

Менджеричкая Ю.А. Социально-психологические характеристики неподтвержденной личности // *Психол. вестник*. 1997. Вып. 2. С. 420–429.

Менский М.Б. Сознание и квантовая механика: Жизнь в параллельных мирах (Чудеса сознания — из квантовой реальности). М.; Фрязино: Век-2, 2011.

Мень А. Тайна жизни и смерти. Брюссель: Жизнь с Богом, 2013.

Мещеркина Е. «Зазеркалье» гендерных стереотипов // Альманах «Вы и мы». 1997. № 1. С. 19–22.

Миллс Ч. Социологическое воображение. М.: Стратегия, 1998.

Миронов В.В. Глобальное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры // Человек как субъект и объект медиапсихологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. С. 39–57.

Моросанова В.И. Саморегуляция и индивидуальность человека. М.: Наука, 2010.

Мууди Р. Жизнь после жизни. Свет вдали. Киев: София, 2008.

Мохаддам Ф. Терроризм с точки зрения террористов. Что они переживают и думают и почему обращаются к насилию. М.: Форум, 2011.

Мудрик А.В. Социализация человека. М.; Воронеж: МПСИ; «МОДЭК», 2010.

Мухиярова Е.Н. Переживание одиночества в зрелом возрасте (гендерный аспект): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2006.

Мясищев В.Н. О потребностях как отношениях человека // Ученые записки ЛГУ. 1959. Вып. 16. С. 35–42.

Мясищев В.Н. Личность и неврозы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1960.

Нартова-Бочавер С.К. Понятие «психологическое пространство личности»: обоснование и прикладное значение // Психол. журн. 2003. Т. 24. № 6. С. 27–36.

Нартова-Бочавер С.К. Психологическое пространство личности. М.: Прометей, 2005.

Нартова-Бочавер С.К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. СПб.: Питер, 2008.

Нартова-Бочавер С.К., Астанина Н.Б. Психологические проблемы справедливости в зарубежной персонологии: теории и эмпирические исследования // Психол. журн. 2014. Т. 35. № 1. С. 16–32.

Невзоров А. У русской литературы закончился срок годности [Электронный ресурс]. 2015. URL: <http://www.snob.ru/profile/20736/blog/76791>

Непомнящий В.С. Пушкин: Проблема целостности подхода и категория контекста (методологические заметки) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1999. № 1. С. 91–104.

Неумоева Е.В. Одиночество как психический феномен и ресурс развития личности в юношеском возрасте: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Тюмень, 2005.

Никифоров А.Л. Смысл или бессмыслица? // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 22. № 4. С. 58–62.

Нонака И., Конно Н. Концепция ба: организационный механизм создания знаний // Управление знаниями: Хрестоматия / Под ред. Т.Е. Андреевой, Т.Ю. Гутниковой. СПб.: Высшая школа менеджмента, 2010. С. 275–292.

Нуркова В.В. Культурно-исторический подход к автобиографической памяти: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2009.

Обсуждение статьи М.Г. Ярошевского «Л.С. Выготский и марксизм в советской психологии» // Психол. журн. 1994. № 1. С. 115–126.

Овчинникова Т.Н. К вопросу об истоках направленности личности // Психология личности и образ жизни / Под ред. Е.В. Шороховой. М.: Наука, 1987. С. 62–67.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1988.

Ожиганова Г.В. Духовный потенциал и высшие способности // Человек, субъект, личность в современной психологии: Мат-лы Междунар. конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского. М.: Изд-во ИП РАН, 2013. Т. 3. С. 69–72.

Ожигова Л.Н. Гендерная идентичность личности и смысловые механизмы ее реализации: Автореф. дис. ... доктора психол. наук. Краснодар, 2006.

Ожигова Л.Н. Проблема субъектности: гендерная идентичность и свобода как смысл жизни личности // Субъектный подход в психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2009.

Осанов А.А. Бытие-с-другим: интересубъективный уровень человеческого бытия // Сущность и структура человеческого бытия. Владимир: ВГПУ, 2001.

Панов Д.А. Личность как субъект предметно-пространственной среды дома: дизайнер и пользователь: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2005.

Панферов В.Н. Восприятие и интерпретация внешности людей // Вопр. психол. 1974. № 2. С. 59–64.

Парыгин Б.Д. Толкование общей социально-психологической теории // Социальная психология сегодня. Наука и практика: материалы межвуз. науч.-практ. конф. СПб.: СПб. ГУП, 2008.

Перре М., Лайрейтер А.Р., Бауманн У. Критические, изменяющие жизнь события (макрострессоры) // Клиническая психология / Под ред. М. Перре, У. Бауманна. СПб.: Питер, 2002. С. 362–364.

Петренко В.Ф. Космический странник — сознание: опыт индивидуального брейн-штротинга // Методология и история психологии. 2009. Т. 4. Вып. 1. С. 5–24.

Петренко В.Ф. Многомерное сознание: Психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2010.

Петренко В.Ф., Супрун А.П. Человек в предметном и ментальном мире. Существует ли «объективная действительность»? Неоконченный спор Бора с Эйнштейном // Известия Иркутск. гос. ун-та. Серия «Психология». 2013. Т. 2. № 2. С. 62–82.

Петрова Г.И. Современный конструктивистский ответ в решении классической педагогико-антропологической проблемы «заботы о себе» // Вестник Томск. гос. ун-та. 2013. № 12 (140). С. 131–134.

Петровский А.В. Общая психология. М.: Просвещение, 1986.

Петровский А.В. Развитие личности. Возрастная периодизация // Психология развивающейся личности. М.: Педагогика, 1987. С. 38–75.

Петровский А.В. Психология. М.: Академия, 2009.

Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М.: Инфра-М, 1998.

Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.

Петровский В.А. Очерк теории свободной причинности // Психология с человеческим лицом. Гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Шур. М.: Смысл, 1997. С. 124–144.

Петровский В.А. Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010.

Петухов В.В. Природа и культура. М.: Тривола, 1996.

Пиаже Ж. Аффективное бессознательное и когнитивное бессознательное // Вопр. психол. 1996. № 6. С. 125–131.

Поддьяков А.Н. Компликология: создание развивающих, диагностирующих и деструктивных трудностей. М.: ИД Высшей школы экономики, 2014.

Покровский Н.Е., Иванченко Г.В. Универсум одиночества: социологические и психологические очерки. М.: Логос, 2006.

Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985.

Порус В.Н. Что значит «понять» художественный текст? // Вопр. филос. 2016. № 7. С. 84–96.

Почепцов Г.Г. Профессия: имиджмейкер. СПб.: Алетейя, 2001.

Пошехонова Ю.В. Метакогнитивные процессы и творческий подход к решению педагогических проблемных ситуаций // Творческая деятельность профессионала в контексте когнитивного и метакогнитивного подходов. Монография / Под ред. проф. М.М. Кашапова, доц. Ю.В. Пошехоновой. Ярославль: ЯрГУ, 2012. С. 122–153.

Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Володиковой, В.Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000.

Прохоров А.О. Смысловая регуляция психических состояний. М.: Изд-во ИП РАН, 2009.

Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. М.: Изд-во ИП РАН, 1997.

Психология XXI века: пророчества и прогнозы («Круглый стол») // *Вопр. психол.* 2000а. № 1. С. 3–35.

Психология XXI века: пророчества и прогнозы (окончание) // *Вопр. психол.* 2000б. № 2. С. 3–41.

Психология и психоанализ характера. Хрестоматия по психологии и типологии характеров / Ред.-сост. Д.Я. Райгородский. Самара: ИД «Бахрах», 1997.

Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Володиковой. М.: Пер сэ, 2002.

Психология личности и ее бытия. Теория, исследования, практика / Под ред. З.И. Рябикиной, А.Н. Кимберга, С.Д. Некрасова. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2005.

Психология субъекта и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2010.

Пузырей А.А. Психология. Психотехника. Психагогика. М.: Смысл, 2005.

Развитие психофизиологических функций взрослых людей / Под ред. Б.Г. Ананьева, Е.И. Степановой. М.: Педагогика, 1972.

Риццолатти Д., Синигалья К. Зеркала в мозге: О механизмах совместного действия и сопереживания. М.: Языки славянских культур, 2012.

Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс; Универс, 1994.

Романова А.П., Хлыщева Е.В., Якушенков С.Н., Топчиев М.С. Чужой и культурная безопасность. М.: РОССПЭН, 2013.

Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. М.: Аспект Пресс, 1999.

Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.

Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000.

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Краткий курс. СПб.: Питер, 2007.

Рудестам К. Групповая психотерапия. М.: Прогресс, 1994.

Рюмина Л.И. Ценностно-смысловой подход к общению (теоретико-методологическое обоснование). Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 2004.

Рябкина З.И. Личность. Личностное развитие. Профессиональный рост. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 1995.

Рябкина З.И. Личность и «пространства» ее бытия // Ананьевские чтения-97 (90 лет со дня рождения Б.Г. Ананьева). СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 1997а.

Рябкина З.И. Смысл жизни, жизненный сценарий и выбор профессии в условиях новой социальной реальности // Психологические проблемы самореализации личности. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1997б.

Рябкина З.И. Личность, ее бытие и со-бытие с другим // Современная психология: состояние и перспективы. Тез. докл. Юбилейной науч. конф. ИП РАН (28–29 января 2002 г.) / Отв. ред. А.В. Брушлинский, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во ИП РАН, 2002. Т. 2. С. 51–53.

Рябкина З.И. Личность и ее бытие в быстро меняющемся мире // Личность и бытие: теория и методология. Мат-лы Всероссийской науч.-практич. конф. Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та, 2003. С. 5–26.

Рябкина З.И. Личность как субъект формирования бытийных пространств // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябкиной. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. С. 45–58.

Рябкина З.И. Субъектно-бытийный подход к изучению развивающихся личность противоречий // Психол. журн. 2008. Т. 29. № 2. С. 78–87.

Рябкина З.И. Теоретико-эмпирическая интерпретация личности с позиций психологии субъекта А.В. Брушлинского // Личность и бытие: субъектный подход. К 75-летию А.В. Брушлинского / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, В.В. Знаков, З.И. Рябкина. М.: Изд-во ИП РАН, 2009. С. 53–68.

Рябкина З.И. Субъектно-бытийный подход к личности и ее со-бытию со значимыми другими // Психология субъекта и психология человеческого бытия. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2010.

Рябкина З.И., Богомолова Е.И. Возможные изменения субъектной позиции личности в связи с нарастающей виртуализацией ее бытия // Человек. Сообщество. Управление. 2013. № 2. С. 76–90.

Рябкина З.И., Бякова П.Ю. Проблема синхронизации процессов со-бытия в ситуациях общения // Психология общения-2003: социокультурный анализ. Мат-лы Всерос. конф. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. гос. ун-та, 2003.

Рябикина З.И., Ожигова Л.Н. Женщина-руководитель: проблема самоактуализации в контексте полоролевых характеристик личности // Сб. науч. трудов «Психологические проблемы самореализации личности». Вып. 3. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1998. С. 232–240.

Рябикина З.И., Ожигова Л.Н. Общество и человек: объективное в субъективном пространстве личности // Человек. Сообщество. Управление. 1999. № 4. С. 5–26.

Рябикина З.И., Сомова Е.Г. Личность и ее самоактуализация в общении с Другим // Мир психол. 2001. № 3. С. 83–88.

Рябикина З.И., Танасов Г.Г. Субъектно-бытийный подход к личности и анализу ее со-бытия с Другими (конструктивная версия постмодернистских «настроений») // Человек. Сообщество. Управление. 2010. № 2. С. 4–19.

Рябикина З.И., Тиводар А.Р. Фактор времени в переживании со-бытия брачными партнерами // Личность как субъект организации времени своей жизни. Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та, 2008.

Рябикина З.П., Тушикина К.В. Человек и предметно-пространственная среда офиса // Основные направления развития региональной системы социально-психологической поддержки населения. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2000. С. 105–106.

Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006.

Самосознание: мое и наше. К постановке проблемы / Отв. ред. Ф.Т. Михайлов. М.: ИФ РАН, 1997.

Сапогова Е.Е. Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психол. 2005. № 2. С. 63–74.

Сапогова Е.Е. Границы «я»: жизненный и экзистенциальный опыт // Человек, субъект, личность в современной психологии: Мат-лы Международ. конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во ИП РАН. 2013. Т. 1. С. 445–447.

Сапогова И.А., Ожигова Л.Н. Проблема профессиональной идентичности и самовыражения в процессе профессионального самоопределения личности // Основные направления развития региональной системы социально-психологической поддержки населения. Мат-лы XII Региональной научно-практич. конф. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1999. С. 221–225.

Сапоровская М.В. Психология межпоколенных отношений в семье: Автореф. дис. ... доктора психол. наук. Кострома, 2013.

Селезнёва С.Г. Понятие тайны в уголовном праве // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2013. № 5 (296). Право. Вып. 35. С. 95–98.

Селиванов В.В. Мышление в личностном развитии субъекта. 2-е изд. Смоленск: Универсум, 2003.

Селиванов В.В. Мышление и бытие субъекта // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. С. 146–160.

Семенов В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998.

Сенькина Ю.Н. К истории изучения «таинственных повестей» И.С. Тургенева // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 61. С. 230–233.

Сергиенко Е.А. Зрелость: молярный или модулярный подход? // Феномен и категория зрелости в психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во ИП РАН, 2007. С. 13–28.

Сергиенко Е.А. Возвращение к Пиаже // Психол. журн. Т. 29. 2008. № 1. С. 34–46.

Сергиенко Е.А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива // Психол. журн. 2011. Т. 32. № 1. С. 120–132.

Сергиенко Е.А. Проблема соотношения понятий субъекта и личности // Психол. журн. 2013. Т. 34. № 2. С. 5–16.

Скотникова И.Г. Развитие субъектно-ориентированного подхода в психофизике // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М.: Пер сз, 2002. С. 220–269.

Слободчиков В.И. О соотношении категорий «субъект» и «личность» в контексте психологической антропологии // Личность в парадигмах и метафорах: ментальность — коммуникация — толерантность / Под ред. В.И. Кабрина. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2002. С. 20–29.

Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека: введение в психологию субъективности. М.: Школа–пресс, 1995.

Смирнов С.Д. Мир образов и образ мира // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1981. № 2. С. 15–29.

Смирнова Е.О., Лагутина А.Е. Осознание своего опыта детьми в семье и в детском доме // Вопр. психол. 1991. № 6. С. 30–37.

Собкин В.С., Маркина О.С. Влияние опыта переживания «школьной травмы» на понимание подростками фильма «Чучело» // Вестник практич. психол. образования. 2009. № 1 (18). С. 48–59.

Соколов Б.Г. Понимание понимания: понимание Платоновского понимания // Парадигмы философствования. Вторые междунар. философско-культурологические чтения. СПб.: Философско-культурологический исследовательский центр ЭЙДОС; Санкт-Петербургский союз ученых, 1995. С. 346–352.

Степин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Столин В.В. Самосознание личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.

Стругацкий А., Стругацкий Б. Волны гасят ветер. Л.: Сов. писатель, 1984.

Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. С. 9–44.

Танасов Г.Г. Личность в переговорном процессе: Дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2002.

Танасов Г.Г. Личность в переговорах: субъектно-бытийный подход: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. Краснодар, 2012.

Тельнова Н.А. Целостность человека в онтолого-антропологическом измерении. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002.

Теории личности в западно-европейской и американской психологии. Хрестоматия по психологии личности / Сост. Д.Я. Райгородский. Самара: ИД «Бахрах», 1996.

Теплов Б.М. Проблемы индивидуальных различий. М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1961.

Тиводар А.Р. Личность как субъект со-бытия в брачных отношениях: Автореф. дис. ... доктора психол. наук. Краснодар, 2008.

Тихонравов Ю.В. Экзистенциальная психология. Учебно-справочное пособие. М.: Бизнес-школа Интел-Синтез, 1998.

Ткачев А.Н. Значение проблемы «непостижимого» С.Л. Франка в логике развития русской философии // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2009. № 4 (16). С. 220–224.

Тойнби А.Дж. Постигание истории. М.: Айрис-Пресс, 2004.

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1936. Т. 26.

Травайо И. Социологические исследования практик ухода за телом // Социологические исследования на пороге XXI века. М.: ИНИОН, 2000. С. 184–207.

Трубина Е. Множественная травма // Травма: пункты / Сост. С. Ушакин, Е. Трубина. М.: Новое лит. обозрение, 2009. С. 901–911.

Тулинова Д.Б. Представления о враге и друге в связи с отношением к жизни на различных ее этапах: Автореф... дис. канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2005.

Тульчинский Г.Л. Личность как успешный автопроект // От события к бытию: грани творчества Галины Иванченко / Сост. М.А. Козлова. М.: ИД Высшей школы экономики, 2010. С. 49–63.

Удачина П.Ю. Личность как субъект организации времени: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2006.

Уколова В.И. Историк в поисках ответа на вызов // Тойнби А.Дж. Постигание истории. М.: Айрис-Пресс, 2004. С. 5–17.

Улько Е.В. Субъект интерпретации ситуаций социального взаимодействия // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. С. 294–306.

Файола Э., Войскунский А.Е., Богачева Н.В. Человек дополненный: становление киберсознания // Вопр. филос. 2016. № 3. С. 147–162.

Фахрутдинова Л.Р. Психология переживания человека. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008.

Фёдоров А.А. Уловки интеллектуальной эквилибристики // Вопр. психол. 2014. № 4. С. 83–93.

Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб.: Ювента, 1999.

Флоренская Т.А. Диалог как духовно развивающее общение (диалогические принципы общения в работе учителя) // Учителю об экологии детства. М.: ЦКФЛ РАО, 1996.

Фоменко Г.Ю. Личность в экстремальных условиях: два модуса бытия. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2006а.

Фоменко Г.Ю. Личность как субъект бытия в экстремальных условиях: Автореф. дис. ... доктора психол. наук. Краснодар, 2006б.

Франк С.Л. Непостижимое: Онтологическое введение в философию религии. М.: АСТ, 2007.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

Фромм Э. Человек для себя. Минск: Коллегиум, 1992.

Фуко М. Герменевтика субъекта // Социо-Логос. М.: Прогресс, 1991. Вып. 1. С. 284–311.

Фуко М. Герменевтика субъекта. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007.

Фуко М. Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982–1983 учебном году. СПб.: Наука, 2011.

Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983–1984 учебном году. СПб.: Наука, 2014.

Фукуяма Ф. Конец истории? // Проблемы Восточной Европы. Нью-Йорк, 1989. № 27–28.

Хабермас Ю. Вовлечение Другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2008.

Хазова С.А. Ментальные ресурсы субъекта в разные возрастные периоды: Автореф. дис. ... доктора психол. наук. Кострома, 2014.

Харламенкова Н.Е. Дифференциальный подход к проблеме одиночества: зависимость, доминирование, самодостаточность // Психология личности: новые исследования. М.: Изд-во ИП РАН, 1998. С. 85–97.

Харламенкова Н.Е. Активность субъекта: ее границы в ретроспективе и перспективе жизни // Психология субъекта и психология человеческого бытия: монография / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010. С. 40–59.

Хаузер М.Д. Мораль и разум: Как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла / Под ред. Ю.И. Александрова. М.: Дрофа, 2008.

Хейдметс М. Феномен персонализации среды: Теоретический анализ // Личность и предметно-пространственная среда: Хрестоматия. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2000. С. 65–106.

Хмелевская С.А., Яблокова Н.И. Система форм постижения бытия в контексте современной культуры // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». 2013. № 2. С. 74–78.

Хозяинова Т.К. Особенности самоактуализации личности матери как фактор ее отношения к детям: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2004.

Холл К., Линдсей Г. Теории личности. М.: КСП+, 1997.

Холл Э. Как понять иностранца без слов. М.: Вече; Персей; АСТ, 1995.

Холодная М.А. Психология интеллекта. СПб.: Питер, 2002.

Хришкевич Т.Г. Вторая мировая война в восприятии современных немцев: поражение или освобождение? // Метаморфозы истории. 2015. № 6. С. 10–20.

Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер, 1999.

Цапкин В.Н. Единство и многообразие психотерапевтического опыта // Моск. психотерапевтич. журн. 1992. № 2. С. 5–40.

Цепцов В.А. «Образ врага» в сознании россиян: дискурсивно-когнитивная модель // Ситуационная и личностная детерминация дискурса / Под ред. Н.Д. Павловой, И.А. Зачесовой. М.: Изд-во ИП РАН, 2007. С. 259–284.

Человек, субъект, личность в современной психологии. Мат-лы Международной конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во ИП РАН, 2013. Т. 1.

Чепелева Н.В. Самопроектирование личности в дискурсивном пространстве // Человек, субъект, личность в современной психологии. Мат-лы Международной конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во ИП РАН, 2013. Т. 3. С. 342–345.

Чистилин А.Н. Личностная обусловленность содержания свободного времени: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2004.

Чудова Н.В. Особенности образа «Я» жителя Интернета // Психол. журн. 2002. № 1. С. 44–52.

Шаварский З. Чего ожидать от медицинской этики? // Человек. 2006. № 5. С. 78–88.

Шамионов Р.М. Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы. Саратов: Научная книга, 2008.

Шамионов Р.М. Субъект и личность в процессе социализации // Субъектный подход в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во ИП РАН, 2009. С. 199–210.

Шапинская Е.Н. Образ Другого в текстах культуры: политика репрезентации // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 4. С. 49–55.

Швейцер А. Упадок и возрождение культуры. Избранное. М.: Прометей, 1993.

Шефер Б., Скарабис М., Шлёдер Б. Социально-психологическая модель восприятия чужого: идентичность, знание, амбивалентность // Психология. Журн. Высш. школы экономики. 2004. № 1. С. 24–51.

Ширков Ю.Э. Итоги размышлений: что и как массово переживают люди // Коллективные переживания социальных проблем / Под ред. Т.Г. Стефаненко, С.А. Липатова. М.: Смысл, 2015.

Шихи Т. Возрастные кризисы. Ступени личностного роста. СПб.: Ювента, 1999.

Шихирев П.Н. Деловая культура — это культура получения и распределения прибыли // Управление персоналом. 2000. № 11. С. 14–17.

Шкуратов В.А. От Манхэттена до «Норд-Оста». Психология масс-медиа, политика после 11 сентября 2001 года. Самара: СамИКП; СНЦ РАН, 2002.

Шлыкова Ю.Б. Переживание личностью смысла бытия и тип автобиографического текста: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2006.

Шпрангер Э. Два вида психологии // Хрестоматия по истории психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 286–300.

Шулакевич М. Границы как проблема современной культуры // Космополис. 2008. № 2 (21). С. 105–114.

Шюц А. Чужак. Социально-психологический очерк // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 533–549.

Эпштейн М. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М.: Новое лит. обозрение, 2004.

Эпштейн М.Н. Галина Владимировна Иванченко, 4 июня 1965 – 4 августа 2009 // Иванченко Г.В. Я не искала образов и слов. Избранные стихотворения. Таганрог: Издатель А.Н. Ступин, 2014. С. 4.

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.

Эткинд М.А. Общественная атмосфера и индивидуальный путь ученого // Вопр. психол. 1990. № 5. С. 13–22.

- Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991.
- Юнг К.Г. Тевистокские лекции. Киев: СИНТО, 1995.
- Юнгер Э. Рискующее сердце. СПб.: Владимир Даль, 2010.
- Юревич А.В. Методологический либерализм в психологии // Вопр. психол. 2001. № 5. С. 3–18.
- Юревич А.В. Интеграция психологии: утопия или реальность? // Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во ИП РАН, 2007. С. 503–523.
- Якиманская И.С. Требования к учебным программам, ориентированным на личностное развитие школьников // Вопр. психол. 1994. № 2. С. 64–76.
- Ялом И.Д. Экзистенциальная психотерапия. М.: Класс, 1999.
- Янчук В. А. Постмодернистский, социокультурный, интердетерминистский диалогизм как перспектива позиционирования в предмете психологии // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. Вып. 1. С. 193–206.
- Ярошевский М.Г. Идеи Б.М. Теплова о переживании как феномене культуры // Вопр. психол. 1997. № 4. С. 63–75.
- Ясперс К. Общая психопатология. М.: Практика, 1997.
- Abelson R.P. Differences between belief and knowledge systems // Cognitive Science. 1979. Vol. 3. № 4. P. 355–366.
- Abu Raiya H., Pargament K.I., Mahoney A., Trevino K. When Muslims are perceived as a religious threat: Examining the connection between desecration, religious coping, and anti-Muslim attitudes // Basic and Applied Soc. Psychol. 2008. Vol. 30. P. 311–325.
- Adler J.M., Poulin M.J. The political is personal: Narrating 9/11 and psychological well-being // Journal of Personality. 2009. Vol. 77. № 4. P. 903–932.
- Baltes P., Kunzmann U. Wisdom // The Psychologist. 2003. Vol. 16. № 3. P. 131–132.
- Barlow J.P. Is there a there in cyberspace? 2013. URL: <http://www.utne.com/lens/cs/11csbarlow.html>
- Best R.M., Rowe M., Ozuru Y., McNamara D.S. Deep-level comprehension of science texts. The role of the reader and the text // Topics in Language Disorders. 2005. Vol. 25. № 1. P. 65–83.
- Bohme G. Sense and counter-sense: On the Deconstruction of stories // Journal Studia Culturologica. 1994. Vol. 3. P. 103–117.
- DeCicco T.L., Stroink M.L. A Third model of self-construal: The metapersonal self // International Journal of Transpersonal Studies. 2007. Vol. 26. № 1. P. 82–104.

Dijk T.A. van. Opinions and attitudes in discourse comprehension // Language and comprehension / J.F. Le Ny, W. Kintsch (Eds.). Amsterdam; N.Y.; Oxford: North Holland Publishing company, 1982. P. 35–51.

Felman S. What does a woman want? Reading and sexual difference. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1993.

Fitzpatrick M.E., Cotter E.W., Bernfeld S.J., Carter L.M., Kies A., Fouad N.A. The importance of workplace bullying to vocational psychology: Implications for research and practice // Journal of Career Development. 2011. Vol. 38. № 6. P. 479–499.

Flavell J.H. Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive-developmental inquiry // American Psychologist. 1979. № 34. P. 906–911.

Foster D. Can we have communities in (cyber) space? // Carleton University working papers in communication technology and culture. Ottawa (ON): Carleton University, 1995.

Friedman M. Religious fundamentalism and responses to mortality salience: A quantitative text analysis // The International Journal for the Psychology of Religion. 2008. Vol. 18. P. 216–237.

Gardner H. Are there additional intelligences? The case for naturalist, spiritual, and existential intelligences // Education, information, and transformation / J. Kane (Ed.). Upper Saddle River (NJ): Merrill-Prentice Hall, 1998. P. 111–131.

Gardner H. A multiplicity of intelligences: In tribute to Professor Luigi Vinolo. 2004. URL: <http://www.howardgardner.com/Papers/documents/T-101%20A%20Multiplicity%20REVISED.pdf>

Gerber L.A. Transformations in self-understanding in surgeons whose treatment efforts were not successful // American Journal of Psychotherapy. 1990. Vol. 44. № 1. P. 75–84.

Gergen K.J. The social constructionist movement in modern psychology // American Psychologist. 1985. Vol. 40. P. 266–275.

Gergen K.J., Gergen M.M. Narrative form and the construction of psychological science // Narrative psychology (The storied nature of human conduct) / Th.R. Sarbin (Ed.). Westport (CT); L., 1986. P. 22–45.

Greenwald A.G., McGhee D.E., Schwartz J.L.K. Measuring individual differences in implicit cognition: The implicit association test // Journal of Personality and Social Psychology. 1998. Vol. 74. № 6. P. 1464–1480.

Grimes D.A., Creinin M. Induced abortion: An overview for internists // Annals of Internal Medicine. 2004. Vol. 140. № 8. P. 620–627.

Grimland M., Apter A., Kerkhof A. The phenomenon of suicide bombing: A review of psychological and nonpsychological factors // Crisis. 2006. Vol. 27. № 3. P. 107–118.

Harlow H.F., Harlow M. Learning to love // *American Scientific Journal*. 1966. Vol. 54. № 3. P. 244–272.

Harvath T.A., Miller L.L., Smith K.A., Clark L.D., Jackson A., Ganzini L. Dilemmas Encountered by Hospice Workers When Patients Wish to Hasten Death // *Journal of Hospice and Palliative Nursing*. 2006. Vol. 8. № 4. P. 200–209.

Hauser M.D. Moral minds. How nature designed our universal sense of right and wrong. N.Y.: Ecco (Harper Collins), 2006.

Hess-Lüttich E.W.B. Fremdbilder — Feindbilder? Ein Islam-Bild in der deutschen Presse. Zur Kopftuch-Debatte im SPIEGEL 1998–2008 // *Vom Verstehen zur Verständigung. Dokumentation der öffentlichen Vorlesungsreihe zum Europäischen Jahr des Interkulturellen Dialogs 2008*. Göttingen: Universitätsverlag Göttingen, 2009. S. 77–96.

Huxley A. Texts and pretexts: An anthology of commentaries. L.: Chatto & Windus, 1932.

Kekäle T. Knowledge sharing among scientists // *Journal of Workplace Learning*. 2011. Vol. 23. № 7. P. 483–484.

Kessel M., Kratzer J., Schultz C. Psychological safety, knowledge sharing, and creative performance in healthcare teams // *Creativity and Innovation Management*. 2011. Vol. 21. № 2. P. 147–157.

Kintsch W. The construction-integration model of text comprehension and its implications for instruction // *Theoretical models and processes of reading / R. Ruddell and N. Unrau (Eds.)*. Newark (DE): International Reading Association, 2004. P. 1270–1328.

Kohansal M.A., Alimoradi Z., Bohloul S.M. The impact of knowledge-sharing mechanisms on employee performance // *International Journal of Business Performance Management*. 2013. Vol. 14. № 3. P. 293–306.

Köhler W.R. Personenverstehen: Zur Hermeneutik der Individuality. Frankfurt/M.; Lancaster (UK): Ontos Verlag, 2004.

Kohut H. The restoration of the self. N.Y., 1977.

Koriat A., Levy-Sadot R. Conscious and unconscious metacognition: A rejoinder // *Consciousness and Cognition*. 2000. Vol. 9. № 2. P. 193–202.

Lauring J., Selmer J. Knowledge sharing in diverse organisations // *Human Resource Management Journal*. 2012. Vol. 22. № 1. P. 89–105.

Mara C.A., DeCicco T.L., Stroink M.L. An investigation of the relationships among self-construal, emotional intelligence, and well-being // *The International Journal of Transpersonal Studies*. 2010. Vol. 29. № 1. P. 1–11.

Maslow A.H. Motivation and personality. 3rd ed. N.Y., 1987.

Modi D. Factors influencing women's attitudes towards abortion at the University of Pennsylvania // *Perspectives in Psychology: The Undergraduate Psychology Journal of the University of Pennsylvania*. 2002. Vol. 5. P. 42–49.

Moghaddam F.M. The staircase to terrorism: A psychological exploration // Amer. Psychologist. 2005. Vol. 60. № 2. P. 161–169.

Moll J., Zahn R., de Oliveira-Souza R., Krueger F., Grafman J. The neural basis of human moral cognition // Nature Rev. Neurosci. 2005. Vol. 6. P. 799–809.

Nisbett R.E., Peng K., Choi I., Norenzayan A. Culture and systems of thought: Holistic versus analytic cognition // Psychol. Rev. 2001. Vol. 108. № 2. P. 291–310.

Nucci L. Morality and the personal sphere of actions // Values and knowledge / E. Reed, E. Turiel, T. Brown (Eds.). Hillsdale (NJ): Lawrence Erlbaum, 1996. P. 41–60.

Oppenheimer L. Are children's views of the «enemy» shaped by highly-publicized negative event? // International Journal of Behavioral Development. 2010. Vol. 34. № 4. P. 345–353.

Park J., Felix K., Lee G. Implicit attitudes toward arab-muslims and the moderating effects of social information // Basic and Applied Social Psychology. 2007. Vol. 29. № 1. P. 615–636.

Pierce M.E. Individual and holistic information processing: Thesis submitted to the Faculty of the Virginia Polytechnic Institute and State University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Science. May 24, 2007, Blacksburg (VA).

Post J.M. Psychological operations and counterterrorism // Joint Force Quart. 2005a. № 37. P. 105–110.

Post J.M. When hatred is bred in the bone: Psycho-cultural foundations of contemporary terrorism // Journal of Political Psychology. 2005b. Vol. 26. № 4. P. 615–636.

Pötzl N.F. «Schatten über Almanya» // Spiegel Special. 2008. № 2. S. 9–13.

Qina D., Lykesb M.B. Reweaving a fragmented self: a grounded theory of self-understanding among Chinese women students in the United States of America // International Journal of Qualitative Studies in Education. 2006. Vol. 19. № 2. P. 177–200.

Rafaëli-Mor E., Gotlib I.H., Revelle W. The meaning and measurement of self-complexity // Personality and Individual Differences. 1999. Vol. 27. P. 341–356.

Rowatt W.C., Franklin, L.M., Cotton M. Patterns and personality correlates of implicit and explicit attitudes toward Christians and Muslims // Journal for the Scientific Study of Religion. 2005. Vol. 44. № 1. P. 29–43.

Ryabikina Z.I. The model of personality development // Abstracts. XIIIth Biennial Meetings of ISSBD. Amsterdam, 1994.

Ryabikina Z.I. A personality development: the concept of «four spaces» // Abstracts. VIIth European Conference on Developmental Psychology. Krakow, 1995.

Sarrazin T. Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2010.

Scheler M. Wesen und Formen der Sympathie. Bonn: Verlag Cohen, 1923.

Shotter J. Conversational realities: The construction of life through language. L.: Sage, 1993.

Smetana J. Social-cognitive domain theory: Consistencies and variations in children's moral and social judgments // Handbook of moral development / M. Killen, J.G. Smetana (Eds.). Mahwah (NJ): Erlbaum, 2006. P. 119–154.

Sternberg R. Wisdom, intelligence and creativity synthesized. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Tollefsen D. Group testimony // Social Epistemology. 2007. Vol. 21. P. 299–311.

von Scheve Ch. Towards a theory of collective emotions // Emotion Review. 2013. Vol. 5. № 4. P. 406–413.

Waldmann M.R. A case for the moral organ // Science. 2006. Vol. 314. P. 57–58.

Woolley A.W., Chabris Ch.F., Pentland A., Hashmi N., Malone Th.W. Evidence for a collective intelligence factor in the performance of human groups // Science. 2010. Vol. 330. P. 686–688.

Yu D., Zhou R. Tacit knowledge sharing modes of university teachers from the perspectives of psychological risk and value // International Journal of Higher Education. 2015. Vol. 4. № 2. P. 214–224.

Знаков Виктор Владимирович — доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института психологии РАН, Москва. Автор более двухсот статей и семи монографий по проблемам психологии понимания, психологии субъекта и психологии человеческого бытия.

Рябкина Зинаида Ивановна — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета, Краснодар, заслуженный профессор КубГУ, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более двухсот научных публикаций, научный консультант и руководитель по 7 докторским и 29 кандидатским диссертациям

Научное издание

Знаков В.В. , Рябкина З.И.

ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

Редактор *О.В. Квасова*

Корректор *Н.С. Самбу*

Верстка *В.Н. Кокорев*

Директор издательства *Д.А. Леонтьев*

Издательство «Смысл» (ООО НПФ «Смысл»)

Тел./факс 8 499 189-95-88

e-mail: info@smysl.ru

<http://www.smysl.ru>

Подписано в печать 24.04.2017. Формат 60×84/16

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 24,18. Тираж 400 экз. Заказ